

ББК _____

УДК _____

Рецензенти:

Побірченко Н.С. – доктор педагогічних наук, професор;

Коляда Н.М. – кандидат педагогічних наук, доцент.

Пантелеймон Куліш : етнограф, фольклорист, літературний критик (збірка першоджерел) / Укл. : Н. Побірченко, О. Кравченко. – Умань : ПП. Жовтий, 2009. – 252 с.

У збірці представлені маловідомі та невідомі публікації П. Куліша, які відображають його погляди, роздуми, переконання стосовно розвитку і становлення літературного процесу в Україні. Відібрано 16 текстів, які надруковані в українських та російських періодичних виданнях другої половини ХІХ ст. і стали бібліографічною рідкістю.

Ми вважаємо, що це видання дасть змогу широкому загалу ознайомитися з ідейними переконаннями П. Куліша стосовно розвитку і становлення українського літературного процесу, а також визначити його внесок в етнографічне вивчення рідного народу.

Видання розраховане як на пересічного читача, так і для літературознавців, філологів, викладачів та студентів.

ISBN _____

© « _____ », 2008

ПАНТЕЛЕЙМОН КУЛІШ: ЕТНОГРАФ, ФОЛЬКЛОРИСТ, ЛІТЕРАТУРНИЙ КРИТИК

Інтерес до усної народної творчості в Європі виник на межі XVIII–XIX століть з появою нових модерних націй, поштовхом до формування яких стала Велика Французька революція. Народжена епохою Просвітництва доктрина суверенності народу, поширення писемності національними мовами заклали основи національної свідомості, викликали інтерес інтелектуальних еліт до історії власного народу, до його культури, до усної народної творчості, яка зберігала надбання народної духовності. Саме звернення до власного фольклору було однією з характерних рис романтизму. Найважливішими типологічними рисами якого були „...утвердження особистості, осмислення надзвичайної складності внутрішнього світу людини, його невичерпності, його творчої могутності”¹.

У романтиків звернення до усної народної творчості пов'язане з проблемою народності, народного характеру, що виявляється у повір'ях, звичаях і традиціях, в яких вони бачили глибокий сенс людської сутності, вираження її „народного духу”, розглядали „...як вияв народного світосприйняття, як невід'ємну частину народного буття”². Продовжуючи справу І. Гердера, який розцінював народну спадщину як „живу граматику, найкращий словник і природну історію свого народу”, вони розгорнули посилене збирання творів фольклору.

Романтики виявляли значний інтерес до історичної тематики. Історичне минуле, на їхню думку, було одним з „...найголовніших проявів національної дійсності, яку вважали першочерговим і обов'язковим об'єктом самотутньої культури, епохою, коли національна дійсність стверджувалася найбільш діяльно”³. Видатний український культуролог першої половини ХХ ст. Д. Чижевський у праці „Історія української літератури” зазначав, що безсумнівні заслуги мають романтики у пробудженні історичної свідомості, інтересу до етнографії, нарешті, в пробудженні національної свідомості й національних рухів⁴.

Особливістю епохи романтизму було „відкриття” України як невичерпного джерела етнографічної та історичної спадщини, зокрема для російської та польської громадськості. Україна стала для романтиків, за влучною оцінкою В. Василенка, „...землею пограниччя, місцем зустрічей українських, російських, а також польських митців, які на свій лад оспівували тих самих козацьких чи гайдамацьких героїв. Її земля ховала найбагатші, найстаріші, і, як наслідок, найбільш автентичні копалини народних,

¹ Українська література в загальнослов'янському і світовому літературному контексті : в 5-ти томах / [редкол. : Вервес Г. Д., Климчик В. М., Шевчук В. І.] – К. : Наук. думка, 1987. – Т. 1 : Українська дожовтнева література і слов'янський світ. – 1987. – С. 90.

² Там само. – С. 92.

³ Там само. – С. 94.

⁴ Чижевський Д. Історія української літератури / Д. Чижевський // Нариси історії української літератури й критики. – Мюнхен : [б.в.], 1994. – С. 111.

етнографічних та історичних цінностей...»⁵. Україна стала Меккою для польських і російських етнографів. Вони виявляли інтерес і вперше почали збирати українські думи, пісні, перекази і легенди, які були прадавними історичними витворами. Замість осміювання „провінційного” українства, підкреслив Д. Чижевський, у росіян і поляків постала „мода” на все українське. І це захоплення певним чином вплинуло на українську романтичну молодь⁶.

Епоха романтизму породила в польській літературі явище „української школи”, яскраві представники якої С. Гоцинський, А. Мальчевський, Ю. Залеський, М. Грабовський, Т. Ленартович та ін. черпали мотиви для своїх творів із українського життя, його історії, побуту, народної творчості, їх надихали живописні краєвиди української природи. Україна була для них „правдивою Шотландією”, країною, натхненою народною поезією, яка постала „...шматками колись могутньої будівлі, яка рухнула, але може ще піднятися до Святині Національної, ще за наріжний камінь послужити” – думка сучасного польського славіста С. Козака⁷. Ідеалізація історичного минулого, оспівування мужніх героїв козаччини, героїзму невольників, опис самотності, пригод у степу і героїки смерті – основна тематика їхніх творів. Праці романтиків, видані окремими виданнями, опубліковані на сторінках періодики, альманахів в осередках культурного життя – Варшаві, Вільно, Кракові, Петербурзі, Києві, Парижі, Лондоні та ін., були популярними як серед літературної, так і читацької громадськості⁸. Безумовно, що українська тематика в польській літературі сприяла поширенню фольклору й вивченню історії України далеко за її межами.

Епоха романтизму сприяла на Україні, як майже в усій Європі, пробудженню національних почуттів і національної свідомості, дала „...поштовх до національного самоусвідомлення етносу як нації від духовної спільноти до політичної одиниці”⁹. Утверджувалися погляди на українську народність як самобутню етнічну й етнокультурну спільність. Вивчення життя свого народу – його історії, культури, мови, народної поезії, психології, побуту було провідним завданням української інтелігенції, яка стала основною рушійною силою національного відродження¹⁰. Її представники здійснювали народознавчі роботи в різних регіонах України, і їхня діяльність набувала свідомого цілеспрямованого українознавчого характеру. Як зазначив Д. Чижевський, зростав інтерес до історичного минулого, до власної національної індивідуальності й навіть до краси нашої природи¹¹.

⁵ Василенко В. Пройти Україну... Юліан Крашевський і польський образ нашого краю / В. Василенко // Пам'ять століть. – 2005. – № 6. – С. 81.

⁶ Чижевський Д. Історія української літератури / Д. Чижевський // Нариси історії української літератури й критики. – Мюнхен : [б.в.], 1994. – С. 113.

⁷ Kozak S. Polacy i Ukraińcy w kregu myśli i kultury pogranicza / Stefan Kozak. – Warszawa, 2005 – S. 67.

⁸ Grabowski M. Kilka uwag nad szkołami poezji polskiej. – 1839. – S. 204.

⁹ Сініцина А. Історично-філософські ідеї українського романтизму (Пантелеймон Куліш, Микола Костомарів) : монографія / А. Сініцина. – Львів : [б.в.], 2002. – С. 12.

¹⁰ Касьянов Г. Українська інтелігенція на рубежі XIX – XX століть : соціально-політичний портрет / Георгій Касьянов. – К. : Либідь, 1993. – С. 172.

¹¹ Чижевський Д. Історія української літератури / Д. Чижевський // Нариси історії української літератури й критики. – Мюнхен : [б.в.], 1994. – С. 113.

У контексті утвердження поглядів на український народ як самобутню етнічну й етнокультурну спільність у цей період спостерігається початок переходу від накопичення етнографічних відомостей і знань про Україну до формування української етнографії як українознавчої галузі знання. Вона стала визначальною наукою у всіх галузях творчої діяльності багатьох освітніх та культурних діячів. Досить влучно це висловив дослідник 20-х років ХХ ст. І. Теліга: „Етнографія, як наука, приходить у всі ділянки роботи, творить специфічну етнографічну атмосферу, захоплює все передове суспільство, залучає до себе найкращі культурні сили. Не лише фахівці етнографи, а й історики, публіцисти, літератори – всі, хто був зацікавлений українським культурним життям, студіював етнографію”¹².

М. Максимович, І. Срезневський, М. Костомаров, В. Пассек, П. Лукашевич, А. Метлинський та інші, будучи філологами, педагогами, істориками, критиками, разом з тим були видатними діячами у галузі української етнографії. Хоча вони дещо ідеалізували народну спадщину, але, як зазначив дослідник початку ХХ ст. С. Савченко, „...цим же особам українська етнографія зобов’язана і першими дослідженнями вивчення народного життя, вірувань, звичаїв і першими записами пам’ятників усної творчості”¹³.

Як зазначає сучасний вчений, академік О. Сухомлинська, представники педагогічної думки другої половини ХІХ ст. спирались на етнографічно-культурницьку, народницьку парадигму й мислили в контексті натурфілософії¹⁴. Збереження і вивчення рідної історії, мови, фольклору, літератури – основні константи їх наукових концепцій. Особлива роль у цьому контексті належить П. Кулішу.

Він виявляв значний інтерес до народних пісень, дум і переказів з історичного минулого України, народних повір’їв, побуту і звичаїв рідного народу. Як співробітник при Тимчасовій комісії для розбору давніх актів П. Куліш мав змогу здійснити етнографічні розвідки у правобережній Україні, метою яких було „...вивчити Малоросійські характери в самому гнізді Малоросійської народності, зібрати пісні, повір’я і перекази про минуле в місцях, найбільше відомих в історії”¹⁵.

З інтересом, натхненно займався П. Куліш записом зразків фольклору: „Я тепер ходжу, – писав він у листі до М. Юзефовича, – як бджола по сотах: де тільки зустріну сиву бороду, не відійду від неї без того, щоб не витиснути із неї пахучої квітки народної поезії, або в переказах, або в пісні. Вивчення цих малоросійських антиків так само мене удосконалює, як удосконалює живописця вивчення антиків скульптури”¹⁶.

Проаналізувавши етнографічні матеріали П. Куліша, з позицій сучасності ми виділили основні методи, якими користувався у своїй практиці під час

¹² Теліга І. Куліш-критик (Принцип етнографічної точності) // Ф. Х, № 18233, Арк. 2.

¹³ Савченко С. В. Русская народная сказка (История собирания и изучения) / С. В. Савченко. – К. : [б.в.], 1914.– С. 176.

¹⁴ Маловідомі першоджерела української педагогіки (друга половина ХІХ–ХХ ст.) : хрестоматія / [упоряд. : Л. Д. Березівська та ін.] – К. : Наук. світ, 2003. – С. 6.

¹⁵ Куліш П. Записки о Южной Руси / П. Куліш– СПб. : [б.в.], 1856. – Т. 1. – С. 236.

¹⁶ Письма П. А. Куліша к М. В. Юзефовичу (1843–1861) // Киевская старина. – 1899. – № 2. – С. 189.

етнографічних розвідок та досліджень. Такими, на наш погляд, є методи безпосереднього спостереження, опитування, фіксація-збирання й опис, а також порівняльно-історичний метод.

Учений вважав, що особисті спостереження дослідникові необхідні, щоб освоїтися у новому оточенні, зорієнтуватися у невідомій обстановці та визначити найцікавіші явища і важливі пам'ятки минулого. Так, перш ніж записати якийсь матеріал, що привернув його увагу, П. Куліш *спостерігав* за населенням досліджуваної місцевості, за окремими людьми, за їхніми звичаями, мовою, одягом тощо: „Я зупинився, – писав він, – біля колодязя і почав спостерігати народ, який прибуває до нього... Усівшись в тіні дерев, ви напевне одержите в очах прибулих за водою значення людини, а не якого-небудь випитувача невідомого”¹⁷.

Визначившись із об'єктом для одержання інформації, П. Куліш займався *опитуванням і безпосереднім спілкуванням*. Дослідник намагався нав'язати невимушену розмову, непомітно корегувати бесіду відповідно до запитань, які в нього виникали. Доказом цього є його коментарі у „Записках о Южной Руси”: „У цьому старому мені полюбилася довірлива воля поводження, відсутність, до речі, й тіні нахабності... Він виражав тільки задоволення, що з ним розмовляють люди столичні <...> і, відповідаючи на мої запитання, він не випускав можливості вивідати про що-небудь і у мене”¹⁸. Здобуту інформацію П. Куліш записував стенографічно, щоб максимально *зафіксувати* цінний матеріал. Про що писав: „Надаючи можливість судити кожному про їхню (переказів – *О.К.*) історичну важливість і поетичні переваги, вважаю за потрібне сказати тільки, що я записував їх стенографічно, як пісні, шануючи кожний оборот і слово народної мови”¹⁹.

Теоретично осмислюючи зібраний матеріал, П. Куліш переконувався у достовірності фактів та часу написання, вдавався до *порівняльно-історичного методу*. Через зіставлення та порівняння він також намагався виявити загальне й особливе у народній творчості європейських та українського народів. Стосовно створення самих дум і переказів П. Куліш висловив думку, що у кожного із народів вони були складені безпосередньо після героїчних або трагічних історичних подій, а більше всього в честь живих персонажів²⁰. Він також зауважив, що ліричні, епічні та драматичні зразки народної творчості нашого народу – це продовження перших творінь українського поетичного генія і ні в якому разі не повинні бути від них відірвані: „Ми всі, не розбираючи того, великі, чи малі наші літературні здібності, так точно ведемо своє походження від своїх рапсодистів, як Грецькі письменники освіченого часу вели його від Гомера, і як сам Гомер – від попередніх йому очевидців дійств старої Греції”²¹. Водночас зазначав, що величні явища в історіях літератур не повторюються в точній паралелі між собою, „...але, по однаковості натури

¹⁷ Кулиш П. Записки о Южной Руси / П. Кулиш–СПб. : [б.в.], 1856. – Т. 1. – С. 238.

¹⁸ Там само. – С. 51

¹⁹ Там само. – С. 50.

²⁰ Там само. – С. 179.

²¹ Там само. – С. 181.

спільного генія людського, вони більше або менше мають між собою спільного і тому наші пісні, складені народом, послужать, – якщо не послужили уже частково – до відтворення правильного образу минулого, в творах, які відповідають вимогам смаку нового, цивілізованого суспільства”²².

Альбоми П. Куліша, із записами народних творів, містили також його малюнки інформаторів, що допомагало яскравіше передати образи українських народних поетів та народне життя. В Інституті рукописів НБУ ім. В.І. Вернадського зберігається кілька таких малюнків, виконаних тушшю, на яких зображені українські кобзарі та лірники. Два з них було вміщено в альбомі Л. Жемчужникова „Живописна Україна”²³.

Під час етнографічних подорожей П. Куліш познайомився з польським письменником „української школи” М. Грабовським, до якого завітав у маєток в с. Олександрівка на Чигиринщині. М. Грабовський – найвизначніша літературна постать 40-х рр. XIX ст. на Правобережній Україні, що писав польською мовою на українські теми. Він – автор двох томів „Literatura i krytyka” (1837–1838), в яких приділяв значну увагу українським народним пісням, зокрема висловив захоплення збіркою пісень М. Максимовича. Серед інших творів з української тематики 40-х років XIX ст.: „Koliszczyzna i stepy” (1838), „Stannica Hulajpolska” (1840–1841), які написані під сильним впливом Вальтера Скотта, і відтворюють картину звичаїв та побуту України і взаємовідносин поляків та козаків, панів і кріпаків у кінці XVIII ст. Під впливом української інтелігенції, з якою М. Грабовський досить тісно зблизився, у нього сформувався погляд на „український люд” як на окрему гілку російського народу, етнічні й самотутні особливості якого збереглися у всій його чистоті.

Пантелеймон Куліш зачарував нового знайомого активним збиранням народних творів, знанням великої їх кількості. Під час довгих розмов М. Грабовський захоплено слухав із уст П. Куліша українські легенди, перекази про гайдамаків та інші зразки народної поезії, які той засвоїв ще у студентські роки. Етнографічній діяльності молодого ученого сприяв М. Грабовський: „Часто я навідував з етнографічною метою сільські хати в Олександрівці, де селяни Грабовського були зі мною відверті і співрозмовні... Нетерпляче чекав він (Грабовський – *О.К.*) результатів моєї етнографічної ловитні, і не один козакоман не приймав у ній більшої участі, чим цей Лях”²⁴. П. Куліш ознайомив польського письменника із зібраними етнографічними матеріалами. Вони справили на М. Грабовського велике враження. „Мої альбоми, – писав Куліш, – що містили записані мною перекази і портрети самих розповідників, привели його у захват, так що часто, сидячи за столом в колі своєї сім’ї, він раптом повторював з них уривок, наче на сцені”²⁵.

²² Там само. – С. 182.

²³ Андрущенко Т. „І пензель мій сказав би більше...” (До 100-річчя з дня смерті Пантелеймона Куліша) / Т. Андрущенко // Образотворче мистецтво. – 1997. – № 2. – С. 28–29.

²⁴ Пантелеймон Куліш : матеріали і дослідження / М. Жулинський (ред.) ; НАН України, Інститут літератури ім. Т. Г. Шевченка, Львівське відділення. – Львів ; Нью-Йорк : Видавництво М. П. Коць, 2000. – С. 140.

²⁵ Там само. – С. 190.

У домі М. Грабовського з'явилася на світ народна епопея П. Куліша „Україна” (1843), яка складається із дванадцяти дум: п'ять дум – народні, сім – твори автора, написані на етнографічній основі українською мовою²⁶. Уперше в передмові до „України” П. Куліш висловив думки щодо народної поезії, щодо українського народу: „Не було в люду одважнішого й славнішого народу від Греків та Козаків. Нема й може не бути луччої книги за Іліаду й Одиссею, бо то видумала не одна голова, а увесь народ грецький. Такі ж пісні співають і наші бандуристи та кобзарі. Оттак прислухавсь я добре, як от наші діди виспівують, та й зібрав всі ці пісні в одну... Дуже гарні ті співи, зовуть їх бандурними думами; не було тільки чоловіка положить їх на папер, щоб не загинуло з пам'яті людської”²⁷.

Етнографічні матеріали П. Куліша М. Грабовський надрукував польською мовою в журналі „Rubon”. Про етнографічну і археологічну діяльність українського діяча польський письменник писав пізніше у першому томі своєї тритомної енциклопедії України „Ukraina dawna i terazniejsza” (1850)²⁸, присвячену археології. Проте прізвище П. Куліша у праці не згадував у зв'язку з його арештом у справі Кирило-Мефодіївського товариства (1847).

Грабовський познайомив П. Куліша із „славним бібліоманом” К. Свідзинським, який став йому у нагоді своєю гарною бібліотекою, де науковець-етнограф мав змогу ознайомитися із польськими матеріалами до історії України, цінними історичними книгами, літописами, архівними матеріалами. Він пристрасно вивчав епоху козаччини, як за офіційними документами, так і з уст народу. Пізніше П. Куліш писав: „Знайомство з Михайлом Грабовським, від нього уже із Свідзинським, Руліковським, привело мене до документального вивчення нашого українського минулого”²⁹. У домі К. Свідзинського в Ходоркові він написав свою визначну ідилію „Орися”³⁰. У спогадах про К. Свідзинського П. Куліш з великою пошаною і любов'ю згадував дбайливе вивчення української старовини цим поляком³¹. На знак поваги до польського колекціонера К. Свідзинського П. Куліш надрукував у „Русском Вестнике” статтю „Воспоминание русского о польском археологе К. Свидзинском” (1857), яка була передрукована у польській газеті „Gazeta Warszawska” (1858)³². У Бібліотеці Ординарії Красінських у Варшаві в особових фондах К. Свідзинського зберігається портрет П. Куліша. Це свідчить про щирі взаємовідносини польського і українського діячів.

²⁶ Гринченко Б. П. А. Кулиш : биографический очерк / Борис Гринченко. – Чернигов : [б.в.], 1899. – С.5–6.

²⁷ Юровська О. Куліш і Грабовський / О. Юровська // Україна. – 1939. – Кн. 36. – С. 80.

²⁸ Grabowki M. Ukraina dawna i terazniejsza przez... / Grabowki M. – Kijow, 1850. – Т. 1. : O zabytkach najgle bzej starozytnosci. – S. 2.

²⁹ Юровська О. Куліш і Грабовський / О. Юровська // Україна. – 1939. – Кн. 36. – С. 83.

³⁰ Куліш П. Орися / П. Куліш. – СПб : [б.в.], 1861. – 16 с.

³¹ Ajewski Konrad. Kolekcjonerstwo Kontantego Swidzinskiego. Z dziejow Biblioteki Ordynacji Krasinskiх / Ajewski Konrad // Rocznik Biblioteki Narodowej. – Biblioteka Narodowa: Warszawa, 2004. – S. 31.

³² Wspomnienie rosyjskiego archeologa Kulisza o Konstantym Swidzinskim u dzielil Ferdynand Nowakowski // Gazeta Warszawska. – 1858. – № 79. – S. 3.

Знайомство з М. Грабовським і перебування у нього, інтерес польського письменника до української старовини, проникнення до цього краю вальтерскоттівських настроїв не могло не вплинути на П. Куліша. Із ще більшою увагою, глибоким інтересом він почав ставитися до своїх етнографічних досліджень, про що писав із с. Олександрівки до М. Юзефовича: „Звідси я буду занурюватися у різні міста України для відшукань розвалин народної поезії, – діло великої важливості, як я побачив після декількох досвідів”³³. У його масштабній етнографічній програмі 1840-х рр. брав участь український письменник І. Нечуй-Левицький. Його батько Семен Левицький збирав і записував для П. Куліша етнографічні матеріали і „малий Івась” переписував їх, щоб відсилати поштою до П. Куліша, про що останній писав у споминах: „...Оцей-же той синок, набравшись у народу смаку словесного, об’явивсь тепер славним Нечуєм”³⁴.

Етнографічна діяльність П. Куліша була плідною. Його колекція зразків народної творчості поповнилася великою кількістю переказів, легенд пісень, казок, описами побуту і звичаїв простого люду, які пізніше будуть ним видані у „Записках о Южной Руси” та інших збірниках. У одному з листів він писав: „Здійснив я літом ... подорож по Малоросії і виявив великі результати, до речі записав із уст народу багато прекрасних переказів (особливо про гайдамак) з такою точністю, що вони цілком можуть називатися уривками із усної народної літератури. Дивні речі! що за краса слова! що за дивний політ фантазії!”³⁵.

У середині 40-х рр. ХІХ ст. в Києві, котрий у цей час, як писав С. Єфремов, „...стає центром українського життя, тим живчиком, якого стук разноситься по всій Україні”³⁶, сформувався осередок молоді інтелігенції, до якого входили П. Куліш, В. Білозерський, М. Костомаров, Т. Шевченко, О. Маркович, М. Гулак, Д. Пильчиков та інші³⁷. Під впливом романтизму та слов’янофільських ідей із заходу молоді національно свідомі люди прагнули виокремити український народ як самобутню етнічну й етнокультурну спільність; намагалися показати світові героїчне минуле рідного народу, його культуру і побут; захоплювалися мовою, світоглядом, звичаями, народною поезією, історією. Згодом, гурток молоді інтелігенції набуде форм таємної організації, відомої як Кирило-Мефодіївське товариство. У спогадах П. Куліш писав: „Ще годів за три чи за чотири до цієї сумної епохи (розгром Кирило-Мефодіївського товариства – *О.К.*), українська пісня і неписана словесність народу Українського натхнули молоді уми в Києві спасенною думкою –

³³ Письма П. А. Кулиша к М. В. Юзефовичу (1843–1861) // Киевская старина. – 1899. – № 2. – С. 189.

³⁴ Пантелеймон Куліш : матеріали і дослідження / М. Жулинський (ред.) ; НАН України, Інститут літератури ім. Т. Г. Шевченка, Львівське відділення. – Львів ; Нью-Йорк : Видавництво М. П. Коць, 2000. – С. 278.

³⁵ Савченко Ф. Листи П. Куліша до М. Погодіна (1842–1851) / Ф. Савченко // П. О. Куліш : (Матеріали і розвідки). – Ч. 1. – Львів : [б.в.], 1929. – С. 16.

³⁶ Єфремов С. Історія українського письменства / С. Єфремов ; [худож. оформл. В. М. Штогрин]. – К. : Феміна, 1995. – С. 360.

³⁷ У 1846 р. гурток молоді інтелігенції в Києві набув організованої форми – було засновано Кирило-Мефодіївське товариство. П. Куліш офіційно не входив до його складу, адже із 1845 р. перебував у Петербурзі на викладацькій роботі. Як свідчать зізнання і спогади самого П. Куліша та членів товариства, він не був обізнаний ні з програмою, ні з атрибутикою таємної організації.

видвигнути свою націю з темряви, котра не давала духовним силам її піднятися із занепаду, а тим самим нівечила і її добробут”³⁸. Вони зосереджували свою увагу на етнічній культурі селянства як на одному із основних джерел пізнання народу. Українська пісня, казка, переказ, дума захопили їхні серця і розум, вони намагалися самостійно й з перших уст зробити їх записи, щоб ознайомити із ними широкий загал, через друкування у періодичних виданнях та збірниках. Під час процесу 1847 р., даючи пояснення на запитання жандармів стосовно листа до М. Костомарова, увагу яких привернули рядки: „необхідно спасти, що уціліло”, П. Куліш відповів: „Уціліли історичні та інші пісні, народні повір’я і перекази, також костюми і звичаї”³⁹. Це свідчить про усвідомлення важливості завдання, яке вони ставили перед собою – не дати зникнути у небутті етнографічній спадщині українського народу.

Етнографічні колекції багатьох із них були багатими й унікальними. М. Костомаров у одному з листів до І. Срезневського писав: „Познайомився я з Кулішем, і знайшов у ньому людину освічену, талановиту і глибоко знаючу Україну. Він планує видати тут періодичне видання, ціль якого би була переважно Русь південна... У самого Куліша є багато таких багатих матеріалів, що мені й у сні не снилось...”⁴⁰.

Етнографічні дослідження молодих учених були просякнуті ідеєю народності, яка інтенсивно проникала із Західної Європи. Зокрема, вони, очевидно, перебували під впливом ідей популярного серед романтиків німецького філософа, історика і письменника Й. Гердера та його високої оцінки майбутньої історичної ролі слов’янських народів, в тому числі і українського⁴¹. Й. Гердер так писав про Україну в „Щоденнику моєї подорожі за 1769 рік”: „Україна стане новою Грецією – в цій країні чудовий клімат, щедра земля, і її великий музично обдарований народ прокинеться колись для нового життя”⁴². На ґрунті всеслов’янського відродження київський гурток молодого інтелігенції передбачав програмою своїх дій утвердження етнічної самобутності українського народу в сім’ї інших слов’янських народів. У передмові до своєї праці „Книга о ділах народу українського” (1843) П. Куліш писав: „...настане час, коли малоросіяни, звернувшись до своєї старини, до своїх пісень і своєї багатой і пишної мови, докажуть народам, що не даремно їх діди гриміли славою по всьому світі і не даремно залишили їм голосні пісні свої і щедре слово. Буде, буде час, коли імена великих наших рицарів знову підуть поміж народом, коли і найбагатші пани, погородивши іноземну музику, стануть із захватом слухати рокіт бандури, і не одне серце по всій Україні не залишиться

³⁸ Куліш П. Хуторна поезія / П. Куліш. – Львів, 1882. – С. 10.

³⁹ Кирило-Мефодіївське товариство : [у 3 т.] – К. : Наук. думка, 1990. – Т. 1. – С. 51.

⁴⁰ Айзеншток І. Листи П. Куліша до Ізм. Срезневського / І. Айзеншток // Літературний архів. – 1930. – № 1–2. – С. 215–216.

⁴¹ Івашків В. Українські народні пісні в записах Пантелеймона Куліша / В. Івашків // Народна творчість та етнографія. – 1989. – № 5. – С. 64–65.

⁴² Гердер Йоганн Готфрід // Українська Літературна Енциклопедія : в 5 т. / [редкол. : І. О. Дзевєрін відп. ред. та ін.] – К. : „Українська Радянська Енциклопедія” імені М.П. Бажана, 1988. – Т. 1. : А.–Г. – С. 411.

спокійним при голосі віщого пісняра, все оживе, все стрепенеться, відчує Україна свої моральні сили, і оновиться, яко орля, юність її⁴³.

Пантелеймон Куліш підтримував тісні зв'язки із українськими етнографами, вченими-славістами М. Білозерським, О. Бодянським, М. Максимовичем, А. Метлинським, І. Срезневським та ін. Їхні ділові стосунки у сфері фольклористики та етнографії досить ґрунтовно висвітлила Ж. Янковська⁴⁴.

До осмислення накопиченого матеріалу П. Куліш підходив по науковому як учений-етнограф, намагаючись пізнати найскладніші етнопсихологічні ознаки народу – духовності, національної душі та самотності, осмислити виховний вплив фольклору на нього. Одним із основних засобів, на його думку, була народна пісня. Він так про це писав: „Пісні суть – історія народу, жива, яскрава, переповнена фарб, істини, яка висвітлює все життя його...”⁴⁵. Саме через українську пісню він намагався зрозуміти особливості ментальності свого народу: „Українські пісні свідчать про незвичайно сильну душу народну, всі прихисті і почуття спрямовані в них до найвищого ступеня жорстокості проти ворогів батьківщини...”⁴⁶.

Осмислюючи національну специфіку змісту українських народних пісень, П. Куліш умовно поділив їх на дві категорії:

1) історичні – в яких висвітлено реальні факти історичних подій минулого українського народу: „Пісні малоросійські можуть сповна називатися історичними, тому що вони не відриваються ні на мить від життя народу і завжди вірні тодішній хвилині, тодішньому стану почуттів. Чи виступає українське військо в похід, чи вивергає із рушниць потоп диму і куль, чи описується смерть козака на полі битви, плач матері над його могилою – все це живе в піснях і замальовано сміливими фарбами”⁴⁷;

2) соціально-побутові – які дають знання про внутрішнє життя людей, взаєностосунки між ними, побут, вірування, їхні почуття, переживання, сімейні відносини тощо, а також дають змогу вивчити народну психологію: „Решта малоросійських пісень висвітлює другу половину народного життя: в них розкидані риси побуту домашнього. Тут у всіх повна протилежність. Там одні козаки, одне воєнне, бойове і сурове життя; тут, напроти, один жіночий світ, повний почуттів ніжних і більш сумних, ніж радісних”⁴⁸. П. Куліш зазначав, що соціально-побутові пісні в свою чергу класифікуються відповідно до висвітлення певної сторони народного життя, певної тематики. Це жіночі пісні, сімейні, пісні про кохання, про розлуку, релігійні, обрядові, побутові та інші.

Пантелеймон Куліш, вказуючи на самотність українського народу великого значення надавав історичним пісням, адже саме в них найточніше збережена славна пам'ять про історичне минуле: „Ніякий Літопис, ніякий

⁴³ Кирило-Мефодіївське товариство : [у 3 т.] – К. : Наук. думка, 1990. – Т. 1. – С. 67.

⁴⁴ Янковська Ж. О. Фольклористична діяльність Пантелеймона Куліша: дис... канд. філол. наук : 10.01.07 / Янковська Жанна Олександрівна. – К., 1998. – 202 с.

⁴⁵ Куліш П. Чтение о Русской Словесности // Ф. I, № 28561, Арк. 5.

⁴⁶ Куліш П. О. Увагі над малоросійськими песнями // Ф. 3–2, од. зб. 118, 3 арк.

⁴⁷ Куліш П. Чтение о Русской Словесности // Ф. I, № 28561, Арк. 5.

⁴⁸ Там само.

вчений і геніальний творець – писав він, – не може дати про дух малоросійського народу кращого уявлення, ніж пісні. В них так глибоко і правильно виразилася душа народна, що простий сільський парубок, зовсім чужий поняття історичних, вслухавшись в урочисто-протяжні наспіви про козаків, цілком збагне колишній стан своєї батьківщини і серце його в хвилини співу б'ється саме тим почуттям, яке жило в народі років 100 чи 200 тому⁴⁹. П. Куліш зауважив, що пісень соціально-побутових дійшло до нас набагато більше, ніж історичних, адже воєнні чвари давно закінчилися на Україні, а домашній побут зберігся місцями в усій своїй патріархальності⁵⁰.

Як досвідчений і глибокий аналітик П. Куліш наголошував, що народні пісні для українця це все: „...це для нього і Історія, і Поезія, і батьківська могила, і хто не проникнув у них глибоко, той даремно буде думати, що знає історію малоросійського народу”⁵¹. Учений високо оцінив поетичну майстерність пісень, складених народом. На противагу „городській, кабінетній поезії” у народній пісні „...незрівнянно більше і життя, і сили почуття, і фантазії, і навіть якостей живописних... Якщо вникати таким чином в українські пісні, то в багатьох із них можна вчитати більше історії серця людського, ніж в найкращому романі. Тому то поезію пісень треба поставити вище всякої іншої поезії”⁵².

Велике виховне значення для формування підростаючого покоління, на думку П. Куліша, мають українські народні казки, котрі ґрунтуються на етичних і моральних народних засадах та ще із юнацьких літ впливають на світогляд дитини: „правда в землі не сховається і в огні не згорить”, „правда свого часу виявиться”, „правдою держиться світ”⁵³. Поряд із казками учений ставить народні прислів'я, приказки, приповідки, загадки тощо. Також виховний вплив мають релігійні оповідання про Бога, про Христа, про Божу Матір та святих, основою яких є Біблія. „Ці словесні твори піддержують здоровий погляд народу на світ і життя людське, навіть там, де не доходять до нього ніяка наука”⁵⁴. Пізніше П. Куліш розробив серію казок і оповідань для дітей, які ґрунтувалися на народних оповідях, і котрі видав окремими виданнями, що набули популярності як „метелики”.

Зібраний матеріал „пам'ятників української старовини” П. Куліш розпочав видавати збіркою „Украинские народные предания” (1847)⁵⁵. Це був перший досвід його авторської публікації етнографічних матеріалів, тому до її друкування ставився трепетно. У листі до О. Бодянського 31 серпня 1846 р., який займався виданням збірки, П. Куліш писав: „Передаю Вам мій скарб з таким почуттям, з яким матір передає своє дитя на руки мужеві, знаю, що Ви

⁴⁹ Куліш П. О. Увагі над малоросійськими песнями // Ф. 3–2, од. зб. 118, Арк. 2.

⁵⁰ Куліш П. Чтение о Русской Словесности // Ф. I, № 28561, Арк. 5.

⁵¹ Куліш П. О. Увагі над малоросійськими песнями // Ф. 3–2, од. зб. 118, Арк. 2.

⁵² Там само.

⁵³ Куліш П. Погляд на усну словесність українську / П. Куліш // Твори Пантелеймона Куліша. – Львів, 1908. – Т. 6. – С. 430.

⁵⁴ Там само.

⁵⁵ Куліш П. Украинские народные предания / П. Куліш. – СПб. : [б.в.], 1846. – 90 с.

належно оціните його, збережете і для справи використаєте, як не можна краще”⁵⁶.

До упорядкування зібраного матеріалу П. Куліш підходив по-науковому, запровадивши власний спосіб структурування етнографічної збірки. Автор систематизував твори та класифікував їх за трьома розділами: 1) „Предания Исторические”, в який вмістив перекази, котрі висвітлюють історичне минуле України за козацьких часів; 2) „Предания Фантастические” – казки, більшість із них можна назвати міфологічними легендами; 3) „Смесь” – поєднує загадки, сцени із домашнього побуту, анекдоти тощо. До кожного твору в збірці зроблено паспортизацію, в якій вказано губернію, де його записано (у більшості вказаний і населений пункт) та ім’я інформатора. В основному записи були здійснені самим автором у сучасних Київській, Черкаській та Чернігівській областях – всього 60. Решта 15 творів були передані для збірки В. Білозерським, П. Чуйкевичем, Т. Шевченком, А. Марковичем, а переказ „Чуприна і Чортоус” П. Куліш переклав із польських рукописних матеріалів. Прагнучи зберегти всі нюанси і красу живої розмовної мови, книгу надрукував народною мовою, на жаль, російським правописом. Основна частина творів цієї збірки увійшли до „Записок о Южной Руси”.

Незважаючи на арешт П. Куліша та заслання 1847 року в справі Кирило-Мефодіївського товариства, він не залишав наукової роботи, зокрема у галузі етнографії. У середині 50-х рр. XIX ст. вийшли друком „Записки о Южной Руси” (1856–1857) – найголовніша праця у галузі етнографії. Ще під час її друкування П. Куліш писав до С. Аксакова: „Записки про Південну Русь друкую з насолодою не тому, що в них є моє, а тому, що передаю світові пам’ятники духу народного, котрим в моїх очах немає ціни. Коректуру тримаю з такою обережністю, ніби то це Святе Письмо”⁵⁷. П. Куліш планував зробити „Записки о Южной Руси” багатотомним виданням з українського життя. Натомість лише два томи побачили світ. У передмові до першого тому „Записок” учений наголошував на необхідності такої праці, адже з деякого часу серед освічених людей північно-російського населення пробудилося особливе бажання глибше пізнати Малоросію, чи Південну Русь; а з другого боку, самі українці почали відчувати сильніше, ніж досі, спрагу самопізнання. А тому, „...задовольняючи цю подвійну вимогу, я взявся видати, в невизначеній кількості томів, Записки о Южной Руси, у яких би кожна грамотна російська людина мала б енциклопедію різноманітних свідчень про народ, який говорить українською мовою”⁵⁸.

Два томи „Записки о Южной Руси” становлять цілісний етнографічний матеріал, упорядкований новаторським, оригінальним на той час способом. У праці вчений представив не лише пам’ятки народної старовини, як зазвичай відбувалося у попередніх збірках усної народної творчості, а й знайомив читачів із середовищем, де вони були записані, давав повну характеристику

⁵⁶ Письма П. А. Кулиша к О. М. Бодянскому (1846–1847) // Киевская старина. – 1897. – № 9. – С. 405.

⁵⁷ Кравченко О. Життя, віддане просвітництву : монографія / Оксана Кравченко. – Умань : РВЦ „Софія”, 2008. – С. 121.

⁵⁸ Кулиш П. Записки о Южной Руси / П. Кулиш– СПб. : [б.в.], 1856. – Т. 1. – С. V–VI

того, хто оповів чи проспівав йому твір, тим самим ніби залучав читача до процесу етнографічних розвідок і спостережень. Тут уже „...замість символічних образів і поетичних періодів, з яких складається поезія народу, виступили індивідуальності й таланти, що творять цю поезію, і в цій була оригінальність, свіжість і принадність праці. В ній таки лишилося дещо з тої теплої атмосфери приязних балачок, в яких вона зародилася...”⁵⁹. Всі записи супроводжувалися авторськими роздумами та коментарями, що давали змогу глибше збагнути специфічні особливості народного життя в Україні. У двотомнику П. Куліш видав етнографічні матеріали народною мовою, де вжив фонетичний правопис, відомий під назвою „кулішівка”.

У прогресивних наукових колах було відзначено високу цінність і важливість „Записок о Южной Руси”. Російський мистецтвознавець О. Пипін писав з цього приводу: „Це була щаслива думка Куліша <...> «Записки о Южной Руси» представили зовсім нову форму етнографічного вивчення... Твори народної поезії тут уже не являлись окремим анекдотичним фактом, як квітка відірвана від свого коріння, а навпаки, відкривалась перед читачем оточена тими подробицями побуту, особистих народних характерів і понять, серед яких вона існує в дійсності”⁶⁰. Наголосивши на їх науковому значенні, критик разом з тим відзначає і „живу цілісність етнографічної картини, як белетристичної повісті”⁶¹.

У рецензії на „Записки о Южной Руси” М. Костомаров високо оцінив їх, вказуючи на новаторський внесок П. Куліша у видання етнографічних матеріалів. Зазначив, що книга його, на протипагу виданим раніше збірникам усної народної творчості, „...являється як би для того, щоб показати, що багатство народних пам’яток ще не вичерпано”⁶². Наголошуючи на її суспільній вагомості, критик писав: „Наступила потреба знати і зображати свою народність фундаментально, з усіма її вигинами. Ніхто з такою досконалістю не задовольняє цієї потреби в науковому сенсі, як П. Куліш у своїх легендах, переказах, повір’ях, записаних із слів народу”⁶³.

Позитивно, а навіть захоплено, оцінив двотомник Т. Шевченко. У щоденнику, розмірковуючи про важливість цієї праці, він записав: „Я цю книгу скоро напам’ять буду читати. Вона мені так живо, так чарівно живо нагадала мою прекрасну бідну Україну, що я ніби з живими розмовляю з її сліпими лірниками і кобзарями. Прекрасна, благородна праця. Діамант в сучасній історичній літературі”⁶⁴.

Працю П. Куліша високо поцінювали й інші спеціалісти. Наприклад, В. Івашків наводить висловлювання німецького вченого Ф. Шульца стосовно етнографічної праці П. Куліша: “В упорядкуванні фольклорних матеріалів

⁵⁹ Юрченко К. Передне слово / К. Юрченко // Українські народні думи. – К., 1927. – ДВУ. – Т. 1. – С. LXVIII.

⁶⁰ Пыпин А. Обзор малорусской этнографии. П. А. Кулиш / А. Пыпин // Вестник Европы. – 1885. – № 12. – С. 785.

⁶¹ Там само.

⁶² Костомаров Н. Записки о Южной Руси. Издал П. Кулиш. Т. I. 1856 года / Н. Костомаров // Отечественные записки. – 1857. – Т. СХІІ. (– № 6). – С. 44.

⁶³ Там само.

⁶⁴ Щоденник Шевченка // Основа. – 1861. – № 5. – С.

Куліш значно випередив свій час. Він систематизував тексти за оповідачами та співаками. Важливими є також його вказівки про співаків та оповідачів, про їхній побут, спосіб їхнього виконання фольклорних творів⁶⁵.

Виконана П. Кулішем робота розглядалася як зразок вартій наслідування всіма, хто займається збиранням і вивченням фольклору, твори яких зберігають історію, традиції і мову народу. О. Кониський у праці „Наські граматки” радив усім упорядникам і видавцям українських підручників вміщувати у них твори з двотомника П. Куліша, як важливий виховний матеріал для навчання молоді, яку слід виховувати на історичних і культурних цінностях українського народу⁶⁶.

Наприкінці XIX ст. учені, етнографи почали звертати увагу на автентичність надрукованих народних творів, записаних із уст народу, достовірність окремих історичних фактів, висвітлених у них і на основі цього оцінювати всі надруковані записи. Так, П. Кулішеві було зроблено зауваження, що він помістив у „Записках о Южной Руси” сфальсифіковані народні твори, зокрема думу „Бандурист”. Цей цікавий факт, власне його спростування на довго затягнулося. 18 травня 1926 р. на одному із засідань Української Академії Наук Олена Пчілка у своїй доповіді повідомила громадськість про зустріч із П. Кулішем 22 роки тому стосовно фальсифікації дум. Вона навела надзвичайно цікаву його заяву: „Так ми підробляли і доробляли думи! – але ми не фальшивомонетники, що мають користь із фальшування. Товариші Куліша, казав він, фальшували думи так, як Пігмаліон, не знаходячи в житті ідеальної жінки, вирізьбив собі статую і покохавши її, оживив своєю любов’ю. Вони самі прикрашали народну поезію, щоб бачити її ще кращою, – самі вливали в неї те, що прагнули в ній бачити. При тім вони нехтували свою авторську амбіцію і віддавали народіві твори, що часом могли зробити честь імені неабиякого поета”⁶⁷. Внаслідок цього „Дума про бандуриста” не потрапила до реєстру фальшованих дум В. Антоновича і М. Драгоманова. Хоча у слухачів залишалися ще деякі сумніви, думу „Бандурист” було зараховано до „дороблених”, а не „підроблених” дум⁶⁸.

„Записки о Южной Руси”, як ми зазначали, найголовніша праця П. Куліша у галузі чистої етнографії. Також його записи усної народної творчості були надруковані у збірниках А. Метлинського (1854), Д. Каменецького (1861), І. Рудченка (1874) та ін. П. Куліш як досвідчений фахівець етнографії створив власну школу, до якої крім нього входили Ганна Барвінок, брати Білозерські, Л. Жемчужников, О. Шишацький-Ільч та ін. Вони були залучені до пошуково-народознавчої діяльності, до збирання усної народної творчості тощо. Так, заохочуючи до вивчення і розшукування народних творів, П. Куліш писав до О. Шишацького: „Настав нарешті час, коли

⁶⁵ Івашків В. „Записки о Южной Руси” Пантелеймона Куліша як унікальне явище української фольклористики середини XIX століття / В. Івашків // Записки наукового товариства імені Т. Шевченка. Праці Секції етнографії та фольклористики. – Львів : [б.в.], 2001. – Т. ССХІІ. – С. 314.

⁶⁶ Маловідомі першоджерела української педагогіки (друга половина XIX–XX ст.) : хрестоматія / [упоряд. : Л. Д. Березівська та ін.] – К. : Наук. світ, 2003. – С. 59.

⁶⁷ Юрченко К. Передне слово / К. Юрченко // Українські народні думи. –К., 1927. – ДВУ. – Т. 1. – С. LVII.

⁶⁸ Там само.

я можу подякувати Вам за повідомлені Вами пісні... Зробіть послугу, не переставайте наділяти мене піснями й іншими записаними від народу речами. Цим Ви доведете, що любите народ, посеред якого живете. У мене ніщо не загине безплідно і рано чи пізно обернеться на загальну користь”⁶⁹.

Етнографічні дослідження П. Куліша наклали відбиток на його наукову і творчу працю, тісно пов’язали її із канонами народної поезії, які він перейняв, і яких дотримувався в своїх перших творах. Під впливом цього склався у нього погляд на літературу та її зв’язки з народною поезією. Зокрема, етнографічна основа виявлялася як в літературній діяльності П. Куліша, так і в критиці. Важливе значення у цьому аспекті мають „Записки о Южной Руси”, адже в них „...він вперше намітив собі шляхи, по яких пішов у літературі, і записав основи, на яких завше стояв, виносячи свої присуди в критиці”⁷⁰. Етнографічній спадщині українського народу, як ми переконалися, вчений надавав великого значення: „Що було моїм путеводним пламенником? Рідна пісня, рідна поезія! – писав він. – Нехай же гонить її, хто як хоче; вона вовіки перебуде святинею душі моєї. І всяка душа щира єю сохраниється од упадку, єю підніметься вгору і заквітчається, як райськими квітками”⁷¹.

Під впливом романтичних ідей, які розглядали народну творчість як важливе джерело створення і розвитку національної самобутньої літератури, П. Куліш, вивчаючи пам’ятки народної поезії і безпосередньо зближуючись з її носіями, наголошував, що писана словесність, література має ґрунтуватися на народній поезії, безпосередньо бути з нею зв’язаною, і, розвиваючись, має йти „по законам загальнолюдського розвитку... повинна стояти прямо на початках усної словесності”⁷². У передмові до альманаху „Хата” (1860) він зазначав: „...тільки одна народна поезія для його (Т. Шевченка – *О.К.*) і для всіх нас стоїть за віковичний взір”⁷³. Саме на засадах етнографії як науки, вважав П. Куліш, має розвиватися література. Серед інших наук їй надавав найбільшого значення: „Такі книжки, як „Чорна Рада”, дуже потрібні і вжиточні та самі по собі не поставлять літератури на ноги, вона повинна бути підкована на всі чотири наукою; випускати художественні твори без піддержки критики і етнографії все одно, що випускати полки без обозу. Се наша харч, се наші запаси, се наша зброя, се наші гармати”⁷⁴.

Такі погляди П. Куліша знайшли своє відображення у його літературно-просвітницькій діяльності. Більшість художніх, історичних праць ученого відображали народне життя у всій його реальності і повсякденності, літературні образи його творів не були вигаданими, а взятими із середовища українського народу. Адже прості люди, на його думку, найщиріша, високоморальна верства

⁶⁹ Лист П. Куліша до Шишацького, редактора „Черниговских губернских ведомостей” 1856–1857 рр. // ф. 63, № 39, 2 арк.

⁷⁰ Теліга І. Куліш-критик (Принцип етнографічної точності) // Ф. X, № 18233, Арк. 3.

⁷¹ Вибрані листи Пантелеймона Куліша українською мовою писані

/ [ред. Ю. Луцький ; передм. Ю. Шевельов]. – Нью-Йорк ; Торонто : Українська вільна академія наук у США, 1984. – С. 52.

⁷² Там само.

⁷³ Куліш П. Передне слово до громади / П. Куліш // Хата. – 1860. – С. X.

⁷⁴ Письма П. А. Куліша к В. В. Тарнавскому // Киевская старина. – 1898. – № 12. – С. 362.

суспільства. Цю чистоту народної сутності передав його герой Сагайдачний у повісті „Майор”: „Простий народ наш, – думає Сагайдачний, – єдине самостійне у нас суспільство. Тільки в цьому суспільстві, при всій його нерозвинутості, живуть ще корінні наші характери, не перемішанні ні з чим чужим, нехарактерним нашої слов'янській природі. Нам необхідно жити з простолюдинами, необхідно з ними ріднитися. В простолюдинові швидше знайдеш вірну, щирі і живу людину, чим у вищих кругах. У простолюдинові є ще дружба, є любов, якої не зіпсують ніякі розрахунки і відносини”⁷⁵.

У цьому контексті є важливою оцінка П. Куліша тенденцій, що сприяли зміні літературних епох: з якогось часу, на його думку, в українському письменстві „змінилися смаки щодо тем і самих (мовних) зворотів”; читач став вимагати іншого матеріалу згідно з „більшою, порівнюючи з минулим, пошаною до народу”, а письменник звернувся до народних пісень, що послужили йому „єдиним взірцем смаку і тону”⁷⁶. П. Куліш під „більшою пошаною до народу” розумів звернення до народу, до його звичаїв, традицій, сприйняття його як повноправних учасників суспільного життя. В одному з листів вчений писав: „...ми мало знаємо народ, дивимося на нього переважно з погляду господарського...”. Тому висвітлення справжніх почуттів, переживань саме простої людини, селянина було головною рисою, що відрізняло нову літературну епоху.

Ще одним напрямом науково-етнографічної діяльності П. Куліша була літературна критика. Як доречно помітив С. Єфремов, він був „...першим українським критиком в правдивому того слова розумінні, – критиком, що не випадково прохопився однією-двома замітками, а почав був досить систематично, як на ті звичайно часи, освітлювати питання поточного письменства”⁷⁷. Б. Лепкий зазначав, що П. Куліш заклав основи української критики⁷⁸.

Обґрунтовані теоретичні погляди на літературу П. Куліш „застосовує в критиці як мірило оцінки, як основний принцип критичного підходу до літературного явища”⁷⁹. Цей принцип полягав у тому, що кожен український літературний твір мав висвітлювати етнографічну істину, повинен створюватися на основі народної поезії, виражати народне життя у всій його правдивості. Вимагаючи від письменників етнографічної достовірності у своїх творах, П. Куліш під цим розумів не зовнішнє побутописання, а вищий принцип „національної достовірності, точніше – з погляду етнографічної правди національного характеру”⁸⁰.

⁷⁵ Куліш П. Майор / П. Куліш // Повести П. А. Куліша : [в 4 т.]. – СПб. : [б.в.], 1860. – Т. 4 : Майор ; Потомки Заднепровских гайдамак. – С. 197.

⁷⁶ Зеров. – С. 66.

⁷⁷ Єфремов С. Біля початків української критики: (Куліш як літературний критик) / С. Єфремов // Книгар. – 1919. – Липень–серпень. – С. 1531.

⁷⁸ Лепкі В. Zarys literatury ukraińskiej / Лепкі В. – Warszawa-Kraków. – Slowianie, 1930. – S. 224.

⁷⁹ Теліга І. Куліш-критик (Принцип етнографічної точності) // Ф. X, № 18233, Арк. 6.

⁸⁰ Бернштейн М. Д. Журнал „Основа” і український літературний процес кінця 50–60-х рр. XIX ст. / М. Д. Бернштейн. – К., 1959. – С. 129.

Етнографічно-критичні погляди П. Куліша сформувалися у середині 50-х – на початку 60-х рр. XIX ст. Час від часу він виступав і в наступні десятиліття, але це були епізодичні критичні оцінки літературних явищ. Найбільш показовими для його етнографічно-критичної діяльності є період, пов'язаний із виходом у світ альманаху „Хата” і журналу „Основа”. Заслужують на увагу літературно-критичні та публіцистичні праці П. Куліша, надруковані на сторінках російських журналів, а також у „Записках о Южной Руси”⁸¹.

Найвизначнішими є спеціальні статті й розвідки П. Куліша: „Об отношении малорусской словесности к общерусской (эпиграмм к „Черной раде”)”⁸², „Взгляд на малороссийскую словесность по случаю выхода в свет книги „Народні оповідання” Марка Вовчка”⁸³, „Григорій Квітка і його повісті”⁸⁴, „Слово до громади. Погляд на українську словесність”⁸⁵. У журналі „Основа” (1861–1862 рр.) П. Куліш очолив відділ бібліографії і став провідним критиком, де надрукував ряд статей і рецензій з питань історії та сучасного стану письменства: про Климентія Зіновієва, І. Котляревського, М. Гулака-Артемівського, Г. Квітку-Основ'яненка. М. Гоголя, Т. Шевченка, про поточні явища літературного життя.

У статті „Характер и задачи украинской критики” (1861)⁸⁶ він звертав увагу на загальні напрями розвитку вітчизняної ще молодого критики, яка має бути завжди актуальною, об'єктивною, має володіти власною думкою стосовно виходу нових літературних творів, обов'язково відзначати наявність етнографічного елемента в українській літературі. Відповідно кожен письменник „повинен уявляти себе трибуном народним: він повинен постійно тримати в душі своїй моральні потреби свого народу і керуватися його поняттями про самого себе, виробленими його життям і які висвітлюються у його побуті, в його звичаях, в його усній словесності”⁸⁷. У свою чергу завданням української критики є „...строга перевірка літературних творінь естетичним почуттям і вихованим у вивченні своєї народності розумом. Лиш тільки ми відхилимося від цієї задачі, лиш тільки знехтуємо в своїй критиці загальні основи естетики, прикладеної до новітнього народовивчення, – ми зробимося обманщиками свого народу і самозваними його діячами”⁸⁸. Тому, аналізуючи літературний твір, П. Куліш вивіряв наскільки близько він стояв до канонів народної поезії, наскільки правдиво в ньому автор висвітлив особливості українського життя, народного побуту, звичаїв та якою мовою він написаний, і відповідно до цього виносив свої присуди.

⁸¹ Там само. – С. 123.

⁸² Куліш П. Об отношении малороссийской словесности к общерусской. Эпиграмм к „Черной Раде” / П. Куліш // Русская Беседа. – 1857. – № 7. – С. 123–145.

⁸³ Куліш П. Взгляд на малороссийскую словесность, по случаю выхода в свет книги : „Народні оповідання Марка Вовчка” / П. Куліш // Русская Беседа. – 1857. – Кн. 2. – С. 227–234.

⁸⁴ Куліш П. Григорій Квітка (Основ'яненко) і його повісті. Слово на новий вихід Квітчаных повістей / П. Куліш–СПб. : [б.в.], 1858. – XXXVI с.

⁸⁵ Куліш П. Погляд на усну словесність українську / П. Куліш // Твори Пантелеймона Куліша. – Львів, 1908. – Т. 6. – С. 429–435.

⁸⁶ Куліш П. Характер и задачи украинской критики / П. Куліш // Основа. – 1861. – № 2. – С. 157–162.

⁸⁷ Там само. – С. 160–161.

⁸⁸ Там само.

Здійснюючи критичний огляд української літератури в історичному контексті П. Куліш зазначив, що колишні училища, які були створені на зразок Києво-Могилянської школи, не виховали жодного українського поета. На думку П. Куліша, причиною тому була церковно-слов'янська мова, якою велося навчання у цих навчальних закладах. Наставники, вчителі, у силу свого виховання, не розуміли, що „основ красномовства необхідно шукати у мові свого народу... і в його усній поезії”⁸⁹. Саме тому, поезія була поза школою і жила у неграмотному народі. „Але по предмету словесності, – писав П. Куліш, – яка становить душу всякої просвіти, ці школи зробили, можливо, більше шкоди, ніж користі. Вони придушували живе слово народу і вроджений у народі дар поетичної творчості, даючи своїм вихованцям неправдивий погляд на високе і низьке у змісті і формі поетичних творів”⁹⁰. Так, усі вірші поетів-схоластиків, на думку критика, відірвані від народної мови та інтересів життя народу.

Спробу вивести поезію „з-під академічних стін у живий народ” зробив Климентій Зиновій. Зважаючи на те, що його твори багато містять релігійних роздумів про Боже терпіння, про імена Божі і т.п., П. Куліш підкреслив, що це пояснюється вихованням поета та епохою, в якій він жив. Але на відмінну від поетичних праць того часу, у віршах Климентія присутні суворі правила моральності, певні протиріччя християнському вченню, філософські спроби вивести явища сучасного життя до ідеї істини. Зважаючи на такі відмінності творчості Климентія від сучасників, П. Куліш надав належного їй значення в історії української літератури. До того ж назвав Климентія першим українським „стихотворцем” і передав основні його праці українським правописом.

І. Котляревський, на його думку, „був далекий від розуміння народних звичаїв і поезії народних переказів”, і тому його „Енеїда” „має ознаки глибокого занепаду народного почуття самосвідомості й самоповаги”, оскільки в ній „зібрано все, що тільки могли найти пани карикатурного, смішного і безглузлого в гірших прикладах простолюдина”, в ній відбився „зневажливий погляд на простонародність”⁹¹. У передмові до альманаху „Хата” П. Куліш писав, що „як появивсь Котляревський із своїм Енеєм, усі зареготали щиро, що який-то, справді чудний той простий люд український, од котрого ми, дякуючи деяким старосвітським добродіям, одрізнялись... Тим же реготом над «Енеїдою» мало-мало не згубили самі земляки свого ж новонародженого слова”⁹². П. Куліш наголосив, що цим І. Котляревський зобов'язаний епосі, в якій він жив, і був не в змозі піднятися вище її понять.

Але автор відомої комедії, який розсмішив всю Україну, в творах „Наталка-Полтавка” і „Москаль-Чарівник” зумів відшукати зворушливі, поряд із комічними, моменти простонародного українського життя. У цих п'єсах, на думку П. Куліша, він набагато краще, ніж в „Енеїді” вірно зобразив український

⁸⁹ Куліш П. Обзор української словесності. І. Климентій / П. Куліш // Основа. – 1861. – № . – С. 159.

⁹⁰ Куліш П. Обзор української словесності. І. Климентій / П. Куліш // Основа. – 1861. – № . – С. 161.

⁹¹ Куліш П. Обзор української словесності. ІІ. Котляревський / П. Куліш // Основа. – 1861. – № 1. – С. 236; 244.

⁹² Куліш П. Передне слово до громади / П. Куліш // Хата. – 1860. – С. VII, XVII.

народ і виявив більше поваги до його простонародних людських почуттів⁹³. Хоча головний персонаж Наталку Полтавку вважає „актрисою, а не щиро поетичною селянкою”.

Важливою заслугою письменника є те, що видав „Енеїду” рідною мовою, де головними персонажами виступає український народ. З огляду на це П. Куліш писав, що І. Котляревський „был единственный писатель, воспроизведший всеми забытую или пренебреженную жизнь украинского простонародья... Он один отделился от хора писателей, твердивших на другом языке, каждый по своему: «о Россь, о подвиг исполина!» или в сладосном упоении обнимавшихся с чужеземными музами. Это его заслуги”⁹⁴.

Серед українських письменників учений виокремлював Г. Квітку-Основ'яненка. Адаже позитивні герої його повістей вдало передавали український національний характер, національні традиції, відбивали „...величавий образ малоросійського простолюдина”⁹⁵. У листі до В. Тарнавського П. Куліш зазначив, що Г. Квітка-Основ'яненко „зміг підняти мужика в світі і в дьогтяних чоботах на таку вершину, що хоч візьми та й посади коло престола Божого”⁹⁶. Своїми творами письменник немов скликав усіх українців „у рідну сім'ю”, подаючи в них „...науку тихого богобоязливого життя”⁹⁷. Його оповідання мають велику цінність і в тому, що автор вичерпнув їх із „...народних уст і прилагодив до потреби людей письменних, зробив їх творами літературними”⁹⁸.

Надаючи великої ваги творчості Г. Квітки-Основ'яненка, який правдиво відобразив українське життя у своїх повістях, П. Куліш поставив його доробок поряд із Т. Шевченком: „Аналізом тодішніх літературних зразків українських підпирається правдивість її шляхів, Шевченко і Квітка великої дійшли висоти і разом виступають невеликою громадою таких мужів як Шекспір, Вальтер Скотт, Міллер, Міцкевич, Пушкін, Гоголь”⁹⁹. Т. Шевченко також передав народне життя, тільки у віршах: „Геній народний создал Шевченка з його стихом золотоголосим. Набравшись те змалку всього, чим живе й дише селянин, він підняв прості хатні розмови до великої пісні, і разом з тим зробив з них ревну, сердечну лірику і величний епос...”¹⁰⁰.

Учений гостро засудив М. Гоголя за „Малороссийские повести” у зв'язку з тим, що вони мало містили етнографічної та історичної істини, хоча в них відчувався загальний поетичний тон українського життя. Але за „Мертві душі” високо його підносив. П. Куліш наголошував: „Неможна сказати, щоб твори

⁹³ Куліш П. Обзор украинской словесности. П. Котляревський / П. Куліш // Основа. – 1861. – № 1. – С. 248.

⁹⁴ Там само. – С. 249.

⁹⁵ Бернштейн М. Д. Журнал „Основа” і український літературний процес кінця 50–60-х рр. XIX ст. / М. Д. Бернштейн. – К., 1959. – С. 132.

⁹⁶ Письма П. А. Куліша к В. В. Тарнавскому // Киевская старина. – 1898. – № 12. – С. 359. С. 353–366.

⁹⁷ Бернштейн М. Д. Журнал „Основа” і український літературний процес кінця 50–60-х рр. XIX ст. / М. Д. Бернштейн. – К., 1959. – С. 132.

⁹⁸ Куліш П. Погляд на усну словесність українську / П. Куліш // Твори Пантелеїмона Куліша. – Львів, 1908. – Т. 6. – С. 424.

⁹⁹ Там само. – С. 443.

¹⁰⁰ Там само. – С. 442.

Гоголя об'яснили Малоросію, проте вони дали новий, сильний поштовх до її вивчення”¹⁰¹.

Поезія Галичини, яка в той час була під впливом схоластики, не дістала схвалення П. Куліша. Він писав у „Соборному посланні Куліша Галичанам”: „Ваше цвіркання ми не вважаємо за поезію, і відносимо його до тих стихотворних думок, які писалися у нас за Сковороди... Це ви тільки пробуєте приборканих крилець, підлітаючи за поетичним словом українським. Пробуйте, вимахуйте крила, ми вас ще й похвалимо... тільки школою вашою мусить бути школа українська, обперта не на Шевченкові, як у вас здається, а на етнографії, що вже й після Шевченка дала пахучий цвіт свій Марком Вовчком та Нечуєм. Сам Шевченко поти йшов у гору, поки його не одірвано від етнографічного джерела слова і чуття. Наш Гомер – не Шевченко, а народ: всі ми вкупі з Шевченком ласуємося тільки останками від його великого пирування”¹⁰².

Своєю критичною увагою П. Куліш не обійшов і твори М. Гулака-Артемівського, виділивши ті, в яких відчувається любов до людей і народного побуту. У них уже „не змішанні риси і фарби, якими Котляревський змальовував народний побут, не ті розраховані на один сміх маски, якими він накидав бійців, що риють носом землю... В його описах ми бачимо картини, що пробуджують наші посмішки наївною своєю правильністю часто сумною дійсністю української глушини”¹⁰³. Є. Гребінка, сучасник Г. Квітки-Основ'яненка, „...залишив нам дихаюче свіжістю і істинною картиною із малоросійської природи і життя в своїх „Приказках”, і той же Гребінка писав по-російськи нескладні повісті із рідних переказів...”¹⁰⁴.

Як досвідчений етнограф і критик П. Куліш високо цинив українські оповідання Марка Вовчка. На його думку, письменниця „...добре робить, що, живучи поміж селянами, прислухається до їх розмови і пише їх складом, добираючи найвимовніші їх слова і приговірки”¹⁰⁵. У її оповіданнях „все живо, виразно, просто як в дійсності... Ви бачите перед собою народ, чуєте народ, знаєте, як він живе, розумієте, як він відчуває <...> перед вами відкривається своєрідне життя з усіма його таємницями, і ледве ви переступили через поріг малоросійської хати, провідника немає, ви оточенні народом, ви маєте з ним справу безпосередньо”¹⁰⁶. Її оповідання – це жива, реальна картина народного життя: „Се жива етнографія і під цим то поглядом мають вони найвищу свою коштовність”¹⁰⁷. Так само „прості описи історії життя людського в творах

¹⁰¹ Михайло Максимович і Пантелеймон Куліш: до історії взаємин / [уклад. : Наталя Побірченко, Оксана Кравченко]. – Умань : РВЦ „Софія”, 2007. – С. 55.

¹⁰² Переписка Куліша с Володимиром Барвинским в первой половине 1871 года // Киевская старина. – 1898. – Кн. X. – С. 115–117.

¹⁰³ Куліш П. Обзор украинской словесности. III. Артемівський-Гулак / П. Куліш // Основа. – 1861. – № 3. – С. 89.

¹⁰⁴ Куліш П. Об отношении малороссийской словесности к общерусской. Эпилог к „Черной Раде” / П. Куліш // Русская Беседа. – 1857. – № 7.

¹⁰⁵ Куліш П. Взгляд на малороссийскую словесность, по случаю выхода в свет книги : „Народні оповідання Марка Вовчка” / П. Куліш // Русская Беседа. – 1857. – Кн. 2. – С. 449–451.

¹⁰⁶ Куліш П. Взгляд на малороссийскую словесность, по случаю выхода в свет книги : „Народні оповідання Марка Вовчка” / П. Куліш // Русская Беседа. – 1857. – Кн. 2. – С. 232–234.

¹⁰⁷ Куліш П. Передне слово до громади / П. Куліш // Хата. – 1860. – С. XI.

Ганни Барвінок, без добавки фантазії, мають в нашій словесності цю вагу велику, бо тільки такими оповіданнями можна вивіряти, що справді в наших повістях єсть нашого, щиро народного, а що підсолодженого на взір інших літератур городинських»¹⁰⁸.

Навіть свій власний твір „Україна” П. Куліш віддає на суд самого народу, кобзарям і лірникам, щоб дізнатися „...чи потрапив зложить тим давнім, голосним, поважнім складом, яким вони співають. Побачу, що то скажуть мені сивії голови, як поїду знов уздовж і впоперек України”¹⁰⁹. Отже, наявність етнографічного елементу в літературних творах була головним критерієм і принципом літературної критики ученого.

І в цьому ми вбачаємо велику дидактичну цінність етнографічної і літературно-критичної спадщини П. Куліша. Настановлений з молодих літ на освітню діяльність, він присвятив своє життя просвітництву народу, оскільки в цьому вбачав єдиний шлях його прогресу, піднесення культури, засіб його духовного збагачення.

Таким чином, завдяки етнографічному вивченню українського народу, П. Куліш став науковим знавцем народного життя, в якому вбачав великі потенційні сили, здатні піднести національну самосвідомість та сформувати ідентичність народу. Тому висвітлення етнографічної правди простонародної дійсності було його основним завданням у літературній творчості та основним принципом літературної критики.

У збірці представлені маловідомі та невідомі публікації П. Куліша, які відображають його погляди, роздуми, переконання стосовно розвитку і становлення літературного процесу в Україні. Критика П. Куліша була цілковито зорієнтована на потреби поточного літературного процесу другої половини ХІХ ст. Разом з тим учений розвинув та обґрунтував важливий принцип літературної творчості – відомий у гуманітарній науці як «принцип етнографічної точності».

Відібрано 16 текстів, які надруковані в українських та російських періодичних виданнях другої половини ХІХ ст. і стали бібліографічною рідкістю. Тексти подано мовою оригіналу або мовою джерела, звідки його взято. Посилання на сторінках книги належать автору праць. В кінці кожного тексту дається посилання на джерело, звідки цей текст взято.

Ми вважаємо, що це видання дасть змогу широкому загалу ознайомитися з ідейними переконаннями П. Куліша стосовно розвитку і становлення українського літературного процесу, а також визначити його внесок в етнографічне вивчення рідного народу.

¹⁰⁸ Куліш П. Од издателя / П. Куліш // Хата. – 1860. – С. 160.

¹⁰⁹ Теліга І. Куліш-критик (Принцип етнографічної точності) // Ф. Х, № 18233, Арк. 8.

**Объ отношеніи малороссійской словесности къ обще-русской.
Эпилогъ къ „Черной Радѣ”**

„Черная Рада” написана на южно-русскомъ или малороссійскомъ языкѣ. Здѣсь напечатанъ вольный переводъ этого сочиненія. Въ переводѣ есть мѣста, которыхъ нѣтъ въ подлинникѣ, а въ подлинникѣ осталось многое, не вошедшее въ переводъ. Это произошло, какъ отъ различія духа обѣихъ словесностей, такъ и отъ того, что, сочиняя подлинникъ, я стоялъ на иной точкѣ возрѣнія, а въ переводѣ я смотрѣлъ на предметъ, какъ человѣкъ извѣстной литературной среды. Тамъ я по возможности подчинялся тону и вкусу нашихъ народныхъ рапсодовъ и расказчиковъ; здѣсь я оставался писателемъ установившагося литературного вкуса. Думаю, что отъ этого подлинникъ и переводъ, изображая одно и то же, представляютъ, по тону и духу, два различные произведенія. Какъ бы то ни было, только считаю не лишнимъ объяснить, почему русскій писатель нашего времени, для изображенія малороссійскихъ преданій, нравовъ и обычаевъ, обратился къ языку, неизвѣстному въ Сѣверной Россіи и мало распространенному въ читающей южно-русской публикѣ.

Книга моя, появясь въ свѣтъ не на общепринятомъ литературномъ языкѣ, можетъ ввести многихъ въ заблужденіе на счетъ понятій и цѣли автора. Вообразать, пожалуй, что и пишу подъ вліяніемъ узкого мѣстнаго патріотизма, и что мною управляетъ желаніе образовать отдѣльную словесность, въ ущербъ словесности обще-русской. Для меня были бы крайне обидны подобныя заключенія, и потому я рѣшился предупредить ихъ объясненіемъ причинъ, заставившихъ меня избрать языкъ южно-русскій для художественнаго воссозданія лѣтописныхъ нашихъ преданій.

Когда Южная Русь, или, какъ обыкновенно ея называютъ, Малороссія, присоединилась къ Сѣверной или Великой Россіи, умственная жизнь на Сѣверѣ тотъ часъ оживилась притокомъ новыхъ силъ съ юга, и потомъ Южная Русь постоянно уже принимала самое дѣятельное участіе въ развитіи сѣверно-русской литературы. Извѣстно каждому, сколько малороссійскихъ именъ записано въ старыхъ лѣтописяхъ русской словесности. Люди, носившіе эти имена, явились на сѣверъ съ собственнымъ языкомъ, каковъ бы онъ ни былъ — чистый южно-русскій, или, какъ утверждаютъ нѣкоторые, полу-польскій, живой народный, или черствый академическій, — и ввели этотъ языкъ въ тогдашнюю русскую словесность, какъ рѣчь образованную, освоенную съ обще-европейскою наукою и способную выражать ученые и отвлеченные понятія. Природные Москвичи оставили языкъ своихъ разрядныхъ книгъ и грамотъ для этой рѣчи, и въ Россійскомъ государствѣ, мимо народного сѣверно и народного южно-русского языковъ, образовался языкъ, составляющій между ними средину и равно понятный обоимъ русскимъ племенамъ. Дойдя до извѣстной степени ясности и полноты, онъ началъ очищаться отъ старыхъ, выкованныхъ въ школахъ и чуждыхъ народному вкусу, словъ и оборотовъ,

замѣняя ихъ словами и оборотами языка живого, которымъ говоритъ народъ, – и тутъ притокъ сѣверно-русского элемента въ литературный языкъ сдѣлался почти исключительнымъ. Въ свою очередь Малороссіяне отреклись отъ природного языка своего, и, вмѣстѣ съ просвѣщеніемъ, разливавшимся по имперіи изъ двухъ великихъ жерлъ, Москвы и Петербурга, усвоили себѣ формы и духъ языка сѣверно-русского.

Казалось бы, этимъ поворотомъ взаимныхъ племенныхъ вліяній должно было завершиться развитіе литературного языка въ Россіи; но на дѣлѣ вышло, что силы творящего русского духа еще далеко не всѣ пришли съ соприкосновеніемъ. Въ то время, когда Пушкинъ довелъ русскій стихъ до высочайшей степени совершенства, до *nes plus ultra* пластики и гармоніи, – изъ глубины степей Полтавскихъ является на сѣверѣ писатель, съ поверхностнымъ школьнымъ образованіемъ, съ неправильною рѣчью, съ отклоненіями отъ общепринятыхъ законовъ литературного языка, явно происходящими отъ недостаточнаго знакомства съ нимъ, является, и поклонники изящнаго, отчетливаго, гармоническаго Пушкина заслушались степенныхъ рѣчей его... Что это значитъ? Это значитъ, что Пушкинъ владѣлъ еще не всѣми сокровищами русского языка, что у Гоголя слышалось русскому уху что-то родное и какъ бы позабытое отъ временъ дѣтства; что вновь открылся на землѣ русский источникъ слова, изъ котораго наши сѣверные писатели давно уже перестали черпать...

Судя по сходству древнихъ обычаевъ у Великороссовъ и Малороссіянь, надобно думать, что въ глубокую старину вся Русь говорила однимъ и тѣмъ же языкомъ, или очень сходными между собою нарѣчіями; и, вѣроятно, русское слово было развито до лучшихъ своихъ формъ преимущественно въ той странѣ, которая была тогда средоточіемъ силы народной, – въ землѣ Кіевской. Чѣмъ дальше отъ этой страны, тѣмъ рѣзче должны были быть областные отличія и уклоненія отъ собственно южно-русского слова, что и отразилось частію въ сѣверно-русскихъ лѣтописяхъ. Тѣмъ не менѣе, однако, языкъ Кіевскій долженъ былъ служить образцомъ для всего первобытнаго русского міра. Но, въ слѣдствіе политическихъ переворотовъ, гражданственность мало по малу ослабѣла въ предѣлахъ древняго Кіевского княжества, и Русскій народъ развилъ свои государственные силы преимущественно на сѣверѣ – сперва во Владимірѣ на Клязмѣ, а потомъ въ Москвѣ. Здѣсь древній русскій языкъ, каковъ бы онъ ни былъ во времена Владиміра и Ярослава, пошелъ къ развитію особеннымъ путемъ, такъ какъ онъ началъ вбирать въ себя пищу изъ особенной народной почвы, при особенныхъ государственныхъ и общественныхъ обстоятельствахъ. Московская земля является сильнымъ, все къ себѣ притягивающимъ царствомъ, и, создавая новые формы жизни, создаетъ языкъ, выражающій эти формы. Такъ онъ достигаетъ той степени развитія, на которой застали его, присоединяясь къ сѣверно-русскому народу, разрозненные съ нимъ Татарами южные-Русичи.

Что же дѣлали они съ языкомъ своимъ во все время разлуки съ Русью Сѣверною? Нѣкоторые изъ нашихъ ученыхъ, не обинуясь, утверждали, что они

позабыли настоящую русскую рльч, поддавшись вліянню польского языка, который, смѣшавшись съ языкомъ южныхъ Русичей, произвелъ смѣсь, называющуюся нынѣ языкомъ малороссійскимъ. Выходить такъ, какъ будто малороссійскій языкъ произошелъ отъ польского. Но памятники южно-русской народной словесности, беспрестанно открываемые этнографами, приводятъ къ важному въ этомъ случаѣ вопросу – который изъ двухъ языковъ могъ быть отцомъ другого: тотъ ли, который имѣеть богатые красотами пѣсни народные, захватившія въ себя этнографическіе и религіозные факты изъ глубочайшей языческой древности, или тотъ, который такихъ пѣсенъ не имѣеть? Польскій языкъ не только бѣднѣ народными произведеніями, но и моложе южно-русского; и, если мы находимъ въ нынѣшнемъ малороссійскомъ языкѣ слова польскія, то это значить, что они были заимствованы самими Поляками у южныхъ Руссовъ и сдѣлались общими обоимъ племенамъ. Не позабылъ южно-русскій народъ того языка, на которомъ говорили князья и дружины ихъ; ибо онъ продолжалъ жить собственною жизнью мимо ханскихъ баскаковъ и Литвиновъ, которымъ не было никакого дѣла до его нравовъ и языка. Заимствованное однимъ народомъ отъ другого носить признаки своего первообраза и непременно уступаетъ ему въ силѣ и красотѣ; а здѣсь случилось напротивъ. Польская народная словесность, даже во мнѣніи самыхъ горячихъ ея приверженцевъ, далеко отстаетъ отъ малороссійской въ силѣ, разнообразіи, блескѣ и пластической красотѣ созданій. Какъ же у насъ на Руси можетъ существовать мнѣніе, что эта бѣдная словесность родила богатую? Много есть этому причинъ; но я укажу только на одну: что ученые наши – и именно историки и филологи – по большей части удалены своею жизнью отъ непосредственного изученія народа, и особенно южно-русского, что они по необходимости повторяютъ одинъ другого, и что – ко вреду науки – есть между ними такіе, которые думаютъ играть роль русскихъ патріотовъ, унижая одно русское племя передъ другимъ. Какія же послѣдствія такой недостаточности живыхъ наблюдений, и къ чему ведетъ эта племенная неисклѣчительность возрѣнія на Русь? съ одной стороны, это поселяетъ въ довѣрчивомъ къ авторитетамъ юношествомъ пренебреженіе къ предмету, достойному самого прилежного, спеціального изученія, съ другой – питаетъ чувство племенного отчужденія, выражающееся у Малороссіянъ или равнодушіемъ ко всему, что не-малороссійское, или безобразными карикатурами дѣйствительности. Можетъ быть, кто-нибудь и выигрываетъ отъ такого положенія дѣлъ, только не общество. Для общества нужна любовь, а гдѣ нѣтъ любви, тамъ нѣтъ и успѣховъ жизни. Поэтому тѣ изъ нашихъ ученыхъ, которые, изъ простодушного или притворного патріотизма, ограничиваютъ кругъ спеціального изученія народа и его рѣчи такъ называемымъ настоящимъ русскимъ чловѣкомъ, отчуждая, въ слѣпотѣ своей, отъ участія въ дѣлѣ самопознанія и самовыраженія многіе милліоны южного русского племени, – дѣйствуютъ противъ успѣховъ нравственного развитія Россіи.

Къ счастью природа русского чловѣка сильнѣе заблужденій ученыхъ и неученыхъ фанатиковъ, и какъ бы ни подавляли ея мертвящія вліянія людей

безъ сердца и безъ истинного разума, при благопріятныхъ обстоятельствахъ она снова получаетъ свою жизненность. Съ нѣкоторого времени въ южно-русскомъ образованномъ обществѣ начала пробуждаться любовь къ родной поэзіи и родному языку, – не отнюдь не въ слѣдствіи общаго движенія Славянскихъ племень къ своенародности, какъ полагають нѣкоторые, движенія, сравнительно очень недавнего. Эта любовь выразилась произведеніями, которые не имѣють большой цѣны на нынѣшній нашъ взглядъ, но которыхъ вліяніе на обще-русскую литературу оказалось благотворнымъ. Гоголь отъ своего отца, автора и актера нѣсколькихъ драматическихъ пьес на малороссійскомъ языкѣ, получилъ первое побужденіе къ изображенію малороссійской жизни въ повестяхъ. Кругъ людей, въ который онъ попалъ по своимъ житейскимъ обстоятельствамъ, и вліяніе окружавшихъ его личностей указали ему формы рѣчи, въ которыхъ его созданія могли быть доступны обществу: онъ началъ писать по-великорусски. Многіе изъ Малороссіянь сожальють, что онъ не писалъ на родномъ языкѣ; но я нахожу это обстоятельство одною изъ счастливѣйшихъ случайностей. По своему воспитанію и по времени, съ которымъ совпало его дѣтство, онъ не могъ владѣть малороссійскимъ языкомъ въ такой степени совершенства, чтобы не останавливаться на каждомъ шагу въ своемъ творествѣ, за недостаткомъ формъ и красок. Каковъ бы ни былъ его талантъ, но, при этомъ условіи, онъ имѣлъ бы слабое вліяніе на своихъ соплеменниковъ, а на великорусское общество никакого. Но, заговорить о Малороссіи на обще-доступномъ для обоихъ племень языкѣ, онъ, съ одной стороны, показалъ своему родному племени, что у него есть и было прекрасного, а съ другой – открылъ для Великороссіянь своеобразный и поэтической народъ, извѣстный имъ дотолѣ въ литературѣ только по карикатурамъ. Судя строго, малороссійскія повѣсти Гоголя мало заключаютъ въ себѣ этнографической и исторической истины, но въ нихъ чувствуется общій поэтической тонъ Малороссіи. Онѣ подходятъ ближе къ нашимъ народнымъ пѣснямъ, нежели къ самой натурѣ, которую отражаютъ въ себѣ эти песни. Нельзя сказать, чтобы произведенія Гоголя объяснили Малороссію, но они дали новое, сильное побужденіе къ ея объясненію. Гоголь не въ состояніи былъ исслѣдовать родное племя въ его прошедшемъ и настоящемъ. Онъ брался за исторію Малороссіи, за историческій романъ въ Вальтер-Скоттовскомъ вкусѣ, и кончилъ все это „Тарасомъ Бульбою”, въ которомъ обнаружилъ крайнюю недостаточность свѣдѣній о малороссійской старинѣ и необыкновенный даръ пророчества въ прошедшемъ. Перечитывая теперь „Тараса Бульбу”, мы очень часто находимъ автора въ потемкахъ; но гдѣ только пѣсня, лѣтопись, или преданіе бросаютъ ему искру свѣта, – съ непостижимой зоркостью пользуется онъ слабымъ ея мерцаніемъ, чтобы распознать сосѣдніе предметы. И при всемъ томъ „Тарас Бульба” только поражаетъ знатока случайной вѣрностью красокъ и блескомъ зиждущей фантазіи, но далеко не удовлетворяетъ относительно исторической и художественной истины. Здѣсь опять многіе изъ Малороссіянь сожальють, что Гоголь не продолжалъ изучать Малороссіи и не посвятилъ себя

художественному воспроизведенію ея прошедшего и настоящего; и опять я въ его стремленіи къ великорусскимъ элементамъ жизни вижу счастливѣйшій инстинктъ генія. Въ его время не было возможности знать Малороссію больше, нежели онъ зналъ. Мало того: не возникло даже и задачи изучить ея съ тѣхъ сторонъ, съ какихъ мы, преемники Гоголя въ самопознаніи, стремимся уяснить себѣ ея прошедшую и настоящую жизнь. Но если предположить, что Гоголь вдаль бы въ разработку малороссійскихъ архивовъ и лѣтописей, въ собраніе пѣсенъ и преданій, въ разѣзды по Малороссіи, съ цѣлью видѣть собственными глазами жизнь настоящую, по которой можно заключать о прошедшей, — наконецъ, въ изученіе политическихъ и частныхъ международныхъ связей Польши, Россіи и Малороссіи; то приготовленія къ художественному труду поглотили бы всю его дѣятельность, и, можетъ быть, мы ничего бы отъ него не дождались. Напротивъ, обращаясь къ современной великорусской жизни, онъдохнулъ свободнѣе; матеріалы у него были всегда подъ рукою, и только сознаніе недостаточности собственного саморазвитія останавливало его творчество. Всѣ таки онъ оставилъ намъ памятникъ своего таланта въ нѣсколькихъ повѣстяхъ, комедіяхъ и, наконецъ, въ „Мертвыхъ Душахъ”, этой велико попыткѣ произвести нѣчто колоссальное. Приверженцы развитія малороссійскихъ началъ въ литературѣ ничего въ немъ не потеряли, а всѣ Русскіе вообще выиграли. Да развѣ мало малороссійского вошло въ „Мертвые Души”? „Сами Москвичи признають, что, не будь Гоголь Малороссіанинъ, онъ не произвелъ бы ничего подобнаго” Но созданіе „Мертвыхъ Душъ”, или, лучше сказать, стремленіе къ созданію (выраженное Гоголемъ въ „Авторской Исповѣди” и во множествѣ писемъ), имѣетъ другое, высшее значеніе. Гоголь, уроженецъ Полтавской губерніи, той губерніи, которая была поприщемъ послѣднего усилія извѣстной партіи Малороссіянъ (приверженецъ Мазепы) разорвать государственную связь съ народомъ Великорусскимъ, поэтъ, воспитанный украинскими народными пѣснями, пламенный до заблужденій бардъ казацкой старины, возвышается надъ исключительною привязанностью къ родинѣ и загорается такой пламенной любовью къ нераздѣльному Русскому народу, какой только можетъ желать отъ Малоросса уроженецъ сѣверной Россіи. Можетъ быть, это самое великое дѣло Гоголя, по своимъ послѣдствіямъ, можетъ быть, въ этом-то душевномъ подвигѣ болѣе, нежели въ чем-либо, оправдывается зародившееся въ немъ еще съ дѣтства предчувствіе, что онъ сдѣлаетъ что-то для общего добра. Со временъ Гоголя взглядъ Великороссовъ на натуру Малороссіанина перемѣнился: почували въ этой натурѣ способности ума и сердца необыкновенные, поразительные; увидѣли, что народъ, посреди котораго явился такой человѣкъ, живетъ сильною жизнью, и, можетъ быть, назначается судьбою къ восполненію духовной натуры сѣверно-русского человѣка. Поселивъ это убѣжденіе въ русскомъ обществѣ, Гоголь совершилъ подвигъ, болѣе патріотическій, нежели тѣ люди, которые славятъ въ своихъ книгахъ одну сѣверную Русь и чуждаются южной. Съ другой стороны Малороссіяне, призванные имъ къ сознанію своей национальности, имъ же самимъ устремлены къ любовной связи ея съ національностью сѣверно-

русскою, которой величіе онъ почувствовалъ всей глубинной души своей и заставилъ насъ также почувствовать. Назначеніе Гоголя было внести начало глубокого и всеобщего сочувствія между двухъ племенъ, связанныхъ матеріально и духовно, но разрозненныхъ старыми недоразумѣніями и недостаткомъ взаимной оцѣнки.

Я сказалъ, что малороссійскіе произведенія Гоголя дали побужденіе къ объясненію Малороссіи, и сказалъ это не безъ основанія. Все, что было до него писано о Малороссіи на обоихъ языкахъ, сѣверно и южно-русскомъ, безъ него, не могло бы произвести того движенія въ умахъ, какое произвелъ онъ своими повѣстями изъ малороссійскихъ нравовъ и исторіи. „Тарас Бульба”, построенный на сказаніяхъ Конискаго и Боплана, сообщилъ этимъ писателямъ новый интерес. Въ нихъ начали искать того, что осталось не захваченнымъ казацкою поэмою Гоголя, и сохраненные ими преданія старины получили для ума и воображенія прелесть волшебной сказки. Это очарованіе разлилось и на другія лѣтописи, которыхъ до тѣхъ поръ не замѣчали за Конискимъ. Приведеніе ихъ въ извѣстность повело къ сличенію; открытые противорѣчія родили потребность узнать истину. Наступилъ моментъ исторической разработки, до которого далеко еще было автору „Тараса Бульбы”, какъ это всего лучше доказываетъ современная этому произведенію статья Пушкина о Конискомъ (въ „Современникѣ”, 1836 годъ), въ которой нѣтъ и намека на его недостатки со стороны фактической вѣрности. Открыта мною и издана профессоромъ Бодянскимъ „Лѣтопись Самовидца”, неимѣющая ничего себѣ равного между малороссійскими лѣтописями. Новый взглядъ на исторію казацкой Малороссіи началъ проявляться въ печатныхъ и рукописныхъ сочиненіяхъ. Недовѣрчивость къ собственнымъ источникамъ, возбужденная всего больше упомянутой лѣтописью, заставила насъ обратиться къ источникамъ польскимъ. Живые сношенія знатоковъ родныхъ преданій съ беспристрастными польскими учеными, и преимущественно съ покойнымъ графомъ Свидзинскимъ и Михаиломъ Грабовскимъ, утвердили въ южно-русскихъ писателяхъ здравые понятія объ историческихъ явленіяхъ на Украинѣ обѣихъ сторонъ Днѣпра. Съ другой стороны, профессоръ Бодянской издалъ знаменитую лѣтопись Кониского, или „Исторію Руссовъ”, которая составляла настольную рукопись каждого почитателя памяти предковъ въ Малороссіи, и то, что было ужъ рѣшено и обсуждено на счетъ ея между южно-русскими учеными, но не было еще высказано печатно, по случайнымъ обстоятельствамъ, – высказано московскимъ профессоромъ Соловьевымъ въ „Очеркѣ Исторіи Малороссіи.” съ Кониского снята священная мантия историка. Онъ оказался, во-первыхъ, фанатиком-патріотомъ южной Руси, изъ любви къ ней, не щадившимъ, наперекоръ истинѣ, ни Польши, ни государства Московскаго, – во вторыхъ, человекомъ необыкновенно талантливымъ, поэтомъ лѣтописныхъ сказаній и вѣрнымъ живописцемъ событій только въ тѣхъ случаяхъ, когда у него не было заданной себѣ напередъ мысли. Заслуга г. Соловьева, какъ критика лѣтописи Кониского, велика, хотя до сихъ поръ не оцѣнена Малороссіянами, которые униженіе своего Тита Ливія приняли, по старой памяти, за

недоброжелательство къ ихъ родинѣ. Но уже прошли времена умышленнаго недоброжелательства: оно остается теперь только при тѣхъ писателяхъ, которые, какъ люди, равно чужды сѣверно- и южно-русскому обществу, и которыхъ имена не достойны быть упомянуты тамъ, гдѣ говорится о высокому стремленіи къ истинѣ. Лучшимъ заступникомъ г. Соловьева противъ простодушныхъ неудовольствій нѣкоторыхъ Малороссіянъ будетъ ихъ родной писатель, Н.И. Костомаровъ, которого труды слишкомъ долго для науки оставались въ неизвѣстности, но за то, безъ сомнѣнія, примутся теперь обществомъ тѣмъ съ большимъ сочувствіемъ и уваженіемъ.

Это одна сторона движенія, которое усилилъ Гоголь своимъ прикосновеніемъ къ малороссійской народности. Но въ то время, когда отвлеченная наука дѣлала свое дѣло въ области историко-этнографическаго исслѣдованія южной Руси, въ обществѣ почувствовалось сознательнѣе прежняго желаніе допросить свой народъ на его родномъ языкѣ. Перестали искать въ немъ смѣшнаго, простодушнаго и даже хитро-наивнаго. Взглядъ на простолюдина сдѣлался глубже и симпатичнѣе. Мы сначала внимательнѣе прежняго вслушиваться въ его пѣсни. Внутренній образъ Малороссіянина сказанъ намъ въ красотѣ, нѣжности и мрачной энергіи языка и музыки этихъ пѣсень. Появились новые сборники эпическихъ и лирическихъ произведеній народнаго ума и чувства. Этнографія перешагнула съ затвердѣлой почвы лѣтописей на живую, производящую почву національной поэзіи; исторія съ удивленіемъ увидѣла себя въ цвѣтистой и сіяющей одеждѣ народной пѣсни. Мы пожелали войти въ хату мирныхъ потомковъ того казачества, которое, по собственнымъ его словамъ, „полеми и моремъ славы у всего свѣта добыло“; мы пожелали слышать ихъ рѣчи безъ переводчика, какимъ явился въ русской литературѣ Гоголь; мы уже подросли до того, что въ состояніи были понять все нѣжное и гармоническое въ подлинникѣ. И насъ ввелъ въ мужичью хату Григорій Квитка, писавшій подъ именемъ Основьяненка. Повѣсть его „Маруся“ до сихъ поръ не оцѣнена по достоинству. Видѣли въ ней плѣнительную живопись простонародныхъ обычаевъ, теплое чувство и много сценъ, истинно-патетическихъ; но упустили изъ виду, что еще ни въ одномъ литературномъ произведеніи простолюдинъ Малороссіянинъ, лишенный всякаго иного общенія съ людьми просвѣщенными, кромѣ Слова Божія, не являлся въ столь величественной простотѣ нравовъ, какъ въ этой повѣсти. Это не чернорабочій пахарь, а человекъ, въ полномъ значеніи слова. Его не усовершенствовала современная образованность. Онъ ничего не видалъ, кромѣ своего села. Онъ не грамотенъ; онъ занятъ только полевыми и домашними работами. Слово Божіе, которое онъ слышитъ въ Церкви, внѣдряется въ немъ одними только явленіями природы, которые онъ любитъ безсознательно, какъ младенецъ свою кормилицу. Но во всѣхъ его понятіяхъ и дѣйствіяхъ, отъ взгляда на самого себя до обращенія съ сосѣдями, поражаетъ насъ именно какое-то величіе, въ которомъ чувствуешь естественное благородство натуры человѣческой. Никто не скажетъ, чтобъ это была аффектація. Тогда бы Квиткинъ поселянинъ не возбуждалъ къ себѣ такого сочувствія; онъ не

впечатлѣлся въ душѣ и не сдѣлался бы ея любимымъ пріобрѣтеніемъ. Сердца обмануть не возможно, и слезы, пролитыя въ Малороссіи надъ чтеніемъ „Маруси”, составляютъ фактъ, которымъ не должна пренебречь эстетическая критика. Квитка написалъ на малороссійскомъ языкѣ нѣсколько повѣстей, въ которыхъ много равного „Марусѣ” по частямъ, но въ цѣломъ ни одна съ нею сравниться не можетъ. И однако ж, вездѣ у него проходитъ, въ болѣе или менѣе выразительныхъ чертахъ, величавый образъ малороссійскаго простолюдина, это глубоко нравственное лицо, которое ведетъ свое происхожденіе отъ неизвѣстнаго намъ общества... Пораженный этимъ явленіемъ, умъ читаетъ въ немъ дѣяніе исторіи, гораздо серьезнѣйшей, нежели казачество, гайдамачество и все, чѣмъ наполнены наши историческія сочиненія. Душа чувствуетъ здѣсь сильное начало народной жизни, развитое при неизвѣстныхъ намъ счастливыхъ обстоятельствахъ и, мимо войнъ, мимо искусственныхъ возбужденій нравственности, усвоенныхъ гражданскими обществами, продолжающее жить само въ себѣ и само для себя. Оно-то сообщаетъ украинской народной поэзіи, въ новомъ ея развитіи, у писателей, подобныхъ Квиткѣ, достоинство выраженія, которому далеко не соотвѣтствуютъ матеріальные обстоятельства племени; оно придаетъ ей эту мягкость оборотовъ, это тонкое чувство приличія въ соотношеніяхъ людей между собой, это сознаніе благородства нравственной своей природы, которое у другихъ народовъ является только слѣдствіемъ долгого пребыванія общества въ положеніи избранного, лучшего, всѣми почтенного и независимаго класса людей. Я не сдѣлаю преувеличенія, если скажу, что малороссійскіе простолюдины – разумѣется, лучшіе изъ нихъ, подобные нѣкоторымъ лицамъ повѣстей Квитки, – въ своихъ установленныхъ обычаяхъ сношеній между собою, какъ кумъ съ кумомъ, зять съ тестемъ, дочь съ крестной матерью, нѣвестка съ новой семьей, въ которую она вступаетъ, или просто хозяинъ съ праздничнымъ своимъ гостемъ, въ своихъ свадьбахъ, крестинахъ, поминовеніяхъ усопшихъ и земледѣльческихъ празднествахъ, ведутъ себя съ какимъ-то гордымъ, внушающимъ невольное уваженіе, величіемъ и достоинствомъ. Мы мало знаемъ народъ и смотримъ на него больше съ точки зрѣнія хозяйственной; мы держимъ себя въ сторонѣ отъ него, никоимъ образомъ не принадлежа къ его обществу. Но мнѣ случалось попадать въ такія отношенія, когда забывалась разность сословія и образованности, когда мое присутствіе не замѣчалось; и тогда я бывалъ поражаемъ сдѣланными мною наблюденіями...

Повѣсти Квитки представляютъ теплую, простосердечную живопись нравовъ нашихъ поселянъ, и очарованіе, производимое ими на читателя, заключается не только въ содержаніи, но и въ самомъ языкѣ, которымъ онѣ писаны. На русскій языкъ онѣ почти не переводимы, потому что въ немъ не откуда было образоваться соотвѣтственному тону рѣчей. Великорусскіе простолюдины, не имѣя въ своей натурѣ свойствъ народа Малороссійскаго, слишкомъ рѣзко отличаются отъ него характеромъ языка своего; а литературный русскій языкъ, даже у Гоголя, плохо служилъ для выраженія семейныхъ бесѣдъ нашего простонародья, его ласокъ, его огорченій, его

насмѣшекъ и сарказмовъ. Всего лучше доказаль это самъ Квитка, когда, по просьбѣ журналистовъ, перевель „Марусю” и еще нѣсколько повѣстей своихъ. Малороссіяни не въ состояніи читать ихъ, – до такой степени онѣ не похожи на подлинники. Одинъ изъ русскихъ писателей, имѣвшій на него вліяніе великаго авторитета, убѣдилъ было его совсѣмъ оставить языкъ, доступный небольшому кругу читателей и, по примѣру Гоголя, писать на общепринятомъ литературномъ языкѣ. Квитка написалъ нѣсколько большихъ повѣстей и напечаталь въ журналахъ; но – странное дѣло! – тотъ самый писатель, который смѣшилъ и заставляль плакать своихъ земляковъ малороссійскими рассказами, сдѣлался для нихъ такъ же скучень, какъ и для Великороссіянь. Что это значит? Отчего авторъ очаровательной „Маруси” не имѣль на русскомъ языкѣ успѣха авторъ „Вечеровъ на Хуторѣ”? отъ того, что онъ думаль на малороссійскомъ языкѣ, и, заговоривъ на великорусскомъ, былъ такъ не ловокъ въ каждой своей фразѣ, какъ молодцоватый малороссійскій парубокъ, который бы вздумаль играть роль русского добра молодца. Журнальная критика справедливо причислила его къ посредственнымъ разскащикамъ, и публика перестала читать его, предпочтя ему писателей-говоруновъ, которыхъ и имена странно было бы упомянуть рядомъ съ Квиткою. Но Малороссія не позабыла первыхъ повѣстей его, и, не смотря на малоизвѣстность его въ Россіи, ставить его на ряду съ величайшими живописцами нравовъ и страстей человѣческихъ, каковы Вальтер-Скоттъ, Диккенс и нашъ Гоголь. Онъ уступаетъ имъ въ разнообразіи предметовъ творчества, но за то въ своемъ родѣ, который составляетъ самую трудную задачу для современнаго писателя, далеко превосходить каждого.

Замѣчательень этотъ фактъ, и намъ нельзя на немъ не остановиться: что одинъ и тотъ же писатель, производя на читателей неотразимое впечатлѣніе малороссійскимъ языкомъ, оставлень ими безъ вниманія на великорусскомъ. Здѣсь мы видимъ доказательство, какая тѣсная связь существуетъ между языкомъ и творящею фантазіей писателя, и въ какой слабой степени передаетъ языкъ другого народа понятія, которые выработались не у него и составляютъ чужую собственность. Какъ въ пѣснѣ музыка, такъ въ книгѣ языкъ есть существенная часть изящнаго произведенія, безъ которой поэтъ не вполнѣ дѣйствуетъ на душу читателя. Я слышалъ отъ нѣсколькихъ уроженцевъ великорусскихъ губерній, научившихся от-части языку малороссійскому, что для нихъ легче понимать наши народные думы въ подлинникѣ, нежели въ переводѣ. Это значитъ, что тамъ сохранена гармоническая связь между языкомъ и предметомъ, которая въ переводѣ беспрестанно нарушается. По этому-то закону, во всѣхъ литературахъ, каждый самостоятельный поэтъ имѣеть свой особенный языкъ, который только и хорошъ для того взгляда на жизнь, для того склада ума, для тѣхъ движеній сердца, которые одному ему свойственны. Переложи его рѣчь на языкъ другого поэта, и она потеряеть много своей прелести. Но у насъ въ Малороссіи Квитка представляетъ не единственный примѣръ бессилія передать свои малороссійскіе концепціи на языкѣ великорусскомъ. Гулакъ Артемовскій, составляющій переходъ къ нему отъ Котляревскаго, написалъ нѣсколько превосходныхъ комическихъ и

сатирических стихотворений, которые мы знаем наизусть, и остался совершенно неизвестным писателем в русской литературе, хотя положил несравненно больше труда на русские стихи и прозу. Гребенка, современник Квитки, оставил нам дышащие свежестью и истиною картины из малороссийской природы и жизни в своих „Приказках”, и тот же Гребенка писал по-русски нескладные повести из родных преданий и безвкусные стихи в роду следующих:

Невыразимо хороша,
Сидит жена Барабаша.

Наконец, величайший талант южно-русской литературы, певец людских неправд и собственных горячих слез, напечатал небольшую поэму на великорусском языке, изумил своих почитателей не только бесцветностью стиха, но и вялостью мысли и чувства, тогда как в языке малороссийском он образовал, или, лучше сказать, отыскал формы, которых до него никто и не предчувствовал, а из местных явлений жизни создал целый мир новой, никому до него неосознанной, поэзии. В его стихах язык наш сделал тот великий шаг, который делается только совокупными усилиями целого народа, в течение долгаго времени, или волшебным могуществом гения, заключающего в своей единице всю прожденную художественность родного племени. Они, как песня, пронеслись из конца в конец по всей южной Руси; они пришли по душе каждому званию, возрасту и полу, и издание их в свет сделалось почти ненужным. Нет человека в Малороссии, скольконибудь грамотного и расположенного к поэзии, который бы не повторял их наизусть и не хранил в душе, как драгоценное достояние.

Но всего удивительнее и всего важнее в этих стихах то, что они ближе наших народных песен и ближе всего, что писано по-малороссийски, подходят к языку великорусскому, не переставая в то же время носить чистый характер украинской речи. Тайна этого явления заключается, может быть, в том, что поэт, неизъяснимым откровением прошедшего, которое сказывается в душе в настоящем, угадал ту счастливую средину между двух разрознившихся языков, которая была главным условием развития каждого из них. Малороссыяне, читая его стихи и удивляясь необыкновенно смелому пересозданию в них своего языка и близости его форм к стиху пушкинскому, не чувствуют однако ж того неприятного разлада, каким поражает их у всякого другого писателя заимствование слов, оборотов или конструкций из языка иноплеменного. Напротив, здесь чувствуется прелесть, в которой не можешь дать себе отчета, но которая не имеет ничего себе подобного ни в одной славянской литературе. Как бы то ни было, но несомненно то, что поэт наш, черная одной рукой содержание своих плачей, песнопений и пророчеств из духа и слова своего племени, другую простирает к сокровищнице духа и слова северно-русского; только у него свой доступ к ней и свой путь к ее тайнам. Для него не существуют иноземные формы речи, усвоенные русскими писателями с самого начала

сближенія ихъ съ Европой. Онъ такъ силенъ родными началами, что его не останавливаетъ искусственная оболочка литературныхъ произведеній русскихъ поэтовъ. Сквозь бесчисленные варіаціи слова, порожденные ненародными вліяніями, онъ видитъ слово русское въ его родномъ складѣ рѣчи и овладѣваетъ имъ по праву кровного родства съ сѣверно-русскимъ племенемъ. Но въ то же время чудесный инстинктъ, свойственный только великимъ поэтамъ, заставляетъ его брать изъ другого языка только то, что составляетъ общую собственность того и другого племени. Вотъ почему языкъ его стихотвореній богаче, нежели у всѣхъ его предшественниковъ; вотъ почему этотъ языкъ выражаетъ понятія общечеловѣческія и, будучи совершеннѣйшимъ органомъ малороссійскаго ума, чувства и вкуса, больше понятенъ для Великороссіянянъ, нежели наши народныя пѣсни и сочиненія другихъ писателей.

Ошибаются тѣ, которые въ его произведеніяхъ видятъ какую-то безусловную неприязнь къ сѣверно-русскому племени. Онъ восставалъ только противъ людскихъ неправдъ, кѣмъ бы они ни совершались, Великороссами или Малороссіянами; онъ увлекался за предѣлы исторической истины, изображая ожесточеніе сердецъ человѣческихъ. Но что имъ не управляла племенная неприязнь, доказательствомъ служитъ то, что никто такъ горько не насмѣялся надъ славой малороссійскаго казачества, никто не поколебалъ до такой степени авторитетовъ племеннаго нашего патріотизма, никто, подобно ему, не предалъ на позоръ и посмѣяніе всему свѣту того, чѣмъ мы такъ долго величались. Называютъ его безумнымъ патріотомъ; а между тѣмъ он-то понес первый ударъ тому вредному мѣстному патріотизму, который поднимаетъ на ходули своихъ аттестованныхъ исторіею героевъ и отворачиваетъ глаза отъ доблестей сосѣднаго народа, – тому патріотизму, который полагаетъ славу свою не въ успѣхахъ благоденствія цѣлой страны, а въ торжествѣ какой нибудь партіи, или даже нѣсколькихъ лицъ, иногда очевидно во вредъ всему народонаселенію... Такъ, онъ доходилъ до безумія въ изліяніи своего гнѣва на беззаконія людскія; онъ былъ неистовъ, когда призывалъ небо и землю противъ тѣхъ, кого считалъ онъ виновниками страданій ближняго. Но кто же осудитъ поэта, который, поддавшись невыносимой боли сердца, не соблюдалъ мѣры своимъ воплямъ?... Обязанный одному себѣ духовнымъ воспитаніемъ, не имѣвъ предшественниковъ и образцовъ на своемъ литературномъ поприщѣ, появясь внезапно, точно съ неба, посреди застоя нравственной жизни въ Малороссіи, съ своимъ горячимъ плачемъ, съ своими новыми для слуха пѣснями, съ своими врожденными, ни отъ кого незаимствованными стремленіями, онъ не могъ быть тотчасъ оцѣненъ по достоинству критикой. Заплакали отъ его нѣжныхъ и горькихъ рѣчей не однѣ женщины. Кто позабылъ давно уже юношескіе стремленія къ правдѣ и добродѣтели, кто погрузился въ равнодушіе ко всякому недостойному дѣлу и призналъ случайные формы жизни за непреложный законъ для своихъ чувствъ и мыслей, – и тотъ былъ потрясенъ ими до глубины души, и неудержимые ничѣмъ слезы показали ему самому далеко заброшенный въ засоренной душѣ юношескій его образ... Но какова бы ни была оцѣнка нашему поэту отъ современниковъ, какъ бы ни мало было людей, способныхъ

возстонать его стопами и понять высшій, безотносительный смысл его творений, – а придетъ время, когда сѣверная и южная Русь включатъ его въ число благодѣтельныхъ геніевъ, положившихъ конецъ племенному отчужденію, котораго ничто не въ силахъ уничтожить, кромѣ взаимнаго стремленія къ тому, что для одной и другой стороны равно драгоцѣнно.

Изъ краткой характеристики трехъ поэтовъ, чуждыхъ другъ другу по судьбѣ, но родственныхъ по стремленію возвеличить внутренній образъ южно-русского племени читатель видитъ, что южная Русь со временъ Гоголя не переставала выражать себя въ болѣе и болѣе опредѣлительныхъ формахъ и сдѣлала великій шагъ въ искусствѣ самовыраженія; ибо велико расстояние между полу-великорусскими жартами сельской молодежи въ „Вечерахъ на Хуторѣ”, или переведеннымъ изъ народной пѣсни обращеніемъ влюбленнаго парубка къ красавицѣ и выраженіемъ душевной борьбы отца Маруси, или поэтическими рѣчами осиротѣлой матери; велико расстояние между эффектнымъ, потѣшающимъ воображеніемъ, но мало объясняющимъ народную жизнь, „Тарасомъ Бульбою” и потрясающими душу воплями нашего вѣщаго поэта, который весь проникнутъ духомъ своего народа и выражаетъ свои чувства истинно народнымъ словомъ. Южная Русь не отстала отъ сѣверной въ успѣхахъ самопознанія, и, живя одной съ нею гражданской жизнью, разрабатывала начала, изъ которыхъ создается своеобразная національность. Какими бы глазами ни смотрѣли на его литературную дѣятельность те патріоты, которые ограничиваютъ полетъ русского духа предѣлами древняго государства московскаго: но сама она явно стремится къ обобщенію съ литературой сѣверно-русской. Она не чуждается того, что въ этой литературѣ есть чисто славянскаго, одинаково родственнаго каждому племени; но, чувствуя въ ней односторонность развитія и недостаточность своенародныхъ, чисто-русскихъ формъ, усиливается выработать изъ своей нравственной почвы слово полное, сильное, истинно самобытное, способное выразить южно-русского человѣка въ глубокихъ и тончайшихъ чертахъ его характера. Не наша вина, если уроженцы сѣверныхъ губерній не включаютъ нашего языка въ число разнообразныхъ предметовъ своей любознательности. Мы, напротивъ, не уступаемъ Великороссіянамъ ни въ чемъ относительно званія родной ихъ рѣчи, и пускай беспристрастный судья рѣшитъ, на чьей сторонѣ преимущество основательнаго суда о предметѣ. Намъ очень добродушно совѣтуютъ оставить разработку малороссійскаго языка посредствомъ художественныхъ созданий; но это совѣтуютъ люди, неимѣющіе понятія о томъ, какое вліяніе имѣетъ высоко развитая сила и красота роднаго слова на нравственное, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на вещественное благосостояніе цѣлаго племени. Намъ объясняютъ вовсе не для шутокъ, что это даже не языкъ, а такое же нарѣчіе, какъ новгородское, владимірское и проч.; но странно, какъ эти проповѣдники забываютъ, что народная поэзія въ губерніяхъ Новгородской и Владимірской не отличается ничѣмъ отъ народной поэзіи въ губерніи Московской, ни въ духѣ, ни въ содержаніи, ни въ формѣ, – тогда какъ южно-русская народная поэзія не имѣетъ ничего себѣ подобнаго по свойствамъ, ни равно по достоинствамъ во

всѣхъ великорусскихъ губерніяхъ! Намъ, наконецъ, доказываютъ неоспоримыми фактами, что Малороссіянинъ, присоединяясь къ писателямъ великорусскимъ, имѣетъ обширный кругъ читателей, слѣдовательно болѣе достигаетъ цѣли каждого дѣятельнаго ума разливать въ обществѣ свои убѣжденія. Правда, оно заманчиво; но только ни одинъ изъ малороссійскихъ поэтовъ – въ томъ числѣ даже и Гоголь – не былъ удовлетворенъ своими сочиненіями на языкѣ сѣверно-русскомъ. У каждого изъ нихъ всегда оставалось на душѣ томительное сознаніе, что онъ не исполнилъ своего назначенія принести пользу ближнему, и дѣйствительно не принес ея въ той мѣрѣ, въ какой родное слово приноситъ пользу родному сердцу. Положимъ, что поэту, среди иноплеменниковъ, внимаютъ много умовъ, что его голосъ проникаетъ во множество сердець; но то ли онъ производитъ на нихъ впечатлѣніе, какое произвелъ бы на своихъ земляковъ, когда бъ обратился къ нимъ на незамѣнимомъ языкѣ дѣтства, – на томъ священномъ языкѣ, посредствомъ котораго мать внушала ему правила честности и добродѣтели. Я знаю, что друзья, сошедшіеся на позднемъ пути жизни, могутъ нѣжно и горячо любить другъ друга; но будетъ ли бесѣда ихъ такъ жива, какъ тѣхъ друзей, которыхъ дѣтство связано общими воспоминаніями, общими порывами сердець, общими муками и радостями? И заговоришь ли такъ понятно, такъ увлекательно, безъ искусства краснорѣчія, съ человѣкомъ, хоть и любимымъ, и уважаемымъ, но воспитаннымъ подъ другими вліяніями, какъ съ тѣмъ, чье сердце издавна привыкло бить одинъ тактъ съ твоимъ собственнымъ? Что же тутъ говорить о числѣ людей, которые подвергнутся нашему нравственному вліанію? Не въ количествѣ дѣло, когда рѣчь идетъ о высокихъ преданіяхъ души человѣческой; дѣло въ качествѣ почвы, на которую падаетъ наше слово, дѣло въ той силѣ, съ которою оно поражаетъ умы и сердца слушателей. Успокой всепобѣждающимъ вдохновеніемъ рѣчи одного человѣка въ тяжкихъ сомнѣніяхъ о безсмертіи души человѣческой, подними одного ближнего изъ разврата чувствъ и понятій, – и ты сдѣлаешь больше заслуги передъ Богомъ и передъ людьми, нежели если бъ доставилъ легкое и пріятное, но бесплодное чтеніе многочисленному обществу. Какъ же не дико называть нелѣпостью потребность души, которая только этимъ, а не другимъ путемъ можетъ сообщить другой душѣ свою животворную силу? Резонерствомъ ничего съ этимъ стремленіемъ не сдѣлаешь: оно зарождается глубже въ душѣ, нежели самые здоровые и основательные рассужденія. Дѣло тутъ не въ одной разности языковъ; дѣло въ особенностяхъ внутренней природы, которая на каждомъ шагу оказываются въ способѣ выраженія мыслей, чувствъ, движеній души, и которые на языкѣ, не природномъ автору, выразиться не могутъ. По крайней мѣрѣ, пишуцій эти строки, предпринявъ вѣрное изображеніе стариннаго казачества въ „Черной Радѣ”, на пользу своимъ ближнимъ, напрасно усиливался замѣнить южно-русскую рѣчь языкомъ литературнымъ, общепринятымъ въ Россіи. Перечитывая написанные главы, я чувствовалъ, что читатели не получаютъ изъ моей книги вѣрнаго понятія о томъ, какъ отразилось бывшее въ моей душѣ, а потому не воспримутъ вполне и моихъ историческихъ и христіанскихъ

убѣдѣній. Волею и неволею, я долженъ былъ оставить общій литературный путь и сдѣлать поворотъ на дорогу, едва проложенную, и для такого произведенія, какъ историческій романъ, представляющую множество ужасающихъ трудностей. Я былъ приведенъ къ ней томительнымъ чувствомъ художника и человѣка, напрасно борющагося съ невозможностью выразить свои задушевные рѣчи. Не скрою, что этотъ поворотъ стоилъ мнѣ великихъ усилій и пожертвованій. Я долженъ былъ отказаться отъ удовольствія быть читаемымъ тѣми изъ писателей великорусскихъ, которыхъ судомъ я дорожу, и которыхъ дружба возбуждала во мнѣ живѣйшее желаніе доставить имъ чтеніе серьезное и удовлетворительное. Я долженъ былъ ограничиться небольшимъ кругомъ читателей, ибо немногіе изъ земляковъ моихъ въ настоящее время способны оцѣнить мои труды по предмету разработки южно-русского языка и возведенія его въ достоинство исторического повѣствованія. Я долженъ выдержать порицанія людей, которые все то считаютъ пустяками, чего не знаютъ, но которые своимъ авторитетомъ имѣютъ вліяніе на умы неопытные и неутвердившіеся. И, при всемъ томъ, я напечаталъ свою книгу на языкѣ южно-русскомъ. Я долго изучалъ его въ письменныхъ памятникахъ старины, въ народныхъ пѣсняхъ и преданіяхъ и въ повседневныхъ сношеніяхъ съ людьми, незнающими никакого другого языка, и раскрывшіеся передо мною его красоты, его гармонія, сила, богатство и разнообразіе дали мнѣ возможность исполнить задачу, которой до сихъ поръ не смѣлъ задать себѣ ни одинъ Малороссіянинъ, именно – написать на родномъ языкѣ историческій романъ, во всей строгости формъ, свойственныхъ этого рода произведеніямъ. Я говорю здѣсь романъ потому только, что такова дѣйствительно была у меня задача. Но, вникнувъ въ нравы Малороссіянь XVII вѣка, столь непохожіе на нынѣшніе (разумѣется, въ извѣстномъ слѣдствіи общества), я убѣдился, что повѣствователю надобно здѣсь смотрѣть на вещи глазами тогдашняго общества; я, такимъ образомъ, подчинилъ всего себя былому; и потому сочиненіе мое вышло не романомъ, а хроникою въ драматическомъ изложеніи. Не забаву празднаго воображенія имѣлъ я въ виду, обдумывая свое сочиненіе. Кромѣ всего того, что читатель увидитъ въ немъ безъ объясненія, я желалъ выставить во всей выразительности олицетворенной исторіи причины политическаго ничтожества Малороссіи, и каждому колеблющемуся уму доказать, не диссертациею, а художественнымъ воспроизведеніемъ забытой и искаженной въ нашихъ понятіяхъ старины, нравственную необходимость сліянія въ одно государство южного русского племени съ сѣвернымъ. Съ другой стороны мнѣ хотѣлось доказать, что не ничтожный народъ присоединился въ половинѣ XVII вѣка къ московскому царству. Онъ большею частію состоялъ изъ характеровъ самостоятельныхъ, гордыхъ сознаниемъ своего человѣческаго достоинства; онъ, въ своихъ нравахъ и понятіяхъ, хранилъ и хранитъ до сихъ поръ начала высшей гражданственности; онъ придалъ Россіи множество новыхъ, энергетическихъ дѣятелей, которыхъ вліяніе не мало способствовало развитію государственной силы Русскаго народа; онъ, наконецъ, пришелъ въ единоплеменную и единовѣрную ему Россію съ языкомъ, богатымъ собственно ему

принадлежащими достоинствами, которые в будущем, своенародномъ образованіи литературы должны усовершенствовать органъ русского чувства и русской мысли, – этотъ великій органъ, по степени развитія котораго цѣнятся исторією народы.

Кулиш П. Об отношеніи малороссійской словесности к общерусской. Эпиграммъ к „Черной Раде“ / П. Кулиш // Русская Беседа. – 1857. – № 7. – С. 123–145.

П. Кулиш

Взглядъ на малороссійскую словесность, по случаю выхода въ свѣтъ книги: «Народні оповідання Марка Вовчка».

Каждая отрасль знанія, каждый родъ художественнаго творчества явились изъ потребностей жизни, матеріальныхъ или духовныхъ. Такъ и всѣ книги и книжонки, имѣющія своимъ предметомъ стринную и нинѣшнюю Малороссію въ какомъ бы то ни было отношеніи, показываютъ, что ихъ вызвали потребности жизни, что въ нихъ настояла и настоить надобность. Когда челолвѣкъ затѣваетъ какое-нибудь новое и небывалое дѣло, люди, занятые дѣлами уже установившимися, покачиваютъ головою: къ чему, дескать, эта затѣя, когда и безъ нея жили не хуже нашего наши отцы и дѣды? Такъ было и съ малороссійскою словесностью. Къ чему писать по-малороссійски? развѣ по-русски нельзя выразить то же самое? Еще недавно одинъ писатель (110) ввелъ въ свою повѣсть лицо, которое разсмѣшило всѣхъ читателей, осмѣивая желаніе Малороссіянь писать по-малороссійски. Дѣйствительно всѣхъ, ибо кто не смѣялся съ авторомъ надъ Малороссіянами, тотъ смѣялся надъ самимъ авторомъ, который видитъ въ самобытномъ проявленіи народности пустую прихоть нѣсколькихъ праздныхъ людей, и воображаетъ, что сострилъ очень забавно, сказавши, что Малороссіянинъ заплачетъ отъ всякой бессмыслицы на родномъ языкѣ. Между тѣмъ Малороссія, выписывающая во множествѣ экземпляровъ великорусскія книги, и дѣятельно участвующая въ наполненіи великорусскихъ журналовъ беллетристическими и учеными статьями, отвѣчаетъ не словами, а самими фактами, что не все можно выразить по-великорусски. И хохлы вовсе не плачутъ надъ всякимъ вздоромъ на родномъ языкѣ; напротивъ, они прочли и бросили на вѣчное забвеніе многія малороссійскія книги, а стихи своихъ истинныхъ любимыхъ поэтовъ, еще не появившіеся въ печати, списываютъ другъ у друга нарасхватъ и дѣйствительно надъ ними плачутъ. А вы смѣтаетесь надъ этими слезами, писатель!

«...Слезы вѣчно были
Вѣрительною грамотой людей»,

говоритъ Шиллеръ, и тотъ, кто исторгаетъ слезы художественнымъ созданиємъ на какомъ бы то ни было языкѣ, говоритъ не бессмыслицу. Попробуйте сдѣлать

⁽¹¹⁰⁾ Г. Тургеневъ, въ повѣсти «Рудинъ».

это вы своими повѣстями — и вы увидите, какъ далеки вы отъ того, чтобъ написать бессмыслицу, трогающую до слезъ!

Гоголь, не знавшій демократической Малороссіи и изображавшій ее, какъ баринъ, видящій одно смѣшное въ мужикѣ, нарисовалъ карикатуру поселянина, плачущаго отъ семинарскаго псалма (111), и угодилъ въ свое время многимъ; но самъ Гоголь писалъ вещи, по-лучше семинарскихъ псалмовъ, и одинъ только разъ удалось ему вызвать слезы на глаза читателя — въ разказѣ о старосвѣтскихъ по-мѣщикахъ. Всѣ патетическія мѣста въ «Тарасѣ Бульбѣ» и въ другихъ повѣстяхъ, въ которыхъ любая страница стоитъ вашего тома, не тронули до слезъ читателей. Великій даръ — разсмѣшить читателя, еще большій — заставить его призадуматься надъ смѣшнымъ, но самый высшій — умѣнье овладѣть сердцемъ ближняго и говорить прямо отъ сердца къ сердцу, какъ говорить любовь, великая двигательница рода человѣческаго. Если точно Малороссіяне плачутъ отъ всего, что написано на родномъ языкѣ, то это значило бы, что ихъ словесность достигла высочайшаго развитія, что у нихъ явились великіе вѣщатели истинъ, поражающихъ поэтическимъ восторгомъ сонныя сердца. Но этого нѣтъ, и малороссійская словесность заключаетъ въ себѣ сравнительно столько же мертваго, никому ненужнаго хлама, какъ и та, въ которой вы прославляетесь.

Впрочемъ еще такъ ново существованіе того, что наконецъ начали называть малороссійскою словесностью! (До сихъ поръ отказывали нашимъ роднымъ литературнымъ произведеніямъ даже въ этомъ названій.) За то для критики меньше труда — отдѣлать отъ зерна макину и выместъ вонъ изъ словесности соръ, мѣшающій пользоваться тѣмъ, что произведено на пользу. Приступимъ же къ этой тягостной, но важной обязанности.

Я не буду подвергать критическому разбору всякую чепуху, написанную по-малороссійски: это значило бы молотить солому, въ которую заронилось нѣсколько зеренъ. Я заявлю только свое мнѣніе, какъ человѣкъ, преданный всею душой родной національности и дорожащій болѣе иного критика каждымъ цвѣткомъ, появляющимся на родномъ полѣ. Это тѣмъ необходимѣе, что въ настоящее время произносятся людьми, недалекими въ познаніи малороссійскаго народа, совершенно произвольныя сужденія о произведеніяхъ южно-русской поэзіи. И грустно, и смѣшно видѣть, какъ иной резонеръ, забравшись въ опустѣлый отдѣлъ критики какого-нибудь журнала, ораторствуетъ оттуда о предметѣ, извѣстномъ ему едва по слухамъ. Боясь обнаружить невѣжество во всякой другой отрасли знанія, — въ сужденіяхъ о Малороссіи онъ ничего не боится. Это terra incognita, о которой можно покамѣстъ разглагольствовать что угодно, не возбуждая смѣха въ публикѣ. Еще недавно, не далѣе, какъ въ декабрьской книжкѣ «Библиотеки для Чтенія» 1857 года, какой-то господинъ, не рѣшившійся подписать своего имени (112), напечаталъ статью, въ которой упоминаетъ о пошлѣйшей малороссійской

(¹¹¹) Въ повѣсти «Вій»: «Хозяинъ хаты, какой-нибудь старый козакъ-поселянинъ, долго ихъ слушалъ, подпершись обѣими руками, потомъ рыдалъ прегорько и говорилъ, обращаясь къ женѣ: «Жинко! то, что поютъ школяры, должно быть очень разумное», и проч.

(¹¹²) Статья подписана буквами Е. Ч.

тарабарщинѣ на ряду съ произведеніями писателей талантливыхъ. Онъ слышалъ, что звонятъ, да не знаетъ, въ которой церкви, — а надо же рѣшать всякіе вопросы отъ имени заказной критики! Этотъ господинъ удостоилъ назвать меня знатокомъ малороссійской національности. Я, къ сожалѣнію, не могу платить ему тою же монетой; но ужъ коли я, по его мнѣнію, знатокъ, то приглашаю и его, какъ не понимающаго разницы между хорошимъ и дурнымъ, выслушать, что я признаю въ своей литературѣ зернами, а что мякиной.

Въ эпилогѣ къ «Черной Радѣ», напечатанномъ въ «Русской Бесѣдѣ», я высказалъ свое мнѣніе о лучшихъ произведеніяхъ на малороссійскомъ языкѣ; повторяю здѣсь было бы дѣломъ излишнимъ. Имена Квитки (Основьяненка) и Т. Г. Шевченка становлю я на первомъ планѣ и остаюсь при своемъ убѣжденіи, что они украсили бы любую литературу, по вѣрности живописи съ натуры и глубинѣ сердечнаго чувства, недостатокъ котораго особенно выказался въ современной русской литературѣ. Въ ней все есть: и умъ, и ученость, и остроуміе; не достаетъ только той горячей, бьющей изъ сердца струи, которая одна дѣлаетъ произведенія словесности драгоцѣннымъ достояніемъ народа. Я говорю это не обо всѣхъ, но о большинствѣ прославленныхъ журналами современныхъ русскихъ писателей. Старый Аксаковъ, заговоривъ съ публикой отъ сердца, заставилъ всю Россію ороситься на свои животворныя рѣчи, какъ на источникъ, неожиданно явившійся въ сухой пустынь. Печальный фактъ для молодаго поколѣнія писателей! Но возвращаюсь къ своему предмету. На второмъ планѣ я ставлю имена Котляревскаго, Гулака-Артемовскаго, Гребенку (въ его «Приказкахъ»). Что въ нихъ достойнаго вниманія? сказано въ эпилогѣ къ «Черной Радѣ». Здѣсь я замѣчу только, что, какъ начинатели новой литературы, они далеко художественнѣе гремѣвшихъ въ свое время начинателей другихъ литературъ; а главное — что они грѣлись у роднаго очага, вокругъ котораго сидятъ чумаки и пахари, ведя свои простыя, скажу по-малороссійски, щирыя бесѣды; и какъ ни мало они написали, но все ими написанное говоритъ намъ о насъ, и говоритъ нашимъ, а не чужимъ складомъ рѣчи ...

Послѣ нихъ вышелъ въ свѣтъ довольно длинный рядъ отдѣльныхъ книгъ и сборниковъ на малороссійскомъ языкѣ; но всѣ они, съ немногими исключеніями, составляютъ больше предметъ библіографіи, нежели критики. Пускай библіографія, эта наука, любезная всякому изъ насъ, какъ старая няня, хранить преданіе о попыткахъ людей произвести нѣчто поэтическое. Когда мы уплывемъ далѣе по рѣкѣ времени, издали эти люди съ ихъ книгами явятся намъ въ главныхъ своихъ чертахъ, безъ скучныхъ, не дающихъ окинуть цѣлое мелочей; и тогда историкъ словесности охарактеризуетъ ими какую-нибудь невыразительную для насъ сторону нашей современности: Теперь же намъ нечего дѣлать съ сочиненіями Иська Материнки, Іереміи Галки, Амвросія Могилы (все это псевдонимы), хотя въ нихъ и можно, порывшись, найти пять-шесть стиховъ, близкихъ къ поэзіи, а иногда вѣрную черту народныхъ нравовъ или преданіе отжившей старины. Еще менѣе займутъ насъ произведенія Кирила Тополи, который въ первой своей піесѣ «Чары» обѣщаль что-то похожее на

талантъ, но въ слѣдующихъ за тѣмъ обнаружилъ рѣшительную бездарность, тупыя басни г. Льва Боровиковскаго, унижительныя для Малороссіи вирши г. Морачевскаго подъ заглавіемъ: «До Чумака», стихи г. Забилы, напоминающіе языкъ, которымъ говорятъ въ Малороссіи Цыгане, и сочиненія г. Шишацкаго-Иллича, изъ которыхъ довольно привести четыре стиха:

Чи е де въ світі таки край,
Якъ наше Руське государство,
Щобъ такъ вінъ цвѣвъ, не наче рай,
Щобъ на півъ світа мавъ вінъ панство? (113)

Собиратель пѣсень и преданій, г. Шишацкій-Илличъ не уловлетворился скромною славою труженика на новомъ, невоздѣланномъ еще у насъ поприщѣ этнографіи; онъ возжалалъ славы поэта, и вмѣсто пегаса осѣдлалъ осла. Пустился онъ въ догонку за Шевченкомъ, подражая ему до нестерпимости, и кончилъ тѣмъ, что передразнилъ его въ своихъ поэмахъ и лирическихъ стихотвореніяхъ самымъ обиднымъ образомъ. Между тѣмъ нельзя сказать, чтобъ у г. Шишацкаго-Иллича не было вовсе таланта. Онъ есть у него, но пробивается сквозь безвкусіе и необработанность мысли и ея выраженія въ такой мѣрѣ, въ какой пробился бы талантъ живописца у человѣка, который всю жизнь возится съ метлой и лопатой.

Остается упомянуть еще, какъ о замѣчательныхъ по отсутствію какого-либо дарованія, сочиненіяхъ братьевъ Карпенковъ, между которыми трудно рѣшить, кто кого превосходитъ бездарностью и какимъ-то цинизмомъ пошлости.

Выше всѣхъ исчисленныхъ мною писателей, не говоря уже о гг. Шишацкомъ-Илличѣ, и братьяхъ Карпенкахъ, стоитъ появившійся недавно авторъ басень на малороссійскомъ языкѣ, г. Глѣбовъ. Къ сожалѣнію, онъ мало трудился надъ изученіемъ языка и иногда выражается натянуто, не по народному; но нѣкоторыя изъ его басень обнаруживаютъ талантъ неоспоримый, которому не достаетъ только обработки.

Но и г. Глѣбовъ долженъ отступить на задній планъ передъ однимъ произведеніемъ, которое появилось въ «Южномъ Русскомъ Сборникѣ» г. Метлинскаго и было замѣчено всѣми извѣстными мнѣ знатоками малороссійской словесности. Это поэма покойнаго Макаровскаго «Наталя». Авторъ написалъ эту пьесу въ глубокой старости, за два года до смерти. Другая поэма его, написанная еще позже, едва можетъ быть признана сестрою первой, которая по элическому складу, по отдѣлкѣ стиховъ и красотѣ простонародныхъ типовъ, составляетъ истинную драгоценность.

Послѣ Квитки и Шевченка, это было самое замѣчательное произведеніе въ южнорусской словесности, тѣмъ болѣе, что появилось въ эпоху внезапнаго перерыва дѣятельности малочисленныхъ южно-русскихъ писателей. Вмѣстѣ съ «Наталею», въ томъ же «Южномъ Русскомъ Сборникѣ» напечатано много стиховъ гг. Петренка и Александрова, но эти стихи не лучше тѣхъ, какими г.

(¹¹³)Українська Квітка, 1 кн., стр. 57.

Максимовичъ передразнилъ древняго пѣвца Игоревя. Десятилѣтіе отъ отъ 1847 до 1857 года было самое бесплодное въ малороссійской словесности.

Много было правдоподобнаго въ словахъ недальнозоркихъ людей, которые утверждали, что она вспыхнула и погасла съ Шевченкомъ. Но не было еще примѣровъ въ исторіи словесности вообще, чтобъ у какого-нибудь народа явился первоклассный поэтъ, какимъ надобно признать Шевченка, не имѣвъ ни предшественниковъ, ни преемниковъ своего творчества. Какъ развитіе, такъ и упадокъ словесности не совершаются безъ постепенности. Что малороссійская словесность развилась до обще-европейскаго значенія, этого отвергнуть невозможно, признавъ въ Шевченкѣ первокласснаго поэта. А что она еще не падаетъ, этому лучшимъ доказательствомъ служить то, что условія, подъ вліяніемъ которыхъ развился Шевченко, остаются все тѣ же. Яснѣе сказать: ничто не благопріятствовало появленію Шевченка, въ томъ смыслѣ, какъ мы привыкли разумѣть благопріятствующія обстоятельства. Если же таково свойство малороссійской словесности, что она развивается, какъ реакція неблагопріятнымъ условіямъ, то ея дальнѣйшее развитіе еще на долго обезпечено.

Въ подтвержденіе этого печальнаго и вмѣстѣ отраднаго вывода самимъ фактомъ, укажу всѣмъ посвященнымъ въ тайны южнорусскаго слова (не столь маловажныя, какъ кажется съ перваго взгляда) на небольшую книжку разказовъ изъ народнаго быта, подъ заглавіемъ: «Народні Оповідання Марка Вовчка». Счастливый случай привелъ меня быть издателемъ этихъ вполне самостоятельныхъ, истинно оригинальныхъ разказовъ, которымъ ничего подобнаго доселѣ не являлось ни въ малорусской, ни въ великорусской литературѣ. Авторъ взявъ какое-нибудь дѣйствительно случившееся событіе, разказываетъ его не отъ своего лица, а отъ лица дѣйствующихъ лицъ, или свидѣтелей происшествія, и разказываетъ съ такимъ совершенствомъ, съ такою естественностью, что многія мѣста я самъ принялъ за стенографію со словъ малороссійскихъ поселянъ. Эти разказы очень часто напоминаютъ, по своему тону, записанныя мною и напечатанныя въ Запискахъ «Южной Руси» преданія; но то, что записано мною, составляетъ отрывки, иногда краснорѣчивые, иногда нескладные, и интересные только въ документальномъ смыслѣ. У г. Марка Вовчка, напротивъ, каждый разказъ, отъ начала до конца, представляетъ гармоническое во всѣхъ частяхъ и въ самихъ мелочахъ художественное созданіе. Все у него живо, выразительно, просто, какъ въ дѣйствительности, и все связано между собой общою идеей, которой авторъ не высказываетъ, но которая сама собой выражается въ каждомъ фактѣ. Прелесть языка въ этихъ разказахъ дивная! Казалось, послѣ Шевченка, нечего было требовать больше отъ малороссійскаго языка; но г. Марко Вовчокъ разсыпалъ въ своихъ разказахъ такія богатства роднаго слова, что, я увѣренъ, самъ Шевченко придетъ въ изумленіе.

Исторія появленія Марка Вовчка въ нашей словесности очень оригинальна. Въ числѣ матеріаловъ, доставленныхъ мнѣ изъ разныхъ концовъ Малороссіи для дальнѣйшихъ томовъ Записокъ о южной Руси, нѣкто,

назвавший себя Маркомъ Вовчкомъ, прислалъ одну тетрадку. Взглянувъ на нее мелькомъ, я принялъ написанное въ ней за стенографію съ народныхъ разказовъ, по моимъ образцамъ, и отложилъ къ мѣсту до другаго времени. Тетрадка лежитъ у меня на столѣ недѣлю и другую. Наконецъ я удосужился и принялся ее читать. Читаю и глазамъ своимъ не вѣрю: у меня въ рукахъ чистое, непорочное, полное свѣжести художественное произведение! Было прислано сперва только два небольшихъ разказа. Я пишу къ автору, я освѣдомляюсь, что это за повѣсти, какъ онѣ написаны. Мнѣ отвѣчаютъ, что, живя долго съ народомъ и любя народъ больше всякаго другаго общества, авторъ насмотрѣлся на все, что бываетъ въ нашихъ селахъ, наслушался народныхъ разказовъ, и плодомъ его воспоминаній явились эти небольшія повѣсти. Авторъ трудился какъ этнографъ, но въ этнографіи оказался поэтомъ. Его глубокой человѣчный взглядъ въ самую душу изображаемыхъ лицъ, чувство красоты во всемъ Божіемъ твореніи и гармоніи въ словѣ, которымъ выражается внутренняя жизнь человѣка, ставятъ его далеко, выше списывателей съ натуры, слывающихъ нерѣдко въ журналахъ поэтами. Въ наше время ихъ появилось множество, и каждый изъ нихъ могъ бы подписать свое имя подъ повѣстью другаго, потому что всѣ смотрятъ на Божій міръ сквозь одни и тѣ же очки. Для нихъ неосуществимъ совѣтъ великаго польскаго поэта:

Martwe znasz prawdy, nieznane dla ludu,
Widzisz swiat w prozku, w kazdej gwiazd iskierce;
Nie znasz prawd zywych, nie obaczysz cudu:
Miej serce i patrzaj w serce (114).

Послѣдній стихъ выражаетъ вполне характеръ творчества г. Марка Вовчка. Онъ разказываетъ вещи обыкновенныя: о томъ, какъ сестра оставила семейство роднаго брата и служила въ наймахъ; о томъ, какъ казачка вышла замужъ за господскаго человѣка; о томъ, какъ чумаки приволокнулся за поселянкою; о томъ, какъ крестьянская дѣвочка взята была въ число дворовой прислуги; о томъ, какъ откупился на волю крѣпостной паробокъ, и т. п. Откуда же происходитъ глубокой интересъ его разказовъ? отчего этихъ разказовъ нельзя читать безъ слезъ? Тутъ нѣтъ ни страшныхъ бѣдствій, ни великихъ несчастій, ни трагическихъ катастрофъ. Люди живутъ, старѣются и умираютъ такъ просто, какъ обыкновенно бываетъ въ селахъ, и однакожь у читателя сжимается сердце и выступаютъ слезы при многихъ, самыхъ обыкновенныхъ, повседневно видимыхъ сценахъ. Это не отъ чего другаго, какъ отъ того, что эти разказы прошли сквозь сердце автора и диктованы ему сердцемъ. Такою живою, не отвлеченною, не мечтательною любовью къ народу не загорался у насъ еще ни одинъ писатель. Личность автора совершенно исчезаетъ въ разказахъ: вы видите передъ собой народъ, слышите народъ, знаете, какъ онъ живетъ, понимаете, какъ онъ чувствуетъ. Разказы г. Марка Вовчка по размѣрамъ невелики, но открываютъ передъ читателемъ какое-то необъятное пространство; какой-то міръ, который отчасти ему уже знакомъ, но въ который

(¹¹⁴) Ты знаешь мертвыя истины, неизвѣстныя народу, ты видишь міръ въ пылинкѣ, въ каждой искрѣ звѣздъ; но когда не знаешь истинъ живыхъ, — не увидишь чуда. Имѣй сердце, и смотри въ сердце!

еще никогда не вводили его такъ запросто. Многіе бывали проводниками для читателя, желавшаго проникнуть въ хату поселянина; многіе показывали намъ его ясно, какъ въ дѣйствительности; но всегда мы чувствовали себя объ руку съ проводникомъ и смотрѣли на народъ болѣе или менѣе его глазами. Здѣсь выходитъ иначе: передъ вами открываютъ своеобразную жизнь совсѣми ея тайнами, и едва вы переступили черезъ порогъ малороссійской хаты, проводника нѣтъ, вы окружены народомъ, вы имѣете съ нимъ дѣло непосредственно и вамъ такъ хорошо среди народа, такъ дружески поворачивается онъ къ вамъ лицомъ, что вы невольно заражаетесь къ нему глубокою симпатією. Въ этомъ отношеніи повѣсти г. Марка Вовчка явленіе столь же важное, какъ и въ художественномъ. Это самая современная, самая нужная теперь книга. Мы народа не знаемъ: мы, не зная народа, не любимъ его, ибо любить можно только того, кого знаешь. Г. Марко Вовчокъ вводитъ насъ въ познаніе характера и жизни народа, и въ то же время онъ наполняетъ нашу душу теплотой чувства, дышащей въ каждомъ его словѣ. Привѣтствуемъ его съ восторгомъ на нашемъ слишкомъ мало еще воздѣланномъ литературномъ полѣ, и много, много возлагаемъ на него надеждъ.

Кулиш П. Взгляд на малороссийскую словесность, по случаю выхода в свет книги : „Народні оповідання Марка Вовчка” / П. Кулиш // Русская Беседа. – 1857. – Кн. 2. – С. 227–234.

П. Куліш

Григорій квітка и ёго повісті

Не одинъ историкъ словесности — отъ и Тикноръ (115) недавно — постерегавъ той законъ духу людського, що словесность процвітає въ народі в годину ёго сили и славы государственої, и падає зъ упадкомъ націі. Отъ же история Славянськихъ народівъ доводитъ иноді сѣму й противіе. Ище недавно сміявся усякий Европеець ись Чехівъ, що вони, покинувши Німецьку государствену словесность, силкуютьця писати по-Чеські; а теперъ Німці описують по-Німецькі историю Чеської словесности ! Немає въ Чехівъ свого короля, нема свого сенату, нема свого народного війська; Чехи — Австрійська губернія, а словесность Чеська процвітає що-року краще обіймає собою більше да більше труднолюбцівъ, людей зъ великою головою, и живутъ Чехи могущимъ, самостійнмъ духомъ у словесності, не живучи особнимъ королевствомъ. Ище ближче передъ Польща. Огласили себе Поляки віршами й доброю прозою ще за королівъ своїхъ; тільки жъ піднялась їхъ мова до найкрасчої форми, до найбільшої сили своєї тоді вже, якъ сусіде їхъ край міжъ себе поділили. И такъ якъ Евреї на рікахъ Вавилонськихъ, такъ вони заголосили тоді на весь світъ своїмъ Мицкевичемъ и іншими поетами; спом’янули всі добрі й ледачі вчинки своїхъ предків, и всякі давні пригоди и тріумфи гарною

¹¹⁵ History of Spanish Literature.

иторичною мовою описали. На диво процвіла словесність Польска по великихъ, кривавихъ рукахъ нації! Польский духъ, не маючи собі притулку въ живе слово, котрого не зруйнує ніяка сила, коли ёго сами Ляхи не зневажать. Приходить часть и показуютьця вже ознаки , що восторжествує въ мирі розумний духъ надъ усякою іншою силою. Отсе жъ не дурно оживають національності: се народи заявляють перед світомъ своє право на духовне господство поручъ изъ іншими народами. Не поети, не філософи, самохитъ, по волі незагнузданого разуму, огалашають найглибші тайни своєї рідної національності: се народи викидають усякий свою короковъ, иззиваючи зо всёго світу ве-ликодушнихъ на святе діло чоловіколюбства. Коли настане сподівана робота семьямъ, що кожна велика семья, чи Чеська, чи Сербська, чи Болгарська, труждатиметця сама для себе, для ббщого добра семьянь своїхъ, — Господь одинъ те знає, а волю ёго почуло вже багато віщихъ душъ, и обізвалось по всёму світу.

Не инако жъ розуміємо ми й историю словесности Южно-Руської Української. Не було її, опрічъ пісні, тогді, якъ Южна Русь була могутимъ Варязькимъ царствомъ; не процвіла вона й тогді, якъ боролись ми съ Польщею и «розлилась козацька слава по всій Україні»; ніхто не здумавъ написати книжку по-народнєму ні за Мазепи, ні за Розумовського, бо не прийшовъ ище часъ людямъ одъ сна возставати. История бо народу не те, що история царства, або гетьманства. Царство Южно-Руське возмужало, царство Южно-Руське розділилось само на себе и занепало; гетьманство схопилось, якъ вітеръ середъ степу; бушувало, пустошило все округи и зникло; а народъ, сей исполинъ самостайного духа, и за Варягівъ, и за гетьманівъ, лежавъ у сповитку; колихали ёго сякъ и такъ; перебуло въ ёго всякихъ нянєкъ; близько доходило й до того, щобъ ёму навіки остатись недорікою и Христа-ради тинятись поміжъ дорослими братами.... Отъ же Божа воля такъ не судила. Озвалась дитина своїмъ словомъ, почала разумні речи глаголати; и отъ, теперъ тільки починаетця настояща жизнь нашого Южного Руського племя ; одъ нашого тільки часу пійде настояща ёго история поміжъ народами; а то все була дітська казка....

Дивуютця люде, вбачаючи несподіване диво, и розумний тільки зрозуміє, що вонб появилось тимъ же порядкомъ и закономъ, якъ появляетця весняний цвітъ послі холодної хуртовини. Уважъ бо всяке, що то було за люте время, що то за довге лихолітте було для всёго нашого краю! Ище недавно тільки вгамовалась Кримська дича на нашому полудні, ище недавно, зъ бідою пополамъ, тогочня Україна злагодилась на житте вкупі зъ нашою, – недавно покрито сякъ-такъ той великий гріхъ старосвітського Московського боярства, Андрусівський той миръ, що для впокою свого розідрали бояре Україну надвое и наготовили кривавихъ бучъ на довгі роки. Недавно жъ почали й одъ сівера поглядати на нашу сторону ласкавимъ поглядомъ и вбачати въ насъ щирю иредсю Русь, котора бажає въ себе дома одного впокою, щобъ пожити на рідній, кровью одкупленій землі такъ, якъ Богъ пославъ їй на розумъ. Опинилась Україна, послі довгої заверухи, мовъ у захисті, и годі вже співати

пісень про поля, на котрихъ »жістки хрустять, шаблюки попереросколони бряжчять» ,а почала думати довгу думу про своє сільське громадське життє, – и отъ, явивсь на Вкраїні поэтъ безъ »шаблі булатної безъ бандури подорожнїї«, Квітка. Не до козаківъ вінъ про військові речі слово обертає: обертає вінъ слово до хуторянъ, и дає їмъ науку тихого, богобоязливого життя, докоряючи їх новими гріхами. Отсе жъ не въ філософській голові, а живимъ живцемъ передь нами стоїть доводъ, що история народівъ, починаючись войною, появляє настоящу народню жизнь тільки підъ криломъ благбого миру, и тогді-то вже обрїтає вона свое право на увагу й шанобу всѣгосвітнѣго розуму.

Не буду тутъ викладувати, якъ почались книжна словесность народня Українська. Нехай охочий прочитає въ моему слові при толкованій по-Московські »Чорній Раді«. Обернусь просто до свого писателя Квітки, хто вінъ бувъ и яку долю мавъ на світі, пишучи свої дивні повісті; а далі покажу, въ чому сила й краса ёго писаній, и якимъ великимъ скарбомъ обладає наша до якогось часу невеличка словесность.

Есть підъ самимъ Харковомъ село Основа. Давно вже владіють нимъ панове Квітки. У сѣму-то селі родивсь и нашъ Григорий Ѳедоровичъ Квітка, и по сѣму-то селі прибравъ собі надане имя Основьяненко. Прадїдъ и дїдъ ёго полковниковали въ Слободськихъ полкахъ и обороняли одъ Татаръ свою сторону, котора тогді розлягалась ище малолюднѣю пустинею Бо Слободська Україна почала заселятись тільки за Хмельницького, якъ прийшлося круто козакамъ и посполитимъ одъ військовихъ бучъ и заверухъ на старій Україні. Виходили тогді корогвами и купами військові люде и прості селяне изъ старої, Польскої України на нову Україну, Московську, на тиі »укрїїнниі« земли Московського царства, що недавно названі Харківською губернією. Рїдъ нашого Квітки, будши значнимъ и вельможнимъ родомъ, займавъ собі на просторі що-найлюбїйші займанщини, и Григорий Ѳедоровичъ родивсь у домі панському, багатому. Отъ же у тиі часи, десятківъ сімъ чи вісімъ рїкъ назадъ, панство кругомъ Харкова жило собі просто, по-старосвітські, по-козачі, и нашъ писатель зъ-малку чувъ у отецькій господі и всюди по околиці щирю Українську мову, примазану тільки въ случаяхъ церемонїї дѣ-якими Московськими словами. Звичаї жъ у панівъ були, въ щодѣнній жизни їх, ті жъ сами, що и у посполитихъ: и родини, и крестини, и весїлля, и похорони одбувались такъ само въ панському домі, якъ и въ простацькому, хиба зъ бїльшою пихою и достаткомъ. Се вже въ недавні часи почали Слобожанмькі пани одъ поспїльства зовсімъ одрїзнятись и заводить усѣ въ своїхъ домахъ поиноземному; въ недавні часи почали вони чужоземними мавами пиншитись, а свою рїдну мужичою взивати. Тимъ-то и знав Квітка всі звичаї народнѣго биту такъ добре, якъ ні одному пану зъ новомоднѣго дому знати не можна, тимъ вінъ писавъ такою щирою народнѣю мовою, наче и не чувъ зъроду иншої мови; тимъ вінъ и по-Московські писавъ нескладно, що то бувъ ёму языкъ не-рїдний, а въ Московськихъ школахъ Квітку не учено.

Ще не було тогді въ Харкові университета, и духовнии коллегіумъ Харківський, бравъ гору надъ усіма школами по Слободській Україні. Съ

коллегиума виходили всі люде, котрі були верховодами Українського панського товариства; колегиумъ дававъ тонъ домашнімъ поважнимъ розмбвамъ, нахилиючи розумъ до Письма Святого и до науки святихъ отець Церкви. Нижчі школи для дворянъ були при монастиряхъ, на кшталтъ семинарий, а для поспільства чи й небагатихъ панківъ — при церквахъ; и вся премудрость тогочасної першої науки вертілась на читанні книгъ церковішхъ, па співанні церковному да на писанні кручковатими літеѳами. Тільки початокъ ариѳ-мѳтики да де-що зъ исторії царівъ и королівъ перепадало одъ наставниківъ учникамъ у нижшихъ школахъ. Латинь же и всяка инша премудрость процвітала въ колегиумі, до котброго більшъ учащали поповичи, нігкъ паничи. Бо не багато треба було тогді науки панському синові, щобъ добре господарювати, щобъ поважно носити військову шаблю и не мовчки сидіти въ компанії, якъ зайде розмова про початокъ світу, про потопъ, про царя Кира, чи Александра Македонського и инші такі речі, которими тогді бавилось панське старше товариство за довгими обідами, вечерями и підъ гулящий часъ, якъ молодші абб танцюють передъ нимъ, абб гасають па коняхъ и веселятця молодецькими играми. Тимъ-то розумний пінъ, або чернець, бувъ найлюбійшимъ гостемъ у старосвітськихъ Слободськихъ панівъ; тимъ вони були прихильні до церковної служби; тимъ и вся жизнь їхъ, одъ колиски до домовини, водилась духомъ православної Церкви. Мбжна сказати, що въ законі Госпбднѳму була воля їхъ и поучались вони закону Божому день и ноць. Нехай же не подумає хто, що се було якесь святе товариство, безъ гріхівъ и неправдъ мирськихъ: и гріхи, и неправди творились у ті часи тако жъ, якъ и теперъ; тільки що лібде шукали собі науки, помочи й понрави найбільшъ у Письмі Святому, найбільшъ у церковному глаголі, не вдаючись у инші науки. Чи добре воно було, чи ні, и якъ повелбсь послі Слободському товариству, про те нехай скаже хто инший; ми жъ хилимо річъ икъ тому, що й Квітка Григорий учивсь читати й писати, а запевне й науки віри Християнської, дома, у ченця зъ монастиря, а послі вчивсь дальшої науки у монастирській школі.

Зъ-малку бувъ вінъ собі хирненький, золотушний и зовсімъ бувъ осліпъ одъ золотухи. Світъ ѳму одкривсь на шестому годі, якъ повезла ѳго мати молитись Богу въ Озерянський монастирь. Прозрівши въ дому Божому, маленький хлопчикъ возгорівсь ревностью до Божого дому, и на дванадцятому годі почавъ благати отця й матіръ, щобъ благословйли ѳго на чернечу монастирську жизнь. Удержували ѳго до якгось часу отець и мати, не доймаючи віри молодому серцю, и нашъ Квітка дома зъ старшимъ братомъ и трома сестрами, ходячи часто до церковъ Божихъ и іздячи молитись Богу у близький монастирь, де пробувавъ у ченцяхъ ѳго рідний дядько. Той-то, мабутъ, найбільшъ заохочувавъ отрока до иночества.

Отець и мати, прокладуючи синові дорогу до старшиновання міжъ панами въ повному зрості, зачисляли ѳго, черезъ багатихъ родичівъ, то въ лейбъ-гвардію, то въ герольдію, то въ полѳві полки; на сімнадцятому годі мавъ вінъ уже ка-питанський чинъ, не бачивши въ вічи ніякої служби. Такъ тогді вислужувалось и насідало старшиновати надъ убогими служачами всяке багате

паненя, бо найбільше право давав тоді чоловікові рідь ёго, а не розумь и дотепность. Такь нікчемно числивсь то тамь, то сямь и Квітка, проживаючи дома, або виїжджаючи, замість служби, до старшого на бенкеть, чи на поклонь. Якь зникло козацтво зь своїми виборами на Україні, пани поробились домонтарями и бенкетарями, платили чиншъ канцеляриямъ, посилили гостинці начальникамъ, купували собі чини замолоду, починаючи одь пелюшокъ, а роботою, шаблею и розумомъ доходили вишчої чести хиба убожші міжъ ними, которимъ по домамъ нічимъ було гараздъ орудовати.

Отъ же, вбачаючи нікчемность, ледарство и суету такбго бити панського, надумавсь нашъ Квітка покинути мирь и йти въ ченці, бо хирне ёго здоровье не дозволяло ёму служити воіномъ, чи гражданиномъ, несучи всю тяготу служби, а може таки й не звикъ у трудахъ жизнь проваждати и, якь тамь кажуть, по бурному житейському морю кораблемъ своїмъ керувати, а більшъ ёму було понутру на одному місті смирно сидіти, молитвами душу поживляючи, читаннемъ побожнихъ книжокъ бавитись да сільськими погулянками и келейними беседами безъ тревоги свое время коротати. Двадцять-два гбди було ёму, якь пішовъ вінъ у монастирь Куряжинський (вісімь верстъ одь Харкова) и надівъ чернечу послушницьку одежу. Не треба жь тогб монастирського ёго побутку уважити за якесь сурове иночество. Білшъ для того проживавъ Квітка въ монастиреві, щобъ ближче знаходитись коло дому Божого и більше свою душу молитвами и піснословіемъ священнимъ насичати, не чуючи мирського гомону, сміхотворства и не бачачи збийзька скоківъ, викрутась и всякихъ мирськихъ забавокъ, до которихъ молода душа ёго, не згіршъ, якь и въ іншихъ людей, квапилась. А про те вертавсь вінъ почасти до отецького дому и проживавъ зь отцемъ-матірью и зь старішмъ, уже жонатимъ, братомъ, якь мирянинъ, у чернечому жупанкові, поки душа ёго почивала зновъ непщевати о гріхахъ своїхъ, зновъ одверталась одь миру и жадала непрестаннихъ молитовъ, непрестанного піснословия церковного, сама не знаючи, чимъ заспокоїти свою невідому для розуму тревогу. А була та тревога не що инше, якь поривъ поетичного духу вилитись у краснихъ річахъ, у високихъ розмовахъ съ чоловічимъ серцемъ, у хвалебнихъ пісняхъ Создателеві всякої красоти, котору бко вбачає, серце чує и розумъ познає. Тісно було нашому юноші въ монастиреві и не до вподоби середь мирського товариства. Ходивъ-нудивъ вінъ сюди й туди, маявсь по світу чужо-страннымъ гостемъ, которого ніхто не знає и которому ні до кого зь щирою, зь одкритою до дна душею обернутись; проживавъ дома, вертавсь у монастирь, а послі зновъ ёго тягло до рідної стріхи, до старого отця-матери, до людей, ко-торихъ полюбивъ зь-малечку. Булт, кажуть, и інші позиви, которі не давали молодому ченцеві смілости на-віки клобукомъ голову накрити. Примушавъ вінъ себе иноді до найважшихъ послушаній чернечихъ, не вважаючи на свое плохе здоровье, силковавсь перемагти свою живу натуру, занедбати мирь зь ёго утіхами и до келейного жития себе вправити; а серце ще голоснійшъ обзивалось, ще гірше підъ чорною рясою бунтовалось, и такй перемагло ёго прихильность до иночества, надану

єму зь-малку побожною матірью и наставниками-ченцями. Пробувши чотири гбди послушникомъ, не постригсь у ченці Квітка и вернувсь жити вь Основу.

Основа лежить підь самимъ Харковомъ. Старший братъ Квітчинъ любивъ водити хлібъ-сіль зь великими панами и самъ живъ паномъ на всю губу. Чернець нашъ привикъ помалу до мирського товариства и єго забавъ, оговтавсь міжь світовими людьми и незабаромъ ставъ найлюбійшимъ чоловікомъ у компанії. Що вичитавъ вінъ у побожнихъ книжкахъ, що зь-малку возлюбила єго душа, те осталося при єму до конца дней (розумію охоту до розмови про Божественні речі, про Християнські діла; розумію молитвенность у церкві й на-самоті, которою вінъ жививъ и об-новлявъ свою душу); а до того полюбивъ вінъ книги историчні, пильно принявсь за великихъ поэтівъ и возревновавъ Християнською ревностью до діль громадськихъ. Де що на добро людямъ починалось, туди вінъ устрявавъ заразъ и не жаловавъ ні праці, ні кошту. Тоді саме заводився университетъ у Харкові; тоді починали Харківці дбати про городський театръ; тоді стали мірковати про училище для дворянскихъ дочокъ – институтъ. Всюди приложивъ свого труда нашъ Квітка. При університеті почавъ издаватись журналъ «Украинській Вѣсникъ»; Квітка напечатавъ де-що вь журналі изь своїхъ первихъ починківъ литературнихъ, а послі бувъ єго й редакторомъ, укупі зь иншими трудолюбцями. Институтъ для дворянскихъ дочокъ бувъ єго мисль и єго діло; вінъ положивъ на се училище мало не весь свій достатокъ; а театръ вінъ піднявъ изь нікчемности, ставши вь 1812 чи 1813 годі єго директоромъ. Якъ розумівъ, по своему вікові, такъ и чинивъ добро нашъ Квітка. Теперъ ужє ні одинъ високий талантъ не стане заводити института, бо задумались розумні люде надъ вопросомъ: що було бь лучче для товариства: чи щобъ наши сестри й тітки росли дикимъ бурьякомъ по Вкраїні, чи – понаучувались у пансіонахъ и институтахъ носити дорогу одежу, знай переміняючи її по моді, тратити на иноземне домоводство и иноземну гостинность великі гроши и розмовляти язикомъ, которий одрізняє їхъ одь усіхъ невоспитанихъ и одь селянь, якъ чужоземокъ. Ищє й теперъ жестоко слово сіє, и не багато людей зможуть єго слухати: що жь дорікати Квітці ревностью не по разуму?... Не було вь Харкові ніякого доброго діла, або которе вінъ уважав за добре, щобъ не встрявавъ туди й вінъ, радіючи добру всею душею, а найбільшъ — якъ вибрали, єго дворяне Харківського уїзду своїмъ предводителемъ. Живъ вінъ найбільшъ у городі; купцемъ горнулось до єго найкраще Харківське товариство, и хотъ не високихъ наукъ учився зь-малку Квітка, а про те, начитавшись книгъ и наслуховавшись розумнихъ людей, не зневажавъ себе ні речами, ні писаннемъ, яко неукъ. Головатий вийшовъ изь єго чоловікъ, а до того щирий душею и серцемъ до всякого благого діла похіпливий. Тимъ и свята єго память, яко гражданина, поміжъ Харківцями, и не буде вона забвенна, поки Харківъ стоятиме.

Підходили вже сорокові літа єму, а пробувавъ вінъ собі молодикомъ. Отъ же тамъ указавъ єму Богъ и пару, де вінъ найбільшъ потребивъ праці и кошту. Впала єму вь око институтська наставниця, Анна Григориевна Вульфъ, заїжджа зь столиці; одружився вінъ зь нею и до конца дней своїхъ дяковавъ Богу за

добре подружже. Дітей у їх не було, а про те жили собі вдвох тихо да любо: одно одному якъ разъ припали до вподоби. Квітка нашъ, не звикши жити въ роскоши, одрікшись одъ неї зъ-мілку, оддавъ братові села й землі, собі виговоривъ невеликі гроши про нужду да будиночокъ на Основі, поблизу пишного братнего будинка. Тамъ вінъ проживъ зъ десятокъ, чи більше, останніхъ своїхъ літъ, до 1843 року, виїжджаючи въ городъ тільки на службу; бо не покидавъ служби Квітка до смерти: служивъ вінъ то предводителемъ дворянства, то совістнимъ суддею, то предсідателемъ уголовної палати; трудячись на добро товариству, скільки було ёго снаги и кебети.

Симъ способомъ, не знаходячи иншого, задовольнявъ Квітка свою душевную тревогу чи той неугамований поривъ виливатись у краснихъ річахъ, у високихъ розмовахъ съ чоловічимъ серцемъ, у хвалебнихъ пісняхъ Создателеві всякої красоти, котору око вбачає, серце чує и розумъ познає. Отъ же й тутъ ёму було такъ тісно, якъ у монастиреві, и не до вподоби припадало ёму суєтне, пащиковате, хибке товариство городське. Душа жадала иншого поприща, иншого способу проявити себе мирові, а якъ знайти те поприще, якъ обрїсти той способъ, не знала. Не такъ бо поведено нашого Квітку зъ-малку, не такі кругъ ёго обертались люде, щобъ ёго великий природній даръ поетичний процвівъ у свою пору и приходивъ одъ року въ рікъ изъ сили въ силу. Не знавъ вінъ самъ, які въ ёго крила, не розпускавъ їх на всю ширину, не смівъ піднятись висче свого щоденнёго діла. Бо тільки лиричний даръ прориваетця у поэта самостайно піснею, и не треба лиричному поэтові великої словесної науки, щобъ явити мирові всю красоту души своєї. Вирветця въ ёго зъ серця вопль – и въ тому воплі ввесь чоловікъ обявитця. Квітка родився епикомъ; довго мусивъ вінъ, самъ того не відавши, совершенствовати свою мисль, поки вона здужала вийти въ словесному образі ясною всякому, всякому розумною. Пройшли молоді літа въ тій таємничій науці, повернуло къ старості – и от-тогді вже тільки далась ёму та повнота слова, безъ которой епикъ остаєтця недорікою, силкуючись создати свою эпопею. Тимъ-то всі лирики обявляютьця зъ-молоду, а всі епики дають себе знати на повороті къ старості, – хто ранше, хто пізнійше. Такъ було зъ Гомеромъ, такъ було зъ Дантомъ, Сервантесомъ, Мильтономъ и Вальтеромъ Скоттомъ. Хотъ и немає общого, неодмінного закону для словесного дару, а все жъ духъ чоловічий мусить доходити свого совершенства своїми віками, и останне совершенство словесного дару кінчаєтця эпосомъ, починаючись лирикою. Рано вінчаєтця славою природній лирикъ, и не скоро її дослужуєтця епикъ.

Ото жъ и Квітка мало не скоротавъ віку, поки почувъ на своїхъ власнихъ силахъ и давъ добру ознаку свого великого дару. Найбільшъ ёму те шкодило, що, зрісши на Українському слові, обертавъ вінъ середъ товариства иноязычного. Товариство не знало ёго, и самъ вінъ не знавъ, до чого ёго послано въ миръ. Тимъ, устряваючи до громадськихъ справъ, почавъ вінъ ище съ 1816 року писати для Харківського журналу розправи про институтъ, записки, письма, комедії на театръ и всяку всячину; а встрявши до столичнихъ журналівъ, зъ наради приятелівъ, — писавъ романи на кшталтъ журнальнихъ; и

якъ усе те робилось для самого панства, то й сталося минутною забавкою панській громаді. Більш не знали пани, чого одь Квітки домагатись; взяли вони зь ёго, що хотіли; догодивъ вінъ усякому їх проханню и всякій раді. Заплативъ Квітка велику и тяжку дань своєму вікові, инежай бувъ би въ ёго менший даръ, – потонувъ би вінъ и зникъ зовсімъ міжъ совремённиками, не знало бь ёго потомство и не вважало бь за великого писателя. Бо хто жь тепёръ стане читати ёго недорікъ »Халявськихъ«, »Столбиковихъ« и всякі инші оповідання иноязичною мовою? Не ёго була мова, – не дала жь вона ёму й серцемъ до серця промовляти. Бо до чужого не заговоришь такъ, якъ до рідного, и чужимъ язикомъ не досягнешь до чужого серця. Тайна велика въ сёму моему слові, и розумна ся тайна найбільшъ великимъ поетамъ народнімъ. Поти вони живуть недоріками середь миру, поки не впадуть на свої власні струни, и тими-то вже струнами рідні серця потрясають, и тиї-то вже струни дзвонять довго изь роду въ рідь и содержать неземною своєю силою цілость нації, хоть би й по всёму світу распорошеної. Нехай би менший бувъ даръ у Квітки, – удовольнивсь би вінъ иноязичними своїми писаннями и більшъ нічого не возжадавъ би. Ато ні: вінъ чувъ, що въ тихъ писанняхъ красний Божий миръ и чоловіча жизнь середь красного миру Божого не оддались такъ правдиво, якъ воно есть у насъ передь очима. Вінъ почувавсь на силахъ, що здолае дойти ширшої правди въ малёванні, и домігсь самъ одь себе, чого ніхто не знавъ одь ёго домогатись. Того мало: якъ заходила річ про рідну мову, всяке ёму доказувало, що вона згідна на одно сміхотворство и не здолае бь то ніхто поважну повість рідною мовою оповідати. Хто бь же подумавъ, що сі пустословні речі прорвуть на рідній землі велике жерело води живої?... Квітка загорівсь святою думою – сказати святе слово про святі души, которі не съ книжокъ воспитались. Взяві вінъ найнижшу матерію до оповідання зо всіхъ, які були въ ёго предь очима: покинувъ дворянъ, покинувъ суди, інститути, монастирі, взявъ неписьменного, тёмного, найпростшого собі хлібороба и оповідавъ ёго жь мовою, що въ ёго въ господарстві, въ сільській околиці и въ хаті міжъ жіноцтвомъ діетця. Всяке слово и діло вінъ изобразивъ такъ, якъ воно именно есть и якъ инше й бути ёму не можна. И вийшовъ у ёго красний Божий миръ ище наче краший, ніжъ у насъ передь очима. Се такъ, якъ подивисся въ тиху воду и вбачишь тамъ нёбо й зёмлю, и здаеця тобі, що небо й земля у якусь нову ліпоту въ тому водному світі облеклися. Такъ и въ оповіданні Квітки красний Божий миръ ище наче краший здаеця, ніжъ вінъ есть у насъ передь очима. И вийшли въ ёго люде живі-живісінькі, и що въ їх у душі діялось, що въ серці въ їх ворушилось, усе те намъ, якъ надолоні, въ ёго показано.

Росказуе вінъ про Марусю и її Василя, про старого отця й матірь, а тобі здаеця, ніби се вінъ твое серце положивъ у себе передь очима и вичитуе по ёму все, що ти зь самого малку чувъ самъ у собі и якъ кипівъ ти въ молодому вікові, и якъ туговавъ на старості. Все те свіжимъ, поважнимъ, щиримъ словомъ, якъ пісню, вінъ виспівавъ. И прочитавши повість про Марусю, чуешъ душю, наче якась музика пройшла тобі черезъ душу и настроїла її на вишчий, на якийсь небёсний ладъ, – що знявся бь одь землі и полинувъ би голубиними

крилами одпочити одъ земнихъ мукъ тамъ, де тиі чисті души, помучившись міжъ нами, одъ своїхъ мукъ одпочивають. Отъ коли знайшовъ вінъ, самъ того не чаявши, инше собі поприще, инший спосібъ проявити себе мирові!

Написавъ Квітка свою повість »Марусю« — и хто ні прочитавъ її, всяке плакало. Чого жъ плакати, читаючи »Марусю«? Хиба її доля дуже нещаслива? Ні, тутъ не печаль обгортає душу, — не зъ сеі криниці течуть у читателя слѣзи. Душа тутъ обновляється, вбачаючи пишну красу дівочу и чисте дівоче серце. Се не Маруся въ насъ передъ очима: се наша юність, се тиі дні святі, приснопамятні, якъ и въ насъ було красно, чисто и свято въ серці. Отъ що насъ тутъ чарує; отъ що підіймає вгору нашу душу! Побачили ми себе въ тій дівчині, пишій красою и непорочній серцемъ, мовъ глянули въ воду на свою молоду вроду, — и якъ же то намъ жити на світі схотілось! Красень Божий миръ, а ще краща душа чоловіча, и тягне вона насъ до себе непобідимою силою. Великі скарби своєї благодати розсипавъ Богъ у своєму красному мирові, а що більшими скарбами збогативъ чоловічу душу. И не того намъ хочеться жити, щобъ тільки на Божий миръ дивитись: більше намъ хочеться душею въ чужі души входити и благодатні скарби на скарби миняти. Обійшла насъ чарами Квітчина Маруся; зъ нею ми почали жити тимъ идеальнимъ щастємъ чистого серця, которого ніхто зъ насъ не дознавъ самямъ діломъ. Зневірившись тому щастю въ своїй долі, тутъ ми дали ёму зновъ віру; заслухавшись могутихъ, владичнихъ річей поета, зайшли ми въ ёго рай, не постерігши, якбою стежкою, якими дверима, — и здалось намъ, що справді рай на землі буває. Зацвіло въ нашій душі весняними квітами, и любо намъ и вѣсело здалось на світі одъ чаровничої омани поета. Тутъ-то вінъ починає обривати въ насъ передъ очима квітку за квіткою, — и ось, незабаромъ уже сумна пустиня розлягається на всі сторони кругомъ нашого серця; и якъ недавно давали ми віру земному щастю, такъ теперъ не доймаємо віри ніякому блаженству на землі. Страшно становиться намъ середъ миру; душа наша, якъ сполохнутий голубъ, зривається зъ землі и возлітає въ ті таємничі сторони, про которі чуємо тільки, що нема тамъ ні печали, ни воздыхання, а їхъ ніхто зъ насъ не довідався. Симъ образомъ нашої души, сумної, сполоханої и летящої кудись далеко, за край світа, стоять передъ нами, въ повісті Квітки, мати й батько Марусини. Тутъ передъ вами немічъ и сила души людської, тутъ її упадокъ и торжество; тутъ горе естества земного піднялось до поезії — и вже мати не тужить по дочці, а, мовъ поетъ, воспіває пишну її красу, чисту її душу, високу її долю небесную; уже батько не вбивається передъ домовиною, а, мовъ який пророкъ, мовъ не своєю силою, прорицає людямъ Божі замогильні тайни. Отсе-то все вкупі, оповідане поважно и вповні, безъ усякої хиби, оповідане съ тимъ порядкомъ, которий въ епосі займає місто стихотворної міри, — отъ що тутъ возводить душу до найвисчої вишини духовної, до поетичного святого восторгу; душа жадає обізватись на ті поетичні речі такими жъ самими речами — и знаходить, замість їхъ, тільки слѣзи. Такъ создавъ Квітка свою повість — поему Марусю«. Вложивъ вінъ сюди весь даръ свій промовляти серцемъ до серця. Тутъ розумний вбачає всю ёго віру и всю историю ёго власного серця. Се найщиріша исповідь, яку тільки

здолає писатель принести передь миромъ. Тут увесь Квітка, який вінъ бувъ на самоті зь самимъ собою, и правду говорили ті, що казали, наплакавшись надъ »Марусею«: »На ёго надгробкові написати бь тільки: Авторъ »Марусі«.

Отъ же були й такі цінителі, которі дяковали Квітку, що написавъ книжку, поняту для їхъ лакеївъ, и що лакеямъ їхъ есть чимъ забавляться, сидючи по прихожихъ. Сміявсь надъ ними Квітка, а въ насъ болить серце, що стуманіли пропросвіщені ваши люде, одрізнівшись одъ темного ніби народу, и вже оглухли до найкрасчихъ річей, якими мати дитину пестує, якими батько сина добру навчає, якими сестра брата голубить, дівоче серце передь козацькимъ у пісняхъ сповідаєця. Чи багато жь бо міжъ ними таких, которихъ випестила рідна мати? Матіркамъ сихъ просвіщенихъ гордовниківъ народніхъ треба було въ корсажи шнуроватись, а не дитину годовати, да надъ колискою котка виспівувати, да вночі по десять разъ одъ сна прокидатись. Випестили їхъ чужі, недбалі руки; згодовало їхъ чуже, не жавотворне молоко. Чи багато міжъ ними такихъ, которихъ рідний батько вчивъ доброму, розуму, указуючи на добрихъ и ледачихъ предківъ своїхъ? Учено їхъ иноземнєю, наемницькою мовою, и вказовано імъ не на розлогі пустині, которі, якъ та нива Евангельска, вижидають праведнихъ ділателей, а на високі мури, десь понадъ морями поставлені и народніми гордовниками прославлені (116). У кого зь нихъ були сестри-жалібниці, которі бь розважали їхъ тугу тимъ самимъ словомъ котримъ и весь миръ нашъ у своїй тузі сумує? Сестри їхъ розмовляли зь ними иноземнєю мовою; а иноземня мова не падає на душу дощемъ животворящимъ, – сипле вона словами, наче холоднимъ снігомъ. Де жь серце дівоче знайде такий голосъ любий и ніжний, якъ у нашихъ пісняхъ? Чужимъ, ученимъ голосомъ промовляє те ніби просвіщене серце до такого жь просвіщеного, и обидва одно одного не розуміють; бо розмовляють наготовленими десь далеко для нихъ річами. Не знають вони тихъ любощівъ, що часті, нічимъ не заправлені, течуть изъ серця въ серце, якъ вода криничня; не знають вони вольнихъ любощівъ, которі, якъ та жизнь, не питаютця въ чоловічого розуму, де імъ, у яке время и зь якими обстановками объявитись. И живуть вони середь рідного племя, якъ канарейки въ клітці, не відаючи, що за вікномъ ще більше світу, ніжъ у вікні, – живуть, виводять пташать у своєму тісному затворі, и щебечуть по-своєму, думаючи, що и весь миръ людський повинень такъ щебетати. И ширятця по Україні чужі звичаї, що той кукіль у пшениці, и Господь одинъ знає, чи кукіль виглушить пшеницю, чи, може, простретця колись изъ неба благодворяща, всепоборяюща рука и виполе пшеницю, котору самъ Господь засіявъ. Поки жь те станетця, озиваетця рідне, голосне слово ваше одъ Карпатъ до Есмані рідною голосною мовою, и на самихъ своїхъ границяхъ оказує мирові могутихъ речниківъ своїхъ, пророкующихъ мирові народню духовну самостайность нашу. На самому бо краї вашої мови рідної, де вже иноязычня мова назирає на наши береги, заливаючи низини наши, – у Слобожанській Україні, котора сіла колись осадами на порожніхъ земляхъ

¹¹⁶ Вся бо история всемирна – гляньте – до сего часу ніякъ не одирветця одъ тихъ недоступнихъ побережжівъ, де сила стала зь давніхъ давень висче правди.

Московського царства, явився Квітка зь своїми народніми оповіданнями; явився жь вінь, якь скеля середь моря, вирнувь изь глибини, котора вже й ёго була поняла, и ставь високимь поэтомь свого рідного миру, бувши малимь писателемь иноязичної словесности.

Знаючи добре, що небагато знайдетця міжь критиками журнальними людей, которі зложять ціну ёго »Марусі«, або й зовсімь не знайдетця, вінь видумавь сміхотворну казку про салдацький портретъ, – и въ тій казці швецъ именно такь праведно судить обь малярстві, якь судила навпослі критика обь »Марусі«. Въ »Салдацькому Патреті« виставивь Квітка, якь иноземщина заваливає наши народні низини, якь нікчемніе народь нашъ, Божа пшениця, одь того куколю, що всіяно міжь ёго. Сміетця вінь зь души, сміетця й читатель зь нимь, а серце ние, вбачаючи, якь убога и смиренна правда одкуповуетця одь смілої нахаби квартою горілки, щобь вибачила нахаба, що правда пробовкнула за себе слово...

»Мертвецький Великдень«, трейтя повість Квітчина, малое намь селянина-пьяницю, якихъ багато по Україні; бо не безь важної причини »правда ваша пьяна спить«, якь мовлявь той узловатий Шевченко. »Коли вона прокинетця«, одинь Богъ знае, а теперь такому живописцеві, якь Квітка, тільки осталось одно — малёвати, якь воно есть, на сміхъ и огиду людямь статёчнимь. И коли представить писатель жизнь повнимь словомь своїмь, якь вона есть, не даючи їй ніякого толковання, не задавши собі ніякої філософічнєї теми, то въ ёго писанні сама собою буде філософія и мораль, и скілько розумний вбачае въ жизни самій, стілько вбачатиме и въ поэтичнєму образі жизни. Вся жь отта дрібнота писателівь, що думають служити художествомь громадськимь нуждамь, або що, всі вони псують марне папірь и морочять плохі голови, которі, не читавши їхъ, знайшли бь, може, яке лучче собі читанне. Найперше діло для писателя – возлюбити ближнєго, яко себе самого. Хто такь возлюбить ближнєго, маючи дарь словєсний, той тільки зрозуміе ёго, якь свою душу; а зрозумівши такь ближнєго, яке ні скаже про ёго слово, скаже такь праведно, якь на щирій исповіді. От-туть-то й тайна глибини слова, туть вона, тайна сили и власти, котору має надь вашою душєю слово великого таланта. Бо то не вимізковане слово: то живий голось живої души, а всяка душа намь рідна, якь сестра братові, и горнемось ми до неї, якь сирота до свого на чужині; покинувши, занедбавши все, тулимось ми до рідного лоня, радіючи серцемь, що озвавсь до насъ испо-середь чужини знакомий голось. И нігде не знайдемо такої потіхи й поради, якь у тихъ щирихъ ріднихъ річахъ; збогатять вони насъ надь усякі инші багатства й сокровища. Сей есть смыслъ и розумь, на що Божа премудрость посилае міжь насъ віщихъ людей, которихъ слово розженно, яко огонь, которі озирають мирі, мовь ті многоочиті херувими, которимь немає тайного, щобь не відкрилось, и которі, сповідаючись щирою душою передь миромь, усякому чоловікові откривають у своїй сповіді ёго жь власну душу. Якь у темну комору внісши світло, покажешь самому господареві, де що лежить и що въ непорядку, и въ чому недостатокь, такь сі віщі люде духовнимь

світломъ освіщають духовний мракъ нашъ, и благо тому чоловікові, котрий користуетця зі сєго світла!

Въ повісті »Отъ тобі й Скарбъ!« изновъ намалєвавъ Квітка ледачого п'яничку (да ще до того й дурника), якъ и въ »Мертвєцькому Великодні«; тілько на противъ єго безпутства поставивъ тутъ людей трудящихъ, которі живуть у законі Божому и свої сємьї держать у всякому порядку, не даючи нікому розопсіти. Тутъ изновъ читатель, такъ якъ и въ »Мертвєцькому Великодні«, наткнетця на науку доброго жития, на источникъ води живої, на Боже Слово, и вбачить изъ жалемъ душевнимъ, що той источникъ сміттемъ закидано, и здивуетця, якъ ище сей миръ держитця на правоті: що скілько-то тихъ хранителівъ правоти, тихъ передовиківъ Христового стада про свое діло байдуже! забули вжв, якъ єго й чинити, якъ єго й на користь душевну мирові обертати. Вигукує оттой философъ у церкві Длянїя »по строфамъ«, аки мльдь звеняща; а буде жъ изъ єго незабаромъ пастирь душъ... якъ же вінъ упасе овці своя? Тимъ-то Господь не вповає на розумі розумнихъ, промишляючи объ спасенїі людей своїхъ, и совершає собі хвалу изъ усть младенцівъ. Сєрце старого, неписьменного батька тої сємьї благочестивої, що зібралась празникъ святою паскою празновати, восхвалило вже Господа дома, поглядаючи на дари руки єго, на свою сємью цвітушу, на повенъ стіль брашенъ празниковихъ; а въ церкві учений дурень глумитця надъ святою повістю про діла апостольскі и туманить своїмъ читаннемъ охочихъ слухателівъ.

Повість »Козирь-Дівка« – гіркий докірь тимъ людямъ, що вибились изъ тємного, неписьмєнного народу у законники, да й засіли въ законахъ, якъ миши въ засіці. Багато тутъ перебравъ їхъ писатель, и то все, мабуть, портрети живихъ людей, бо терся самъ вінъ міжъ судовою братією и надививсь на їхъ ледарство. Тутъ и губернаторъ ворочаетця міжъ ними, наче йграє въ піжмурки: кого піймавъ, той и єго; а правди настоящей, за папірами да чинами, не бачить. Квітка боявсь такого пана зневажити; похваливъ вінъ єго за добру душу, а все видно, що ся добра душа не знає, куди їй повернутись, бо, звичайно, зрісь губернаторъ паненямъ, на рукахъ прислужниківъ, которі подавали єму зь-малечку все готовеньке; то й на старості трудно було єму дойти якої бь ні було правди своїмъ розумомъ, и все поглядувавъ вінъ, що-то єму нижчі чини скажуть. Лучився добрий чоловікъ, що навівъ єго на добро; то й зробивъ вінъ Івзі добро. А якъби втерся въ єго канцелярию волостний писарь, прикрившись значнимъ чиномъ; то бувъ би Левко певно тамъ, де козамъ роги правлять. А панъ губернаторъ радівъ би собі душею, що таки вінъ не лежнемъ лежить, а служить и трудитця надъ ділами... служить волостнимъ писарямъ у чинахъ за покришку, и трудитця до поту надъ папірами, да й тілько жъ....

Не стало бь, здаетця, й снаги, якъ би схотівъ хто все те словами висловити, що тиснетця въ голову сь повістей Квітчинихъ. Да й на що всяку річъ вияснити? Квітка самъ за себе говорить, и въ кого є розумъ, той и самъ єго повісті зрозуміє и правду зь нихъ на свою користь витягне, – въ кого є серце, той и самъ зложить ціну єго писаннямъ, тимъ словеснимъ скарбамъ, во віки вічві драгоціннимъ. Тимъ-то й не хочу я безъ потреби перегортувати всєго

Квітку по листочкамъ, а глашу про ёго передъ громадою свое слово огуломъ, въ интересі всенароднѣму, виступивши напередъ своеї лави и чуючи за собою тисячи, которі мовчки слухають готового, а думають душею по-моєму.

Перейдемо жъ ище до повісти: »Добре роби, добре й буде«. Наши земляки звикли на іншихъ усе звертати, а себе неповинними въ своїй біді чинити, забувши, що не зъ неба вони на землю впали и що були въ їхъ ледачі діди й прадіди. Все те пускають наши земляки въ непамять, и вміють тільки на свою долю нарікати, а нема, щобъ за добрі діла, за чоловіколюбство вхопитись и тими ділами съ калужи на сушу вибратисі. Все ждуть, чи не визволить їхъ изъ нужди й біді якась невидима помічь, а того не знають, що ся помічь кожвону зъ васъ заразъ изъ неба подаеця, скоро загорисся Християнською любовью до ближнѣго, и коли бъ у насъ явилось більше чоловіколюбцівъ, то заразъ би вродилась міжъ нами громадська сила и мирська правда. Не иншою бо дорогою дійдемо до красчого порядку громадського, якъ дорогою правди Християнської. И Христось сказавъ рабамъ грѣха, а черезъ грѣхъ и всячеськимъ порабощенимъ (бо грѣхъ, а не яка сила, оддає чоловіка чоловікові въ неволю; сила ламле вже трухле дѣрево), и Христось, говорю, сказавъ: »Якъ зрозумієте правду, то правда й висвободить васъ«. Отся-то правда приснилась нашому Квітці (бо побачишь її хиба вво сні): що якъ би то було добре, коли бъ усяке дбало не про себе одного, а тако жъ и про ближніхъ своїхъ! Розгорілась его чиста душа одъ благої думки, и згадавъ вінъ про селянина, которий підъ голодний рікъ не звонтпивъ простовати Христовою дорогою, не злякався біді, не звернувъ на бікъ, а зробивъ свое діло по-Евангельскі. Бувъ справді такий мужъ міжъ селянами, и справді обернулсь до ёго земські власті, якъ до праведника; бо велика біда всяке хижє серце навчає розуміти силу праведности. Тутъ нема видумки. Здаеця воно видумкою и не йметця тому віри тільки въ спокійні часи, якъ не висить надъ головами нашими страшенний гнівъ Господень. А погляньте по исторії: хто въ смутні часи виступав напередъ усіхъ и всіма верховодив? виступали люде праведні, герої. Отъ же такимъ явився підъ голодний годъ селянинъ Квітчинъ, Тихонъ Брусъ, и показав, що зможе чоловікові силою правоти своеї, розлюбивши ближнѣго, яко самъ себе, які жорстокиі серця підгорне підъ свою волю, які запеклі души до себе прихилить. Велика, мабуть, сила добра, коли зло боретця зъ нею одъ початку віку, да й ніколи не поборе. Отсе жъ Квітка непроповідью, а живимъ образомъ, показавъ землякамъ своїмъ, якъ досягати красної долі на світі, и що сами вони своєю недбалостью про мирське благо топлять себе глибше да глибше въ болоті.

Эге, панове! не зъ неба намъ наша доля впала: були въ насъ діди й прадіди, що намъ її своєю ледачою жизнью придбали. Такъ, видно, думав и Квітка, пишучи дальшу повість: »Конотопська Відьма«. Вознегодовавъ вінъ праведнимъ духомъ своїмъ на безпутство, въ котрому наши предки знікчемніли, на дурний розумъ їхъ, що оддавсь самохіть такимъ пройдисвітамъ, якъ Бруховецький и ёго преємники зо всею їхъ челядью, хижою, лінивою, лукавою и недбалою про мирське благо. Взявъ вінъ зъ останніхъ часівъ Гетьманщини дурника-панича, котрого по породі и достаткамъ, а не по вибору

козацькому посажено сотником на голову козацтву, стуманілому вже, забитому вже, запненому вже старшиною навіки. Возмутившись душею, намалёвав він у своїй повісті отару немислену, а не громаду Конотопську, бо й справді до того доходило, да й тепер ище есть по селах, що люде не знають ні свого права, ні своєї чести, ні хто вони такі, ні для чого живуть на світі, ні якъ ім. за що взятись; дивлятця, лупаючи очима, якъ овечки, и що скаже імъ лукавий писарець, п'явка людська, те вони й роблять: Такъ и тутъ, у »Конотопській Відьмі«. Не понявъ би віри, коли бъ не було й теперъ по Україні такого одуру, такої нікчемности въ сільськихъ громадахъ. И сами ті, що правлять сими громадами, и сами вони не тямлять, що, на що и до чого вони зъ ними діють. Знають тільки одно: шарпай, коли шарпаецця; скуби зъ овечокъ вовну, коли скубетця; топчи, кого подужаешъ, поки тебе самого не затоптано. Густий мракъ обнявъ усі голови и обгорнувъ души. Мовъ би Христось ище й не приходивъ; мовъ би тутъ люде сидять ище во тьмль и сьни смертнльй; мовъ би тутъ благовіствованне Божої правди ище не возгласилось! »Конотопська Відьма« Квітчина одкриває передъ нашими очима якийся гидкий миръ язичества. Читаешъ – и серце заниває: що стілько-то віківъ пройшло надъ землею съ того страшного часу, якъ повішено на дереві всемирного Благовісника Божої правди, а люде въ насъ идосі сидять во тьмль и сьни смертнльй! Коли жъ то зникне и розсіетця тьма, и де ті уста, що возвістять народові ёго спасеніє? Читайте, читайте »Конотопську Відьму« всі ви, чающі пришествія Господня, чающі воскресенія мертвимъ и будущеї жизни, и молітесь подвигами мужества душевного: Ей, гряди, Господи Іисусе! ей, гряди скоро!...

Писано въ хуторі Мотроновці,
року Божого 1858, февраля 18.

Куліш П. Григорій Квітка (Основ'яненко) і його повісті. Слово на новий вихід Квітчаних повістей / П. Куліш– СПб. : [б.в.], 1858. – XXXVI с.

П. Куліш

Народні оповідання Марка Вовчка

Словесность наша українська не багато появила книг, которі становлять хвалу її, та за-те всі вони дишуть щирим народним духом. Од найпростшого селянина до просьвіщенного європейською наукою пана, всяке читає їх смакуючи. Тим і велике діло нашої словесности, що вона не одрізнулась од простого люду, з которого вийшли і виходять міщане, купці, дворяне і духовнії. Уміє вона говорити про сільське пахарське або чумацьке житте, шануючи чоловіка в селянинові, — що й панське серце ние благородною печаллю, або росте в-гору од благих думок; уміє ж вона розмовляти й про судьби царств і народів не чужим для поспільства складом. Всіх чад рідної України ззиває вона високим своїм голосом у одну громаду, на одно велике діло чоловіко-любства.

Замок на-віки вже наш Квітка-Основ'яненко; Тарас іще живе на світі і може не одним іще новим псалмом звеселить наші Ідуши. Тим-часом словесність українська іде своїм ходом і бере нові тони, входячи глибше в рідне життя і натуру. Ось несподівано появилася вона невеличке по листкам та дорозі по красі діло невідомого писателя — пана Марка Вовчка. Добру дорозу він собі вибрав. Живучи поміж селянами, прислухавсь із великою увагою до їх розмови, і що вони проміж себе розказували, те він і пише їх складом і по їх смаку, добираючи найвимовніші їх слова і приговірки. Отсе ж у його один випадок оповідає молодича, другий — паробок або жонатий чоловік, і всяка річ така в його правдива, наче чуєш і бачиш перед собою того, хто говорить. Великого стоять сії оповідання тим, що живописують наших селян, як вони єсть перед нашими очима, — живописують не так, як звикли на них дивитись із-верху, а так, як вони, самі на себе даються. Пан Марко Вовчок розказує про народ, люблячи його і шануючи його чоловічу істоту. Тим у його всяка черта виходить буйною і поважною. Чує він, що не мале діло оповідає, виставляючи душу людську з її нерівною долею і виводячи перед просвіщенний мир занедбане товариство, котре єсть корінь і сила нашої нації. Се не видумки на потіху гулящим людям: се жива етнографія, котре зрозумів писатель здоровим умом і гарячим серцем.

Чим же ці оповідання різняться од Квітчиних повістей і Тарасових поем? Квітка народню маслю проводив через народне життя і дививсь на все, що трапляється в житті, з готовою філософією. Квітка саме життя призивав у свідки, що іменно так воно єсть на світі, як зрозумів розумний. Тарас упоїв свою душу народньою піснею, тим міцним перегоном життя, котрий у одній своїй каплі содержать знаменателя довгих годин повсякденности. Тарас двома-трома словами підіймає дух свого читателя в-гору, наче сам читатель пройшов через усі митарства і зрозумів їх могутим розумом. Поезія Квіткина єсть хліб насущний; поезія Тарасова — вино, веселящее серце, бо хоть понурим складом, хоть плачучи оповідає він иноді людську долю, а в душу нашу ллє сцілющу і живу воду: не по мертвих бо послав його Господь голосити, а живих на діло життя воздвигати. Скажу тепер і про пана Марка Вовчка. Тільки, здасть ся іншому дивно, що писателя нового, з невеличкою його книжечкою, становлю я поруч із сими великими духами, котрі вже давно вселились в нас і ведуть нас назнаменованою від самого Бога дорозою. Не Марка Вовчка становлю я поруч із сими великими духами — сам по собі він іще не виявивсь —, а велике його діло, яке речника народнього, котрий говорить не від себе. Не свої мислі він об'являв нам, як Квітка; не своєю душею за народ боліє, як Тарас: писатель тут одступивсь геть, назад свого писання; а в писанні його сам народ, лицем до лица, промовляє до нас словом, своїм також, як у висчі свої години промовляв піснею. Заслуга пана Марка Вовчка в тому, що він переняв од народу його щирю мову, як переймають пісню, і заговорив до нас так, як сам народ говорить проміж себе. Не мале й се діло, і не багато єсть на світі людей, котрі зможуть вимовитись так письмом, як між простим народом говорить найрозумніша людина, найніжніше серце, найчистша душа. Такі оповідання, як Вовчкові

(дай Боже, щоб їх було більш написано!), стануть ся з часом основою словесности нашої народньої, як розширить ся вона і розкинеть-ся на всі сторони пишними вітами. Тут бо всяке буде шукати праведного духовного образу того племя, которе наградив Господь особливими своїми дарами.

*Куліш П. Народні оповідання Марка Вовчка
// Твори Пантелеймона Куліша в 6 т. — Л.,
1910. — Т. 6. — С. 449–451.*

П. Куліш

Одъ издателя

Писана словесность, яка бь вона ні була роскішна, або мизерна, виростає не зь якого иншого ґрунту, тільки сь того самого народу, которого щире слово взяли собі писателі за потканне до своєї мислі. Основа, стривайте, чи не одна та жь сама у всякого люду Божого; не одно тільки потканне. Такь воно мені здаєтця. Нехай якь хоче силкуєтця народній поэтъ у такого народу, що, якь тамь кажуть, ликами звязаний, — голось его верещатиме, а не співатиме. Про багатихь, про могущихь скаже вінь слово голосеньке, а про личаний народь нехай якь хоче грає, личана струна обізветця по-своєму. Такь же само зміркуймо и навпаки: добре тому кобзареві грати, которий зь-малечку наслухавсь гарнихь, високихь пісень одь своїхь земляківь не-письменнихь. Геній народній править его голосомь. Не то вь стихахь, да и вь прозі, великий поэтичний духь народній — коли справді народь не ликами звязаний — дише підь перомь якого бь ні було справдешнєго поэта. Ніхто сєго такь ясно не вбачає, якь ті люде, которі поміжь неписьменнимь людомь по-братерські жили и щирі речі єго чували. Якь-би була снага все те записувати, що поэтичнєю мовою вирвется зь усть людськихь поміжь щоденнимь гомономь сільскимь; то, зложивши до-купи, мавь би сь того щось ніби високе літературно, а не зь буденної розмови черпане. Чомь же, скажіте на милость, чомь же се вь ряди-годи хиба появить хто-нехто таке друкованне зь записанихь річей людськихь, що читаєтця зь уподобою, наче слухаєгаь найкращі речі пайкращихь селшь и селянокь? Тимь бо й ба, панове, що не всяке сь письменнихь вибере до дружнєї розмови красномовну просту людину, не всяке й до себе принадить по-братерські, бо до того потрібні не ласкаві словця, не гроши, або подарунки; до того перва и одна річь — щобь такь любити, якь добрий брать любить брата. Спитайся жь коженъ у себе: якь вінь до того почуваетця? Ще жь сєго мало: треба ще вміти вибрать, що записати зь якихь річей, а що й одкинути. Не коженъ бо сь тихь красномовнихь простихь людей слово до слова, якь чисте золото до золота, сипле. Треба зробити гарний вибірць, — тогді й буде пшениця безь полови й куколю. Отъ воно, чомь у ряди-годи хиба появить хто-нехто таке

друкованне зь записанихъ річей людськихъ, щобъ читалось зь уподобою, наче слухаешъ найкращі речи найкращихъ селянь и селянокъ ⁽¹¹⁷⁾.

Простувавъ я разъ хуторськими дорогами изъ Екатеринославщини на Полтаву. Проїхавъ я черезъ село Нехворощу, що на Шубертовій карті якъ-разъ стоїть на межі Полтавщини. На половині дороги міжъ тимъ селомъ и селомъ Козельщиною, будуть вамъ хуторі на урочищі Крута Балка, — хуторі козачі. Народъ по тихъ хуторахъ гарний, одягний, гамаликуватий; жінки й дівчата високі, похіпненькі, чернобріві. Завитавъ я до веселої козачої хати попасувати коні. Якъ на те жъ лучилась у хаті подорожня пані якась и, що мені було по душі, вмїлива съ простимъ людомъ розмовляти. Такъ говорить, такъ говорить вона зъ господинею — а та й обідать їй уже подає — ажъ стеля тобі всміхаєтця! Я вже мовчу да слухаю не перебиваючи. Далі, якъ познакомились, кажу: »Отъ би ви, добродійко, спасибі вамъ, списали до словечка, що отся молодичка вамъ оповїдувала! що бъ то за штучка була! не треба й поэтизовання ніякого.« Якъ сказавъ, вона таки й задумалася трошки, ніби перебірала все, що їй розказано; а далі зглянула на мене пильненько — бачу, що зрозумїла діло. »Добре!« каже. На тимъ розмова ся й скінчилась. Тутъ бо саме зателенькавъ дзвінокъ. Зъ двору виїхало щось судове, да й покурїло шляхомъ. »Оттакъ!« каже господиня, »утїкъ павичъ, викормивши коні дурнісінько! Ну, нехай же ему збачить за се Господь! Вони вже звикли такъ, сі судові: приїде, що наїсть, що напъе, пиши пропало.« Попосміялись ми въ-купі надъ тою притайкуватою блощицею, погомонїли де-про-що, розїхались. Ажъ справді якоесь, гулькь! привозить мені почта оповіданне, якъ єсть записане дословно. Не здякувавсь я любій панї, що якъ вона змогла те все вхопити памяттю, що молодиця їй про себе розказала! Читайте, панове громадо, и поміркуйте, чи багато жъ бо треба додати сюди смаку, щобъ вийшло на-віки коштовне писанне? Зъ двохъ, съ трѣхъ такихъ живихъ уламківъ зложи дотепний повість, обвій теплимъ любячимъ духомъ — ніхто й не вгадає, чи то справді такъ жилось и говорилося десь поміжъ людми, чи пророчимъ умомъ збагнувъ хтось таємності людського життя и горювання?

Се жъ я пишу, да й побоююсь, щобъ моя пані любязна-ввїчлива не вхопилась изъ такихъ оповїдокъ тулити друковані стульні. Нехай вони були бъ и геть-то смаковиті, тільки жъ дорожше намъ, якъ вона, маючи таку велику кебету виняти зъ устъ живе слово въ неписьменного люду, дасть намъ хоть би зъ десяточокъ простихъ, неприкрашенихъ историй життя и горювання сільского. Наша бо словесность тільки що молодїї паростки пускає, и нема для неї взору на всѣму письменному світі. Її задача — випробувати свій смакъ на своїхъ ріднихъ жерелахъ духовнихъ. Тимъ-то треба съ пильною увагою дознаватись, яка мисль, яке чувство ходить живимъ глаголомъ зъ двору до двору міжъ селянами, яку одежину бере на себе и якъ звиваетця поміжъ що-денними

⁽¹¹⁷⁾Нїхто не влучивъ такъ до тої целї етнографичнїї, якъ панъ Лісовикъ, посписувавши одъ селянь, що вони розказували про свої похорони. (*Записки о Южной Руси*, т. II, 281.) Дивна то для мене річъ, що наши критики а ні споглянули на ту коштовну штуку, мовъ не при нихъ писано. Тимъ часомъ панъ Лісовикъ у своїхъ *Похоронахъ* заткнувъ за поясъ и самого Квітку, которий, всякому відомо, якъ намалювавъ Марусини похорони.

невгамованими злигоднями и полохливимъ щастемъ. И сами поетичніи утвори нашої молодіи словесности не повинні стояти намъ за неодмінний взіръ, не то що. Переймати складъ речі треба намъ тільки въ свого народу, въ найкращихъ истотъ ёго; вдихати въ себе поетичню силу треба намъ тільки зъ свіжої натури нашихъ селянь. На тімъ стоїть сила нашої словесности; съ того вона до віку-вічнёго молодітиме, и ніколи вона тимъ робомъ не зникчємніє.

Куліш П. Одъ издателя // Хата. – 1860. – С. 93–97.

Куліш П.

Одъ издателя

Тому назадъ двадцять-шість годъ, покійничокъ Евгеній Павловичъ Гребінка випустивъ невеличку книжечку: *Приказки*. Не чули ми про ёго працю й досі голосного слова, а приказки були найкраще діло зо всёго, що понапечатувавъ Гребінка. Коли рівняти їхъ и до сусіднєї словесности, то наврядъ чи є въ їй кращі приказки одъ Гребінчинихъ, а тільки що Московські дзвони голоснійші одъ нашихъ. Гребінка, пишучи приказку, малое намъ тутъ же наши села, поля й степи свіжими, да й непозиченими фарбами. Коли смієтця вінъ, то прислухайтесь — тутъ же скрізь сміхъ почувєте якийся сумъ; коли жъ справді сумує, то слово ёго процвітає квітками щирої поезіи Української. Широкі ёго приказки, якъ наши степи, жартовливі вони да якось и сумоваті, якъ наши селяне; шуткуючи, сі приказки займають душу зглибока.

У тиі часи, якъ вони вийшли въ світъ, не то на Україні, да й по столицяхъ, не густо було людей, тямущихъ въ нашій народності. Тимъ приказки Гребінчини промайнули потай-світа, наче й не були зовсімъ у печаті. Теперъ би вже, здаєтця, розсмакували не такъ, якъ тогді, що то за приказки; такъ самихъ приказокъ нема по книгарняхъ! Тимъ-то, догожаючи нужді народній, вибравъ я отсе десятокъ що-найкращихъ приказокъ зъ Гребінчиної книжечки, да й припечатую въ своїй *Хаті*, щобъ доступно було всякому їхъ по своїй уподобі обрахувати.

Куліш П. Одъ издателя // Хата. – 1860. – С. 41–42.

Слово одъ издателя.

Радіючи серцемъ рідній словесности нашій, огласивъ я друкомъ не одно вже свое и чуже компонуваннє. Вбачають земляки мої, що не *суетна славиця*, а праведна користь духовна въ мене передъ очима, и частенько шлють мені на проглядъ свої словесніи труди. Добре вони отсе роблять, — одно слово; бо почують одъ мене щіру, хотъ, може, часомъ и крутєньку, правду. Де-которі зъ земляківъ оддають мені на волю, що-хотя зъ їхъ рукописами чинити и, не

радячись зь авторомъ, друкувати, по своїй уподобі, все, чи яку частину. Добре й сі панове роблять, бо часомъ, надрукувавши необачно все, що написалось, можна половиною й самому зерну ціни збавити. Теперъ бо вже не тиі часи, що були за Котляревського: теперъ и веселе сміхотворство въ словесності стало вже инше; тимъ паче — річъ поважна, котора зъ глибшого жерела рине. Поставлені вже на взіръ письменному товариству поетичні утвори нового тону, и всяка розумна душа, овладевши іми, чує ностатечность такихъ курзуверзу, якъ отъ недавно появились — у Києві *Театръ* пана Ващенко-Захарченка, а въ Москві — поперевертані якось кумедно псалми Давидови, пана Михайла Максимовича, въ ёго Московськимъ *Українці*. Багато лежить у мене писання Українського до друку; багато я перечитавъ ёго, да ось тільки кришечку до огласу вибравъ. Що жъ бо съ того за користь буде, що ми Українських книжокъ наплодимо, въ которихъ не виявитця правдива поезія Українська? Тимъ-то все мляве, або недоспіле я геть одкидаю, и не то свого кошту на ту словесну покидь не трачу, да й охочихъ зупиняю. Лучче бо старцеві въ селі милостину одъ свого достатку сотворити, аніжі ні се, ні те коштовнимъ друкомъ оглашати.

Отожъ упала мені въ руки поезія якогось пана Щоголева (118). Зрадівъ я, її прочитавши. Прочитавъ землякамъ-приятелямъ у столиці — и вони слухали її смакуючи. И звеселились ми всі, що таки хоть одна струна по-людські на рідній бандурі бринькнула. Не багато тихъ пісень, да чистий же медь, а не перга словесна. То правда, що не до Шевченковихъ їхъ прирівняти, а все жъ и то — щира рідна поезія. Се такъ, якъ иноді весною соловей у саду голосно да любо виспіває, а тутъ коло тебе золота бжілка надъ квіткою вьетця. Слухаешъ соловья зъ великою вподобою, а не скажешъ же й бжільці: »Лети собі геть, не гуди коло мене!« Складъ у того пана Щоголева правдиво рідний. Не Шевченківъ голосъ вінъ переймає; переймає вінъ голосъ народнєї пісні, и изъ пісні бере основу свого komponування. Тимъ часомъ, яко поетъ правдивий, а не підспівачъ, має вінъ у своєму голосі щось праведно свое, — якусь власну повагу й красу, которі ні въ пісні народній не покажешъ, ні въ Шевченковихъ віршахъ не догледисся; не чуже бо добро вінъ собі присвоївъ, а своїмъ власнимъ даромъ насъ чарує. Се такъ, якъ отъ иноді співають дівчата надъ водою, и вьетця по воді їхъ чистий голосъ, и оддаецця въ гаю, мовъ чарівничі співи самої музи народнєї, — оддаецця стиха, неясно, не такъ голосно, а любо слухати, и слухаешъ ёго дивуючись!

Впали жъ мені въ рука й вірши иншого поета, пана Кузьменка. Сей не такъ сподобавсь намъ, якъ панъ Щоголевъ, а прочитавши ёго поезію, не змогли ми її забути. Есть у ёго слові щось таке, що до души доходить и въ душу проситця. Такъ иноді стрінешъ хлопя середъ села; неприбране воно собі буде, босе й простоволосе, а згляне на тебе такимъ любимъ поглядомъ, такъ обізветця до тебе приятненько, що захопивъ би ёго на руки, да й понісь, якъ свое рідне. Поезія пана Кузьменка не має тої сили, що пана Щоголева, а про те якась есть у

(¹¹⁸) Певно не того героя Щоголева, що стрелявъ зъ гармать підъ Одесою.

їй тихость приятна, якесь гарне душевне сумованнє, и пливуть ёго слова одно за однимъ не прудко, а такъ, якъ маленькі утятка, въ-перве на воду пущені. Можна бь де за що й зганити їхъ, що не такъ-то вони голосні и часомъ наче въ прозу впадають, да й ганити жь бо жаль: такъ вони стиха-тихесенько до души твоеї про якісь дїтські літа, про якесь молоде щастє промовляють.

Отъ же, зложивши до-купки сей невеличкий вибіръ изъ великої папуши писаного папіру, подаємо гостинця на Україну, и вповаємо, що вона прийме ёго зъ любою вподобою. *Первоцвітомъ* сі одинадцять стихотворнихъ штукочъ ми назвали, вважаючи поезію пана Щоголева и пана Кузьменка за пробу пера, которе, може, колись появить щось голосне на всю Україну.

*Куліш П. Слов одъ издателя // Хата. – 1860.
– С. 1–4.*

П. Куліш

Характеръ и задача украинской критики

Несовершенство труда извинительно; но нѣтъ оправданій для лѣности и равнодушія къ благороднымъ, важнымъ интересамъ и вопросамъ, — равнодушія, происходящаго или отъ невѣжества, или отъ корыстнаго разсчета, или отъ того и другаго вмѣстѣ.

Бльинскій.

Въ наше время поставкою повѣстей въ журналы занято очень много грамотнаго народу, но на повѣсть, равно какъ и на другія произведенія беллетристики, большинство читателей смотритъ какъ-то слегка. Автору охотно прощаютъ у насъ не только поверхностное знаніе того міра явленій, изъ котораго взята повѣсть, но иногда — и недостатокъ здраваго смысла. Тѣ же самые читатели строго осудятъ подобные недостатки въ историкѣ, естествоиспытателѣ, философѣ. Мнѣ кжется, что это съ ихъ стороны несправедливо и легкомысленно. Вѣдь и повѣствователь, и историкъ, и естествоиспытатель, и философъ взялись изобразить, каждый по-своему, жизнь въ ея истинѣ, а не обманчивый видъ жизни. Какое же право имѣють читатели строго порицать ихъ, въ случаѣ недостатка у нихъ фактической точности или вѣрныхъ соображеній, и въ то же время снисходитъ къ тѣмъ же самымъ недостаткамъ живописцевъ семейной и общественной жизни въ повѣсти, романѣ, поэмѣ и прочія? Вѣдь, осуждая ученаго, не изза чего другого мы хлопочемъ, какъ изза того, что-бы предохранить общество отъ обмана. Почему же мы равнодушны къ обману, въ который вводятъ общество плохіе писатели, на счетъ изображаемыхъ ими явленій жизни? Слѣдствія фальшивыхъ понятій по предметамъ исторіи, естествознанія, философіи не вренѣе для успѣховъ общественнаго развитія, какъ и слѣдствія извращеннаго взгляда на окружающую насъ повседневность, на отношенія людей между собою, на

общій характеръ народа, и прочая, и прочая. И если тамъ, въ порицаніяхъ нашихъ, мы управляемся сознаниемъ долга честныхъ людей, гражданъ своего отечества, членовъ своего общества, то и здѣсь тѣ же самыя побужденія внушать намъ строго-разборчивую критику. Вникнемъ, какая цѣль у каждаго общественнаго дѣятеля, къ какому бі разряду работающихъ умовъ ни принадлежалъ онъ. Сдѣлать что-то еще не сдѣланное, то есть такое, въ чемъ чувствуется потребность со стороны общества. Вотъ прямая и законная цѣль каждаго работающаго ума. Какъ же поступаетъ общество съ тѣми, кто возьмется сдѣлать еще не сдѣланное, да и кончить ничѣмъ? Оно ихъ осмѣиваетъ. А съ тѣми, кто не только ничего не прибавитъ къ общественному достоянію, да еще напутаетъ, перепортитъ матеріалы и затруднитъ работу истиннымъ общественнымъ дѣятелямъ? Оно ихъ строго обвиняетъ. Скажите же: не достойны ли осмѣянія и упрековъ тѣ писатели, которіе своими затѣями говорятъ: «Господа, вамъ не все еще извѣстно, положимъ, объ украинской жизни; мы вамъ покажемъ, посредствомъ повѣсти, украинскую жизнь съ новой стороны», — и не только этого не исполняютъ, напротивъ, затемняютъ и то, что въ ней біло ясно, какъ день? Тутъ обвинять надобно не ту критику, которая вооружена всею строгостью истины, а ту, которая смотритъ сквозь пальцы на подобныя продѣлки, выдаетъ людей бесполезныхъ за приносящихъ пользу и смыхъ ихъ держитъ въ убивающемъ духъ самообольщеніи.

Но, можетъ быть, скажутъ мнѣ, что для критики не по силамъ трудъ — гоняться за всякою фальшью въ искусствѣ и разоблачать недобросовѣстность литературной работы относительно прилежнаго изученія изображаемой жизни разоблачать поддѣльность вдохновенія и фальшивую художественность образовъ. На это я отвѣчу, что и въ области научной умственной дѣятельности многое множество нелѣпостей оставляетъ критика безъ вниманія, и только на тѣхъ обрушивается всею грозою своего суда, кто выдвинулся впередъ и обратилъ на себя вниманіе значительной массы людей, жаждущихъ знанія. Такъ она должна поступать и въ области художественныхъ изображеній жизни. Пусть себѣ несуть вздоръ люди, которыхъ никто или почти никто не слушаетъ. Можетъ быть, они и сами, поумнѣвъ съ теченіемъ времени, познаютъ тщету празднаго суесловія и, позабывъ свои высокія претензіи, смиренно и добросовѣстно примутся за обыкновенный, но необходимый трудъ, который не подвинется безъ дружныхъ усилій множества имъ подобныхъ. Такихъ достаточно вразумляетъ уже одно равнодушіе къ нимъ читающаго общества. Но эти господа, которые пренебрегаютъ трудомъ каменьщика чтобы быть архитекторами эфемерныхъ зданій, — которые увѣрили толпу, что они что-то дѣлаютъ, тогда какъ они не прибавляютъ къ массѣ сдѣланнаго другими ровно ничего, — этихъ критика должна преслѣдовать со всей неумолимостію истины.

Но здѣсь предстоить вопросъ: слѣдуетъ ли критикѣ употреблять всю свою разборчивость въ литературѣ юной, только что начинающейся, или же она должна ограничиваться указаніемъ на хорошее, предоставляя публикѣ самой замѣчать и порицать дурное?

Мнѣ кажется, что намъ надобно обратить вниманіе на особенность положенія нашей украинской литературы, вмѣсто того, чтобы прилагать къ ней правило нотворства со стороны критики. Литература наша началась недавно — правда, но у нея передъ глазами литература столѣтняя, тѣсно съ нею связанная, и не далеко еще то время, когда въ этой столѣтней литературѣ, за пару удачныхъ стиховъ, производили въ поэты людей, глубоко прозаическихъ. Что же изъ того вышло? Прибавилось только русской критикѣ хлопотъ — развѣнчивать несправедливо увѣнчанныхъ, но русское слово, русская мысль ничего не выиграли; напротивъ, они запутались въ такія сѣти, которыя и въ наше время прорываютъ немногіе. Независимо отъ этого примѣра, рожденіе нашей литературы (разумѣется, не въ лицѣ Котляревскаго и его послѣдователей) совпадаетъ съ временемъ, когда общество отъ каждаго творенія ума человѣческаго начало настоятельно требовать несомнѣнно полезнаго приложенія его къ общему дѣлу жизни и когда многіе задумались надъ вопросомъ: какую именно пользу должны принести обществу высоко развитое слово и высоко облагороженная мысль? Мы знаемъ, кто поощрялъ, кто покровительствовалъ и кто сдѣлалъ своимъ орудіемъ великорусскую литературу во времена ея неразумной юности. Литература украинская родилась посреди иныхъ нянекъ; ее хранили, во времена сомнительности ея бытія, иные люди; она послужила и должна служить инымъ цѣлямъ. Она — созданіе не небольшого кружка, устроившаго себѣ изящную жизнь посреди толпы, для которой осталось только подчиняться его вкусу, его понятіямъ и самой его жизни: она — голосъ подобной толпы, но которая не признаётъ своими образцами просвѣщенныхъ людей, возвращающихся внѣ ея жизненныхъ потребностей, а напротивъ, увлекаетъ въ свою здоровую среду самыхъ развитыхъ дѣятелей просвѣщенія, со всею ихъ ученостью, со всѣмъ блескомъ ихъ артистической образованности. Всѣ эти люди, при всѣхъ личныхъ преимуществахъ передъ едиинцами своего нростопародья, чувствуютъ и сознають умомъ, что сила народнаго духа не въ ихъ ученыхъ и эстетическихъ кружкахъ, а именно въ этой массѣ, изъ которой каждая отдѣльно взятая личность почти безразлично незначительна, но въ общности со множествомъ другихъ, себѣ подобныхъ, хранить законы литературнаго вкуса и народнаго смысла для самыхъ развитыхъ и самостоятельныхъ представителей нашей народности. Такъ какъ наши украинскіе поэты никогда не выходили изъ большаго круга въ маленькій, никогда не творили для немногихъ и всегда, во время творчества, воображали вокругъ себя такъ сказать вѣче народное (отъ чего происходятъ и временная ограниченность сферы ихъ творчества, и самобытная сила его), то произведенія ихъ должно почитать не игрушками удаленнаго отъ житейскихъ тревоженій кружка, а созданіями духа народнаго. Народъ же ничего не созидаетъ безъ пракческаго, жизненнаго смысла. Народъ, въ произведеніяхъ поэзіи, сознательно и инстинктивно ищетъ удовлетворенія потребностей. Народъ можетъ построить, съ большими издержками, храмъ, дорогу, мостъ и общественное гульбище, но никогда не затѣетъ курьезной бесѣдки, стоящей милліона. Такъ и въ жизни чисто

духовной никогда его великая и строгая мысль не займется игрушкой, ни къ чему не нужною массѣ и удовлетворяющею причудливому вкусу только немногихъ, а тѣмъ болѣе — игрушкой, передразнивающею дѣло серьёзное, или подражающею непримѣнимой у него чужеземщинѣ. Такимъ образомъ каждое созданіе литературы нашей, какъ литературы, по преимуществу и почти исключительно народной, должно служить прежде всего на пользу нашего моральнаго существованія, отъ котораго находится въ совершенной зависимости существованіе матеріальное. Въ противномъ случаѣ, это будетъ сочиненіе самозванно-украинское и, какъ таковое, неизбежно подвергнется молчаливому осужденію громады, которая останется къ нему равнодушна, и громкому осужденію критики, стоящей на сторожѣ чистаго вкуса народнаго и здороваго народнаго смысла. Послѣ этого вопросъ: «слѣдуетъ ли критикѣ употреблять всю свою разборчивость въ литературѣ юной?» разрѣшается самъ собою. Если на беллетристику смотрѣть, какъ на услажденіе праздныхъ досуговъ человѣка, гоняющагося только за пріятными ощущеніями, то конечно взыскательная критика многихъ смутитъ и остановитъ въ ихъ ревностномъ служеніи чужой забавѣ. Но когда писатель выступаетъ передъ свѣжее, развивающееся общество людей настойчиво добивающихся отъ писателя духовной пищи, удовлетворяющей народному вкусу, тутъ критику не кстати дремать въ покойныхъ креслахъ и съ просонковъ покрикивать браво, браво! Онъ обязанъ воображать себя трибуномъ народнымъ: онъ долженъ постоянно содержать въ душѣ своей моральныя нужды своего народа и руководствоваться его понятіями о самомъ себѣ, выработавшимися его жизнію и выражающимися его быту, въ его обычаяхъ, въ его изустной словесности. Какой же снисходительности можетъ ожидать отъ подобной критики псевдо-поэтъ, извращающій въ своихъ произведеніяхъ бытъ народный и противорѣчащій обычаямъ народнымъ, расторгающій связь, которая существуетъ и должна существовать между печатнымъ нашимъ словомъ народнымъ изустнымъ? Снисходительность въ этомъ случаѣ будетъ лукавствомъ передъ своей градою, у которой критикъ служить докладчикомъ. Какъ фальшивый историкъ, такъ и фальшивый жрецъ беллетристики должны быть изобличены во имя общей пользы, во имя успѣховъ самопознанія, во имя стремленья къ лучшей будущности народа. Иначе — всё будутъ у насъ игрушки да игрушки, и никогда не выйдетъ наше общество изъ того легкомысленнаго дѣтскаго возраста, въ какомъ оно было во времена Котляревскаго. Задачею нашей украинской литературы должно быть строгое соотвѣтствіе ея созданій духу народному и его серьёзному, жизненному, а не какому-то псевдо-народному, прихотливому, взгляду на вещи. Задачею нашей украинской критики должна быть строгая повѣрка литературныхъ созданій эстетическимъ чувствомъ и воспитаннымъ въ изученіи своей народности умомъ. Лишь только мы уклонимся отъ этой задачи, лишь только пренебрежемъ въ своей критикѣ общія основанія эстетики, приложенной къ новѣйшему народоизученію, — мы сдѣлаемся обманщиками собственнаго народа и самозваными его дѣятелями; литература наша возсядетъ опять на подражательномъ парнасѣ, какъ во

времена псевдо-украинскихъ виршъ кievскихъ академистовъ (только ужъ въ новой, парижской или петербургской одеждѣ), и народъ нашъ по-прежнему начнетъ искать отъ насъ убѣжища въ своей безграмотности, которая спасла его отъ духовныхъ академій и семинарій.

Прибавлю еще нѣсколько словъ къ общимъ моимъ замѣчаніямъ. Такъ какъ я упомянулъ о соръезныхъ требованіяхъ нашего народнаго духа, то читатель, невникнувшій хорошенько въ мои слова, можетъ сказать мнѣ, что я этимъ самымъ исключаю изъ украинской литературы легкую идиллію, элегію, шутку, и что я представляю себѣ народъ нашъ суровымъ мудрецомъ, который ищетъ въ жизни одной положительно опредѣленной пользы. Отвѣчаю заблаговременно, что серъезное въ созданіяхъ фантазій не одно только то, что разумѣется подъ этимъ словомъ въ философскомъ трактатѣ, или въ обычномъ ходѣ житейскихъ дѣлъ. Лишь только мы признали за своимъ народомъ имя поэта, то должны предполагать въ немъ полное разнообразіе способности принимать впечатлѣнія отъ внѣшняго міра и претворять ихъ въ собственную моральную сущность. Тотъ же народъ, который задумается глубоко надъ стихами:

Обідрана, сиротою
По-надъ Дніпромъ плаче, —

тотъ же самый народъ увлечется и противоположными, по душевному строю, стихами, какъ увлекается дѣтскими играми, или надеждами на счастье, соединяющимися въ нашей душѣ съ любовью. Было бы странно вообразать его сознающимъ, въ подобномъ увлеченіи, такую мысль: »это мнѣ полезно, это ведетъ меня къ тому-то и охраняетъ отъ того-то.« Не его дѣло, какъ развивающейся инстинктивно массы, работать въ мірѣ отвлеченныхъ идей: это дѣло его литературныхъ органовъ. Они-то, не переставая идти въ рядахъ своего народа, должны объяснять наиболее развитой его части внутренній процессъ эстетическихъ впечатлѣній и вліянье ихъ на здоровье и возрастаніе духа народнаго, — для того, чтобы предохранить всѣхъ и cadaго отъ нарушенія своей народности въ литературѣ. Строгое соблюденіе ея во всѣхъ безъ различія беллетрическихъ произведеніяхъ полезно потому, что народъ, котораго достояніемъ должны дѣлаться эти произведенія, сознаетъ, посредствомъ нихъ, свое украинское я, и слѣдовательно крѣпнетъ въ своей народности, и слѣдовательно дѣлается въ своей массѣ солидарнѣе, и слѣдовательно могущественнѣе противустоить всякому разлагающему вліянію другой народности. Вотъ оно, благотворное, жизненное дѣйствіе легкихъ произведеній лирики и комизма, въ которыхъ можетъ не быть и намека на моральную идею, и въ этомъ отношеніи Шевченко, въ своей элегіи: На що міні чорні брови, такой же великій дѣятель, какъ и въ своей поэмѣ: Катерина. И тамъ, и здѣсь онъ заставляеть сердце Украинца сознавать себя украинскимъ, а не какимъ либо сердцемъ, а между тѣмъ заслуги его, какъ автора, различны въ обѣихъ пьесахъ.

Вотъ нѣсколько мыслей, возникшихъ у меня въ умѣ по прочтеніи кой-чего писаннаго по-украински и кой-чего, выдаваемаго за украинскую критику.

Считаю не бесполезнымъ заявить ихъ въ общихъ выраженіяхъ, для тѣхъ изъ нашихъ земляковъ, которые изображаютъ жизнь украинскую художественнымъ способомъ, и для тѣхъ, которые берутся созерцать ее въ литературѣ способомъ философскимъ. Отъ души буду радъ, если мои напоминанія предохранятъ на будущее время нашихъ литературныхъ дѣятелей отъ погрѣшностей, которыя уже ими сдѣланы, но которыя бросаются въ глаза не каждому.

1 февраля 1861. С. Петербургъ.

Кулиш П. Характер и задача украинской критики / П. Кулиш // Основа. – 1861. – № 2. – С. 157–162.

П. Кулиш

Обзоръ украинской словесности

I.

КЛИМЕНТИЙ (¹¹⁹)

Народы, созидающіе свою литературу по чужимъ образцамъ, начинаютъ ее или тяжелою прозою, или стихотворствомъ безъ поэзіи. Истинная поэзія только тогда проявляется въ письменномъ словѣ, когда оно перестанетъ быть отголоскомъ чужой литературы и заговоритъ въ духѣ собственнаго народа.

Старинный украинскія училища, сколько ихъ ни размножилось въ подражаніе Кіево-Братской школѣ, не дали обществу ни одного поэта. Причиною тому было пренебреженіе основателей этихъ училищъ къ языку, которымъ говорила наибольшая, если не вся, масса населенія украинскаго. Ни Исаія Купинскій, ни Петръ Могила не могли, по своему собственному воспитанію, постигнуть, что основаній краснорѣчія надобно искать въ языкѣ народа, который они желали просвѣтити, и въ его изустной поэзіи. Всѣ современные имъ и послѣдовавшіе за ними ученые Украинцы старались не о томъ, чтобы народный языкъ возвысить до выраженія высокихъ понятій о Богѣ и чловѣкѣ, заключенныхъ въ Библии, а о томъ, чтобы церковно-славянскій языкъ Библии, усвоенный церковною іерархіею, вселить въ народъ, посредствомъ богослуженія, проповѣди и наконецъ школьной науки. А такъ какъ основатели украинскихъ училищъ воспитывались или въ польскихъ школахъ, или посредствомъ польскихъ книгъ, то въ учебный языкъ свой подмѣшали они польскихъ словъ и оборотовъ. Образцами стихотворства сдѣлались для нихъ силлабическія вирши польскихъ поэтовъ, столь убогія въ сравненіи съ гармоническими народными пѣснями украинскими. И такимъ образомъ, повернувъ своихъ питомцевъ спиной къ народу и его рѣчи, а лицомъ къ тому, что написано на чуждыхъ украинскому слуху языкахъ, учили ихъ схоластики всякой книжной премудрости, выдѣлывали изъ нихъ свое подобіе,

⁽¹¹⁹⁾ Изслѣдованіе о Климентіѣ, украинскомъ стихотворцѣ время гетмана Мазепы, было напечатано въ 5-мъ томѣ Русской Бесѣды 1859 года. Здѣсь оно предлагается съ значительнымъ дополненіями, какъ начало обширнаго критико-историческаго изслѣдованія, предназначеннаго для Основы.

распространили его по всей Украинѣ во множествѣ болѣе или менѣе крепкоголовыхъ образцовъ, но не произвели ни одного поэта. Поэзія чуждалась школь и жила, мимо ихъ вѣдома, въ неграмотномъ народѣ. Самая поэтическая личность, пройдя чрезъ умственную пытку, которой подвергался въ тогдашнихъ школахъ человекъ, теряла способность выражаться поэтической рѣчью и, возвращаясь въ народъ, дѣлалась ему чуждою. Печальный примѣръ такого пересозданія видимъ мы даже въ позднѣйшее время на Сковородѣ, который, воспитавшись на иныхъ началахъ, могъ бы быть великимъ двигателемъ духовнаго развитія Украинскаго народа. Но Сковорода не былъ, Сковорода не могъ быть единственною жертвою тупой школьной науки стараго времени. До милости ея много свѣтлыхъ именъ исчезло для насъ безъ слѣда, много высокихъ поэтическихъ талантовъ погребено въ рукописныхъ и печатныхъ фоліантахъ схоластической бесплодной работы. Предшествовавшія намъ поколѣнія Украинцевъ равнодушно истребляли эти фоліанты на домашнія потребности, или разбрасывали, какъ негодный хламъ, по амбарамъ и чердакамъ. Въ просвѣщенномъ нагодованіи, мы называемъ ихъ варварами, которые не умѣли дорожить былою жизнію и деятельностью предковъ; но когда глубже вникнемъ въ это по-видимому возмутительное явленіе, то увидимъ въ немъ безмолвный приговоръ, произносимый временемъ надъ заблужденіями человѣческими. Будь эти фоліанты писаны такъ, чтобъ отъ нихъ трепетало живое сердце, — не охладѣли бы дѣти къ тому, чѣмъ дорожили отцы, и цѣнили бы внуки наслѣдіе послѣ дѣдовъ. Будь эти фоліанты — слово жизни, а не мудреное хитросплетеніе рѣчи, убиающее всякое свободное любопытство, — они бы сдѣлались источникомъ свѣта для грамотныхъ людей, и тогда, послѣ просвѣщенныхъ родителей, не были бы равнодушны къ ихъ премудрости наслѣдники ихъ книгъ. Намъ не жаль истребленія цѣлыхъ рукописныхъ библіотекъ, накопленныхъ кіевскими академистами, черниговскими и другими семинаристами; намъ жаль, что столько умственныхъ силъ и столько времени потрачено на труды, недостойные вниманія потомства и чуждые потребностямъ его жизни. Конечно, изъ нашихъ старинныхъ школь распространились въ высшемъ сословіи кой-какія философскія понятія и научные факты, — распространились и вошли въ капиталъ современнаго просвѣщенія Россіи, вмѣстѣ съ тѣмъ, что привлечено въ нее изъ Западной Европы черезъ Петербургъ; но по предмету словесности, составляющей душу всякаго просвѣщенія, эти школы сдѣлали, можетъ быть, больше вреда, нежели пользы. Они подавляли живое слово народа и врожденный народу даръ на высокое и низкое въ содержаніи и формѣ поэтическихъ произведеній. Это можно видѣть на всѣхъ досель напечатанныхъ схоластическихъ виршахъ, начиная отъ панегириковъ Конашаевичу-Сагайдачному и Петру Могылѣ, — этихъ безцвѣтныхъ и безсоразныхъ словоизвитій, въ которыхъ не замѣтно и отдаленнаго родства съ современными имъ произведеніями народной музыки, дышащихъ вѣчною свѣжестью поэтическихъ красокъ и преисполненныхъ самой оригинальной и живой образности. Позднѣйшія стихотворныя сочиненія архимандритовъ и архіереевъ, законодательствовавшихъ въ свое время литературнымъ вкусомъ съ каѳедръ

Кіевской академіи, не исключая и виршь самага талантливаго изъ нихъ, Георгія Конискаго, такъ же мертвенны въ реторическомъ своемъ убранствѣ, какъ и хвалебныя гимны могилинскихъ семинаристовъ. Они до того удалены отъ народнаго языка и интересовъ изсушной жизни народа, что не заслуживаютъ названія даже первыхъ опытовъ украинской словесности. Ихъ ожидаетъ судьба, постигшая среднневѣковую латынь въ стихахъ и прозѣ, — равнодушное и полное забвеніе.

Что-то похожее на попытку вывести поэзію изъ-подъ академическихъ зодовъ на открытый просторъ, въ живой народъ, представляетъ покамѣсть одинъ *Климентій Зльновичъ сынъ*, іеромонахъ временъ Мазепы, въ своей рукописи, открытой, покойнымъ А. В. Шишацкимъ-Илли мъ, украинскимъ стихотворцемъ нашего времени, Климентій, какъ видно не доучился современной премудрости до конца: въ стихахъ своихъ онъ извиняется передъ «благоразумными» читателями, и «особливо передъ виршописами» въ томъ, что не въ каждомъ стихѣ соблюлъ равное количество «силлябъ» и разорвалъ кое-гдѣ цезуру, а въ другомъ мѣстѣ сознается, что мало смыслить въ ирмолоѣ, а партесовъ совсѣмъ не знаетъ. Не былъ онъ однимъ изъ тѣхъ счастлицевъ, которымъ, по выпускѣ изъ школы, все идетъ какъ по маслу, которые дивятъ общество своими образованными способностями и становятся его авторитетами и кумирами. Онъ пишетъ, что претерпѣвалъ много скорбей, не имѣлъ постѣяннаго спокойнаго жилища, писалъ свою книгу въ разныхъ мѣстахъ, и писалъ единственно для утоленія своей печали, «будучи въ гоненіи». Всѣ эти данныя объясняютъ, какъ содержаніе стихотвореній его, такъ и нѣкоторое сближеніе въ нихъ автора съ народомъ, на переکورъ схоластикѣ. Въ рукописи его, состоящей изъ 321-й четвертушки обыкновенной писчей бумаги, недостаетъ трехъ листковъ въ началѣ, многихъ листковъ въ срединѣ и, Богъ знаетъ сколькихъ въ концѣ. Писана она красивымъ, для своего времени, почеркомъ, близкимъ къ полууставу и греческому начертанію буквъ, со словотитлами и сокращеніями. Начинается она философическими разсужденіями о правдѣ, о болѣзняхъ, о вѣтрѣ, объ огнѣ, о Божіемъ долготерпѣніи, объ именахъ Божіихъ, о смерти, и т. п. Въ стихотвореніяхъ на эти темы, авторъ платяетъ безусловную дань своему воспитанію и времени. Очевидно, они писаны для чтенія въ кругу монастырскомъ. Но іеромонахъ Климентій много странствовалъ по свѣту, видалъ всякіе виды, и сталкивался со всякаго рода людьми. Не переставая быть философомъ-догматикомъ, онъ вводитъ въ свои вирши нѣкоторыя подробности изъ явленій повседневности и часто судитъ судомъ толпы, среди которой онъ вращался. Строгихъ убѣжденій у него нѣтъ. Понятія о добрѣ и злѣ у него относительный. Иногда онъ бываетъ не въ мѣру строгъ, иногда не въ мѣру снисходителенъ въ своихъ сужденіяхъ смотря по тому, подъ какими вліяніями писалъ, и часто самъ себѣ противорѣчитъ, оправдывая то, что прежде порицалъ. Вообще, онъ — поклонникъ высшаго, господствующаго сословія, противъ котораго не смѣетъ сдѣлать, въ стихахъ своихъ, никакого прямаго замѣчанія; если же говоритъ объ общемъ порокѣ всѣхъ сословій, то или умалчиваетъ о высшемъ, или даже выгораживаетъ его и извиняетъ въ немъ то,

что въ другихъ осуждаетъ немилосердно. Этимъ объясняется тогдашнее положеніе странствующаго монаха: всякій, протестъ его противъ злоупотребленій гетмана и пановъ украинскихъ грозилъ ему серьезною опасностью. Властвовалъ тогда въ Украинѣ не умъ, властвовали сила и богатство. Исторія описывала тогда дѣянія правителей и полководцевъ; поэзія все хвалила ихъ доблести, или услаждала слухъ сильныхъ міра сего пріятными для нихъ вымыслами; сатира осмѣливалась касаться только людей безотвѣтны. Поэтому-то мы находимъ въ книгѣ іеромонаха Климентія следующую сатиру на простолудиновъ, въ которой онъ неумышленно выставилъ злоупотребленія землевладѣльцевъ, оправдывая ихъ насиліе.

О идучихъ на слободы людехъ ⁽¹²⁰⁾.

Хто колвекъ собѣ ищетъ на житло слободы:
мило входятъ змежъ такихъ великои бѣды.
Бо готовые хаты йдучи покидаютъ:
а прышедши на слободу готовыхъ немають.
А що найгоршей часомъ худобы забирають:
и тылко що зъ душами живыхъ оставляють.
Уже жъ тогда где зхочеть то скочить хочъ к лѣсу:
и голый уже наветъ хочъ к самому бѣсу.
Пожытечная ему судылась слобода:
доволная пустыня и лика и вода.
На що любо зволится (:) хочъ утопитися:
а ежели захочеть (,) волно и вдавитися.
Отожь мѣешъ за свое теперъ дурный мужыче:
а бывший на своего пана бунтовниче.
Не хотѣлось панови послушенство отдавать.
и въ цѣлости зъ всѣмъ своимъ въ единомъ мѣцу пробовать.
Гинь же теперъ за свое злое непокорство:
и за упрямую твою гордость и упорство.
І добре тые чинять, що прочанъ обдирають:
Богъ ихъ простить, за тое згола грѣха не мають.
І не тылко потреба бѣ такихъ обдырати:
але и з самими душами разлучати.
Поневважъ не хотѣвъ пудъ кимъ бувъ чинить повинность
обдери и хочъ забий за тую учинность.
Богъ за бунтовника якъ мовять неповѣсить:
але и нагородою еще потѣшитъ.
Кгдыжъ учинивъ своему пану пакость многу:
нетылко пану и самому Богу.
Якъ ся мѣвъ то мѣвъ треба было бѣ претерпѣти:
а за терпеніе спасеніе могль бы мѣти.
Зачимъ вы панове такихъ не важтесъ щадѣти:
втѣкаючихъ прочъ самыхъ дерѣтъ, бѣтъ и берѣтъ дѣти.
І отнюдь милости такимъ не показуйте:
але совершенно такъ таковымъ справуйте.

⁽¹²⁰⁾ Сохраняю, по возможности, правописаніе подлинника.

Это стихотворение дает самое грустное понятие о состоянии тогдашнего населения нашей Украины. В числѣ пановъ разумѣются и козаки-землевладѣльцы, ибо козакъ былъ тогда не простой человѣкъ какъ это свидѣтельствуешь и Климентій, противопоставляя вездѣ козакамъ не-козаковъ-поселянъ, какъ *простыхъ людей*. Вмѣсто закона, господствовали обычаи, установленные правомъ сильнаго. Возмущившійся противъ землевладѣльца вольный *подсосѣдокъ* считался *бунтовникомъ*. У него отбирали всю *худоу* и выпускали голаго, только съ душою. Но, видно, хорошо было жить у пановъ въ подсосѣдкахъ, если чедовѣкъ бросалъ все и уходилъ на пустыя земли, на слободу ⁽¹²¹⁾! Эти такъ называемые вольные переходы, какъ видимъ, сопровождались, со стороны оставляемыхъ пановъ, грабежомъ, побоями и даже отнятіемъ дѣтей у родителей. И тѣмъ безнадежнѣе было положеніе чернорабочего, неграмотнаго народа, что у грамотѣевъ не было къ нимъ никакого состраданія. Грамотѣи были не шутя увѣрены, что паны созданы, для того, чтобъ пановать, а мужикъ — для того, чтобы терпѣть. Посмотрите, какую перспективу показываетъ стихотворецъ угнетенному подсосѣдку панскому: «Какъ ты ни жилъ, а все жилъ; надо было до конца претерпеть, а за то могъ бы ты получить спасеніе.» Утѣшительная будущность, нечего сказать! Но, еслибъ несчастный и рѣшился, ради спасенія души, терпѣть безропотно притѣсненія со стороны землевладѣльца, то тотъ же самый философъ осудилъ бы его на вѣчныя мученія за множество другихъ поступковъ, которые онъ, въ своихъ стихахъ, объявляетъ страшными грехами. Поэтому хорошо дѣлали неграмотные поселяне, не слушаясь его советовъ. Хорошо дѣлали и все, кто оставлялъ безъ вниманія філософію, высиживаемую въ бурсахъ. Она была чужда народнаго смысла и годилась только для тѣхъ, кто ее проповѣдывалъ. Но могъ ли сдѣлаться народнымъ поэтомъ человекъ съ такими дикими понятіями о добрѣ и злѣ, какъ авторъ философскихъ виршъ, и что удивительнаго, если творенія подобныхъ ему мудрецовъ не произвели на народъ никакого впечатлѣнія? Народная поэзія никогда не оправдываетъ беззаконія, никогда не льститъ низкимъ страстямъ сильнаго, никогда не ругается надъ несчастіями и страданіями. Народная муза полна разума и милосердія, и только тотъ способенъ увлечь словомъ своимъ народъ, въ полномъ его составѣ, кто совмѣститъ въ себѣ эти два нераздѣльные условія. Украинскія бursы никогда не были разсадниками ни истиннаго разума, ни

⁽¹²¹⁾ Теплоу, въ своей запискѣ о внутреннемъ состояніи украинскаго населенія при Разумовскомъ (*Записки о Южной Руси*, т. II), приписываетъ охоту, подсосѣдковъ къ перемѣнѣ мѣста врожденной любви ихъ къ праздности. По духу вѣка, онъ не могъ входить симпатично въ положеніе подсосѣдка, но говоря о грабежахъ со стороны пановъ и о томъ, что «сильные кредитомъ въ націи помѣщики, заманивши одинажды на свою землю мужика, много и иныхъ способовъ имѣють не выпустить его переселиться къ другому», самъ указываетъ къ чему были способны паны, относительно своихъ подсосѣдковъ, если только жажда къ стяжанію подстрекала ихъ на принужденіе мужика къ работе. Естественно, человѣкъ, сознавая себя не неключимымъ рабомъ другого человѣка, пользовался всѣми возможными средствами уйти отъ порабоженія. Теплоу говоритъ, что мужики «по большей части не заводятъ у себя никакого домоводства, дабы удобнѣе было съ мѣста на мѣсто подняться. Этотъ фактъ свидѣтельствуешь также *противъ* тогдашнихъ нравовъ. Вольные хлѣбопашцы, которымъ открытъ путь на всѣ четыре стороны, неживуть цыганскою жизнію и гнушаются ею.

истиннаго милосердія, взаимно другъ отъ друга зависящихъ, и потому не могли произвести ни одного поэта. Еслибы Климентій усвоилъ себѣ всѣ преимущества тогданшаго воспитанія, онъ не былъ бы поэтомъ и на столько, на сколько является въ своей книгѣ: онъ не пошелъ бы дальше обычныхъ въ тогданшее время сочиненій. Еслибъ онъ уgnѣздился спокойно на одномъ мѣстѣ и повелъ свои дѣла не хуже прочихъ, — онъ бы «не умствовалъ лукаво» о томъ, что не относится къ нему непосредственно, и не сохранилъ, бы для насъ, вовсе безъ умысла, многихъ чертъ несчастной страны нашей. Онъ написалъ бы, а, можетъ быть, и напечаталъ бы, такія книги, изъ которыхъ потомокъ ровно ничего не вычитаетъ насущнаго, объ которыя притупится самое острое вниманіе и которыя способны внушить отвращеніе къ умственной работѣ самому настойчивому труженику. Его сочиненія сдѣлались бы достояніемъ тѣхъ, которые грызутъ и перегрызаютъ, точно крысы, книгу за книгою и, переставъ быть людьми, сами дѣлаются ходячими книгами.

Климентію, Зѣновіеву сыну, кто бы онъ ни былъ, много помогла въ его сочиненіи неровность его характера, которая, какъ видно изъ разныхъ мѣстъ его рукописи, помѣшала ему испить до дна чашу современной семинарской науки и, по всей вѣроятности, выбросила его рано изъ схоластической машины въ беспорядочный, полный страстныхъ увлеченій, несхоластическій міръ. Онъ упоминаетъ мимоходомъ, что бывалъ на Волыни и въ разныхъ городахъ Земли Кіевской. Онъ часто сравниваетъ Литву съ Україною. Онъ говоритъ о разныхъ промыслахъ и ремеслахъ съ подробностями, которыя свидѣтельствуютъ, что онъ наблюдалъ ихъ не издали, а, можетъ быть, и непосредственно въ нихъ участвовал. Корчмы, шинки и все, что въ нихъ случается, онъ изображаетъ, не общими мѣстами, какъ обыкновенно дѣлаютъ удаленные отъ дѣйствительности проповѣдники. О приходскихъ школахъ, о школярахъ и ихъ продѣлкахъ онъ говоритъ съ такой же опредѣлительностію, какъ и о монастырской кельѣ. Супружескія отношенія слишкомъ хорошо ему извѣстны для отшельника, и, судя по ожесточенію, съ которымъ онъ нападаетъ на непокорность и тайныя шашни женъ, надобно предположить, что супружеская жизнь знакома ему не по слухамъ. Всего вѣроятнѣе, что онъ вышелъ изъ семинаріи въ дьячки, въ діаконы, а пожалуй и въ попы, потомъ овдовѣлъ и, не зная, что съ собой дѣлать, пошелъ въ монастырь. Это подтверждаютъ его позднія сѣтованія на свое одиночество, и вольнодумство на счетъ поповскаго не-двоеженства. Монастырская жизнь не удовлетворила его. Онъ шлялся по міру, подъ предлогомъ испрошенія пожертвованій; не рѣдко увязалъ въ корчмахъ и шинкахъ, потомъ каялся въ своемъ нечестіи, возвращался въ монастырь и писалъ стихотворныя филиппики противъ недостойныхъ иноковъ. Но раздоръ съ монахами, на который онъ часто жалуется, прогонялъ его въ другую обитель, а мырскія привычки и очевидная неустойчивость характера заставляли его скорбѣть въ уединеніи, смотрѣть на исправительныя мѣры со стороны старшей братіи, какъ на гоненія, и безпрестанно мѣнять одно мѣстопробываніе на другое.

Таковъ мой выводъ изъ его книги, чуждой какой бы то ни была внѣшней и внутренней системы, — книги, писанной, какъ онъ самъ говоритъ, *перескакомъ*,

наполненной общими религиозными мѣстама **и** вмѣстѣ кощунствомъ, строгими правилами нравственности и потачками самымъ циническимъ порокамъ, философскими попытками возвести явленія современной жизни къ идеѣ истины и грубѣйшими противорѣчіями христiянскому ученiю. Такъ какъ она существуетъ въ единственномъ экземплярѣ, то я дѣлаю изъ нея извлеченiя въ порядкѣ представленныхъ мною замѣчанiй, чтобы подтвердить ихъ словами самого автора и вмѣстѣ съ тѣмъ дать возможность другимъ судить о Климентіѣ, какъ о первомъ украинскомъ стихотворце. Считаю необходимымъ изменить его правописание сообразно произношенiю украинскому. Образцомъ служила Климентію орѳографiя церковныхъ книгъ, которыя читались и до сихъ поръ читаются непереученными Украинцами по законамъ народной фонетики (Напримѣръ слова *свѣта отъ свѣта* Украинецъ читаетъ: *свiта одъ свiта*.) На этомъ-то основанiи я ввожу въ стихи Климентiя собственное украинское правописание, (какъ и въ другихъ изданныхъ мною книгахъ). Мѣста, въ которыхъ онъ впадаетъ въ церковно-славянизмы и полонизмы, оставляю безъ перемѣны, какъ напримѣръ окончанiе *ль* вмѣсто *въ*, которое онъ также иногда употребляетъ, но, очевидно, по привычкѣ говорить не тѣмъ языкомъ, которымъ писалъ.

О должникахъ, кто кому долженъ, або тежъ виненъ.

Не дай, Боже, позичать, але дай свое мать,
бо мовять: *Душно, якъ два правять, третьему нічого **дат***
Добро такому чого-кольвекъ позичати,
Которий можетъ въ прудкомъ часі и отдати,
А винному двояка часомъ скорбъ биваетъ,
гди презъ назначенний часъ вдвое отдаваетъ;
Же то есть такая речъ пудъ часъ меновите:
должний на себе облікъ⁽¹²²⁾ дасть отдать совите⁽¹²³⁾
И виділемъ на світі тое въ своемъ віку,
же презъ прешлий термінъ даль вдвое чоловіку,
И суженно на суді, би тое стало такъ.
На Волиню единъ ся ошукаль неборакъ,
Бо мовиль: «Когда въ той часъ зуполно не отдамъ,
хочъ единъ день похиблю, мовить, вдвое отдамъ.»
Также ему бідному за нещастямъ стало,
же другой половици даремне не стало.
Присудиль Ляхъ, жебъ Жиду Русинъ отдаль вдвое,
и мусиль⁽¹²⁴⁾ старатися бідний било о тое.
Хто жъ, чи судiя тому виненъ, чи самъ винний: —
Не вiмъ; подобно, большей ошукался винний:
На що било въ облици такъ ся обiцяти,
же презъ реченець буду вдвое отдавати?
И то не готовизну даль, талько всю худобу

⁽¹²²⁾ Обязательство.

⁽¹²³⁾ Съ лихвою.

⁽¹²⁴⁾ Слово мусити Климентiй **пишуть** почти всегда черезъ *ль*, котораго звукъ въ украинскомъ выговорѣ соответствуетъ моему *і*.

въ сту талярахъ, ажъ прото збуль свою оздобу ⁽¹²⁵⁾,
Же много изъ жалости хориль для фрасунку ⁽¹²⁶⁾,
потомъ сталъ пить и умеръ зъ хмелёвого трунку.
А жона, при злой нендзі ⁽¹²⁷⁾, пошла запрядати,
а діти свої Жидамъ почала наймати.
Прето ⁽¹²⁸⁾ не дай намъ, Боже, въ долги упадати,
але и должнимъ дай вскорі संबождати.

Волынь тогда находилась въ предѣлахъ Польскаго королевства. Ляхъ, Жидъ и Русинъ играютъ на Волыни, въ стихахъ Климентія, тѣ ыя роли, что и въ народныхъ преданіяхъ. Но когда онъ описываетъ __ Украину, то не упоминаетъ о Евреяхъ вовсе. Даже шинки и звѣздные дворы находились тогда въ рукахъ Украинцевъ. Истребленіе и изгнаніе Евреевъ, во время польско-козацкихъ войнъ, дало иной видъ Украинѣ лѣваго берега Днепра. Побережье правой его стороны, кромѣ окресностей Кіева, кромѣ Канева, Черкасъ и Чигирина, лежало тогда безлюдною пустынею, и потому Евреямъ не было доступа къ козацкой Украинѣ ⁽¹²⁹⁾. Они начали вкореняться здѣсь только въ царствование Екатерины II, когда, съ одной стороны, паденіе козачества, какъ господствующаго (вмѣстѣ съ своею старшиною) сословія, а съ другой — соединеніе обѣихъ приднѣпровскихъ частей Южной Руси, дали этому промышленному народу возможность насѣсть на украинскіе города и прибрать мало-помалу къ своимъ рукамъ большую часть капиталовъ, находившихся въ оборотѣ. Въ одномъ только стихотвореніи говоритъ Климентій о Евреяхъ, но не обозначаетъ мѣста, которое они занимали тогда въ Гетманщинѣ, и такъ-какъ улалчиваетъ о нихъ въ описаніяхъ шииковъ, рынковъ и торговыхъ людей, то надобно полагать, что это стихотвореніе относится къ Польской Украинѣ.

О Циганахъ и о Жидахъ.

Цигане да Жиди едни еднимъ равни,
поневажъ ⁽¹³⁰⁾ вельми тие люде естъ злонравни,
Бо въ нихъ только естъ правди, якъ въ шелягу сребра...
бодай имъ безпрестанно кати крушили ребра!
Же збитечнее ⁽¹³¹⁾ людянь чинять ошуканства,
где-кольвекъ ⁽¹³²⁾ приіхавши до якого панства,

⁽¹²⁵⁾ Красоту

⁽¹²⁶⁾ Горести

⁽¹²⁷⁾ Нуждѣ, бѣдности

⁽¹²⁸⁾ По –го

⁽¹²⁹⁾ Самое слово *аренда* было ненавистно гетманскимъ Украинцамъ, какъ __ видно изъ «мнѣнія Мазепы объ уничтоженіи въ Малороссіи аренды», **по** въ Москву въ 1692 году, въ отвѣтъ на указъ царскій, въ которомъ сказано, что по случаю аренды, устроенной въ малороссійскихъ городахъ, **и** маетностей, данныхъ разнымъ особамъ, «происходятъ межъ народомъ по сполитымъ вопль и пререканія, а особливо отъ Запорожцовъ произносятся голоса, къ шатости склонные.» — Мазепа, въ своемъ мнѣніи, говоритъ: « __ аренда здѣсь въ Малороссійскихъ городахъ не такъ налогами своими **нар** естъ тяжелоносна, какъ самымъ именемъ изъ давныхъ временъ (чаяты **до** того, что при Польской державѣ Жиды оною владѣли и многіе **вымышленныя** отягощенія чинивали) естъ досадна и полна безчестія и хулы.» (*Чтенія*, изд. Бодянскимъ, .1859, кн. I, отд. II, стр. 5 — 6).

⁽¹³⁰⁾ Понеже.

⁽¹³¹⁾ Чрезвычайные.

А землі своєю згола ⁽¹³³⁾ нигде собі не мають,
тільки, не мовлячи, якъ Цигане пробувають,
Тако жъ туляться и Жиди по всемъ світу
аби-где въ якихъ земляхъ и въ котромъ повіту.
А предсяжъ ⁽¹³⁴⁾ где есть Жиди — свої двори мають,
а Цигане где день, где ночь по світу туляють.
Якъ не міють домовъ, щобъ и щастя не мали,
а наостатокъ жеби и дябли ихъ побрали!
И дай, Господи, аби тое такъ ся імъ стало,
ижъ би на віки тоей нечистоти не стало!

Ети послѣдніє стихи дышуть фанатическимъ духомъ нетерпимости столь общимъ тогдашней Украинѣ, еще незабывшей кровавой борьбе съ иноверцами. Но Климентій одинаково строгъ и безпощаденъ ко всему что противно *его* понятіямъ о добрѣ и злѣ. Онъ смягчается только передъ людьми знатными и богатыми, да передъ музыкантами и хмѣльными напитками, которые хвалить безусловно. Впрочемъ, хваля музыку вообще, не любитъ козы или волынки и нападаеть на дударей, какъ на людей богопротивныхъ. Еще сильнѣе вооружається онъ противъ *воду въ вино ліющихъ и особъ наклеи творящихъ піюцимъ*. Это впрочемъ понятно. Но не понимаемъ его гоненія на курителей и нюхателей табаку. Развѣ за то онъ ихъ преслѣдовалъ, что нѣкоторые шинкари *въ горілку, въ судна табакъ вовергають*. Это — фактъ интересный ⁽¹³⁵⁾. У него есть цѣлое стихотвореніе о табакѣ.

О табаці и о уживающихъ ея.

Злая вплодилася речъ и всюди есть явна,
же розний людъ заживаеть табаку здавна;
А барзій въ Литві тое вельми недобре,
бо жони и діти ихъ заживають добре.
И тутъ такихъ есть много, же ея вживають;
тие ноздрами пахають, а тие втягають,
И, хто того навчився, и люлькаю тягнуть.
Потреба бъ доконечно одъ того повстягнуть,
Бо въ немъ часть некельного диму обрѣтаеть,
и хто тягнеть, то изъ усть того смрадъ изхождаеть.
И хочъ и власті тягнуть, еднакъ не обель ⁽¹³⁶⁾ то честно;
а нюхати найпаче брідко и безчестно,

⁽¹³²⁾Куда-нибудь.

⁽¹³³⁾Вовсе.

⁽¹³⁴⁾Однакожь, при всемъ томъ.

⁽¹³⁵⁾Котляревскій упоминаеть также о *тютюнкowej горілкѣ*, въ описаніи каррикатурнаго рая:

Сиділи, руки поскладавши,
Для нихъ все празники були,
Люльки курили полягавши,
Або горілочку пили, —
Не тютюнку и не пінну,
Но третьєпробну перегінну...

(*Енеида*, изд. 1808, стр. 138).

⁽¹³⁶⁾Совсѣмъ.

Кгдижъ, тянучи димъ, прочъ вонъ изъ усть випущаєть,
 а нюхати паче себе оскверняєть:
 Же въ ноздрахъ та нечистость ему остаєтся,
 съ чего часомъ и немощъ лютая стаєтся;
 Бо мозгъ въ голові его табака зсушаєть,
 же власне ⁽¹³⁷⁾ якъ швецъ дубомъ шкури пересипаєть.
 И не слишить табачникъ збитний уханія,
 а ні смраду, тежъ благоуханія.
 Такому и священства особъ возбраняють,
 и святити не всюда такихъ позволяють;
 Бо, хто носомъ не чуетъ, не ціль пробуваєть,
 власне составу собі якого не маєть.
 А священство мієть той обичай отъ віка,
 же требуєть цілого на то чоловіка.
 Есть же и такіє, що иные и ядять,
 и тие паче Богу и святимъ всімъ бридять.
 А иние въ горілку въ судна вовергають.
 и, на погибель собі, людей оскверняють.
 Такихъ би годило бъ ся не тилько киемъ битъ,
 але иного хочъ би и изъ світа згубить.
 Особно жъ иний навикъ бардакомъ ⁽¹³⁸⁾ тягнути,
 презъ которий не одному пришло смислу збути.
 Пние бо бардакомъ такъ ся затыгають,
 ажъ нагле души свои въ той часъ извергають
 И самихъ себе бісу офіру ⁽¹³⁹⁾ давають,
 якъ тие, що зъ горілки пъяние вмирають.
 Тимъ обоімъ пекельна будетъ нагорода:
 отъимєть бо ся отъ нихъ отъ него свобода.
 Намъ же по-християнській дай, Христе, умирать
 и, позбувши всіхъ гріховъ, небо наслідовать.

Табакъ, ввергаемый въ сосуды съ горілкою, возбуждалъ тѣмъ
 сильнѣйшее негодованіе въ Климентіѣ, что ему было извѣстно, по опыту,
 другое злоупотребленіе, противоположное, по смыслу своему, этой коварной
 заправѣ, именно — подмѣсъ воды въ горілку. Изъ его стихотворенія по этому
 случаю мы выводимъ печальное заключеніе, что Евреи, удалясь изъ нашей
 Украины, оставили въ ней своихъ преемниковъ между христіянами, которые не
 уступали имъ въ фальшивой продажѣ вина ⁽¹⁴⁰⁾. Какъ бы ни была совершенна
 сама по себѣ религія, которую исповѣдываетъ человѣкъ, она не спасаєтъ его
 отъ низостей, если въ его нравы и обычаи не проникнула религиозность путемъ
 разумной проповѣди. Деспотизмъ гетманскаго правленія во времена Мазепы
 подавлялъ свободный протестъ противъ чиновныхъ покровителей неправды;

⁽¹³⁷⁾ Словно.

⁽¹³⁸⁾ Табакомъ.

⁽¹³⁹⁾ Жертву.

⁽¹⁴⁰⁾ Мазепа, въ 1692 году, писалъ въ своемъ универсалѣ: »Да и за то не меньше намъ приходитъ негодованіе на старшину, что и того не досматривають, дабы въ арендахъ подмѣшеное и мѣрою умаленное не продавано было вино, которымъ образомъ нѣкоторые шинкари или шинкарки дерзають безбоязненной въ черни чинить обманъ», и пр. (*Чтенія*, изд. Бодянскимъ, 1859, кн. I, отд. II, стр. 9).

вѣроученіе ограничивалось догматикою и утомляло слухъ мірянъ общими реторическими мѣстами. Духовные витіи грозили черни адскими муками, пируя вмѣстѣ съ вельможными особами, потакая ихъ неправеднымъ стяжаніямъ и вообще оставляя ихъ совѣсть въ покоѣ. Мазепа строилъ храмы за храмами, и въ то же время предавался необузданности страстей своихъ. Все въ Украинѣ шло на основаніи права сильного, и только путемъ хитрости и низкопоклонства можно было талантливому человѣку пробраться къ высшимъ должностямъ, чему живымъ примѣромъ былъ самъ гетманъ, добравшійся до булавы угодничествомъ, коварствомъ и подкупомъ. Не мудрено, что въ его правленіе Климентій набрелъ на слѣдующую тему для стихотворства:

О купцахъ и о продавцахъ фальшивихъ и о продающихъ вино и воду въ вино (сирічь въ горілку) ліющихъ и о особъ наклепи творящихъ піющимъ для душегубнихъ имъ прибитковъ.

Ото вамъ тремъ персонамъ тое ся звіщаєть,
же за тое васъ всіхъ гнівъ Божий ожидаєть,
Поневажъ то у вино воду мішаєте
и Богу крѣпко, крѣпко тимъ согрѣшаєте. ⁽¹⁴¹⁾

Кліментій, въ качествѣ моралиста, считалъ долгомъ своимъ проповѣдывать воздержаніе отъ хмѣльныхъ напитковъ, такъ какъ съ неосторожно выпившими случаются разныя непріятности, но пьяницъ вообще увѣщаваєть онъ снисходительно, а въ слѣдующемъ стихотвореніи сознаєтся, что и самъ не былъ врагомъ Бахуса.

О крилошанахъ, збитне ⁽¹⁴²⁾ трунокъ горільчаний заживающихъ и на утреньяхъ въ церквахъ небивающихъ.

Не дивно єсть горілку крилошаномъ не въ часъ пити,
але найдивнійшъ въ церкві утрєні не пропустити.
Бо за службу Божію не такъ старшиі карають,
а за непритомность утрєннюю не пропушають.
Кгди жъ утрєню подвигомъ великимъ називають,
а за литургию, любъ большъ важнійша, пробачають.
Въ часъ служби Божой не всякъ человекъ можетъ спати,
а до утрєні, хочъ звонъ чуєть, не хочєть встати.
Зачимъ утрєнний подвигъ на свѣті єсть дивнійший,
а до служби Божой южъ не тако чуднійший.
А такъ, братіє, до утрєнь ся спішімо,
хочъ часомъ, ложаєся спати, и горілки напімо.
Бо трунковимъ людямъ трудно и не випивати,
жеби на голосъ и на веселость здобувати.
И прибудєть охоти до всего: писєць сей самъ знаєть,
ижъ то таковий обичай и собі маєть.

⁽¹⁴¹⁾ Въ рукописи не достаєть въ этомъ мѣстѣ четырехъ листковъ.

⁽¹⁴²⁾ Неумѣренно.

И дай, Боже, помірно кождимъ заживати,
да не будуть тобі и людянь проступати.

Еслибъ Климентій доучился до конца въ семинаріи, или принадлежалъ къ старшимъ монахамъ, онъ бы, въ своихъ поучительныхъ стихахъ, строго держался общимъ выраженій, сквозь которыя столь слабо пробивается дѣйствительность. Но тутъ онъ выражаетъ не искусственный, а натуральный взглядъ на свое званіе и на свое дѣло. Такъ разумѣли себя и свое ремесло многіе, если не всѣ его собратья, но тогдашнему состоянію вѣроученія, основаннаго на одной формѣ. Онъ простодушно называетъ классъ людей, къ которому принадлежитъ, *трунковыми людьми*. По его мнѣнію, иначе и быть не возможно въ положеніи крылошанина. Подвигъ у него означаетъ не болѣе, какъ буквальное выполненіе дѣла, которое не имѣетъ, по его мнѣнію, никакой связи съ трезвою и благочестивою жизнію. Въ другомъ стихотвореніи онъ описываетъ приходскихъ причетниковъ, бросая тотъ же тупой и, можно сказать, хмѣльной взглядъ на ихъ дѣло. Исчисливъ трудности причетническаго дѣла при церкви, онъ говоритъ:

И треба всіми жилами добре ся надувати,
жеби гортань моголь гладко и голосно співати.
Треба жъ часомъ для сили чимъ ся и посилити,
меновите, хочъ не въ часъ, горілки ся напیتی,
А за гріхъ той Богу ся помолити,
жебъ онъ півцевъ своихъ (за немощъ) рачиль (¹⁴³) простити,

Наконецъ, отложивъ всякое житейское попеченіе, онъ воспѣлъ просто-напросто вакхическую пѣсню, озаглавивъ ее сице:

*Віриши похвальніе любячимъ пиво пити, или тежъ за еднимъ заходомъ и
всякъ трунокъ, кому не шкодить, або не вадить.*

Котрий, мовять, чоловікъ добре випиваєть,
теди такому пань Богъ на пиво даваєть.
Хочай-то и такъ правять, же пиво не диво,
еднакъ добре, гди зтроха горло промочило:
До людей виразнійше будетъ глаголати,
и въ церкві на криласі гладшей заспівати.
Зачимъ, панове, собі здорови бувайте,
а где ли кольвекъ пива — добре потягайте.
А въ голові, здоровий, все не перебирай,
да вшелякий напитокъ заровно випивай.
Бо въ жорна добрие що вкинь, мовять, то змеле.
похвали и ти мене за то, честний хмеле!
И суржикъ хто любить, — хлібъ зъ него уживаєть;
и просянинъ, овсянинъ — все то кормъ биваєть;
А хто едно що любить, того и держися, —

(¹⁴³) Благоволилъ.

хочь штани заставь, иди у корчму, напися.
Тилько жь прошу — и штановъ на-вікъ не покидай:
славная то одежда, — найскорійшъ викупляй.
А на мене за сей віршъ, прошу, не давить,
да, якъ будете пити, то й мене вспомяніть.

При всей нескладности и тупости своихъ стиховъ, Климентій характеризуетъ современное ему общество уже однимъ личнымъ взглядомъ своимъ ва разныя явленія тогдашней жизни. Интересно у него описаніе сельскихъ бурсь, называвшихся *школами*. Подъ именемъ школяровъ надобно разумѣть здѣсь не вольноприходящихъ учениковъ, а постоянныхъ обитателей школы, такъ называемыхъ *нищунувъ*, то есть безродныхъ в безпріютныхъ сиротъ, поступившихъ, такъ сказать, подъ опеку церкви. Подъ руководствомъ дьячковъ и пономарей, они не рѣдко отправлялись на фуражировку по дворамъ безпечныхъ поселянь, почему и назывались *курохватами*. Школа была также пріютомъ для такихъ странниковъ, какъ самъ Климентій. Члены прихода видѣли въ ней нѣчто въ родѣ страннопріимнаго дома и вмѣстѣ свободнаго училища при церкви; но испорченные бурсами дьячки и пономари обращали это благочестивое заведеніе въ притонъ праздности, пьянства и мародерства. Климентій, глядя на все это снисходительно, упустилъ изъ виду многія характеристическія черты старинной приходской школы и коснулся только воровства дровъ да и то для того, чтобъ оправдать школяровъ, — вероятно, за ихъ гостепрѣимство.

О школярахъ, дрова крадущихъ и о школѣ.

Школа — церковный уголь. Такъ ся називаетъ,
кгдажъ церковнихъ набоженствъ дѣтей научаетъ,
И що въ церкві правять, то и въ школѣ знаидуетъ,
а безчиний въ ней жаднихъ нігди не знаидуетъ.
Бо мовять: *Школа всякимъ страннімъ домъ есть вольний;*
але еднакже праве онъ не своявольний.
И причетниками тежъ школяре ся именують,
поневажъ церкві святой щире услугують.
А що часомъ вкрадутъ дровъ, же не міють где взять:
міщане и селяне не хотять куповать.
А знаю, же бъ тимъ діломъ люде не згрішили,
ижъ би когда на який возокъ ся зложили.
Годило бъ ся церковнимъ слугамъ то вчинити,
або зъ двора готовихъ імъ не зборонити.
Могло бъ милостинею и тое ся назвати,
а імъ би рачиль за то Богъ нагрожати.
Приповість же въ школяровъ: *Не вкравь, але доставь.*
А ти, Боже, за дрова грѣха імъ не поставь.
А по козацькій, хотъ вкравь, то мовять, же добувь.
Кождий, розумію, козакъ о томъ слові чувъ.
А ви, панове, за сей віршъ не подивіте,
и кто его написавъ, и того простіте.

Бо едень бідний школяръ, прозваніемъ Трясця,
где живъ и где будетъ жить, не мать ему щастя.
А хочай онъ, въ свѣті живучи, вельми ся страждаетъ,
только жъ, бідний и вельми мизерный, свою торбу въ скриню ховаеть.

Четыре послѣдніе стиха, приписанные другими чернилами и менѣе старательнымъ почеркомъ, безъ сомнѣнія, относятся къ самому автору. Мы видимъ, что школярами онъ называетъ всѣхъ, живущихъ въ школѣ; а такъ какъ, по его словамъ, «школа всякимъ страннымъ домъ есть вольный», то, вѣроятно, не ужившись въ монастырѣ, по своимъ довольно свободнымъ привычкамъ, онъ пріютился въ обществѣ мірскихъ «крылошанъ», гдѣ ему не возбранялось «для силы чимъ ся и посилить». Проще сказать — онъ, вероятно, возвратился къ первоначальному своему ремеслу и, пожалуй, занялъ мѣсто приходскаго дьячка въ школѣ. Догадку свою основываю на томъ, что такими же блѣдными чернилами и такимъ же скачущимъ почеркомъ приписано у него еще нѣсколько мѣстъ, отличающихся школярскимъ вольнодумствомъ. Такъ, напримѣръ, разсужденіе о священническомъ двоеженствѣ, противъ запрещенія котораго онъ возстаётъ съ энтузіазмомъ страдающаго человѣка; стихотвореніе въ пользу женщинъ, рождающихъ дѣтей вскорѣ послѣ брака, и другое стихотвореніе, оправдывающее дѣвицъ, сдѣлавшихся матерями. Эти два послѣдніе стихотворенія отличаются саркастическою веселостью, но вмѣстѣ съ тѣмъ и необычайной даже у самого Климентія свободой выраженной. При всемъ томъ это вовсе не сатира на порчу нравовъ, а увлеченіе страстнаго человека. Надобно замѣтить, что и въ стихотвореніяхъ, написанныхъ имъ прежде, онъ часто обращается къ женщинамъ не слишкомъ строгой нравственности и только подшучиваетъ надъ ними, но не выражаетъ отвращенія къ ихъ продѣлкамъ. Не разъ, заведя рѣчь тономъ келейнаго философа, онъ переходитъ въ тонъ свѣтскаго балагура, а однажды договорился до такихъ стиховъ, что самъ ихъ перечеркнулъ Андреевымъ крестомъ. Словомъ, стихотворца Климентія надобно отнести къ разряду странствующихъ иноковъ, представленныхъ Пушкинымъ въ *Борисъ Годуновъ*. Въ разсужденіи своемъ о школярахъ и школѣ, онъ говоритъ, что въ школѣ никогда не бываетъ никакихъ безчинствъ и что это домъ, чуждый всякихъ своевольствъ. Онъ не говорилъ бы этого, еслибъ не существовало въ тогдашнемъ обществѣ противоположнаго понятія о школѣ. Замѣчаніе наше подтвердимъ его апологіями въ пользу лицъ духовнаго званія и вообще людей *письменныхъ*, въ которыхъ апологіяхъ онъ приводитъ слова и мысли, порожденные въ мірянахъ безчинствами и злоупотребленіями его ученой братіи. Изъ стиховъ, которые мы тотъ-часъ приведемъ, видно, между прочимъ, что міряне стояли, въ Мазепино время, въ оппозиціи съ духовенствомъ. Несогласія происходили частію отъ взаимныхъ притязаній на поземельную собственность; такъ такъ монастыри и церкви не упустили случая увеличить своя владѣнія, во отпущеніе грѣховъ отходящимъ изъ сего міра, частію отъ контроля, которому ктитори и прихожане старались подвергнуть церковные сборы, а частію и отъ неблаговиднаго поведения

многихъ лицъ духовнаго званія. Хотя Климентій безусловно захищаєть свою братію, однакожь намеки на испорченность ея нравовъ, сдѣланные имъ неумышленно, слишкомъ бросаються въ глаза современному читателю.

О чинящихъ пакості монастирамъ и церквамъ,

Каменные, зная, сердца въ тихъ людей бивають,
котрие монастирямъ пакость сотворяють.
Люде на обителі святіе давають,
а они готовое отъ нихъ отдаляють.
Негодни таковыя ктитори похвали,
але достойни тне всякоі неслави,
Же то Християнами себе називають.
да, власне басурмане, церкви разграбляють.
Не хочемъ ми ктиторею такихъ міти,
лечь жебъ съ прислугами ихъ не било на світі.

Але овшемъ пакостить уже перестаньте,
а благотворить церквамъ и обителемъ станьте.
А хочъ на монастирі ніщо не давайте,
то принамній ⁽¹⁴⁴⁾ готовихъ речей не отнимайте...

О хулячихъ чинъ духовний.

И той человекъ вельми зле поступаетъ,
котрий на чинъ духовний хулу наносаеъ.

А иний злие слова о духовнихъ говоритъ.
и многіи чудеса неподобно творить⁽¹⁴⁵⁾.
И аби не постигло зло тихъ чудотворцовъ,
же хулять священниковъ, своїхъ боломольцовъ.
Уже жъ хочъ отъ сего дня въ тайности ихъ мійте,
и слушати ихъ словесъ и въ любви мить хтійте...

*О невігласахъ ⁽¹⁴⁶⁾, укоряющихъ тихъ людей, котрие Писаніемъ Святимъ
викладають что полезное на пользу ихъ, а они (неразсудные головы) злословятъ
и ненавидятъ тихъ труждателей, на добрие діла писаніемъ навчающихъ и
спасенія імъ желающихъ.*

Знайте и разумійте таковыя люде,
что вамъ за тие речи въ послідній день буде.
Прошу васъ, наставниковъ своихъ не хулите,
але повинуйтесь и Бога (за нихъ) моліте...

⁽¹⁴⁴⁾ По крайней мѣрѣ.

⁽¹⁴⁵⁾ Намекъ на знахарей, которые, обладая сравнительно высшимъ умомъ между мырянами, естественно сильнѣе другихъ порицали недостатки людей духовнаго званія.

⁽¹⁴⁶⁾ О людяхъ непросвѣщенныхъ, язычникахъ.

О писаніи святомъ и о учащихся его.

И хто Писаніе Святое зневажаетъ,
такий вельми Господу Богу согрѣшаетъ.
Бо иный мовить, же зъ письменнихъ все зло биваетъ;
нехай за его лгаянне на его обращаетъ,
И обратится, же слѣпъ дерзаетъ вождовъ хулити;
будетъ бо певне его Богъ за тое судити.
И znovu жъ мовять: »Презъ письменнихъ западется свѣтъ.«
Щобъ той самъ запался! а того и по сей часъ нѣтъ.

Замѣчательно, что вообще между *письменными* и *неписьменными* существовали тогда разладъ. Грамотѣи смотрѣли съ-высока на неграмотныхъ и казались сами себѣ чѣмъ-то облагороженнымъ. Неграмотные, напротивъ, потеряли вѣру въ книжный народъ и дошли до убѣжденія, что міръ погибнетъ черезъ *письменныхъ*. А вотъ стихи Климентія о *неписьменныхъ*.

Яко такожъ трезвому изъ пьянимъ обитать,
такъ и письменному изъ простимъ пробовать;
Бо въ простого мужика простий есть обичай,
а въ письменного особний, політичний звичай.
Зачимъ перестанте, простаки, письмо блюзнити,
бисте ся не могли въ пропасть вічну потопити...

Видно, однакъ, что этотъ *політичний звичай* клонился не къ тому, чтобы, съ помощію грамоты, распространять добро между людьми темными: иначе — простой мужикъ, въ простотѣ своего обычая, не возвышалъ бы голоса противъ грамотѣевъ и не упрекалъ бы ихъ въ беззаконіяхъ. Печальное понятіе даетъ простодушный стихотворецъ Климентій о временахъ Мазепы. Литовскій статутъ былъ позабытъ военными администраторами и оставляемъ безъ вниманія людьми сильными. Развитая Мазепою, въ подражаніе Польшѣ и Петровой Россіи, канцелярская наука была сѣтями, въ которыя опасно было попасть человѣку простоватому или безпомощному. Самая грамотность, павшая въ народѣ въ теченіе *великой руины*, или войнъ, затѣянныхъ Хмельницкимъ и долго свирѣпствовавшихъ по его смерти въ Украинѣ, начала возрождаться въ приходскихъ школахъ и бурсахъ въ антинародномъ направленіи. Въ старину народъ учился для того, чтобы противостать католикама и уніатама, — для того, чтобы крѣпко стоять въ своемъ вѣроученіи противъ иновѣрческихъ толкованій. Со времянь Мазепы, или съ возрожденія школъ, опустошенныхъ и унесенныхъ Богъ знаетъ куда войнами, ни у духовенства, ни у мірянъ не было уже могущественнаго побужденія къ преуспѣянію въ познаній истины, какъ ее понимали въ XVII вѣкѣ. Покушенія на порабощеніе Риму священства и прихожанъ не существовали болѣе въ предѣлахъ гетманской Украины. Поэтому явилось новое побужденіе къ грамотности, котораго, конечно, не исключалъ и періодъ уніи, но которое тогда

подчинялись другимъ. болѣе сильнымъ порывамъ, — именно побужденіе выдти въ люди. Выдти въ люди значило тогда, какъ и теперь значить, возвыситься надъ первобытнымъ своимъ состояніемъ. Желаніе, по видимому, невинное; но, при упадкѣ въ то время гражданственности, которая развилась было до значительной степени въ Украинѣ прежде *великой руины*, при упадкѣ также промысловъ и торговыхъ оборотовъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра, лица, овладѣвшіе искусствомъ писанія и вышедшіе въ люди, естественно должны были проявить свою дѣятельность не въ чемъ иномъ, какъ только въ кляузахъ, въ обманахъ и притѣсненіяхъ неграмотной, простосердечной части населения. Возвысясь надъ первобытнымъ своимъ состояніемъ, грамотѣи, къ какому бы званію они ни принадлежали, стремились увеличить средства своего существованія. Для этого они угодничествовали передъ высшими, интриговали съ равными, тѣснили низшихъ и угнетали при всякомъ удобномъ случаѣ слабыхъ. А такъ какъ слабыхъ и безпомощныхъ была сравнительно огромная масса въ Украинѣ, то имъ больше всѣхъ, имъ скорѣе всѣхъ и доставалось отъ грамотѣевъ, вышедшихъ въ люди изъ ихъ толпы. Поэтому-то народъ не благоволилъ къ *письменнымъ*, видя отъ нихъ одни посягательства на свой достатокъ. Еслибы тогдашнее духовенство управлявшее просвѣщеніемъ народнымъ, отъ высшихъ до низшихъ школъ, поняло свое призваніе и направило грамотность къ умственной свободѣ темныхъ людей, и вслѣдствіе того къ сознанию и сохраненію личныхъ правъ своихъ, — изъ гетманской Украинѣ вышло бы совсѣмъ не то, что вышло. Но въ томъ и дѣло, что, послѣ *великой руины*, оказался страшный упадокъ высшихъ школъ, которыя давали приходамъ священниковъ. Типографіи, заведенныя даже въ такихъ городахъ, какъ Новгородъ-Сѣверскъ, исчезла безъ слѣда. Кіевская лавра одна производила издѣлія книгопечатанія для всей Гетманщины, ограничиваясь одними церковными книгами. Средневѣковая схоластика, пересаженная на Русскую почву, сдѣлалась послѣ *руины* еще тупѣе, нежели была во времена Петра Могилы. Семинаристовъ, въ новозаведенныхъ семинаріяхъ, не учили, а мучили, и выходили изъ нихъ люди, слишкомъ далекіе отъ того, чтобы понимать, что значить народъ и каково ихъ назначеніе относительно народа. Стихотворецъ Климентій, будучи іеромонахомъ и, вѣроятно, прежде того попомъ приходскимъ, очень наивно говорить, что *письменному* толковать съ *неписьменнымъ* все равно, что трезвому съ пьянымъ. Грамотность и семинарское образование, по его убѣжденію, нужны собственно для **по** отношенія же его къ народу и значеніе его въ кругу мірянъ онъ опредѣляетъ слѣдующими словами:

И кгда бѣ не священники, и церквей би не било,
не билъ би законъ, але беззаконіе бѣ било;
Бо законного браку не мощно бѣ составляти,
поневажъ бы не било кому шлюбовъ даяти;
Также христіянами не могли бѣ ся називать,
кгда бѣ рождаемыхъ дѣтей нікому било крещать.

По этому видно, что для тогдашняго духовенства средство сдѣлалось целью, а истинная цѣль христіянства скрылась отъ него за облаками догматики и общихъ, потерявшихъ свою силу и значеніе, выраженій о спасеніи души, о царствѣ небесномъ, о мукахъ, ожидающихъ грѣшниковъ за гробомъ, и т. п. Чѣмъ чаще были на устахъ у поповъ эти выраженія, темъ слабее и слабее дѣйствовали они на душу прихожанъ, а особенно, когда обѣщаль царство небесное тотъ, кто своими дѣлами показывалъ, что не заботится о немъ, или грозилъ загробными мученіями проповѣдникъ, по видимому нисколько ихъ небоявшийся. Мнѣ рѣдко случалось читать акты временъ Мазепы, которые большею частію истреблены пожарами въ Батуринѣ и въ другихъ городахъ во время Шведской войны; но вотъ нѣсколько фактовъ изъ архива Н. А. Маркевича, относящихся ко временамъ близкимъ къ гетманству Мазепы. Они покажутъ слишкомъ ясно отношенія, въ которыя поставило себя гетманское духовенство съ мірянами, по уничтоженіи униі, ненавистной той и другой сторонѣ.

Въ гетманство Скоропадскаго, архимандритъ Густынскаго монастыря, Гавріиль Леодольскій, жаловался въ генеральную канцелярію, что судья Ягельницкій записалъ въ козаки двухъ посполитыхъ (простыхъ поселянъ) монастырскихъ, не объявивъ о томъ монастырю. Монахъ-управляющій не зная о томъ, потребовалъ ихъ на работу. Ихъ домашніе побѣждали въ судъ, а оттуда съ поручикомъ Невскаго полка — въ Заудаевскій монастырскій дворъ, вломились въ домъ, вышибли окна, монаевскій дворъ, тамъ спящихъ, избивали палками, плетями и кулаками, вырвали имъ волоса и бороды. Эконома въ одной рубахѣ вели пять верстъ, потомъ; положили на возъ, привезли въ Прилуку и держали на дворѣ до разсвѣта, привязавъ къ колесу.

Такое почти невѣроятное ожесточеніе противъ монашествующей братіи объясняется слѣдующими фактами:

Какой-то Петро Пасичникъ жаловался гетману Скоропадскому, что монахи схватили его и посадили въ тюрьму за то, что былъ кѣмъ-то украденъ въ ихъ пасикѣ одинъ улей пчель. Этого не довольно, »але ще й сина мого, хлопця, черезъ тижнівъ три розками бито, всякого дня даючи по сто розокъ, допрошуючи, чи не скаже того злодійства на своего батька.«

Въ 1728 году войсковою канцеляристъ Лясаневичъ жаловался гетману, что архіепископъ черніговскій и новгородъ-сѣверскій, Иродіонъ, послалъ 60 человѣкъ дьяковъ, пономарей, поваровъ, слугъ и конюховъ нагородить ему ото всѣхъ улицъ проѣздъ. Они напали на него, стащили съ коня, сорвали саблю, потащили въ «катедру» и посадили на три недѣли подъ стражу. При этомъ его ограбили: взяли пару коней, сбрую и оружіе.

Въ 1730 году, отаманы сотни Иванпольской (или Янпольской) жаловались гетману въ слѣдующихъ выраженіяхъ: »Чернцы Новгородскіе т. е. новгородъ-сѣверскіе), якъ прежде за козацтво наше смертнымъ боемъ бывали, отъ якого иные и померли, и со всеми нашими пожитками розорували, такъ и теперъ вышеупомянутые чернцы, дочувшися, що, якъ диды и отцы наше въ разныхъ походахъ службу козачую одбували, и мы похотили такожъ служить,

напали ночью, иныхъ повязавши козаковъ, были безъ пощады, отправивши въ монастырь Новгородскій въ турму; а быдло, кони, товаръ рогатый, овцы, свини со всимъ нащадкомъ до монастыря своего отобрали. Того рады всепокорственно просымо, дабы чернцы болшь насъ не мучылы. Тутъ же приложенъ реестръ монастырскихъ сель, въ которыхъ монахи записали козаковъ въ подданство.

Въ 1734 году Андрей и братъ его Яковъ Полуботки жаловались князю Шаховскому на архіепископа Иродіона, что онъ послалъ монаха-конюшаго, а другого монаха-старца съ двумя-стами школьниковъ, съ дубьемъ, цѣпами и возами, на домъ Полуботковъ. Орда выломала ворота; ворвалась на дворъ, людей хватала, колотила, вязала; оторвала замки, вышибла стекла въ окнахъ и всѣ пожитки дочиста увезла къ Иродіону. На запросъ князя Шаховского, Иродіонъ отвѣчалъ, что будто бы вступился за дѣтей Якова Полуботка, противъ распоряженій ихъ отца; но неизвѣстно, возвратилъ ли пожитки. Известно только, что фамилія Полуботковъ обѣднѣла и что фамильный каменный домъ ихъ, на который сдѣланъ набѣгъ, принадлежитъ нынѣ Черниговской семинаріи.

Въ 1737 году, Прилуцкіе судья и писарь доносили князю Ѡ. Ис. Борятинскому, что іеромонахъ Густынскаго монастыря Логвинъ и монахъ Харлинскій, по приказу игумена Гавріила Леопольскаго, схватили, по какому-то подозрѣнію, какого-то Карпенка изъ дому его въ Ольшанѣ, привезли въ монастырь и начали »по самой сорочки бить шелепами, т. е. плетью товстыми, гораздо, такъ що и кровь крузь сорочку показовалася, и оный Карпенко тамъ же въ монастыри, по томъ бою, и умре.«

Не удивительно послѣ этого, что міряне, по словамъ стихотворца Климентія, дерзали хулить своихъ *вождовъ*. Въ 1732 году коропской сотникъ Химчичъ былъ отлученъ отъ церкви и судимъ за то, что сказалъ: »Я самому Богу не вѣрую, а не то вамъ, попамъ.« А въ 1727 году, на второй день свѣтлаго праздника, трое прихожанъ (не помню какой церкви), съ родными и женами, вошли въ церковь и ругали священника, который боялся выдти изъ алтаря. Въ наше время подобные факты невозможны, и по нимъ можно судить, каково было духовенство оплакиваемой многими Гетманщины, когда школьникамъ въ семинаріяхъ преподавались такіе уроки, какъ набѣгъ, подъ предводительствомъ монахов, среди бѣла дня, какъ произвольныя истязанія и убійства посреди монастырей. Что дѣлали до великой руины іезуиты и уніаты съ православными, то послѣ руины усвоими себѣ монахи украинскіе относительно своихъ единовѣрцевъ. Не напрасно отаманы Ямпольской сотни, жалуясь на монаховъ въ 1730 году, вспоминали, что монахи и *прежде за козацтво смертнымъ боемъ бивали ихъ*. Монастыри, разжегши въ козакахъ вражду къ католикамъ и уніатамъ, первые воспротивились возстанію простонародья, изъ опасенія лишиться обычныхъ доходовъ съ земель своихъ, и просили Хмельницкаго запретить монастырскимъ подданнымъ вступать въ козачество. Хмельницкій, дорожа отзывами монаховъ, пожертвовалъ для нихъ вовсе для него неопасными посполитыми, и это была первая изъ его уступокъ, который, какъ извѣстно, окончились тѣмъ, что козаки отреклись отъ своихъ соучастниковъ въ побѣдахъ

надъ шляхтою. Въ *Актахъ, къ Западной Россіи относящихся* (т. V, стр. 85) напечатанъ слѣдующій весьма важный универсалъ 1648 года декабря 28:

»Всѣмъ вообще и каждому зособно подданнымъ монастыра Печерского, до инокинъ того монастыря въ селѣ Подгорцахъ належачымъ, и новымъ козакомъ, симъ листомъ моимъ гетманьскимъ ознаймуемъ и владою нашою гетманьскою сурово напоминаемъ, абысте, яко вы, подданные, такъ и тые, которые съ охоты своее, подъ тотъ часъ въ козачество не хотячи, до того монастыра работы и повинности отправляли удалися, честной законницѣ, госпожѣ Магдалинѣ Бѣлецкой, игуменьѣ Кіево-Печерской, и всѣмъ сестрамъ о Христѣ того жъ монастыра послушны были, и повинности и работы всякіе отправляли, иостерегаючися на себе войсковаго каранья. Бо мы со всимъ войскомъ не хотимъ отъ монастыровъ, особливо отъ убогихъ законницъ, подданныхъ отыймовати. Дастъ Богъ на услугу войсковую охочихъ и безъ людей церковныхъ. А васъ и повторнѣ папоминаемъ, абысте вы вси, которые въ Подгорцахъ найдуетея, законницамъ Печерскимъ по старому послушенство отдавали. А если розказанью и листу нашему хто изъ васъ спротивится, таковой, яко войсковый непріятель и зневажачъ листу нашего, горломъ караный будетъ.«

Заботясь больше всего о своихъ доходахъ, монастыри у каждого гетмана выпрашивали себѣ новые универсалы и подтвержденія старыхъ, и крѣпко держали за руки приписныхъ къ своимъ землямъ поселянь. Въ библиотекѣ Черниговской семинаріи хранятся *Листы Лазаря Барановича*, изъ которыхъ видно, какъ этотъ хитрый человѣкъ ласкался поочередно ко всѣмъ козацкимъ предводителямъ, отъ Сомка до Самойловича, и кого вчера считалъ злодѣемъ, сегодня превозносилъ похвалами, и наоборотъ, смотря потому, какъ служило этимъ честолюбцамъ счастье. Ни политическихъ, ни соціальныхъ убѣжденій большинство старинныхъ украинскихъ монаховъ не имѣло; о спасеніи душъ христіанскихъ заботилось на словахъ, а всей душой работало для собственной корысти, или для удовлетворенія тщеславія. Лучшіе изъ нихъ, передовые люди ихъ корпораціи, въ своихъ сношеніяхъ съ властями только и говорятъ, что о маетностяхъ да о доходахъ. Ни у одного не видно самоотверженія въ пользу труждающихся и обремененныхъ; никто не подвизался безкорыстно для просвѣщенія своего края. Заводимыя ими школы были не что иное, какъ фабрики, въ которыхъ, за извѣстную плату и подарки, выдѣлывали грамотѣевъ. Если же и воспитывались въ этихъ школахъ *gratis* дѣти убогихъ родителей, то испрашивали сами себѣ пропитаніе у горожанъ, какъ объ этомъ очень трогательно рассказываетъ Шафонскій ⁽¹⁴⁷⁾, или живились такъ, какъ описано

⁽¹⁴⁷⁾Черниговскаго Намѣстничества Топографическое Описаніе, стр. 35: «... не только достаточныхъ, но и самыя бѣдныя мѣщанскія и козація дѣти, съ доброй воли въ вышеписанныя школы идутъ и мірскимъ подаваніемъ ежедневныя пици, списываніемъ для собственнаго и другихъ обученія печатныхъ книгъ живутъ, и терпя голодь и холодъ, и всякую скудость и нужду, охотно и прилежно учатся....» Далѣе, стр. 283: «(въ бурсу) отъ архіерея давали дрова, въ недѣлю нѣсколько разъ печеный ржаной хлѣбъ и на кашу крупа. Однако сія дача столь мала, что еслибы не было народнаго подаванія, то бы они съ голода и холода помирать должны. Когда послѣ полудня изъ классовъ учащихся по своимъ квартирамъ распустятъ, то обыкновенно студенты, жившіе въ бурсѣ, или бурсаки, къ сожалѣнію и общему стыду, ходятъ по всему городу подъ окошками, духовныя пѣсни

въ стихахъ Климентія. Главное вниманіе монастырей, или ихъ настоятелей, сосредоточено было на маетностяхъ и подданныхъ. Въ окружномъ посланій черниговскаго архіепископа Іоанна Максимовича, 1706 года, сказано, что, по установленію гетмана Мазепы, запрещено было »тяглымъ переходити въ козаки, такожде и козакамъ въ тяглые.« Но, какъ подданные катедральные, села Ястребщины, «пошли самоволне, безъ всякія вины, въ козаки», то онъ счель себя въ правѣ, въ качестве архипастыря, сдѣлать следующее распоряженіе: »За таково ихъ самовольство, *отчуждаются* они зъ домами своими *Божія благословенія, общенія Христіанскаго и входу церковнаго*. Кто зъ нихъ или въ домахъ ихъ, умреть — *не похоронити*; буди имъ безъ обыклаго пѣнія церковнаго погребеніе. Кто народится въ домахъ ихъ — *не крестити*. Кто бы ихъ пріялъ въ свой дворъ, съ ними пріобщался и до нихъ пошоль — тому жъ неблагословенію подлежати будетъ.«⁽¹⁴⁸⁾ Я сказалъ и повторяю опять свои слова, выведенныя изъ обличительныхъ документовъ: »Что дѣлали до *великой і руины* іезуиты и уніаты съ православными, то послѣ *руины* усвоили себѣ монахи украинскіе относительно своихъ единовѣрцевъ.« Обуздала ихъ только Екатерина І, отобравъ у нихъ въ казну населенныя имѣнія. Во времена Мазепы, неистовства стяжательной братіи были въ полномъ разгарѣ. Мазепѣ, какъ и Хмельницкому, надобно было ладить съ духовенствомъ, для удержанія своей власти надъ народомъ. Онъ строилъ церкви; онъ закрѣпостилъ монастырямъ тяглыхъ, запретивъ имъ освобождаться посредствомъ вступленія въ козаки; онъ угождалъ духовному чину, елико было возможно. Еслибы онъ былъ, по успѣху своего замысла, вторымъ Хмельницкимъ, ему бы архіереи сочиняли силлабическія оды; но, какъ его постигла неудача, то они торжественно предали его проклятію. Стихотворецъ Климентій смотрѣлъ, какъ всѣ, на переходъ простыхъ земледѣльцевъ въ козаки и, вѣроятно, въ видахъ монастырскаго увѣщанія, помѣстилъ въ своей книгѣ сатиру на мужиковъ, которымъ онъ отъ всего сердца желалъ оставаться неизмѣнно мужиками. Эта сатира — родная сестра его стихотворенію о переходѣ подсосѣдковъ съ однихъ земель на другія. Тамъ и здѣсь онъ угождаетъ сильнымъ міра сего, которыми въ то время были паны и монахи.

О уписующихся въ козаки дурныхъ мужикахъ и знову виписуватися хотящихъ.

То жесь, дурний мужику, барзе неуважный,
же тилько безчестишь чинъ козацький поважный.
Засяглесь того чину, але погоржаешь:
не бивши въ войску, южъ виступить гадаешь.

поють и за то отъ жителей денежное и сѣстное подаяніе получаютъ... Нѣкоторые жители, сверхъ сего дневнаго подаянія, снабдѣвають ихъ одѣяніемъ.«

⁽¹⁴⁸⁾Этотъ драгоцѣнный документъ сообщень мнѣ, вмѣстѣ со многими другими, ревностнымъ собирателемъ старинныхъ украинскихъ актовъ Н. М. Бѣлозерскимъ, который собственноручно скопировалъ для себя такъ называемую *Книгу копѣтальную царскихъ Грамотъ и Универсаловъ гетманскихъ*, хранящуюся въ библиотекѣ Черниговской семинаріи, подъ №35. Въ этой **нопіальной** книгѣ окружное посланіе архіепископа Максимовича помѣщено на листахъ 121 и 122.

Ніхто тя.вписувати, ніть, не приневоляль,
але самъ ся зъ доброй волі естесь вписаль;
А не хочъ съ козаками у войско завитать,
якось не хотіль предъ тимъ тяглови отбувать.
Прето березовимъ піромъ виписувать тя треба,
и худобу, кгда маешъ, на ратушъ взять потреба,
Аби еси, яково козацство, памяталъ
и другимъ мужикамъ такъ чинити заказаль.
Ото жъ, кгдись не втопился напродъ где у воду,
прийми жъ козацкую, Хорбацъ, нагороду,
Бись не запомнілъ тоей речи ажъ до смерти,
покуль ся обвісишъ, чи тежъ судитя вмерти.

Ненавистью и презрѣніемъ дышуть эти стихи. Католическій и уніатскій попъ временъ *руины* не могъ бы обращаться къ простолюдину съ большимъ ожесточеніемъ. Польское владычество, основанное на пожертвованіи многочисленнѣйшимъ классомъ народа въ пользу малочисленнаго, положило неизгладимую печать на всѣхъ Украинцахъ, которые имѣли притязаніе на какое-либо первенство. Внѣшнее дѣйствіе заразы устранено было кровопролитною борьбою, но внутри она осталась глубоко и продолжала дѣйствовать тѣмъ съ большею силою, что народъ не видѣлъ, въ чемъ, какъ и даже отъ чего искать ему спасенія. Чтобы докончить образъ тогдашняго монаха, представляю рядъ выписокъ изъ книги стихотворца Климентія.

*О волочащихся чернцахъ и черницахъ, по містахъ, по школахъ и по
корчемнихъ дворахъ.*

Многие волоцюги зъ гультайства бивають,
особно чернци и черници такожъ ся пробігають.
Не хотятъ въ монастирехъ послушаній міти
и, ведлугъ⁽¹⁴⁹⁾ своего спасенія, терпіти,
Да повіетя иний къ бісу по своїй волі,
шукаючи, на згибель собі, свояволі.
А свояволя добра, да не позитечна,
зъ которой ся раждаеть згибель доконечна,
А особливе тежъ чернца и черницу она погубляеть,
а світского также, вимъ, не направляеть.
Да туда жъ и чернецъ иний вандровний шаліеть
И людей до згоршеня свіцкихъ привождаетъ.
Такому не потреба милостиню давать,
але всюда годно есть киями частовать.

Слово *киями* написано прописными буквами. По видимому, это языкъ строгаго анахорета. Но у Климентія строгость идетъ объ руку съ поползновеніемъ ко грѣху, который онъ совѣтуеть совершать какъ можно болѣе тайно, вовсе не упоминая о внутреннемъ судѣ совѣсти и все отсрочивая

¹⁴⁹ По, сообразно съ чѣмъ.

на послѣднюю, загробную расправу, какъ видно, по пословицѣ: *семь бльдь, а одинь отвѣтъ*.

Кто бо захочеть часомъ что-кольвекъ згрѣшити,
долженъ пишно одъ людскихъ очей хоронити;
Бо мовятъ: »Хочь відають, да нехай не видятъ«, —
и такъ грѣшникомъ люде не барзо обридыть.
Публічний бо грѣхъ душѣ тяжчайшийи биваетъ,
и Богъ за публичний грѣхъ горшъ праве караеть.
И что схочешь сотворить велика и мала,
утрись и запипись, жебъ сичъ и сова не знала,
И співають зась: »Хмизомъ, низомъ пудъ вербамг«,
жебийи жадние люде нігди не узнали.

Развратнѣе этой морали едва ли можно гдѣ-либо высидѣть. Она убиваетъ самыя главныя побужденія, которыми душа человѣческая двигается къ совершенству. Иезуиты охотно приняли бы почтеннѣйшаго отца Климентій въ свой орденъ. Если онъ и проповедуетъ что-нибудь доброе, не вѣрьте ему: это дѣлается у него механически; это его ремесло, а не призваніе. За такую проповѣдь люди его хвалятъ и награждаютъ. Но еслибы другіе люди хвалили и награждали за противоположное, то онъ готовъ былъ бы служить имъ и въ обратномъ направленіи. Это монахъ того закала, что и знаменитый Мелетій Смотрицкій, который ораторствовалъ сперва въ пользу, а потомъ противъ православія, и въ послѣдней своей роли превзошелъ самъ себя.

Продолжаю выписки *о волочащихся чернцахъ*.
И будетъ иний чернецъ чрезъ весь вікъ ся волочить,
а трафляется тому въ школі ся и скончить,
Або де нагле луснетъ у корчемномъ дому;
то уже и не знати, що чинити тому.
Можетъ нерозсудной той шинкарці напити,
а то горшъ — и комедій якихъ начинити ⁽¹⁵⁰⁾
Не хочеть у монастиру той жительствовати
и старшому и братіи ся повинovati,
Да, злий рабъ, яко гультай, завше волочится,
а въ монастиру нігде ему жить не хочеться,
Билеби по городахъ людянь очи поровъ.
Бодай тилько его кать, самого испоровъ!
Бо, напродь згинення, онъ монастирі осуждаеть,
же мовить: »Жадний мене игумень не приймаеть.
Мушу ся волочити по тоей неволі.«
А то лжетъ, биле бь ему нашаліться доволі.
И зась брешеть, же мовить: «Нігде мя не нриймають.»
Баваеть то и правда, же нецноти ⁽¹⁵¹⁾ его знають.
Бо що отъ шибениць котрие втікають,
и тие въ монастиряхъ часомъ ся свобождають.

⁽¹⁵⁰⁾ Сирѣчь, по предмету безбрачія иноческаго.

⁽¹⁵¹⁾ Показы, дурныя дѣла.

Есть же то правда, якъ не одной матери діти:
иний хочъ странствуетъ, да статокъ будетъ міти.
Не поидеть таковой где въ корчму ночовати,
але до священника можетъ ся впрохати,
Або хочъ и до простихъ также людей честнихъ,
а не до корчемнихъ котрихъ домовъ безчестнихъ.
И азъ, пишуцій се, тожъ негдись провандровался,
любъ въ далекіе краї, да зле не блукался,
И впятъ безззорно сталъ въ монастырь поспішати,
и въ немъ по давному, зъ ласки Божой и старшихъ, перебувати.

Эти стихи писаны на 40-мъ листкѣ, и все, что имъ предшествуетъ, наполнено большею частію благочестивыми общими мѣстами; но далѣе въ рукописи авторъ поразгулялся и часто отъ строгой морали переходитъ не точію къ разрѣшенію вина и елея, но и къ потворству нѣкоторымъ инымъ поползновеніямъ. На листкѣ 61-мъ, онъ говоритъ, что его обуреваютъ *четверочисленная скорбь чловъческая*: грѣхъ, немощь, нищета и озлобленіе. Судя по характеру его жизни, выразившемуся во всей книгѣ, надобно понимать это такимъ образомъ: что онъ часто страдалъ отъ раскаянія въ содѣянныхъ грѣхахъ, потомъ мучился немощью воздержаться отъ новыхъ, а какъ видно, что въ монастырѣ ему ужиться было трудно, при его страстной натурѣ и, по всей вѣроятности, при невоздержаніи въ словахъ, то его естественно постигала нищета и вслѣдъ за тѣмъ — озлобленіе. О раздражительности его отъ непріятныхъ столкновеній съ дѣйствительностію можно судить по двумъ филиппинкамъ противъ собакъ, которые надоѣдали ему во время странствованій въ нищетѣ и производили въ немъ озлобленіе паче монастырскаго.

*Слово 1-ое о псахъ, або тежъ о собакахъ, и о людехъ, любящихъ ихъ и
вельми въ нихъ ся кохающихъ и въ тихъ бестіяхъ нечистихъ ажъ души свои
полагающихъ.*

Хто въ псахъ кохается, самъ ему ся равняетъ ⁽¹⁵²⁾;
жаденъ невозлюбявший ихъ тое признаеть.
И не токмо таковой псові есть подобень,
але Ляху той, або демону надобень;
Кгдижъ демони, въ постасі ⁽¹⁵³⁾ псовъ, къ святимъ хождаше,
котрие ихъ любили прежде, тихъ прельщаще
Зіло; стужающимъ імъ пакости творяху
и вся помишленія злая наношаху.
Тимъ вірнимъ не достоить тіхъ бестій любити,
но добро бѣ, гди бѣ мощно и зъ свѣта скоренити.
А что инъ стражами псовъ себѣ називаетъ,
лечъ ⁽¹⁵⁴⁾ не вість бідний, ижъ въ томъ вельми ся омцляеть,

⁽¹⁵²⁾ Это писано уже на листкѣ 148.

⁽¹⁵³⁾ Во образѣ.

⁽¹⁵⁴⁾ Но.

Почитаючи пса наче самого Бога.
Ахъ, не чиніте того! прошу васъ для Бога.
Же и ласку Божію той прочь отгоняеть,
поневажъ всякъ за злихъ псовъ его проклинаеть.
А такъ гріхъ есть въ бестіі збитне ⁽¹⁵⁵⁾ ся кохати
и въ ней надію, будто въ Бозі, полагаати.
Будуть бо изъ Армени тие часть иміти, —
не токмо они сами, але іхъ и діти....

Слово 2-е о псахъ и о лодехъ, не любящихъ псовъ и недержащихъ ихъ.

Благословенъ есть той домъ назавше отъ Бога
и отъ люде биваетъ похвала премнога, —
А именно той, котрий въ себе псовъ не маеть;
того безпрестанно самъ Богъ благословляеть.
А за что жъ, повідъ ми, Богъ благословляеть?
за то, же всякъ человекъ его похваляеть.
А где въ котромъ дому пси въ кого пробувають,
того тамъ вшелякие люде проклинають:
«Бодай вамъ», мовятъ, «зъ псами нігди не било добра,
же не мощно проминуть безъ палици двора!»
Бо пси и потайние часомъ въ кого бувають,
и — щобъ дябли побрали ихъ — людей кусають,
И нине пакості на світі людянь творять,
поневажъ въ розмантихъ речахъ инихъ шкодятъ,
Яко-то: зъ воза въ кого где-що виволокають,
а въ огородахъ грядки зъ сівбою потоптають.
И для того бъ псовъ всегда не треба держати,
же бъ благословенства Божого не прогоняти....

Продолжаемъ выписки о монашеской жизни, въ которыхъ всего важнѣе
взглядъ автора на монастырь.

*О вступающихъ зъ роскошей світовихъ людей богатихъ во убогое и
нищетное житіе иноческое, жебъ не скорбіли и не каялися напотимъ, не
призапасивши зъ потребу свою имінія, сирічь вещей: и яденія, и питія, и грошей
наипаче; гдижъ и во иноцѣхъ безъ имінія трудно и вельми нудно, паче же
прежде богатство имуцимъ.*

Здається, же пробудеть ні івши, ні пивши
богатий, въ чернецькое житіе вступивши,
И здається, же будетъ нічого не треба;
разсмотрится напотимъ, ажъ всего потреба!
Бо гдижъ много таковихъ богатихъ биваетъ,
же иний всю худобу въ монастырь даваеть.
Ему ся видить — будетъ и тогда контентъ мить;
ажъ зза дубовихъ дверей не будетъ и видить.

⁽¹⁵⁵⁾ Слишкомъ.

А хочай двери будуть и не дубовне, —
не будуть растворенни тожь и сосновие.
Изъ рукъ бідний неборакъ будетъ южь глядіти,
и не будетъ того, що прежде иміль, міти.
Зачимъ богатий напродь постерегайся
и, гди хочь, въ чернечество здоровъ постригайся.

О чернцахъ и охдтящихса во чериѣчество.

Зъ давнихъ часовъ світовий людъ то повідаеть,
же нікого чернечая риза не спасаеть.
И въ чернцахъ, если также изхочеть грішити,
то дай, Боже, жеби душі не згубити.
И білая риза такожь не погубляеть,
ежели хто добрия діла отправляеть
Тилько то на кождий гріхъ покута биваеть;
а не треба ея, хто не согрішаеть.
А що зась въ чернецкомъ ткнется тежь закону,
о котромъ не свідомо свіцкому всякому;
Бо гдибъ відалъ, что ему въ чернцахъ будетъ случать,
нігди бъ пудъ присягою не хотіль постригать,
И, навязавши бъ на ся камень, въ воду втопиль,
нежели бъ на вічную скорбь въ чернецство вступиль.
Бо правда то, же въ чернцахъ вічная неволя,
а свіцькимъ во всіхъ речахъ совершенна воля.
И свіцькимъ здаетця той чинъ за хлібъ пшеничний,
а постригшись, познавши, даль бы и за житний,
А поневажь свіцкий господаръ во всемъ доволенъ
въ своемъ добромъ, а чернець южь ні въ чомъ не воленъ.
И чернецство не тилько младихъ въ чинъ свой вводитъ,
але часомъ мудрихъ и старихъ въ той заводить.
Прето, всі світовие люде, кайтесь на насъ ⁽¹⁵⁶⁾:
прошу якъ найпокорній о томъ ділі всіхъ васъ.
Пишетъ же о томъ чину совершенъ дознавецъ
и надъ всіхъ въ немъ страдальцевъ біднійший страдалецъ.
Сміючи мовить, же хочь хто бувъ своявольникъ,
а якъ вступить въ чернецство, то будетъ невольникъ.
И зъ басурманскихъ неволь свободни бивають,
а зъ чернецства до смертий не освобожаяють.
Тилько жъ, гди хочеть, нехай здравъ въ чинъ той вступаеть:
охочого не внять, — Богъ нехай помагаеть.
Я о томъ ділі ему не перебиваю,
лечь, видячи воздержность его, поражаю.

⁽¹⁵⁶⁾ Т. е. гляди на наше положеніе, берегитесь, щобъ не очутиться въ немъ. Выраженіе народное. Въ пѣснѣ, соблазненная и обманутая дѣвушка говоритъ:

Ой хто у бору,
Чуйте новину;
А хто у селі,
Кайтесь на мені.

А невоздержнихъ могу отъ того впиняти
и, якъ мощно, до того ихъ не допущати....

О глаголющихъ, яко повідає; инокомъ нетребі жаднихъ міти стяжаній.

Било негдись чернцамъ ні що не надобно,
а теперъ все потреба такожде подобно,
Бо и червцеві также хочеться що міти;
хочай то и не жона въ него и не діти,
Еднакъ и чернцу встидно голому ходити,
тільки, якъ ніть нічого, мусіть хочъ просити;
Бо чернцовъ голихъ зовуть опияками большъ,
або и нецнотливими, — то еще и найгоршъ.
Мовять, же не дармо той нічого не маєть:
а бідному нігде взятъ, — онъ того не знаєть;
Кгдижъ въ монастиряхъ не вельми часто давають
одежу; а запасніе лишней не мають.
Убогие чернці хочъ большей и працюють,
тільки жъ вбогихъ и тамъ не барзо шанують,
А маючихъ, якъ и вмреть, лучшей поминають;
а нищетнихъ въ скорий часъ и запоминають.
И якъ свіцкимъ не добро на світі голишамъ,
такъ же то и чернцамъ сиротамъ, побідашамъ.
И голихъ и пришельцовъ часомъ не приймають;
хочъ би и ремесникъ бувъ, прочъ висилають.
Итакъ, милий Боже, всімъ убогимъ не добро,
а котрий много всего мієть, тому добро.
И блаженъ и преблаженъ той въ теперешний вікъ,
хто мієть чого-кольвекъ довольню чоловікъ,
Бо и въ лекціяхъ пишуть: «Хто богатъ, той всімъ братъ;
а хто нічого не маєть, того ніхто но знаєть»....

За этимъ слѣдуетъ характеризующее монастырскую жизнь заглавіе:

О иноцѣхъ (насъ южъ) послѣднѣхъ (т. е. о монастырской черни), *терпящихъ безвиннѣ и повиннѣхъ премногѣхъ зѣло напастѣ и скорби, и гоненія, и оклеветанія и навистѣ, и всяческѣхъ озлобленія.* Но стихотвореніе на эту тему состоитъ изъ общихъ мѣстъ, нестоющихъ выписки.

О безженномъ житіи иноческомъ.

Свободъ инокъ отъ жени и дѣтей, повідаєть,
еднакъ нужда, же своей господинѣ не маєть;
А хочъ и всего также иний можетъ мѣть,
а въ той речи едно то мусіть терпѣть.
А що мовять: «Не жонѣ и не дѣтямъ збирати»;
а еслиби мѣвъ жону, такожъ би могль зправляти.
Але женитись законъ той не повелѣваєть,
тільки безъ помощницѣ самъ-единъ пребиваєть.
Міючий жону, той ся и въ скорбехъ утѣшаєть,

а чернца бідного Богъ тилько нехай утішаеть.

Слѣдующіе стихи дають понятіе о томъ, какъ тогдашній монахъ понималъ уединеніе. Братія его были просто человѣконенавидцы, такъ что, лишь только собиралось ихъ нѣсколько человѣкъ, тотчасъ обнаруживалась вся сухость ихъ душъ и, вслѣдствіе того, антипатія другъ къ другу, на мѣсто того, что испытываютъ люди, ясно понимающіе даръ Божій — жизнь. Мы ищемъ общества себѣ подобныхъ, и лучшіе свои часы проводимъ въ симпатичныхъ къ нему отношеніяхъ. Климентій и его братія, напротивъ, сойдясь въ одну келью, не могли не царапать по сердцу другъ друга, и потомъ предавались уединенію, для исцѣленія ранъ своихъ. Онъ говоритъ:

Кождый инокъ возможеть тое ціле признати,
же наедині не такъ скорбно пребивати;
А где въ келіи собирь великий пробуваеть,
тамъ ненависть и вражда часто ся украдаеть.

Даже вдвоемъ не могъ тогданшій монахъ ужиться въ кельѣ, потому что, по понятіямъ Климентія, иноческа я жизнь требовала тайны, а сожитель —

Будеть, вимъ, другого во всемъ осуждати,
и ложно злими діли того обношати,
И завше въ ненависті будеть его міти,
и отнюдь неправедно тожъ ненавидіти.

Размышленіямъ и воспоминаніямъ о женщинахъ посвятилъ Климентій 43 стихотворенія, что мы относимъ также къ условію его иноческаго быта. Мысль его безпрестанно обращалась къ запретному плоду, и какъ онъ ни старался возвышаться надъ грѣховными поползновеніями, но слишкомъ часто увлекался воображеніемъ въ противоположную сторону. Самыя нападки и обличенія его проникнуты разженною мечтою о томъ, на что человѣкъ иного быта смотритъ спокойно и нравственно. Вообще, онъ о женщинахъ думалъ низко и считалъ ихъ недостойными грамотности. Мечты его о другомъ полѣ оскорбительны даже для насъ, мужчинъ. Мѣры же къ исправленію нравственности замужнихъ женщинъ онъ предлагаетъ самыя варварскія. Въ сорока трехъ стихотвореніяхъ его, посвященныхъ слабѣйшей половинѣ человѣческаго рода, нѣтъ никакой мягкости и ничего подобнаго поэзіи, которою дышутъ народныя наши пѣсни. Онъ представляетъ женщину исчадіемъ діавола и богохульствуетъ самымъ возмутительнымъ образомъ, желая играть роль возвышеннаго надъ міромъ моралиста. Подобныя выходки не новы между его отпавшею отъ жизни братією. Мы приведемъ только тѣ мѣста изъ его стихотвореній, которыя характеризуютъ собственно его личность.

Дармо, ся видитъ, женскъ полъ звикль письма учити:
могла бь церковъ и безъ нихъ письма обходити.
Бо токмо мужемъ даль Богъ небезпотребно,
а імъ — здаецца, якоби и непотребно.

Жена письменна мужемъ простимъ погоржаеть
и, якъ простака, ціле того внівечаеть.
Овшемъ бо праве женамъ письмо неприлично,
тільки оно меншизнамъ потребно и слично;
А женамъ, якъ пятого колеса, такъ треба,
а мужемъ всякимъ всюда на все то потреба.

Въ одномъ стихотвореніи Климентій говорить, что женщинъ на свѣтѣ вдвое больше, нежели мужчинъ, —

Еднакъ надъ женами Богъ даль мужемъ верхъ міти,
а імъ не даль мужескихъ речей розуміти.

Судя по совѣтамъ, какіе онъ даетъ мужьямъ касательно обращенія съ женами, можно было бы подумать, что женщины временъ Мазепы были вообще самой дурной нравственности. Но, на нашъ взглядъ, стихотворецъ характеризуетъ тутъ свою собственную натуру, исполненную подозрительности и лукавства.

Подобаеть таковий вчинити совѣтъ намъ,
же нігди не даяти ні въ чемъ віри женамъ:
Женамъ бо завше латво такъ клятву сполнити,
якъ прагнучому часомъ води ся наптити.
Прето, аще би мощно, звізди зъ неба брала,
або тежъ предъ собою землю поядала,
То уже да не будетъ онимъ віра данна,
хочъ би и прекрасная она била панна.
И аще би и мати, еднакъ тая жъ жена,
и презъ матеръ биваеть скорбъ и гріху вина.

Какая разница въ воззрѣніи народа на мать! Пѣсня о правдѣ и неправдѣ говоритъ:

Нема,въ світі правди, тільки рідная мати.

Другая пѣсня возводитъ высокое понятіе о матери почти до боготворенія:

Мати наша, мати!
Де жъ намъ тебе взяти?
Хиба тебе, мати,
Да намалювати....
Намалюю матіръ
На божничку въ хаті.
На божничокъ гляну —
Матіръ испомяну;
Назадъ обернуся —
Слѣзами заллюся.

И вообще народъ высоко ставитъ въ жизни мать, почему и въ пѣсняхъ называетъ ее *порадницею*, или *порадонькою вірною*. Только такой человекъ, какъ Климентій, изсушивъ душу въ отчужденіи отъ всѣхъ живительныхъ связей съ обществомъ человѣческимъ, могъ дофилософствоваться до такого нечестивого взгляда на мать. Вслѣдъ за тѣмъ онъ избираетъ темою своихъ размышлений неплодіе женъ и говоритъ:

Повѣждь мнѣ, чему жени многи есть неплодни,
любо то и отъ мужей своихъ не свободни?

Размышленіе объ этомъ доставляетъ ему, такъ сказать, келейное удовольствіе, и можно себѣ представить, съ какимъ чувствомъ онъ написалъ: *отъ мужей своихъ несвободны...* Въ самыхъ, по видимому, благочестивыхъ его размышленьяхъ высказывается воображеніе нечистое, и похвалы его женской непорочности дышутъ тайнымъ развратомъ. Напримѣръ, въ стихотвореніи *о вдовственныхъ женахъ*:

Живущія въ чистотѣ честныя вдовици
обрящутся предъ Богомъ, якъ чистыя дѣвици,
И судилъ бихъ надъ дѣвицъ ихъ честнѣйшихъ паче,
звѣща здравихъ и юнихъ, то есть младихъ найпаче.
Дѣви бо плотскихъ грѣховъ себѣ не познали,
а они и познавши, чистоту заховали.
И не дивно безъ того старимъ вдовамъ жити,
а младимъ, трудно, мовять, безъ того прожити.

Далѣе онъ размышляетъ *о прельщеніяхъ женскихъ и о мужескихъ пристрастіяхъ, до женъ, звѣща до чуждыхъ*, и, пересыпая свою рѣчь готовымъ запасомъ ходячихъ душеспасительныхъ фразъ, изображаетъ неумышленно самого себя въ слѣдующихъ стихахъ:

Кто бо биваетъ до нихъ страстию побѣжденъ,
той не скоро впятъ будетъ отъ тоя свобожденъ.
Бо изъ ума не будетъ то ему сходити,
аби прельстившися могль въ тихъ грѣхахъ пожити.

Но тутъ по крайней мѣрѣ мечты затворника-стихотворца прикрыты назидательнымъ тономъ; а потомъ у него идетъ стихотворение, рѣзко обличающее дѣйствительный строй его помысловъ.

*О терпѣніи женстѣмъ, како въ зимѣ студеностей не боятся, когда во
время лютыхъ мразовъ на рѣкахъ хусти перуть.*

Подобно, пекельная горячность въ женскомъ тѣлѣ:
дознанна о томъ правда въ людей самими діли.
А котрие жъ, повѣждь мнѣ, люде того дознали?
Тие, котрие собѣ били жни пояли.

А кромъ понятія ність ли мощно того дознати?
Не увість непонявшій. Дай, Боже, и не знати.
А котрий хочъ познаеть, той зіло согрішаеть;
великая бовімъ въ томъ ділі тайна биваеть.
А что жъ то естъ за тайна? не биваеть ли явна?
Бо безженнихъ за то карають здавна.
А якие жъ за тую речъ карности бивають?
Тие, же часомъ за то здоровья умаляють.
О, поневажъ такъ, и мні треба жену пояти,
жеби могль невозбранно тоей тайни дознати.
И Боже тебі свого жону понять поможи,
и чада побожня отъ нея вамъ умножи.

Неловкое увлеченіе свое *пекельною мрачностью* женщинъ Климентій
вымѣщаетъ на женщинахъ же ругательствами.

И баба зъ хлопцемъ и бісь въ одномъ цеху ходить,
поневажъ зъ тихъ трехъ персонъ все злое походить.

Потомъ дѣлается совершенно нравственнымъ стихотворцемъ и пишетъ:

*О женахъ въ корчемницахъ въ градѣхъ, а наипаче где въ поляхъ въ
корчемнихъ гостинницахъ блудно живущихъ...*

Еще выше становится нашъ моралистъ, когда начннаеть предлагать
мужьямъ душеспасительныя средства къ спокойной и, пожалуй, счастливой
супружеской жизни.

Щастливъ той, хто жені злой ся не поддаваеть.
и що, якъ бестіі, по ребрахъ часто даваеть.

Бо ліпшь, мовять, желізо у воді варити,
неже, псюю личину, жену злу учити.
Уже человекъ бідний такой не изучить, —
Разві самъ дияволь, гди зъ душею розлучить.

Все участіе, къ какому способень Климентій, отдаеть онъ сторонѣ болѣе
сильной, то естъ самовластно карающему мужу. Онъ обѣщаетъ ему, за
претерпѣніе словъ и поступковъ ожесточенной имъ жены, царство небесное и
наказываеть ему колотить ее ежедневно. Вотъ его собственныя слова:

А теперь, чоловіче, мусішь біду терпіти
и до смерти зъ такого не будешъ добра міти:
И самъ ты нехай Господь рачить свободити,
а жену твою злую зъ світа скоренити.
Ти же восхощи тое отъ ней пострадати
за покуту, — и будешъ въ небі царствовати.
Едкакъ жені своей злой ні въ чемъ не хилися,
и кождий день киемъ парить не лінися;
А такъ певне одъ Бога приймешъ нагороду,
и получишь отъ муки вічної себі свободу.

Вот мораль, высиженная въ удаленіи отъ міра! Вотъ выводъ изъ перечитанныхъ стократно книгъ закона! Не къ такимъ ли людямъ относятся слова благаго Учителя: *вожди, слѣпые!* Въ украинской народной поэзіи старыя поколѣнія завещали новымъ иныя нравственныя убѣжденія, но это именно потому, что учителя, подобные Климентію, захватили въ кругъ своихъ нечистыхъ чаръ далеко не всю массу населенія родного края. Еслибы однородная съ его виршами литература проникла всюду такъ, какъ проникаетъ пѣсня, — Украинскій народъ былъ сухой фанатикъ и темный изуверъ, Украинскій народъ былъ бы низкій материалистъ, прикрытый маскою безчувственнаго святошества. Такимъ именно является чуждый народнаго духа и вкуса стихотворецъ, находящій непонятное для насъ, обыкновенныхъ смертныхъ, удовольствіе перемѣшивать дидактику съ цынизмомъ. Напримѣръ, въ стихотвореніи: *О женахъ близнята рождающихъ, сирічь по двое дітей:*

Гдибъ котрая въ годъ по двое рождала,
такой била бь отъ всякихъ козаковъ похвала,
А хочъ би по единому, аби кождото року,
ижъ би ся запасила на тое знароку.

Въ другомъ стихотвореніи *о спалихъ людехъ, которые вельми твердо и много надъ міру и не чутко спять, кохаючися збитне въ сну великомъ*, казалось бы, »виршопись«
долженъ держаться въ области чистаго умозрѣнія и разсуждать о вредѣ излишняго сна для тѣла и для души; но нечистое воображение тотчасъ рисуетъ, къ его услугамъ, соблазнительную картину:

А пудъ часъ тежъ и жони той не встерегаетъ,
которая житиемъ своимъ ошукиваетъ,
Гдижъ можетъ ся таковихъ женъ много знайдовать,
змежъ которихъ иная ждетъ, аби мужъ легль спать,
А сами о зломъ ділі въ той часъ промишляеть,
и мужеві своему віри не схраняеть.

Зато ужъ безукоризненна мораль слѣдующихъ стиховъ:
Въ монастиру чюлости и тебе бь навченко,
яко би тя чимъ-кольвекъ удовжъ процвіченно;
Бо хто въ монастиру утреню засипляеть,
той пудъ часъ и покаранъ знемного биваеть.

Нравственность, поддерживаемая такими мѣрами, конечно должна приводить къ результатамъ выразившимися столь осязательно въ стихахъ многострадальнаго Климентія, который не можетъ себѣ представить цѣломудренную женщину иначе, какъ подъ строгимъ надзоромъ. Кромѣ страха физической кары, онъ не предполагаетъ въ женской душѣ другихъ, болѣе могущественныхъ охранъ чистой нравственности. Въ стихахъ своихъ онъ не смѣетъ обвинить поголовно всѣхъ женщинъ, предоставленныхъ самимъ себѣ въ отсутствіе мужей; но предположеніе возможности женскаго свободнаго

цѣломудрія является въ его стихахъ въ видѣ риторической фигуры, посредствомъ которой онъ, не безъ пріятнаго осклабленія, садится на своего любимаго конька, какъ напимѣрь, въ стихотвореніи: *о женахъ мужнихъ и болшей въ домахъ своихъ безъ мужей пробувающихъ.*

Я воображаю себѣ фигуру стихотворца-анакорета временъ Мазепы, странствующую по богатымъ всеямъ и градамъ, пирогами обильнымъ, подъ гнетомъ *четверочисленной скорби*, яже есть: *грѣхъ, немощь, нищета и озлобленіе.* Я воображаю, какъ онъ обходитъ окольными улицами дворы съ псами, которыхъ-то всей души не терпитъ уже но одному тому, что, при ихъ посредствѣ, невозможно дѣлать назиданія даже и такой женѣ, которая *ждетъ, аби мужъ легль спать*; какъ онъ днемъ читаетъ въ корчемныхъ домахъ ту или другую часть своей книги, смотря по тому, какого сорта люди его слушаютъ; какъ во время уединенныхъ прогулокъ по пустыннымъ берегамъ рѣчекъ или прудовъ, дѣлаетъ онъ наблюденія надъ *терпльніемъ женстимъ* и предполагаетъ въ женскомъ теле *пекельную горячность*, а вечеркомъ пробирается куда нибудь *низомъ, хмизомъ, попідъ вербами.* Все это онъ обдѣлываетъ отлично. Ему ли не быть мастеромъ своего дела, когда онъ такъ убедительно написалъ наставленіе своимъ преемникамъ: «Когда пожелаешь иногда сдѣлать какой-нибудь грѣхъ, то старайся всеми мерами укрыть его отъ людскихъ глазъ. Большое или малое сдѣлаешь прегрѣшеніе, *утрись и запишись, жебъ сичъ и сова не знала!* Такъ онъ писалъ, такъ, вѣроятно, поступалъ и самъ. А чтобъ отвратить и самое **преположеніе** въ мірянахъ, что онъ способенъ къ какимъ-нибудь шашнямъ, онъ преподаетъ имъ самыя строгія правила, дышашія безчувственною жестокостью и приговариваетъ:

Истинную правду я тобі повідаю,
бомъ на світі всякіі речі также знаю....

Сознаніе собственной опытности даетъ его рѣчахъ тонъ автократическій. Онъ, по всей справедливости, называетъ глупцомъ того, кто его слушаетъ; онъ пріобрѣлъ полное на то право:

Певне, будетъ кріпко Богъ того карати,
же злой жени, якъ шкапи, не вмієть (на узді) держати.
Отожь тобі, глупаче, науку даваю:
абись ребра крушили, злой жоні, поражаю.

Далее онъ вселяетъ въ слушателя собственную подозрительность и обрекаетъ его на вѣчныя опасенія за свою жизнь:

А ежели пораду мою занехаєшь,
не минєть велика біда, — самъ дознаєшь:
Бо на здорвѣе твое жона твоя ватуєть
и — чего не знаєшь — смерть тобі готуєть.
Пити и істи тобі потрави даваєть,
а часомъ и трутизну тобі жъ зготовляєть..

А такъ, окаянниче, самъ напродь не купи, —
нехай жона пьетъ першъ и ясть, — мене слушай.
А гди бь сама напередъ скушати не міла,
то горшкомъ або киемъ коснись еі тіла;
Або цуркою скрути ей руки и ноги,
жеби не перелізла и черезъ два пороги;
Або, звязавши, посади къ горячей печи,
щобъ припеклися онуй шатанскіе плечи.

Вотъ семейная инквизиція, до которой трудно додуматься человеку, живущему въ кругу семьи и на которую не способенъ рѣшиться тотъ, кто находится подъ вліяніемъ образа мыслей родныхъ и сосѣдей, живущихъ семействами.

Одно изъ его стихотворений, ничтожное по содержанию, носитъ заглавіе, характеризующее національныя убѣжденія Украинцевъ времянь Мазепы, — именно: *О иновірної єдиної персоні между мужемъ и женою, то есть (наприкладъ) кгда биваетъ часомъ мужъ Ляхъ, а жена блаючестивая, або жена неблаючестивая, а мужъ благочестивий, а хочай и обое благочестивие, да не еднихъ людей, сирічь: мужъ будетъ Москаль, або Литвинъ, або Бойко, або Циганъ, или тежъ зъ Жида перехристь; или зась жона таковихъ людей, а онъ правдивий Руснакъ, Козакъ, Українецъ, породи Малороссійской.*

Изъ самого стихотворения стоятъ привести только слѣдующее мѣсто:
Тое жь есть, гди не еднихъ и людей породи:
не міють и такіи межъ собою згоди;
Же то власне порося зъ вовкомъ пробуваетъ,
а жалости и скорби щодень прибавляетъ.
Зачимъ-то подобаетъ людемъ христіянскимъ
не мить причти къ душамъ инороднимъ и поганскимъ.

Достойно также вѣшманія, что, по словамъ Климентія, браки въ стариной Украинѣ заключались раньше нынѣшняго. Онъ говоритъ, что нѣкоторые родители —

... безвременно замужъ давають дівици:
въ единадесятихъ літехъ отроковици.
А въ дванадесяти літь синовъ оженяють.

А то, вимъ, въ Литві малихъ женять, зле справують,
що несмысленнимъ дітямъ світь тилько завязують.
Въ шестнадцатихъ літь слушно младенца женити,
а дівицю въ тринадцать, — инакъ не чинити.
И такихъ еще бь вводитъ въ той чинъ не подобало,
да на иний часъ до літь слушнихъ откладало;
А слушность літь — въ двадцать рокъ оженити сина,
отъ котораго можетъ битъ въ рокъ и дитина;
А дщерь пристойно замужъ въ 15 літь давати,
то можна речъ — до року и матерью стати.

Мы представили хариктеристическія мѣста изъ всѣхъ стихотвореній, посвященныхъ такъ или иначе женщинамъ и наполненныхъ, какъ обыкновенно водится у подобныхъ авторовъ, безцвѣтными пошлостями. Остается еще два, и они стоятъ того, чтобы помѣстить ихъ здѣсь цѣликомъ. Они исполнены пьянаго комизма, въ который вдается необузданно человѣкъ, долго стѣснявшійся насильственной ролью. Въ нихъ Климентій является, такъ сказать, безъ клобука и рясы.

О женахъ, раждающихъ діти въ скорій часъ по принятію шлюбномъ и по браці въ кѣлько днии минувшихъ, а не въ рокъ.

Козацкій звичай тие-то дѣвиці мають,
що заразь по весіллю и діти рожають;
Бо на світі такъ мовять: «Козацкому роду
мало когда, або тежъ немашъ переводу.»
И добре чинять, же то зъ запасомъ приходять,
запаси бо жадною мірою не шкодять.
Где еще девять місяць на тое труждати,
а то ліпшъ въ скорій часъ приплодокъ оглядати.
И хто-колькокъ межъ людьми тое похваляеть,
которий где чоловікъ роботу поспішаеть.
Зачимъ здорови собі живіть и пробувайте,
и безъ ліности въ ночь и въ день въ томъ ся труждайте.

О дѣвицахъ, діті рождающихъ.

Не треба таковихъ дѣвъ карністю карати,
що стараются въ войско людей примножати;
Бо, яко здавна людей войскамъ було треба,
а теперъ, въ нашомъ віку, найпаче потреба;
Гдижъ немногое войско малу силу маеть,
а великое внівечъ меншихъ обращаеть.
Зачимъ би то слушна речъ тое похваляти;
ато невольно свого доброго давати.
Они бідние войску такъ щиро прияють,
а другіи невинно за то зневажають.
Прето нехай каранни тиі то бивають,
котриі дітей своихъ дурно погубляють.
Еднакъ же они держатъ звичай той козацкій;
хочъ добре, хочъ не добре, все то по козацкій.
А ви, дѣвки, за тое мене похваліте,
да кварту і другуу горілки купіте;
Бо я сее написавъ, вамъ то на похвалу,
а при васъ и козакамъ-друзямъ чиню славу.

До сихъ поръ вниманіе наше было сосредоточено главнѣйшимъ образомъ на личности автора, въ которой выразился болѣе или менѣе весь классъ людей,

къ которому онъ принадлежалъ. Далѣе мы прослѣдимъ его рукопись по состояніямъ и ремесламъ, то есть выпишемъ все, чего нельзя назвать общими мѣстами, заливающими всю книгу и дѣлающими чтеніе ея крайне утомительнымъ. Но, разставаясь съ личностью Климентія, какова бѣ она ни была, укажемъ признаки, по которымъ мы относимъ его твореніе ко временамъ Мазепы.

Во-первыхъ: на листкѣ 272, онъ говоритъ, что зналъ въ Каневѣ попа-двоеженца, которому Ясинскій благословилъ служить безпрепятственно; а Варлаамъ Ясинскій былъ митрополитомъ Кіевскимъ съ 1690 по 1707 годъ. Вотъ и самые стихи, въ которыхъ объ этомъ говорится. Они писаны блѣдыми чернилами и, вѣроятно, по смерти Ясинскаго; иначе — онъ придалъ бы ему титульное имя.

О попадахъ, замужъ идучихъ по смертехъ поповъ своихъ.

И той речи можемъ ми вельми задивити.
же невольню въ другій разъ попамъ ся женити.
Хто той законъ взаконилъ, ми не знаемъ,
только тому ся крѣпко, крѣпко удивляемъ.
За священника-вдовца отвѣтъ сотворити
можетъ тотъ, кто законъ сей дерзнулъ положить.
Кгди попъ-вдовецъ въ грѣхъ блудный упадется,
ажъ и законъ давшему конче не минется.
Бодай би онъ изъ своимъ закономъ и не снился,
же, неразсудный, Христу Спасу спротивился!
Азь, віршопись, виділемъ двоженца прощенна
и до служебъ Божихъ ціле припущенна.
Въ Каневі отецъ Андрей, въ четверопрестольнихъ
патріархъ бившій ⁽¹⁵⁷⁾, принеслъ патентъ верховнихъ
Зъ Іерусалима, зъ Александриі и Антиохіі
и Константинаграда письма неплохіі;
И, ведлугъ письмъ, Ясинскій служитъ благословилъ
и жадною річию ні въ чемъ не спротивилъ....

Во-вторыхъ: на листкѣ 273, весьма нетвердою старческою рукою, но тѣмъ же почеркомъ, что и вся книга, написана замѣтка: *Року ⁽¹⁵⁸⁾ 1712, мѣсяца юня, числа 21, на Ивана Предитечи, великая барзе бура великая була, которая церкви Божіе ламала и по дубровахъ великіе сосни и б...* ⁽¹⁵⁹⁾

Чтобъ не возвращаться болѣе къ личности автора, приведенъ кое-что изъ объяснительныхъ его стиховъ, изъ которыхъ вообще мало объясняется фактическое его положеніе.

Уже що ся въ сей книзі писало, то писало;

⁽¹⁵⁷⁾Г. е. который былъ у четверопрестольныхъ патріарховъ.

⁽¹⁵⁸⁾До какой степени немощный человекъ писалъ эту замѣтку, видно изъ того, что вмѣсто *року* онъ писалъ *руку*, а вмѣсто *великіе* — *векие*.

⁽¹⁵⁹⁾ Не дописано.

хочь троха и каюся, такъ ся тое стало.
А предсяжь и пользи въ ней немало набудешъ,
якъ ся собі добудешъ и читать будешъ.

Изъ послѣдняго стаха можно заключить, что Климентій сочинялъ свою книгу для продажи. Это подтверждается следующимъ заглавіемъ одного стихотворения, показывающимъ, что въ те времена существовалъ особый классъ людей, занимавшихся перепискою чужихъ и сочиненіемъ собственныхъ книгъ: *О писаряхъ рознихъ, то есть именно, що книги готовие преписують, и видають зъ голови якие новие річи, и о писаряхъ тежъ градскихъ и монастирскихъ, грамоти, або зась листи пишуцихъ и веякие кріпкие права.*

Все это стихотвореніе, какъ и многія другія, наполнено несноснѣйшимъ пустословіемъ. Выпишемъ только четыре стиха:

И часомъ ся случаетъ писати такъ трудно,
же ажъ, не напившися горілки, то нудно....
И сей віршопись маеть къ писарямъ горливість (¹⁶⁰),
бо и самъ тимъ билъ, — знаеть тую долегливість (¹⁶¹).

Вѣроятно, Климентій былъ монастырскимъ писаремъ, а пожалуй и мірскимъ, до вступленія въ монашество. Вообще, это былъ, что называется, тертый калачъ и, безъ сомнѣнія, перемѣнилъ на вѣку своемъ не одно званіе: иначе — онъ не зналъ бы столькихъ подробностей и обстоятельстве, относящихся къ описаннымъ имъ разнообразнымъ ремесламъ. Онъ, кажется, и самъ придавалъ цѣну своей бывалости, потому что любитъ вдаваться въ номенклатуру каждаго ремесла. Такъ какъ онъ не различаетъ ремесла отъ промысла, а промысла отъ состоянія, то и мы будемъ смотрѣть на тогдашній украинскій міръ его глазами. Чтобы начать съ высотъ, на которыя осмѣливался Климентій бросать наблюдательный взглядъ свой, приведемъ стихи его о тогдашнихъ архіереяхъ. Непонятна однакожь, почему онъ не дерзаль выносить соръ изъ панскихъ дворовъ, а объ архіереяхъ написалъ очень смѣлое обличительное стихотвореніе. Не потому ли, что книга его назначалась для мірянъ, которымъ было опасно держать въ домахъ своихъ сатиры на продержающія свѣтскія власти? или, можетъ быть, его не поражало хищничество тогдашнихъ пановъ, столь очевидное по другимъ документамъ и даже по его собственнымъ дружелюбнымъ къ нимъ обращеніямъ? Въ сатирѣ на архіереевъ у Климентія, въ заголовкѣ высказано больше, нежели въ самихъ стихахъ: *О кумовстві, що куми брати кумові не благословляють, або тежъ дочки куминоі. А гди хто пересолить добре талярами, або чирвоними золотими архіерееві котрому, то и гріхъ прочь откладають, и блаюсловляють, и беззаконіе на законъ пркладають.* Изъ самого текста мы выпишемъ только слѣдующіе стихи:

И не тилько самому куму взять збороняють,

(¹⁶⁰) Усердіе.

(¹⁶¹) Тягость, трудность.

але еще и синомъ также возбраняють.
А гди владикямъ очи добре засліпляють,
то обіма руками тихъ благословляють.
И нехай би владыки нічого не брали,
да даремно, безъ, всякихъ дачъ благословляли.
Але за гріхъ собі великий почитають,
а хто подсунеть добре, и гріхъ прочь откладають.

О панахъ Климентій имѣль понятія самыя рабскія. Онъ не допускалъ и мысли, чтобы власть попадала въ руки недостойныя, хотя передъ его глазами властвовалъ коварнѣйшій изъ пройдохъ, гетманъ Мазепа. ⁽¹⁶²⁾ Онъ говоритъ:

Человікъ самъ собою власти не приймаеть:
только ему онъ Бога посланна биваеть.
И хочъ часомъ панъ який на урядъ промоваль⁽¹⁶³⁾,
еднакъ найпаче самъ тоГосподь Богъ кероваль ⁽¹⁶⁴⁾;
Бо всяка власть въ Божихъ рукахъ жительствоеть,
еяже кому хочеть, годному дарствоеть.

Въ стихотвореніи: *О веселости дворской и о смущеніи*, онъ сравниваетъ пана съ Христомъ:

Если часомъ весель панъ, и слуги веселятся;
а ежели панъ смутень, и слуги смутятся.
Смутна жъ била вся тварь, гди Христа распято,
поневажъ зъ світа всяку радость било отнято;
А когда такожде впятъ Христось изъ мертвихъ восталь,
тогда новое миру веселле дароваль.

Поклоняясь панамъ униженно, до профанаціи святыни, Климентій осмѣливается просить ихъ, въ особомъ стихотвореніи, не слушать ябедниковъ:

Що то, панове, у васъ есть такой за звичай,
же то оскорбляете слугъ своихъ надъ звичай,
А найпачей слугъ вірнихъ и южъ заслуженнихъ,
и жадною мірою въ чемъ не подозреннихъ!
Кгди жъ мерзскимъ клеветникомъ віру имаете,
ажъ они лгутъ, яко пси, ви и не знаете.
Наветъ кажіть тимъ лгарямъ доводъ довождати,
а собі того часу всяко розсуждати;
А не міли би слушнихъ дводовъ давати,
то зволяйте киями такихъ частовати.

⁽¹⁶²⁾О личномъ характерѣ Мазепы даетъ понятіе Пасекъ, авторъ извѣстныхъ въ польской литературѣ *Pamiętnikow*, на котораго Мазепа нагаль королю и отъ котораго получилъ въ королевской приѣмной пощечину. Мнѣніе Паска о Мазепѣ тѣмъ интереснѣе, что онъ писалъ о немъ, не зная его будущности. (*Pamiętniki Jana Shrysostoma Paska*. Petersb. 1860 pp. 101, 152-156.)

⁽¹⁶³⁾ Вызывался, старался получить.

⁽¹⁶⁴⁾ Управлялъ, направлялъ.

Взяточничество не могло не существовать подь самовластнымъ и любостяжательнымъ гетманствомъ Мазепы. Въ стихотвореніи: *О убогихъ людехъ*, Климентій проронилъ два стиха о лихоимцахъ:

Бо богачъ судямъ очи мздою забиваетъ,
и тоєю до конца онихъ осліпляетъ.
А убогий неборакъ хочъ трохи споткнется, —
певне побіденному дармо не минется.

Различіе состояній въ тѣ времена было велико. Климентій пишетъ, что убогіе люди, служа по наймамъ, часто не получали своего бѣднаго заработка. О судѣ и правѣ онъ не упоминаетъ и грозитъ грабителямъ только Божескими наказаніями. Что богачи тогдашніе были далеки отъ простоты въ жизни, — видно изъ описаній такъ называемыхъ ихъ *шафарей* (казначеевъ, дворецкихъ) и ключниковъ.

Шафаръ повішенъ писать всякіе росходи,
также якие тежъ есть и приходи.
И на сумненія панства скарби вручаютъ,
нехай же и до пановъ шафарі щирость мають.
Якъ то видимъ, такіі графунки бивають:
якъ лічби не издають, своимъ докладають.

Въ стихотвореніи: *О ключникахъ пановъ великихъ свіцкихъ духовнихъ властей*, онъ изображаетъ такимъ образомъ удаленіе пана отъ »дворскихъ слугъ«.

Всякій панъ, якъ вірного слугу вподобаєть,
то теди великий скарбъ такому вручаєть,
И розказуєть инъ панъ, же до вбогихъ мій взглядь
и въ своемъ послушенстві во всемъ добръ доглядъ:
Жеби мя не о всемъ томъ въ свой часъ турбовано
и жебъ мні отъ дворскихъ слугъ не доношанно,
Же по годности въ свой часъ кому знаючи дай,
а згола хто бунтовникъ гордий, тому не дай.

Изъ этого видно, что дворскіе слуги во многомъ, если не во всемъ, зависѣли отъ шафаря или ключника, — и поэтому-то клеветники и ябедники, въ панскихъ дворахъ, были въ большемъ ходу. При независимости личной, право сильного до такой степени развилось въ гетманство Мазепы, что панъ называлъ *бунтовникомъ* непокорнаго, то есть не все сносящаго подсосѣдка или двороваго слугу. Климентій одобрялъ панскія мѣры для удержанія пахарей на панскихъ земляхъ; но дворовымъ, видно, доставалось отъ пановъ еще больше, и потому онъ написалъ стихотвореніе: *О властелехъ, карающихъ людей, або и слугъ своихъ домовихъ безъ доводовъ слушнихъ*, въ которомъ однакожь ограничился увѣщаніемъ судей и не тронулъ пановъ ни единымъ стихомъ. Онъ признавалъ за ними право наказывать кіями дворчанъ своихъ, какъ это мы

видѣли изъ его совѣта *частовать киями* ябедниковъ. Въ стихотвореніи: *О оскудінняхъ въ сие время грошовихъ*, онъ предлагаетъ панамъ (безъ сомнѣнія, сообразно съ тогдашними нравами и обычаями) слѣдующія вѣрныя средства — заставить народъ не пренебрегать дурною монетою: 1) *шмаровать киями* ⁽¹⁶⁵⁾, 2) отбирать *худобу*, 3) *мордовать* (мучить) работою въ своихъ дворахъ. Это стихотвореніе исполнено историческаго интереса, и потому выпишемъ его цѣликомъ.

Скудно вельми на гроши стало въ нашемъ віку,
же трудно о нихъ згола нендзну ⁽¹⁶⁶⁾ человеку.
Хочъ заробить, лихими грошми заплачаютъ,
а и лихими еще особъ укривжаютъ.
А добрие все собі богачі позбирали:
жебъ било що на той світъ брать, въ землю поскривали.
И нехай же и въ землю гроши сокриваютъ,
або хочъ ложками ихъ въ стравахъ поядаютъ,
Тилько жебъ, гладкими наветъ не браковали,
и шафаровъ своихъ на то не научали.
Людыамъ вбогимъ чехи зли по чеху даваютъ,
а отъ нихъ по осмаку въ купляхъ отбираютъ.
Билеби якъ неситства свои наситити
и всі шкатули презъ верхъ самый наполнити.
Уже жъ, если полните, добре наполняйте,
да принамній посполству браковать збороняйте.
Нехай по-Запорозскій би не перебирали,
да и гладкими грошми не браковали.
Если бисте ви, власті, тихъ браковъ зборонили,
добре бисте народу кріпко учинили.
А то, на васъ глядячи, и сами бракують,
да ненависть и скорбъ межъ собою справують.
А способъ би вамъ такой слушне билъ на тое:
гди бисте киями шмаровали за тое,
Або теж на худобахъ мужиковъ карали,
или работою в дворахъ своихъ панскихъ мордовали,
Или тежъ сами бисте престали браковать,
и по городахъ людемъ презъ письма приказать;
А иначей не мощно вамъ браковъ скоренити,
и сами не будете знать, що зъ тимъ чинити.

Это стихотворение гармонируетъ съ известнымъ представленіемъ Мазепы о чехахъ, нарочно вычеканенныхъ для Украины.

Смерть богатаго и знатнаго челоуѣка описана у Климентія ходячими, избитыми фразами. Замѣчено только, что съ высокимъ титуломъ *властеля* соединяется непременно богатая нажива:

Бо гди властель, то вспомнить свой високий титуль
и предъ копаніемъ много зъ скарбомъ узритъ шкатуль.

⁽¹⁶⁵⁾ Слово *киями*, какъ здѣсь, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, написано большими буквами.

⁽¹⁶⁶⁾ Убогому.

За панами въ тогдашней Украинѣ слѣдовали, какъ вторая степень подражательной аристократіи, козаки, изъ которыхъ каждый, сдѣлавшись урядовымъ человѣкомъ, назывался уже паномъ, или, на Климентіевомъ языкѣ, властелемъ, а могъ, умирая, узрѣть передъ собой *много зъ скарбомъ шкатуль*. Мѣра его обогащенія зависѣла не столько отъ важности занимаемаго имъ мѣста, сколько отъ его жадности, отъ равнодушія къ подчиненнымъ и отъ умѣнья угождать болѣе сильнымъ людямъ ⁽¹⁶⁷⁾. Мазепа, выигравшій такъ много во мнѣнннн потомства своими бѣдствіями, былъ, во время своего благоденствія, верховнымъ покровителемъ и образцомъ хищничества въ Украинѣ.. Онъ обогащалъ своихъ родственниковъ; онъ предоставлялъ, каждому свободу обогащаться по-Полуботковски ⁽¹⁶⁸⁾; онъ потакалъ самоуправству каждаго высшаго начальника съ низшимъ, каждаго сотника съ простымъ козакомъ, и козака съ безоружныхъ пахаремъ (какъ это мы увидимъ ниже). Поэтому люди посполитые были паствою вооруженнаго сословія, которое играло роль аристократіи не хуже собственно такъ называемыхъ пановъ.

Слѣдующее стихотвореніе покажетъ, какой духъ вкоренился въ гетманскихъ козакахъ относительно ихъ беззащитныхъ братій. Стихотворецъ не упоминаетъ вовсе о мѣрахъ строгости къ мародерамъ со стороны старшихъ, такъ какъ этихъ мѣръ никто и не принималъ, считая простой народъ за ничто. Даже и въ думѣ народной только Богъ каралъ козаковъ за жестокое обращеніе съ бессильными поселянами ⁽¹⁶⁹⁾. Козаки обуздывались одной совѣстью въ своихъ неистовствахъ. Законы для нихъ почти не существовали: ихъ собственная судьба зависѣла отъ произвола лукаваго гетмана и достойныхъ его войсковыхъ старшинъ, руководствовавшихся въ своихъ поступкахъ только эгоистическими убѣжденіями.

⁽¹⁶⁷⁾ См. приложенія ко 2-му тому *Записокъ о Южной Руси*, стр. 348.

⁽¹⁶⁸⁾ Въ упомянутой выше запискѣ Теплова, на стр. 189, сказано: «Старшины, опредѣляя имъ (простымъ людямъ) командировъ, яко бы выборомъ ихъ собственнымъ, а въ самомъ дѣлѣ единственнымъ своимъ самовольствіемъ, законы многообразные обращаютъ во вредъ, а пользу ищущихъ правосудія — въ прихоти, держа ихъ въ подобострастїи тѣми чиновниками, которыхъ они опредѣляютъ и низвергаютъ. Я здѣсь разумѣю не тѣхъ только старшине, которые у нихъ называются *генеральные*, но, по ихъ же нарѣчію, всѣхъ тѣхъ, которые во всей Малороссїи въ судахъ высшихъ и низшихъ правосудіе отпрааллютъ, которыхъ власть, каждаго по своему мѣсту, почти неограничена, а взаимное соединеніе мыслей неразрывное.»

⁽¹⁶⁹⁾ См. думу о бурѣ на Черномъ морѣ, въ *Сборникъ Украинскихъ пльсень*, князя Цертелева:

Якъ я изъ города съ Пирятина, панове, виізжавъ,
...близькихъ, сусідівъ, хліба й соли безневинно збавлявъ.
Діти малиі, вдови старіі стремнямъ въ груди товкавъ.

Въ вариантѣ, записанномъ много отъ кобзаря Архипа Никоненка, воспоминаніе о безнаказанности вооруженнаго сословія выражено еще въ болѣе мрачныхъ краскахъ:

То ще ми, брате, не добре вчиняли —
По улицяхъ добрими кіньми гуляли.
Дітки маленькі кіньми розбивали,
Кровъ християнську безневинно проливали....

См. еще вариантъ въ *Малор. и Червонор. народныхъ Думахъ и Пльсняхъ* (Лукашевича), стр. 61.

О козакахъ, негодныхъ похвали, меновитя о тихъ злихъ и окаянныхъ синахъ и не-отецкихъ дѣтяхъ, которіе у войско идутъ, а людей, на путехъ идучихъ, або идучихъ, обдирають, или що-кольвекъ насильствіемъ рабуючи, пакості сотворяють.

Вельми тие козаки зле собѣ поступають,
же, йдучи у войско, людей где обдирають.
Подобало въ імъ тогда милостиню даяти,
а не такъ на погибель имъ вѣчну сотворяти.
Запаяталие то, знать, въ таковыхъ злихъ души,
же показываютъ бѣсу вгодные анімуши ⁽¹⁷⁰⁾.
И нехай тое собѣ злие раби будутъ знать,
же съ помстою своею Христось не будетъ (іхъ) минать,
И воскорі таковыхъ можетъ викореняти,
и память іхъ со шумомъ на-вѣки погубляти.
Побиють бо слези на вѣкъ отъ нихъ оскорбленныхъ
и всякихъ хочай мало отъ нихъ озлобленныхъ,
И у войска пошедши, ку домоу не возвратятъ,
але будутъ ганебно головами накладать....

Не всѣ козаки пользовались правомъ сильнаго; не всѣхъ осуждаетъ и Климентій. Вообще къ козацкому сословию онъ очень благоволяетъ и допускаетъ неистовства только въ *не-отецкихъ дѣтяхъ*, т. е. въ безродныхъ бурлакахъ, записавшихся въ козаки. Въ одномъ мѣстѣ онъ пишетъ цѣлый панегирикъ козакамъ, въ которомъ говоритъ:

....грѣшитъ Богу, хто даетъ козакамъ зневагу.
Простий чоловікъ завше у дому пробуваетъ,
а козакъ, шедши въ войско, весь домъ свой оставляетъ.
Зачимъ не тилько ховай, Божо, нагану давати
козакамъ, але треба іхъ, якъ святыхъ, шанувати.

Осуждая въ козакахъ желаніе быть погребаемыми въ поляхъ, на могилахъ, преимущественно передъ цвинтарями, онъ съ негодованіемъ говоритъ о мужикахъ, которые въ этомъ подражаютъ козакамъ:

Треба бѣ ганити подобно такихъ челоуіковъ,
же кладутся иние въ поляхъ зъ давнихъ вѣковъ,
Кгди освященнимъ мѣстемъ церковнимъ взгоржають,
а на могилахъ себе класти повелівають.
Хто бо подъ церковню главу покладаеть,
о томъ большъ церковъ Бога о покой благаеть.
Бо мовить: *зде лежащихъ*, а не: *на могилі*,
хочъ то и тихъ могильнихъ вспоминаеть по хвилі,
Когда речеть: *и повсюду Християнъ православнихъ*,
также вспоминаеть и властей козаковъ славнихъ.
Ино въ дорозі любовъ въ войску легти и въ полі,

⁽¹⁷⁰⁾ Характеръ, духъ.

же церкви немашь; мусіть то бити по неволі;
Ато зь дому нестися вь поле изволяєть,
где вовкъ, або тежъ иний звірь ся похожаєть,
А на священномъ місцу не хочеть покладать,
лечъ зь доброй волі хочеть отъ церкви отдалять.
Звичаї козацкіе вь тихъ річахъ бувають:
же вь поляхъ кладутся и могили висипають,
Того ради, же вь войскахъ бивали и вь полю,
и зь неприятелями на потичскахъ вь бою,
Жебъ и по смертехъ щирость їхъ не запоминанна,
даби хвалебно людьми честними вспомианна.
А мужикамъ не треба вь козацку славу втручатъ
да гди не пудь церквами, то вь гуманахъ пудь грушами покладать,
Жеби жонки ихъ гробовъ часто навіжали,
а на місцахъ ихъ другихъ мужиковъ привожали.
Уже жь, козаки, собі ви здорови бувайте,
а мужикамъ простимъ слави козацкої на поталу не попускайте.

Статья о Климентіѣ должна, кромѣ своего критико-историческаго обзора, служить замѣною и самою рукописи Климентія, покамѣсть не находящей себиздателя, а потому представимъ рядъ выписокъ о ремеслахъ, начавъ съ ремесль, ближайшихъ къ быту первенствовавшихъ тогда сословій.

*О кухмистеряхъ, або тежъ о кухаряхъ, що готують панамъ їсти мудро,
або хочъ часомъ и не мудро.*

Кухмистра, мовять, пидъ порогомъ положити,
ежали би голодомъ мівъ себе уморити.
И трудящися не тилько бь себе не змориль,
лечъ би не згрішилъ, гди бь и иного поживиль
(Ежели при достаткахъ многихъ клопотится,
коло огню, якъ муха вь укропі, вертится).
Пань би за то велика гніву не положиль,
и Богъ би смертельна гріха не постановиль.
Подлугъ Письма, трудникомъ прежде подобаєть вкусити,
и потомъ до столовъ панскихъ честно носити.
И поневажъ тежъ кухмискахъ вь трудахъ своихъ клопотень,
треба и ему того жь вворвать, жебъ не билъ голодень.
Бо пудь часъ на пулмискахъ не тилько не останеть,
але биваєть то, же иногда и не станеть...

О докторяхъ и о цілюрикахъ.

Вельми и докторство єсть потребно на світі,
же кождий би доктора хотіль собі міти;
А же о їхъ нужно, же мало їхъ биваєть,
кромъ великъ сенаторъ где доктора тримаєть.
И не тилько оскудно о докторовъ мудрихъ,
але и о простихъ цілюриковъ немудрихъ.

Тільки жь на ліченомъ не наїздиться коні:
трафлялось тихъ лікарствъ заживати и мні....

О гафаряхъ ⁽¹⁷¹⁾.

И гафарство — честное ремесло на світі,
и імь бо даль Богъ речи мудрие уміти.
И хочь они и цеху у себе не мають,
а поважние штуки до церквей зробляють,
Яко-то: пояси, покровці и воздушки,
а паномъ кульбаки гафтують и подушки,
И до сагайдаччя оздоби придавають,
и иние честние діла виробляють....

О золотаряхъ.

Золотаря треба би ангеломъ равняти,
же можетъ небесниі сосуди зробляти;
А то въ такий цель тое не инакъ ставаеть,
ижь всякий щирозлотний посудъ небо маеть;
Наприкладъ, якъ-то: митри пли патерици:
тамъ бо царскиі вінци, сцентри въ Божой десниці,
И прочее можется все зась знайдовати,
котрое звикло зде въ насъ на землі бивати;
Меновите — вельможнихъ гетмановъ булави,
до которихъ потреба хотящимъ голови.
И инни войсковие ділають клейноти
и приличние воинамъ розние приміоти,
И пояси ділають срібрние мудриі,
и евангельски бляхи роблять премудриі,
А особъ капитуламъ ділають печаті,
о которихъ ажъ не знають, якъ рещи почати.
Также и властельскиі ліски ⁽¹⁷²⁾ оздобляють,
якъ імь повелівають, тако потрафляють.
И позлоцоні тежъ зъ срібра робять кубки,
и всякиі до столовъ панскихъ втожъ посудки.
И до олтарей святихъ річи престольниі,
и многіі потреби также церковниі.
И паннамъ перстені златіі изробляють,
и каменьми драгими оніхъ украшають.
Додавають же кшталтовъ и на сагайдаки,
и на сагайдачние остра и кульбаки.
И шаблі драгоцінно срібромъ осажають,
же ажъ зрящіі на тихъ вельми ся удивляють.
И гузіки робять и окладають ножна,
и всего неотмовни, все бо імь возможна.
И справляють тако жь премудриі ножі,

⁽¹⁷¹⁾ Гафаръ — шмуклеръ, занимающійся шитьемъ узоровъ и выдѣлкою кистей, снурковъ и т. п.

⁽¹⁷²⁾ Палицы.

котрихъ держать собі богатіі мужі.
А що есть кадїлницї и срібрії лихтарї,
и лампи, — все то тое робять золотарї.
И до образовъ вїнци, ручки и корони.
Прийми до своей їхъ, Боже, оборони!
И що-кольвекъ на землі свїтъ сей потребуєть,
все то золотарь своимъ розумомъ готуєть....

*О довбишахъ, що въ бубни бубнять и о тренбачахъ, що въ труби
трубятъ и въ сурми сурмять.*

Довбиші войсковїі игри отправляють,
также и тренбачї, гди въ тренби витрубляють.
И потреба їмъ обомъ брать за брата жити,
же довбишь будетъ бубнить, а тренбачъ трубити,
И игри їхъ слухачовъ часомъ ввеселяють,
а иногда на жалость велику взбуждають,
Гди, слишаци, мощно судь Божий памятати
и архангельскою тежъ трубу вспамятати.
И до умиленїя слишацихъ приводитъ,
понеже человеку и смерть въ память вводитъ.
А часомъ при банкетахъ весело слушають,
когда мирно на пирахънитїй уживають.
А особно зась довбишь въ раду вбубняєть,
и въ походъ войсковий тое жъ сотворяєть.
И по побїдахъ также зъ бубни, витрубляють,
коли южъ войска собї триумфъ составляютъ.
И предъ врати бубнять, трубятъ пановъ вельможнихъ
и въ Запорозкой Сїчи войскъ славнихъ и побожнихъ.
Бубнять въ Сїчи у вечеръ, войску ва похвалу
и рано, гди въ то время и Богу творятъ хвалу.
Прето и войсковимъ музикамъ добрь прїємъ
и, яко честнихъ войску слугъ, щиро похваляемъ.

О музикахъ, меновите о цимбалистахъ и скрипникахъ.

Веселое ремесло музицство, повїдають,
же играми своими смутнихъ пудвеселяють,
А веселие наче веселими бивають,
когда музики въ скрипку и въ цимбали играють.
И честно также собї на свїті пробувають,
кгди жъ и самому Богу похвалу отдавають,
Поневажъ, якъ иние ремеснеке цехъ мають,
такъ и они, спасєть ихъ Богъ, въ цеху заставають,
И ведлугъ церковного укладу поражають,
и до церквей Божиїхъ свїчи часто справляють.
А гди бъ хто мовивъ, же легкимъ хлїбомъ забавляють,
такий їмъ хлїбъ Господь даль, — нехай не подивляють,
И хлїби даремного нїгде не уживають,
тїлько его всякие презъ працу заробляють.
И прето, хто ремесла навчаєть,

таковий меншъ простою роботою труждаеть.
Ремесло свято діло на світі ся знайдуеть,
котрий зъ пильною его охотою патруеть.
И хто ремесла своего завше чисто пильнуеть,
тому до его праці и самъ Богъ пособствуеть.
Нехай же безъ ліности и музики играють
и веселости молодимъ людямъ додавають.
А найгравшися, нехай троха и спочивають,
да по повной кляниці горілки випивають.

Казалось бы, стихотворецъ, столь довольный, какъ Климентій, скрипачам и цимбальниками, не долженъ вооружаться и противъ *дударей* или волынщиковъ; но у Климентія была къ нимъ какая-то непонятная для насъ антипатія. *О дударяхъ, що въ дуди играють*, онъ пишетъ такъ:

Мерзена то игра дуда заставаеть,
и шуицу всімъ грішнимъ людямъ презначаеть ⁽¹⁷³⁾;
Надимають бо ся, яко гордий дмется,
покуль ревти и густы зъ бідю начнется.
Повідають, же та игра нечестива,
лечь, гди не отъ Бога, то отнюдь злочестива.
А гди начнуть дударі дуди надимати,
въ той часъ шпетне, же губи стануть отдимати.
А ижъ не отъ Християнъ праве явилася на світъ,
не годило бъ ся ей Християномъ иміть.
И не тилько дудъ, але хочъ би и игръ жаднихъ,
бо будять блудную мисль въ челоуіцехъ жаднихъ.
Мощно бъ и безъ игръ въ славу Бога повеселить,
а всі душевредные игри искоренить.
Разві военнихъ игръ, що звикли въ войскахъ держать,
котрими въ войнахъ на брань и на триумфъ гласяць.
За войсковие игри гріхъ не положенно
въ кингахъ, але и по сей день не отреченно.
Могуть ихъ войска по день послідній тримати
и къ звичайнимъ потребамъ онихъ уживати.
И безгрішно есть въ тренби и въ доміхъ трубити,
звлаща въ великихъ властей, и въ котли бити,
И зъ огненнихъ оружий часомъ випалити,
або тежъ, простійше мовлячи, стріляти.
И, на хвалу Христову, и днесъ заживають,
поневажъ въ Великъ-день на радость стріляють.
Вспоминаючи триумфъ Христовъ, всегда шо-року,
и, на умильность душамъ, чинить то знароку,
И на Богоявленскій праздникъ такожъ стріляють,
очищение отъ гріхъ миру извіщають.
А корчемные игри похвали не годни,
бо тилько своявольнимъ людомъ они вгодни.
А барзій дуда, здавна подобно проклята,
щобъ отъ благословеннихъ она била отнята!

⁽¹⁷³⁾ Т. е. осужденіе на Страшномъ Судѣ.

Проклятому роду ю тримать подобаєть,
которий Христа Бога во віки не знаєть.
И бодай загинула дуда на всі віки,
жебь большь не видали ю вірние чоловіки!
И научившимся людемь вь нея играти
треба за тое кріпко оть сердца каяти;
А ей до всіхь дябловь у воду втопити,
або огнемь великимь у гною спалити....

Точно такь возстаєть онь и протявь танцевь. Видно, оба эти стихотворенія писаны были вь монастырѣ, послѣ прогулокь *низомь, хмизомь, попідь вербами*. Сравнивь танцоровь съ древнею Иродіадою, онь продолжаеть:

И теперь танцовь много на світі биваєть,
каждий чоловікь правду на тое признаєть,
Яко-то: на игрищахь и на тихь позорахь,
и по корчемнихь везді своявольнихь дворахь;
И на весілляхь брачнихь также танци бивають,
и многовертимимь плясаниємь Богу згрішають.
Мощно бь браку законну обійти и безь того,
именно безь плясания проклятого....

О сідлярахь, або тежь о кульбачникахь, що кульбаки робять.

Добре то вигадано кульбаки робити,
жебь, іздячи хто верхи, на такь ся могль збити.
И честние то річи кульбаки, и важние,
бо іздять особи високоповажние....

О шабельникахь не могь Климентій ничего больше сказать вь цѣломь стихотвореніи, какь: что они *премудрие шаблі изробляють* и что маляры изображають съ мечемь святыхь.

О сагайдачникахь, що сагайдаки (або тежь, по-простій мовячи) луки робять козацкие.

И сагайдачники, що луки изробляють,
также, знаю, козакамь потребни бивають,
Бо кгдижь до стріль и луковь особно потреба,
а тативу и самь можеть зділать, якь треба.
А що самие, мовлю, оние-то луки
учоние майстерове робять ремесники,
Бо козаку и лукь — привилей, або клейноть,
або тежь, вимь, козацка оздоба и приміють....

О стрільникахь, що стріли козацкие робять и о козакахь похвальное.

И стрільники козакамь потребни бивають,

поневажъ до военнихъ справъ стріли зробляють:
Бо и стрілою мощно также поразити
и якъ огненною стрільбою умертвити.
И дивная річъ стріли, гди ихъ витягають
вгору: и високо такъ, нічимъ не досягають.
Же которий знайдеться козакъ здоровихъ рукъ,
то такий кріпко мощно я добре тягнеть лукъ,
Же ажъ можетъ на версту воздухъ зачепити
и хмури воздушніе стрілою пробити.
И то по правді тому тако бити можно,
кгда и било на світі тое-то не ложно,
Ижъ нігдись стріла, вгору козакомъ пущенна
суха, а зъ висоти вь долъ мокра возвращенна.
Знать то, же скрозъ дождевну хмуру стріла пройшла,
тільки що щось облаковъ небеснихъ не дійшла.
Било то на Сівері, вь писца сего віку,
при людехъ многихъ, а не при одномъ чоловіку.
И тогда жъ хмури частка на землю изпала,
величествомъ, яко чоловічая глава,
Вь подобіі леда, и тамъ же и изтаяла,
и водою світлою на землі зостала.
Прето дивоватися и зась стріламъ треба.
же мало самого не досягають неба.
А ви, козаки, лукъ, здорови, потягайте
И зъ огненнихъ оружий сміле випаляйте...

О солітраникахъ.

И солітраництво — якъ ремество подобно,
же солітри та порохъ вставично надобно,
А вь солітру великий кошть укладають,
гди господарі собі майданъ закладають;
И великъ, кріико заводъ треба на той розходъ,
покуль узрятъ солітру и изъ нея приходъ....

О пороховникахъ.

Такожъ людянь потребни и пороховники,
яко тежъ и иние всяда ремесники.
Прохъ бо потребенъ, гди звірей, птиць стріляють,
и вь день Богоявленський, гди воду освящають.
И пороховнику дай, Боже, міть пожитокъ,
и, за працу его, вь домъ великий прибитокъ....

О роговникахъ, що роги козакамъ робяють носити при боку, для держання порохового.

И козакамъ потреба также майстеръ розний, —
розглядівшися, троха не ремесникъ кождей,
А особливійше тежъ той-то и роговникъ,
яко и иний майстеръ, або зась ремесникъ;
Бо козакамъ треба всякого привилля,
тільки не барзо треба шевского копилля,
А роговъ на порохи завше потребують,
и въ нихъ, идучи въ войско, порохи готують.
И добрий въ козаковъ чинъ — зъ рогами ходити
въ войску, бо въ рогахъ порошокъ не можетъ змочити,
Не замокнетъ натравка и виять ладовница,
а безъ ойстра пистолетъ змокнетъ и ручница.
И роговникъ же нехай козакамъ ся прислугуетъ,
и отъ нихъ похвали и ласки заслугуетъ.

*О иконописцахъ, сирічъ о малярахъ и о честномъ рукоділлі онихъ, и о
богомазахъ.*

Розние мудрості самъ Богъ на світъ даль
первого віку, когда сей світъ и миръ создалъ;
Всякихъ, бо рукоділій презъ Духъ Святъ научиль,
и малярскую мудрость тогда жъ людемъ открыль,
Жебъ на чемъ-кольвекъ его тварь изображали,
такожде и всіхъ святыхъ твари малювали.
И еще иконъ творци найдуть штихарі,
и другие честние жъ люде золотарі.
И котрий маляръ чисто вікъ свой провождаетъ,
то чудовна отъ него икона биваетъ;
А богомазкие чудъ образки не мають.
бо тилько Богу своимъ ремесломъ наругають,
Кгди жадной на иконахъ їхъ немашъ оздоби
и малярской тежъ якої-кольвекъ подобі;
Але отнюдъ вклепались въ тое рукоділля,
и великое тежъ зъ нихъ на світі безділля,
И имя имъ *богомази*, же малярства не дойшли,
же безпутное діло сами собі знайшли,
И не хочуть учитись цілого малярства,
жебъ свои нікчемные покидали малярства.
И до сихъ богомазства часъ не скореняють,
бо многие глупаки въ науку ставають,
И, научившися, начнутъ по селахъ носити,
также и по містахъ по дворахъ пси дражнити....

О друкаряхъ, що книги друкують.

Пишу вірши друкарямъ, ремесникамъ славнимъ,
котриє друкують книги православнимъ
Людемъ; бо всімъ діло ихъ свято есть и честно,
а барзій тимъ, котриє живутъ благочестно.
Друкують же всякие церковние обрядки

и всі християнские розние порядки.
Чирство же ся знайдуєть онихъ то ремесло,
але ускрутно оно вельми и тяжестно,
А особливе ногамъ, очамъ неспокойно,
и не обрѣтаєся въ роботі покойно;
Поневажъ бо, якъ начнуть потягати праси,
ажъ на главахъ їхъ вскорі мокри стануть власи;
Зачавши бо, мусять ся до поту труждати,
ажъ разві въ ноши можуть измало поспати;
И въ великій роботі праздникъ оставляють,
а тимъ часомъ способи опять приготавлиють.
И научилъ такъ Богъ їхъ рихло друковати, —
що за день, то не мощно за рокъ преписати....

О интролігаторахъ.

Интролігаторъ книги нови устраяєть,
а часомъ и старихъ якъ лучить оправляєть,
И работаєть въ церкви діло належное
и въ доми пясьменнихъ приналежное.

О папірникахъ, що папери у папірняхъ робять.

На всякіи бо річи папіровъ требують,
на которихъ розние річи записують,
Якъ-то: продажамъ, куплямъ память покладають
и на гонори права кріпкіе ствержають,
И книги тежъ розние пишуть и друкують,
котриі многи літа у спрятахъ вікують,
И иконъ на паперахъ много витискають,
и въ церквахъ и тежъ въ домахъ къ стінамъ приліпляють.

О виногради и о винограднихъ.

Если въ літі груди єсть въ чемъ такъ безпрестанно,
якъ коло винограду отнюдь непрестанно,
И правда, же безпречъ ся въ немъ трудъ полагаєть,
гди работающий въ немъ, ніть, не спочиваєть.
И тимъ вино дорого, бо, німъ до рукъ прийдесть,
а кошту въ десятеро за літо розийдесть.
Тилько то охочіи его распложають,
а не великий зъ него, вимъ, пожитокъ мають....

О винникахъ, или о винокурахъ, або тежъ о горільчаникахъ, що горілки робять у винницахъ. (По-Вендерскій ся называєть винница — виноградний огородъ, або тежъ левада, а по-Рускій будинокъ той винницею ся зовєть, въ котромъ куряють горілку.)

И винники на світі достойни поваги;
а не треба, край Боже, давать імъ зневаги;
Птребний бо они, вимъ, трунокъ виробляють,
котрого и монархи сильние вживають;
А хочъ часомъ и на зло той трунокъ привождаетъ,
еднакъ въ томъ винникъ вини жадної не маеть;
Бо гдижъ вино невинно, виненъ злий обичай,
же презъ міру хто пиеть, а не такъ, якъ звичай....

О муровщикахъ, що церкви мурують, или полаци мурованные, або тежъ фортеци, замки и проч., а по-Московскій о каменщикахъ.

И теслі церкви робять, тилько не такъ славно
діло ихъ деревяное и не такъ тривално.
А мури вічностю ся здавна називають,
котрихъ много и поднесъ везді заставають,
Ведлугъ присловья: «Хто праве що муруе,
то той тилько будинки кріпкіе будуе;
А хто-кольвекъ деревяни виставуєть клѣцѣ,
тоє латво до гури вшендзѣ огнѣмъ лѣцѣ»...

О пивоварахъ.

И броварниковъ, аби пивоваровъ, треба.
И хочъ то мовяць: »Не той пиво пѣеть, хто варить,
еднакъ и онъ напьется, гди надъ тимъ часъ травить.
Не перепѣеть пивоваръ господарска пива,
и не жаденъ господаръ позрить за то скрива.
Бо не тилько що пива мусімъ скоштовати,
але и медъ ситячи, также спробовати....

О солодовникахъ.

И солодовника людъ многий потребуєть,
котрий солодъ на пиво изъ збожа готуєть.
И хочай тежъ я то естъ великое диво,
же больша часть въ горілку идеть збожа и въ пиво,
Зъ того пивоваровъ и винниковъ вимовляемъ
и на-віки отъ вини онихъ визволяемъ.
Нѣтъ ихъ винъ въ борошеннихъ затратахъ,
або засъ мовлю — въ хлібнихъ на світі утратахъ.
И гдибъ на дві тихъ річи зтратъ хлібнихъ не било,
ні по чомъ би борошно и збожа всяко било;
И нігде би борошенъ людямъ и дівати,
и нищетние такъ не могли бѣ погібати;
И дровъ би во всіхъ краяхъ пребивало много,

ато кріпко оскудно инді дровъ для того.
Уже жъ не що мієть всякъ тимъ річамъ чинити,
не можетъ ніхто по-вікъ того скоренити,
Жеби пивовъ и медовъ не било варенно,
ижби и горілки зъ світа скорененно....

О котлярахъ.

Робяць бо казани, труби, корці и лійки,
притрубники, ленбики, мідні и квартаи, и кондійки,
А попросту мовячи: що вхотяць, то вробяць....

О гонтаряхъ що кгонті робяць.

впробляють бо гонту — церкви побивати.
И на побиття домовъ пановъ тежъ вельможнихъ
и до простихъ будинковъ людей проможнихъ....

О цегельникахъ.

Ихъ рукоділие иногда зароботно,
хочъ то, правда, потяжко и по часті клопотно.
Еднакъ же можетъ зъ свою потребу заробити,
а заробивши грошей, да хочъ и оженити.
А имущие жени, тие горшъ пропивають,
а жони такихъ въ домахъ хліба зъ дітьми не мають.
Правда, же и цегельникъ иний естъ осторожний,
смирненний, тихий, людзский и до Бога побожний....

О вапенникахъ, що вапна палять съ крейди, а часомъ и зъ каміння.

Ещё одного видравъ ремесника,
що вапно робить, того вапенника.
Вапно бо треба на церковное муровання
и потомъ зась на потинковання....

О садовничихъ, що сади садяць и щепяць, для розводовъ, овощнихъ древъ.

Хто хочеть собі новий гадъ распложать,
той садовничихъ, мусіть потребовать,
Жебъ овощние древа въ землю сажаль
и отъ тихъ же древъ до инихъ прищепляль,
И жеби древо каждое отребляль

и въ весняний часъ, гноями осипаль,
А въ літі жебъ міль траву пудкошати,
жебъ чисто било овощи збирати....

О гончаряхъ слово віршовое похвальное.

Первий на світі гончарь ремесникъ труждатель —
самъ Господь Богъ, Адама и Евви создатель,
Которий далъ людемъ всі хитрості уміти
и всяку премудрость хотящимъ разуміти.
Прето мощно гончарство святимъ діломъ назвать,
поневажъ Богъ Адама зволилъ зъ глини создать.
И гончарямъ чловіка мощно бѣ зъ глини зробить,
тільки не возможно зробивши, душі вліпить.
Еднакъ сосуди робять напитки випивать
и всякие тежъ горшки, що їсти готовить.
Также кафлевие печи виставують
и розние на кафляхъ оздоби мудрують,
А барзій, що покощуваними називають,
где фарбами всякоя краси додавають,
Именно же —многое шмильцами кладуть цвіти
и вельми премудрие полагають квіти,
Ажъ би беспречъ хотілъ на тую дивитися
пічъ и грітись; до такой мило притулитися....

О ткачахъ и о женахъ ихъ и о инихъ женахъ, ткати имъ дающихъ.

Межъ инихъ ремесниковъ и ткачъ умішався
и такъ же, якъ иние, ремесникомъ назвався.
Могла бѣ Россія наша и безъ нихъ прожити:
иное въ Турскихъ странахъ матеріи робити.
А въ насъ и жони тое ремесло отправують,
и большъ таковихъ женъ есть, що їхъ и не требуютъ;
Бо, якъ зхотять, заразъ можуть ся научити
и не будетъ основи южъ до ткачей носити.
А въ Литві всякие жони ткачовъ и не знають, —
разві козацкие иние потворство мають,
Же то иная будетъ не пряжа и не ткаха,
а въ таковой можетъ бити ткачеві взнаха.
А що жъ будутъ ткачі въ такоі собі брати,
гди не будетъ основи и поткання давати?
И ткацкие тежъ жони не всі хотять прясти,
аби бѣ готвие нитки могли въ берда класти,
И часомъ отъ роботи втку не мало зостанеть,
а до того и пряжи еще въ кого достанеть,
Ажъ полотно зъ тихъ річий можетъ изпорядити,
да кошуль и инихъ справъ много мощно пожити.
И письменний людъ ткачі — всякъ нехай разуміеть—
же старий я молодой *Отче нашъ* въ нихъ уміеть;

А иний ремесникъ и молитви не знаетъ,
и нехай же не ганьбитъ ткачовъ — тое собі знаетъ....

О бердникахъ.

Бердникъ не знаемъ, кому онъ биль би потребень,
разві тилько тимъ ткачамъ и жонкамъ потребень,
Бо не можетъ ткачъ и тежъ жонка безъ бердъ ткати,
едно мусятъ бердника собі потребовати.
Зачимъ-то и бердниковъ не треба зневажать, —
нехай зробляють берда, жеби било чимъ ткать!

О кравцахъ.

Каждий ремесникъ свою начинь не можетъ забрать,
а кравецъ и зъ начиннямъ всімъ можетъ повандровать,
Всякъ ремесникъ кромъ возомъ будетъ начинь возити,
а кравецъ можетъ все сное за надру вложити,
А локтемъ ⁽¹⁷⁴⁾ идучи можетъ ся пудпирати
и въ дорогу, где ему потреба, поспішати.
А начинне кравцево меновите такое:
прась ⁽¹⁷⁵⁾, ножици, наперстокъ, иголка, а не иное....

О шевцахъ а о честномъ ихъ реместлі.

Поважное ремосло и шевство зоставаеъ,
Гди жъ честное братство и ктиторство зъ нихъ биваеъ.
И *шевці-святці*, такъ ся то они називають.
и зъ своего титулу ажъ сами ся втішають.
И щирие они естъ шевці люде на світі,
и жони їхъ добрие, и їхъ шевские діти,
Бо нігди они жаднихъ шалвірствъ не заживають,
але и учневъ своїхъ людзскости навчають,
И особливе розной тежъ своей політики
и зъ книги зразниці шевской честной грамматики.
И копилля зъ правиллямъ, и вся верстать їхъ славна:
знаю о томъ добре, и люде мовятъ здавна.
А якъ сидеть робити на своей варстаті,
почнетъ свое всякое начинне розкладати,
Яко-то: копила, правила, дратниці, стрениці,
лойники, цвяшки, смольники, наручкп и кравниці,
Такъ тежъ: стирачі, молотки, винштаки, топки и клесачки,
обцалики, смолу, воскъ, вихти, клейстра, писачки,
Затирачки, клинці, гнипи, дратви, цикнасарі и щетини,
шила, чернила, ножі, скобельки, сіруги, скоски, белехи и смольшини,

⁽¹⁷⁴⁾ Родъ аршина, въ три четверти.

⁽¹⁷⁵⁾ Утюгъ.

Ветошь, питки, заветі, кобилиці, хлопци, хутра и стрихольці,
 ремінь, воду до шповання, лубья, дёготь и натягачі, и конці.
 А якъ пойдеть до шкуръ, дубъ товчетъ, шкури пересипаеть,
 а иние шкури у золу хуру закладаеть,
 И иние тежъ на кобилиці шерсть оббираеть,
 а потомъ, надівши шуетваль и хвартухъ, белехомъ мездру
 пудробляеть,
 И, пофаговавши, въ Божий часъ укладаеть въ квасъ,
 и чекаеть, покуль будетъ пересипать впятъ часъ,
 И на кріслі по царский ⁽¹⁷⁶⁾ сідить, якъ на маестаті,
 и просить Бога, жеби на работу рано устати.
 А уставши усунеть лучникъ, и желізо причепляеть,
 и лучину зъ пеньковъ смольнихъ зъ огнемъ розкладаеть,
 А розложивши огню, заразь перешиваеть,
 пити, покуль ажъ ся ему подобаеть.
 Якъ перешиваючи втомится, то шкури стрихуеть
 и на роспускання на чоботи, колько зъ котрой паръ вийдетъ, готуеть.
 А потомъ, покинувши все, пойдеть біти збирать
 бо потреба козлини изъ бітою вичинять,
 И пойдеть до гаробвки у човні хитати.
 козлини и бараници хочъ и габельки окрашати.
 А нахитавшися еще и істи захочеть,
 и дасть ему шевчиха, чого исхочеть.
 А якъ придетъ ему часъ и простъ ремінь виправлять,
 станеть кріпно працювать и, якъ повісмо, той мять.
 И їздить у лугъ, дубу и попелу готовати,
 и мусіть бідний добре на зиму працювати,
 А особній мусіть по материнку и по листокъ ходити,
 же ажъ и въ свято мало можетъ когда зпочити.
 И сівши на роботі, то до полночи не будетъ спати,
 а часомъ до самого світа будетъ перешивати,
 Або иногда роботу буде старую якую кріпити,
 или тежъ иную хорошую новую робити.
 А якъ схочеть шевчиху побить, ни що, чимъ бить, не шукаеть:
 если чоботь клесуеть, тоєю жъ клесачкою поторкаеть.
 И не дай, Боже, на світі жонкамъ горшой муки,
 якъ попасти якому часомъ шевцу у руки,
 Бо шиломъ уколеть и дратвою звяжеть,
 нездорова зъ нимъ (хочъ не зхочеть) спати не ляжеть⁽¹⁷⁷⁾....

О кожемякахъ, що ткури вичиняють.

Кожемяці потреба зъ шевцемъ за брата жить.

⁽¹⁷⁶⁾ Это слово зачеркнуто другими чернилами, и вмѣсто него написано сверху: *по-властельский*.

⁽¹⁷⁷⁾ Послѣдніе четыре стиха передѣланы изъ народной сатирической пѣсни, которая поется такъ:

Ой не дай, Боже, гіршої муки,
 Якъ попадесся шевцеві въ руки:
 Шиломъ уколе, дратвою звяже,
 Постеле шкуру, та й спати ляже.

а хочъ би и голову вкупі зъ нимъ положить;
Кожемяка бо шкури шевцу вичиняеть,
а швецъ на чоботи їхъ людянь поробляеть.
И шевці иніиє уміють шкури чинити,
а кожемяки чоботъ не вміють шити.
И не вімъ, кому бѣ шкури чинити належно;
подобно бѣ, самимъ шевцамъ слушне приналежно.
Або тежъ кожемякамъ и чоботи шити,
да и шкури за однимъ би цехомъ чинити.
А то ремесло едно надвое порвали:
неслушний ніякийсь люде чинъ подали....

О бондаряхъ.

Кгдибъ не они, ні въ чемъ би напитоковъ хранити,
ні въ чемъ било бѣ жонкамъ и води носити.
А що обрѣзки шевці и кравці покидають,
а бондари обрѣзковъ своїхъ не викидають;
Якъ-то: трѣски, котрими можемъ въ печі палити,
также зась особливе и істи наварити.
И не будетъ дрѣмати, же то стуки-гряки,
а къ тому наипаче, якъ потягне табаки.
И не кохається въ сну, же робить въ ночі
або трость, альбо круги, или стружетъ обручі....

О тесляхъ, або тежъ оплотникахъ по-Московскій, а о дешидахъ по-Литовскій.

И честное также ихъ и чирствое ремесло,
але и pracowито оно, бо тяжестно;
Бо якъ стануть будинокъ який будоватц,
треба каждому противъ себе пудиймати,
И туда и сюда дерево обертати,
и еще шлягою и тибель забивати....

О звонникахъ и о комисаряхъ.

Также и гарматные штуки отливають,
котрими въ приступахъ стѣни добувають.
Также не безпотребни, вімъ, и комисарі,
що робять до церквей сосуди и лихтарі,
И келюхи, и звѣзди, и всякие крести,
въ котрихъ часомъ случаетъ ПОПОМЪ и тайни нести;
И робять дискоси, ложки и мирници,
а для соблюдения агнцовъ и гробници;
Также и янполки до церквей виливають,
що на всенощнихъ вино и елей ставляють;

И робяць фляши, кубки, пулмиски и збани,
тарілки, кварта, чаши, чарки и рострухани...

О коваляхъ.

И найчастій коваля кождей требовать будетъ,
а якъ-кольвекъ безъ иннихъ ремесниковъ пробудеть ⁽¹⁷⁸⁾ ...

О сніцаряхъ и о слюсаряхъ.

Сніцарі бо церковний дейсусъ отрізають,
а слюсарі розніе тежъ штуки работають.
Розніе бо мудрості слюсаръ показуєть,
и сніцаръ безъ числа штукъ давнихъ виставуєть;
Прето слушне бѣ імъ двомъ братами ся називати,
же то премудростей навикли заживати....

О мельникахъ або тежъ о мірочникахъ.

И мірочництва честни ремесла бивають,
котримъ и безъ жнивъ они хлібъ зарабатують.
Товкуть бо и мелють вое и изъ рукъ здавають,
всякимъ людемъ ремесломъ своїмъ угождають.

*О самихъ господаряхъ, владущихъ млинами и держащихъ ихъ, и о
млинахъ.*

Хочъ то млинъ корчмою ся въ людей називаєть,
еднакъ же онъ ні въ чемъ ся корчмі не равняєть:
Млинъ — честна храмина: не жиєть въ немъ свавольность,
лечъ виходить зъ него людемъ хліба довольность.
А хочъ изъ корчми пану биваєть пожитокъ
и господареві корчемному ужитокъ,
А млинъ не одному пану догажаєть,
гди на всю околичность хліба настатчаєть.
Тилько жъ и млинъ — якъ кому въ щастю поведется,
то той тилько зъ него хліба не отгребется.
И хто и плугомъ пашетъ, мельнику ся равняєть,
и кошту своего, якъ мельникъ, не страчаєть.
А мельнику много приборовъ въ млинъ потреба,
заледво какой речи чего не потреба:

⁽¹⁷⁸⁾ Читатель видитъ, что Климентій иногда наполняетъ свои стихотворенія пустословіємъ, въ которомъ нѣтъ ни одной характеристической черты описываемаго имъ ремесла.

А треба каміння, желіза безпрестанно,
сталі, деревні, лою, — мовлю то нелганно,
А особливе часомъ людей — греблю гатить
и бондарей — сосуди въ млинъ на розміри робить.
А особній — потребуєть иний и мірного,
гди знайдець чоловіка доброго и вірного.
Зачимъ здало бь ся шкурка за чиньбу не стане,
еднакъ хто що звикъ держать, то не перестане....

*О каменносічцахъ, що зь горь кемянихъ вибивають, або тежъ
виробляють млиновие до млиновъ на молоття каміння и крести надгрдбние, и
деки и слупи до муровъ и до фортець каменнихъ.*

А камень потребніший въ млинъ, — такъ треба судить;
бо безъ камня хліба не мощно сотворить....

О шаповалахъ и о коновалахъ.

Коноваль едно тилько діло исправляєть,
же то конямъ и шкапамъ оправу даваєть;
А шаповаль всякие всімъ вигоди творить,
кгдежъ розние потреби людемъ завше робить,
Якъ-то: мужикамъ плететь рукавица,
и лямци вивалюєть, що носять молодици,
И еще и опанчу можець изробити,
и кецу (хочь) найбільшую мудро устроити;
А если часомъ зхочетъ и зпочитп трохи,
то тогда безпрестанно все вяжець панчохи.
А впятъ якъ почаять вовну перебивати,
то знать-то уже хочетъ зь лукомъ мандровати;
Бо зь давнихъ часовъ, якъ где шаповаль мандровалъ,
не одну на дорозі и душу излякаль,
Же здалеку власне Татаре манячать,
а шаповаль носится зь лукомъ, якъ за друкомъ, — зблизу вбачать.
А пришедь до людей, станеть роботи питать,
жебъ где-кольвекъ міль собі на роботу стать.
Якъ знайдець добрую роботу въ добромъ місті,
ажъ заразъ заробить золотихъ сто або двісті....

О ратаяхъ, або тежъ о пашущихъ хлібъ людехъ.

Надъ всі ремесла потребнішее подобно
пахарство, же тое всему світу вигодно,
Бо хочъ би хто срібро и золото могль робити,
а не міючи хліба, злота не вкусити....

О рибалкахъ и о резникахъ.

Рибалки зъ резниками противности мають:
якъ постъ да мясници, такъ они пробувають.
Рибалка для постнихъ днй риби уловляетъ,
а для мясныхъ дней резникъ о мясо стараетъ.
И годило бь ся лучшей рибалокъ поважать,
и паче отъ резниковъ онихъ всіхъ шановать,
Кгди жь и самъ Богъ зъ рибалокъ Апостоли вчинивъ
и молитвенниками за всіхъ насъ починавъ.
И рибалокъ и въ мясной часъ большъ потребують,
гди жь наибольшие часи постние найдують.
Рибу и въ пости многий народъ заживаетъ,
о въ постъ христианский людъ мяса не вживаетъ.
Четвертая жь часть на всемъ року дней скоромнихъ,
а три части найдують также нескоромнихъ....

О гутникахъ и о склярахъ.

Достойни и гутники великой похвали,
гди сосуди честние робятъ и криштали,
Также для младихъ людей сличние зерцали,
а состарившимся южъ людемъ окуляри,
А сосуди всякие скляние и збани,
зъ котрихъ выпиваютъ и великие пани.
И видно напитокъ скрозъ, якъ чего, чи много,
или тежъ чего-кольвекъ часомъ чи немного.
А во инихъ не видятъ, якъ-то въ черепашихъ,
такъ тежъ особъ не видно и у деревянихъ,
И не видно зъ ціновихъ, желізнихъ и въ міднихъ.
и не досмотрітися особній и въ срібнихъ,
И мосянжъ прозріти скрозъ, и злота не можно,
тільки презъ скляние все видіти возможно.
Уже жь гутникамъ списахъ велику похвалу,
и оболонникамъ хочъ малу створихъ хвалу,
Світовидние убо ділають залони,
якъ меновите всякиі оболони.
Иние просте ділають деревяние,
а иние мудрие и оловяние....

О ситникахъ и о решетникахъ.

Мерзено здавало бь ся то ремесло и бридко:
Зъ конскихъ огоновъ сита робятъ,— вспомнить гидко,
Решета да пудситки зъ ликъ биваютъ истканни,
а у Волохъ решета въ ремняхъ пробиянни....

О копающих колодязі глубокие, а по-лядзкий студні или по-славенский студенці.

И есть смілихъ, же бѣ до дна адска прокопали,
аще бѣ жродла водние імѣ не прешкажали.
Могли бѣ живи въ тіліхъ пекла досмотріти,
и, узрѣвши тамъ зле, snadній каялись би на свѣті.
А особно и тое еще уважаю.
же могли бѣ и самого доходити раю,
Если бѣ не за срокгими, повѣдаеть, горами
и за пущами зѣ гади, и за морскими водами.
И признають, гдибѣ праве хто до раю и дойшоль,
то развѣ ся бѣ насмотриль звні, а внутрь би не ввойшоль.
Гдижъ около оружиемъ пламеннимъ обварованно
и пламенемъ огненнимъ вокругъ оцѣрклеванно...

О олійникахъ.

И зѣ pracowитостю работа імѣ приходитъ,
покуль готовий олій изъ гнізда виходить;
Першей бо сімя въ ступахъ толкутъ и просівають,
потомъ въ теплой воді місятъ и зхвалевають,
Тожъ на сковрадахъ смажать и въ гніздо вкладають,
а послі таранами клиннѣ забивають,
И зачимъ витиснется якая макуха,
а імѣ отъ тарановъ ажъ запираются духа,
И покуль фури вийдуть, крѣпко нахлопотятся,
покуль тежъ зовсімъ-провсімъ добре увольняются...

О воскобойникахъ.

А воскобойникъ варить воскъ и закладаеть
въ гніздо, и колодами клинне забиваеть.
Изъ гнізда въ судину на сподъ воскъ истікаеть,
и на захолоду тежъ въ сосуди вливаеть....

О калачникахъ.

Много есть вельми всякихъ вимисловъ на свѣті:
калачники не ремесники, а змислили цехъ міти.
Ремесла іхъ мощно ся навчить за годину,
не старихъ тилько, але навчивъ би дитину.
И сами ремесль своїхъ рѣдко работають,
але все своихъ бабъ робити заставляють,
Якъ-то: муку сіяти, и місити тісто,
и пекти, и избрать, и продавать нести въ місто.
Кгди жѣ ремесло іхъ жадной трудности не маеть:

поплетши сюда-туда тісто, въ пічь сажаетъ,
Прето и сама дармо въ цехъ той уплелися,
власне якъ старецькїи цехи повелися.
Еднакъ въ старцовъ наука есть — языка ся вчити
и якъ би милостини, або хліба просити.
Тилько жъ не треба барзо и тихъ цеховъ зневажать,
ежели будуть до церквей свічи поставлять,
Або къ праздникамъ котримъ кануни справляти
и на церкви зъ доходовъ тихъ ся укладати....

О токаряхъ.

...ложки виточають,
котрими и панове часомъ уживають;
Такъ тежъ оздобние точать и тарілки.
зъ которихъ ядять и пьють, зваривши горілки;
А особно зробляють великїи ящі,
що зпрягують въ дорогу печение лящі;
И въ церкви точать слупи, а малюють малярї,
и точать до церквей баляси и лихтарї;
И точать на жертovníкъ хорошия кубки,
що священникъ ховаеть, потреблши дари, губки;
И до убогихъ церквей на престоль гробници,
и до монастирскихъ трапезъ точать сольници;
И тие вигочують тертки, що перець трутъ,
и тие макогона, що кухарки макъ мнуть;
И тие брязкальца, що дітей забавляють,
и верстена, що жонки нитки випрядають;
И посоховъ властельскихъ много виточають,
и тие качалки, що жонки хусти качають;
И овчарские точать зъ дерева сопілки,
и козацкие, що зъ луковъ витягають стрілки....

О пастухахъ, скоти и бидла (и свинїя) пасущихъ, паче же о овчаряхъ.

Але еще на снідь себї овци пудкрадаеть,
а господарямъ речеть, яко волкъ зьядаеть;
А особливе млеко изъ овецъ здояеть
и господарямъ овчимъ пакостї створяеть.
А инихъ овецъ жезломъ нещадно ударяеть,
же ажъ умерщвлятися онимъ втожъ сотворяеть,
И многи творить фиглі и незичливостї...
а той и вигоняеть зъ гнівомъ изъ огради
И заблужденной овци не тщательно ищетъ,
и зъ нерадініемъ ищуци, въ сопілку свищеть....

О кушнерахъ.

Кожи бо овчие онъ въ квасу виробляєть,
и на зимние часи кожухи зробляєть,
И требующимъ людемъ въ градѣхъ продаваєть,
а котрие приносять старихъ, поправляєть....

Стихотвореніе: *О гребенникахъ, що гребенці зъ роговъ (скотскихъ, або тежъ бидлячихъ) робять до чесання головъ*, состоятъ изъ самага безцвѣтнаго пустословія.

О соляникахъ, торяникахъ, бурлакахъ, що соли господарские варятъ.

Торяники велику працу подиймають,
наче коломийцовъ, що гуски виробляють.
Сотце бо відерь вкинетъ на бочку соли води,
и, дрова въ пічь вертая, натерпится біди.
А безпрестанно треба и не досипляти
и, жебъ не прогоріла (скоро) сковрада, пильновати.
Потомъ въ садовницу соль зъ сковради викидаеть
и на другой садъ воду, пошедши, накидаеть.
И потреба изъ соллю бочку изтрусити
и всего, що ведеться тамъ, пильно досмотріти.
И зъ подлимъ здоровьемъ нічого тамъ пудиймати:
хочъ мало знемощніеть, мусіть варить престати,
Или тежъ товарища просить допильновать,
а самъ, пришедши къ собі, мусіть также отвдячать.
А особно и тое бурлакамъ вельми нудно,
же о солодкую воду непомалу трудно.
Мусіть тоей же соли господарской частку отложить,
жеби, вмѣсто води, браги ся изпити.
А впятъ же —не машъ тамъ женъ въ Багмуті, нікому кошуль прати;
мусіть, взявши новую, носить, покуль зодрати.
Туть же и то мовлю, же соль есть розна на світі.
Якъ-то: Запорозкая есть, Кримка и ледянка,
а не будетъ зъ такою (вѣмъ) працею (и коштомъ), якъ Торянка.
Зачимъ бурлакамъ (Торскимъ вірши сие покладаю
и працу ихъ и пильнай дозоръ похваляю....

О будникахъ, що поташъ робятъ.

Да и тие будникиц въ нашей землі бувають,
що поташъ Туркамъ сукна фарбовать виробляють.
И сихъ часъ есть будищъ много, где буди бували:
давние люде бъ тое и нині признали.
И прислухайся кождий, що старий мовить на глумъ,
а молодой нехай беретъ добре собі на умъ ⁽¹⁷⁹⁾....

⁽¹⁷⁹⁾ Ср. *Зап. О Южн. Руси*, т. I. стр. 13.

О старцахъ.

Старецкиі во віки не наполнишь сунки.
бо то діравие въ нихъ найдуются тлумки.
Есть и такихъ много на світі знайдуеть
лежнювъ, котрие, въ миру ходячи, плутуютъ.
Будеть иний здоровимъ, да не хочеть робить, —
потреба бь такого сімь разъ на день киемъ бить.
И добре мовять: »Въ старці пугою не вгнати,
а съ старцовъ — хочъ калачемъ сталь би пудманяти«....

О линникахъ ⁽¹⁸⁰⁾.

Кодоли бо мудрие людямъ изробляють
и требующимъ онихъ здобель надавають,
Именно жь до кладазей надобни глубокихъ
и до капуровъ теслямъ до церквей васокихъ,
Также и до неводовъ озернихъ тягнення,
когда где биваетъ южь рибное ловлення,
И до многихъ річий зась кодолъ потребують,
также и до будинковъ панскихъ, гди будують.
Кодолами дерево на гору встягають,
а инді и пороми чрезъ ріки тягають.
Также и наритники, шлеі и ужища,
котрими припинають у поляхъ конища.
Также оброті, вожки и пуги зробляють,
що коней ідучи где-кольвекъ затинають,
И до дзегаровъ робять втожь шнури на ваги....

О рудникахъ, що зъ руди желіза робять въ рудняхъ.

Бо хочъ водою млати въ рудняхъ ударяють,
еднакъ безъ великої праці не бавають;
Гдижъ при болотахъ треба и землю копати
да руди зъ великою пильністю искати,
А знайшедши где руду, особно копати
и, въ кошниці беручи, въ воді полоскати;
Потомъ на уголля дровъ въ дуброву рубати
а вишей хлопа въ костерь довгий тасовати;
Напотомъ дернь різать костерь той вкривати
и смотріть, жебъ поломья не могло псовати....

О римаряхъ.

⁽¹⁸⁰⁾ Веревочникахъ.

Шкура бо возовие и лійци зробляють,
и хомути, и узди, що коней нуддають,
Такъ тежъ шори и шлеі, и бичі на воли,
и для людей убогихъ зъ ременю жъ постолі,
И ронзики до коней панскихъ и кантарі.
И попруги до кульбакъ они жъ зась зробляють,
котрими кульбаками коней люде сідлають;
И пута ремінніе робять, а триноги,
що злимъ проклятимъ конямъ триножать часомъ ноги;
И нагайки, або тежъ канчуки сплітають,
котрими людзкости жонъ часомъ прицвічають.
А ежели удасться часомъ злая прочвара,
не научить такоі и толстая барбара...

О косаряхъ, що сіно косять.

И, хочъ би не радъ, мусіть косаровъ затягати,
по пять чеховъ й по три шаги на день давати.
А косарі-сподарі идуть къ нему съ косити
и косять трави ввесь день и въ порану зъ росами....

О гребцахъ сіннихъ.

И женщина можетъ также сіно згромажать,
але не можетъ такъ, якъ музчизна, ухожать,
Бо звичайно то діло музчизнамъ робити,
гребти сіно и копиць сіннихъ волочити,
Або тежъ у копиці и у стирти класти,
а жонкамъ разві тилько у гребеней прясти.
Нехай жони у домахъ діла розправують:
прядуть, ткуть и істи вамъ, мужикамъ, готують....

О женцахъ.

Тилько, хочъ била бь імъ часомъ третина,
але хилячись заболить и спина....

О мильникахъ, що мила роблять, барские добрие и простие подлие.

Не знаю, по мильникахъ хто бь ся чи зафразоваль,
хочъ би и не единъ ся на світі не обрیتالъ;
Бо рідко хто, на світі миломъ ся вимиваєть,
але большей водою тварь собі омиваєть....

О колесникахъ.

И колесникъ ремесникъ творить тожь чудеса,
зробляетъ бо до возовъ и панскихъ колеса,
А именно яко-то: паномъ на ридвани,
въ котрихъ и вельможные іздятъ гетмани;
И до карецъ колісь треба и на лектики,
въ котрихъ славетные тежь іздятъ політики.
Къ палубамъ и къ колясамъ и къ возамъ глабчастимъ
также колісь потреба, и къ тимъ драбинчастимъ....

О стадникахъ конскихъ.

И стадники тожь людямъ вельми вигожають,
же стадъ конскихъ у поляхъ у дозорахъ мають,
И у поляхъ при коняхъ завше и ночують....

О догтарахъ и столярахъ.

Треба правда, где зъ него ⁽¹⁸¹⁾ сажу палятъ при друкарняхъ,
на чернила книжные, — по-московскій при печатняхъ....

О неводничихъ, що вяжуть неводи и сіті, и иние посудки до ловлення рибъ.

А хочъ же и самъ иний риби не имаеть,
ежели-то способу до того не маеть;
То, робячи посудъ той, можетъ продавати.
И часомъ той посудъ и въ пановъ биваеть,
которий панъ озера свої собі маеть.
Такий не тільки посудъ той будетъ держати,
але и риболововъ можетъ затягати
Для домашнихъ пожитковъ риби уловляти,
жеби не все посилавъ въ городъ куповати....

О робящихъ судна водние великие и малие, то есть морские и річніе.

А робятъ окренти, кораблі и геміі,
каторги, обшивні, струги и шугаліі.
Также особно робятъ лапи и байдаки,
шкути, дуби и лоді и човни, и плавники....

⁽¹⁸¹⁾ Изъ *словога*, соснованаго дегтя.

О партесахъ, и учащихъ ихъ.

.... же конпонують гласи для Божией хвали:
А хочь большей тихъ, що готовое співають,
еднакъ и тие хвалу Богу отдавають.
И при великихъ властехъ за співаковъ бивають,
и за то пудъ часъ людьми на світі ставають.
Хочь би поетикъ кто билъ, — не почнетъ співати;
если не вміеть партесь, не будетъ ихъ знати, —
И не партесь тилько, але и ирмолая,
а партеса далеко трудній отъ ирмолая....

О костиряхъ.

.... и на тое гди хто щастя будетъ міти,
запоможется той самъ и его діти.
Лечь биваетъ на малий часъ то вспоможенія,
же не втерпитъ пройграеть, ажъ и обнищання.
гди пройгравшись нічого дать, перста одсіцають,
А часомъ отрізують уста або губи
и вводитъ злие раби злихъ рабовъ до згуби.
А подъ часъ за перста ногъ висять ⁽¹⁸²⁾ и щезають ⁽¹⁸³⁾
и нагле зъ світа сего на той изхождають...

О свічкаряхъ, що лоевие свічки робятъ.

.... где кольвекъ лоевихъ свічъ начнутъ робити,
тамъ стануть за полверсты ажъ смроди сходити,
А найбарзій, где люде въ судини мочають,
а тамъ не такъ, где въ трубкахъ желізнихъ зробляють.
.... мусіть многий народъ свічъ тихъ куповати,
же восковихъ не мощно грошей настатчати,
Бо въ камень воску осмь копъ потребно вложити,
а лою каменій сімъ за то мощно купити....

Представленныя нами выписки о ремеслахъ, существовавшихъ въ гетманство Мазепы, показываютъ, развитіе промышленности въ большей мѣрѣ на Украинѣ, противъ нашего времени. По всему видно, что существовавшее тогда, при всемъ его разореніи отъ предшествовавшихъ войнъ и татарскихъ набѣговъ, благосостояніе края съ тѣхъ поръ значительно упало. Главными причинами упадка должно, кажется, полагать введеніе въ Украину крѣпостнаго права, развитіе такъ называемой цивилизаціи съ ея изобрѣтенными не дома потребностями въ привилегированномъ классѣ населенія, квартированье войскъ, рекрутскіе наборы и всего болѣе — распространеніе канцелярскаго

¹⁸² Т. е. вѣшаютъ за ножныя пальцы.

¹⁸³ Т. е. и повѣшенныя такимъ образомъ погибають.

управленія народомъ, которое съ одной стороны приостановило всѣ свободныя отправленія ремесль и промысловъ, а съ другой породило множество лицъ, добывающихъ изъ народа не производительнымъ трудомъ, а бесплоднымъ перомъ сравнительна лакомый кусокъ хлѣба. Гетманство Мазепы тоже отнюдь не было золотымъ вѣкомъ для Украины. Евреи съ своими опустошительными арендами исчезли, но ихъ система насильственная стяжанія усвосна была гетманскимъ правительствомъ, какъ это видно, между прочимъ, и изъ стихотворенія Климентія: *О рандаряхъ*.

И убогий чоловікъ хтіть би рандиремъ битъ,
еслиби то столько міль грошей рату платить;
Тилько, же и богатий не всякий то можетъ:
рідко який на тое суму вложить зможесть;
А хочъ инъ и богачъ есть, того не доступить
рандарского уряду, ажъ большъ рати поступить;
И доступивши, гди ся пощастить, хлібъ маесть.
але посполитимъ южъ людемъ перешкажаесть.
Не вольно продавати горілки нікому,
тільки то рандареві уже единому;
Также и тютюну южъ не вольно продавать,
тільки до него мусять ходити куповать;
А если и доготъ вкупі заарендуесть.
то и догтемъ нихто вже большей не шинкуесть:
А инді въ аренді и брага биваесть, —
хто не чуваль съ віку, той вельми ся удивляесть.
А се жъ, мовить, якие вигадали кадукове?
наши не чували зъ віку сего и продкове!
А еслибъ рандовали еще медъ пиво,
било бъ южъ всему світу найбільшле диво....

Интересно свидѣтельство Климентія, о состояніи лѣваго берега Днѣпра. Онъ описываетъ пустоту нашихъ рынковъ, недостатокъ, промышленныхъ сношеній между жителями и безпріютность большихъ дорогъ для путешественника. Свидѣтельство его, какъ современника, имѣетъ для насъ важность исторического документа.

.... по инихъ городахъ и хліба не знайди
печеного. Мусить такъ іхать або пойти,
А не тилько, же бъ ся могль стравою поживить,
да и безъ хліба пойдетъ, хочъ мусить подивить.
И зле тамъ, где стравали гостямъ ⁽¹⁸⁴⁾ не вигожають,
а що горшей, же и хліба не продавають.
Звичай то въ такихъ містахъ назбитъ ⁽¹⁸⁵⁾ непотребний
Розний би то гость мусіль би въ нихъ хлібъ куповати
и, якъ слушно, платою онихъ не вкривжати.
Зачимъ въ невигоднихъ містахъ бодай не бувать
гостямъ, же повилявши мусять и поїжжати.

⁽¹⁸⁴⁾ Т. е. торговымъ людемъ.

⁽¹⁸⁵⁾ Крайне.

И, поїхавши, ихъ звичаю не похвалять
и въ далекомъ краю похвалою не прославятъ.
А то на Україні тутъ (Малороссійской) не всі міста вигодни,
же, побувавши гости, и поїдуть голодни.
Ежели у кого есть що за харчі у возі,
то якъ-кольвекъ такому надія у Бозі.
А въ Лядзскихъ и въ Литовскихъ краяхъ продавають
хлібъ и стравы, и корчми по шляхахъ зъ всіми вигодами мають,
Ажъ гостеві биваетъ вшелякая вигода:
конямъ харчи и самимъ пивомъ и медомъ охолода.
А тутъ въ насъ разві звичай той по містахъ валечнихъ,
якъ-то городахъ столечнихъ;
А въ маломъ місті гостю не питай поживити,
гдибъ ся замешкаль, то могль би душу уморити.

Въ сборникъ свой Климентій ввелъ на листкѣ 18, стихотвореніе: *О нехотящихъ труждатися честнымъ трудомъ, то есть о злодіяхъ*. При тогдaшнемъ устройствѣ Малороссіи и равнодушій гетманскаго правительства ко всему, что не касалось матеріальныхъ его выгодъ, разбои и воровства естественно могли совершаться по дорогамъ, въ городахъ и селахъ, безнаказанно. Климентій говоритъ:

.... въ сей нашей страні есть такихъ много зіло.
А теперъ намножило всюда душъ безбожныхъ,
бо не міють карностей отъ людей побожныхъ....

Не смѣя тронуть правительствовавшихъ въ гетманщинѣ лицъ, Климентій глухо говоритъ *о драпіжцахъ, нікогда ненасищеннихъ или тежъ о видирцахъ*, подъ которыми нельзя разумѣть одну мелкую начальственную братію, а должно разумѣть всю облеченную въ законъ правительственную тогдaшнюю іерархію: иначе — не пицаль бы народъ отъ грабителей, притѣсняющихъ его тайкомъ отъ старшихъ, и не вызвалъ бы со стороны паноугодливаго стихотворца довольно энергическаго протеста въ свою пользу:

Рече приповість: »Волкъ, що споткае, то зъяде«:
такъ и чоловікъ драпіжний нікому не даде,
Тилько радъ кую-любо персону лупити,
жеби могль якожъ-кольвекъ шкатулу набити.
Кому жъ, речемъ, подобень драпіжъ, токмо волку?

Далѣе онъ указываеъ на самовластіе старшинъ, не смѣя, однакожъ, явно назвать ихъ.

Кромъ ціле ся наречеть самъ всімъ господиномъ,
кгда жъ самъ ся постановилъ на то властелиномъ.
Прето и мито добро бъ вибирать помірно,
а не згола оскорблять бідний людъ безмірно.....

Ми исчерпали, по возможности, весь интересъ книги стихотворца Климентія, для наглядного изображенія въ наиболѣе ясномъ свѣтѣ тогдашняго времени. Общее впечатлѣніе наше таково: что Украина отпала отъ Польши не какъ здоровое гражданское общество, а какъ нація изнемогшая въ отчаянной борьбѣ и зараженная недугами, отъ которыхъ страдала сама Польша, — что новое гетманское правительство украинское, вмѣстѣ зъ союзнымъ себѣ духовенствомъ, злоупотребляло отвоеванную ему народомъ свободу и предалось стремленіямъ эгоистическимъ, упустивъ изъ виду идею миновавшей войны народной, — что при такомъ состояніи дѣль не могло существовать между гетманомъ Мазепою и Украинскимъ народомъ единства стремленій, каковы бь они ни были, и что съ его паденіемъ должно было неизбежно начаться и паденіе грѣшной гетманщины.

12 января 1859.

С. Петербургъ.

Кулиш П. Обзор украинской словесности. I. Климентій / П. Кулиш // Основа. — 1861. — № 1. — С. 159–234.

П. Кулиш

Обзоръ украинской словесности.

II. КОТЛЯРЕВСКІЙ.

Исторія Польши и Южной Руси, или Украины обѣихъ сторонъ Днѣпра, съ XVI по XIX вѣкъ, похожа на судьбу двухъ братьевъ, изъ которыхъ старшій хотѣлъ заставить меньшого на себя работать, — отъ этого вспыхнула между ними непримиримая вражда, старшій не хотѣлъ дать меньшому правъ равенства, меньшей не хотѣлъ подчиниться старшему до покорности слуги, и кончилось тѣмъ, что они взаимно другъ друга разорили, обезсилили, довели до послѣдняго упадка. Участи этихъ двухъ націй сходны не въ одномъ внѣшнемъ отношеніи. Конецъ ихъ отдѣльной, хотя уже давно не самостоятельной жизни, въ исходѣ XVIII столѣтія былъ временемъ упадка, какъ польской, такъ и украинской народности. Но когда, по-видимому, погасла и послѣдняя искра польскаго патриотизма и украинскаго козацкаго духа, — въ той и другой націи начали обнаруживаться признаки жизни, болѣе могучей и вѣрной, нежели существованіе политическое, часто подчиняющееся нравственнымъ достоинствамъ и недостаткамъ одного лица, — признаки своеобразной духовной жизни, опредѣляющей, что вынесъ народъ изъ своего прошедшаго, счастливаго и несчастнаго. Польская народность проявила себя въ обширной, энергической литературѣ, которая выразительнее всѣхъ Радзивиловъ, Потоцкихъ и Вишневецкихъ сказала свѣту, что такое Поляки разныхъ сословій и состояній и что такое Польская нація вообще, въ своемъ прошедшемъ и настоящемъ. Что касается до Украинцевъ, то у нихъ также, вслѣдъ за уничтоженіемъ и послѣднихъ остатковъ стариннаго своеобразнаго гражданскаго устройства,

обнаружились попытки къ выраженію своей народности предъ судомъ современнаго и будущаго человѣчества. Мы говоримъ о началѣ письменной украинской словесности. Но, поставивъ, ее въ параллель съ словесностью польскою, мы далеки отъ того, чтобы ихъ сравнивать въ могуществѣ и обширности развитія. Два брата-Славянина, Ляхъ и украинскій Русинъ, панъ и козакъ, родные по происхожденію, не похожи другъ на друга религіозными и общественными убѣжденіями. Прошедшая жизнь Украинца, какъ демократа, была постояннымъ противодѣйствіемъ жизнь Поляка, какъ пана, или же — молчаливымъ отрицаніемъ этой жизни. Кромѣ того, Ляхи жили поближе къ старой Европѣ и вдалились въ цивилизацію, со всѣми ея посягательствами на бдагоденствіе массы. Украинцы, напротивъ, отрицая безсознательно, но неизмѣнно, идею рѣчи посполитой, въ томъ видѣ, какъ она осуществлялась Поляками, — держались главными своими силами въ степяхъ и противопоставляли панской роскоши неприхотливую сносливоеть въ помѣщеніи, въ пищѣ и въ одеждѣ, ихъ утонченности нравовъ — естественную, доводимую иногда до грубости простоту, наконецъ, исключительности общественнаго устройства Польши — внушаемое самой природою пониманіе взаимныхъ человѣческихъ правъ и отношеній. Естественно, что и возродившаяся въ новомъ видѣ словесность одного и другого народа не могли быть ни одинаковы по симпатіямъ, ни равны по обширности и разносторонности развитія. Литература польская, возродясь въ духѣ новыхъ задачъ своихъ, опиралась на исторію многовѣковой гражданственности. Литература украинская, уступя Полякамъ то, что въ лѣтописяхъ и думахъ нашихъ называется городами, и отрекшись до поры до времени отъ своей доли связанныхъ съ ними гражданскихъ преданій, вдохновлялась безлюдными, необозримыми степями, шумящими лугами (186) и убогими селами, убѣжавшими въ глухія пустыни отъ польской гражданственности. Старшій братъ-Славянинъ примкнулъ, такимъ образомъ, съ своей словесностью къ міру старой европейской гражданственности, меньшей — къ міру еще свѣжему, полному юношескихъ великодушныхъ стремленій, поэтический грезъ и недовѣрчиво взирающему на успѣхи человечности, какихъ возможно достигнуть путемъ извѣстной доселѣ цивилизаціи

Впрочемъ эти слова относятся собственно къ дальнѣйшему развитію письменной украинской словесности; первое же популярное ея произведеніе носить на себѣ признаки глубокаго упадка народнаго чувства самосознанія и самоуваженія. Разумѣемъ Енеиду Котляревскаго. Популярность этой пародіи объясняется состояніемъ грамотной части украинскаго народа въ концѣ XVIII вѣка. Въ критическомъ разборѣ рукописной книги Климентія, украинскаго стихотворца временъ Мазепы, показано уже, какъ, подъ покровительствомъ не-народнаго гетмана и его креатуръ, выдѣлилось изъ козацкаго, въ то время еще

¹⁸⁶ Луть въ парадномъ языкѣ значить низменное надводное мѣсто, покрытое деревьями. Потому-то въ пѣснѣ поется:

Ой не шуми, луже,
Дібровою луже.

не-простонароднаго сословія, сословіе такъ называемыхъ пановъ, ставившихъ ни во что простолюдина (что, впрочемъ, тогда было и во всей Европѣ) и взиравшаго на посполитый людъ съ высоты своихъ выторгованныхъ на счетъ посполства привилегій. Это разбогатѣвшее военною добычею и займанщинами сословіе уже и тогда пренебрегало простонароднымъ бытомъ и языкомъ, подражая, сколько было для него возможно, иноземцамъ, якъ это видно изъ той же книги, не говоря ужъ о другихъ источникахъ. Я не стану томить читателя повтореніемъ тяжелыхъ, глухихъ семинарскихъ виршъ Климентія, которыя, точно подземный голосъ, вырвавшійся изъ молчаливыхъ могилъ, засвидетельствовали передъ потомствомъ, какъ ужасно было положеніе простолюдина во времена мнимой самостоятельности нашего отечества. Я хочу только сказать, что, насмѣявшись надъ простодушіемъ украинскаго посполства послѣ развязки нежинской черной рады, обманщики не остались на Украинѣ безъ послѣдователей.

Когда преданъ былъ Бруховецкій восторжествовавшему надъ нимъ Дорошенку, лукавая партія Бруховецкаго, безъ сомнѣнія, увеличилась не однимъ союзникомъ. Когда предпочтенъ, былъ Дорошенку ничтожный эгоистъ Многогрѣшный, — она еще больше усилилась. Когда Самойловичъ привлекъ ее къ себѣ на гибель Многогрѣшному, — она вкоренилась на Украинѣ еще глубже. Когда Мазепа составилъ между старшинами партію противъ гетмана Самойловича и, дѣйствуясь съ ней заодно, подѣлился съ княземъ Голицынымъ національнымъ скарбомъ, — это была всё она же, та самая партія, которая вооружила противъ Сомка простой народъ и потомъ горько надъ нимъ наругалась. Гетманство Мазепы было временемъ наибольшаго процвѣтанія козацкихъ пановъ, на счетъ низшихъ классовъ украинскаго иаседенія. Ни одинъ гетманъ не возвышался до такого самовластія, какъ Мазепа, и, сдѣдовательно, ни одинъ не могъ позволить себѣ такихъ крупныхъ злоупотребленій. Чѣмъ ниже клонилъ онъ голову передъ царемъ Петромъ, тѣмъ надменнѣе держалъ ее передъ тогдашнею Украинскою націею, этой простодушной толпою, столько разъ уже проданною своими предводителями со временъ знаменитаго возстанія Хмельницкаго. Набожный безъ вѣры въ распятаго за слово истины, отважный безъ самопожертвованія, онъ обманывалъ людей, для него опасныхъ, и передавался на сторону сильныхъ. Такъ поступали и его полковники и генеральные старшины, дѣйствовавшіе съ нимъ заодно, изъ личныхъ выгодъ, Украина, съ ея народонаселеніемъ, послѣ паденія Мазепы, представила возмутительную картину дѣлежа національной собственности между послѣдователями его системы, его непосредственными учениками, и множествомъ ихъ мелкихъ подражателей, которые, увиваясь вокругъ нихъ, жилились ихъ недоѣдками. Исторію отъ Мазепы до Разумовскаго можно назвать исторіею расхищенія національной собственности всѣми благовидными и неблаговидными способами. Наконецъ, когда нечѣмъ было уже дѣлиться, козацкіе паны подѣлились подсосѣдками, которыхъ еще Мазепинскій поэтъ, Климентій, называлъ, за вольный переходъ съ однихъ земель на другія, бунтовниками на своихъ пановъ.

Да, козацкая старшина, при всемъ демократизмѣ своего происхожденія, была роднымъ чадомъ польской аристократіи XVII вѣка, съ которою, въ благородной гордости и презрѣніи къ хлопамъ, не могла равняться ни одна аристократія въ Европѣ. Главою поднятой въ 1647 году на пановъ демократіи украинской былъ прежній угодникъ магнатовъ, панскій придворный и, въ добавокъ, питомецъ Іезуитовъ. Неразборчивый въ средствахъ для достиженія своей цѣли, Богданъ Хмельницкій первый пожертвовалъ простолюдинами для соблюденія собственныхъ выгодъ и выгодъ воинственной части Украинцевъ, обзпечивавшей его благосостояніе. Въ сдѣлкахъ своихъ съ Поляками, онъ не одинъ управлял мнѣніями верховнаго козацкаго совѣта: его правой рукой и совѣстью былъ такой же, какъ и онъ, шляхтичъ Выговскій, а кромѣ Выговскаго, въ козацкое войско передалось множество дворянъ, которые, при всякомъ удобномъ случаѣ, поселяли въ знатнѣйшихъ козакахъ убѣжденія польскихъ аристократовъ. Іезуиты, просвѣщавшіе Польское королевство со временъ Баторія, вдохнули свой нечистый духъ не въ однихъ катлическихъ магнатовъ, не въ однихъ окатоличенныхъ русско-литовскихъ князей, не въ однихъ остававшихся вѣрными греко-русскому обряду пановъ-богачей, но и во все то, что пользовалось правами шляхетства, или, что почти одно и то же тогдашнему, правами гражданства (187). Вотъ почему козацкая нація, отвергнувъ іезуитско-польское аристократическое начало во внѣшнихъ формахъ, сохранила его въ духѣ своихъ вельможныхъ и ясновельможныхъ представителей. Вотъ почему разыгралась въ іезуитскомъ вкусѣ нѣжинская черная рада, имѣющая значеніе столь же великаго національнаго бѣдствія, какъ и Зборовскій договоръ, превознесенный всѣми лѣтописцами и историками (за исключеніемъ одного Костомарова). Вотъ почему Мазепа съ своею панскою партіею счумѣлъ заставить козаковъ выбрать себя гетманомъ, наперекоръ нелюбви къ нему. Вотъ почему онъ господствовал неограниченно въ Украинѣ до тѣхъ поръ, пока, играя по-іезуитски обязательствами, ошибся въ расчетѣ и принужденъ былъ уступить свое мѣсто ничтожнѣйшему изъ своихъ подковниковъ, Скоропадскому. Вотъ почему, наконецъ Скоропадскій, сознававшій свое безсиліе и не пренебрегавшій никакими средствами для удержанія за собой гетманства, подарилъ часть своей родины князю Меншикову, и этимъ актомъ, не встрѣтившимъ ни малѣйшаго протеста со стороны старшинъ допустилъ на Украинѣ первый примѣръ обращенія подсосѣдковъ въ то состояніе, въ какомъ очутились они всѣ съ 1782 года. Климентіевскій идеаль обладанія свободными подсосѣдками осуществился на Шентаковской волости и на примежеванныхъ къ ней; по волѣ всемогущаго временщика, земляхъ козацкихъ; и это вовсе не было противно господствовавшему въ Гетманщинѣ взгляду на простолудина. Лучшіе изъ тогдашнихъ вельможныхъ пановъ нашихъ охотно стали бы на мѣсто Меншикова и присвоили бы себѣ Шентаковскую волость по-меншиковски, если судить по Полуботку, который, по милости Конискаго и сочиненной

² Мѣщане пользовались правами гражданства, не пользуясь шляхетскими правами; но ихъ охраняло Магдебургское право, которое они покупали у королей и усената.

Конискимъ рѣчи, прослылъ героемъ украинскаго патріотизма, но которому патріотизмъ не мѣшалъ заниматься обманомъ и грабежомъ, подъ прикрытіемъ козацкаго полковничества(188). Безъ совершенной отроженности отъ простолюдиновъ и безъ глубокаго къ нимъ презрѣнія, наслѣдованнаго нашими панами отъ ихъ сановныхъ прототиповъ, Вишневецкихъ, Киселей, Радзивиловъ, не возможны были бы тѣ ужасныя дѣла, которыя творились въ Гетманщинѣ отъ Мазепы до Разумовскаго. Самъ Конискій, видѣвшій въ Полуботкѣ и въ другихъ, ему подобныхъ панахъ героевъ вольности народной, написалъ въ свременныхъ ему событіяхъ несколько кровавыхъ, глубоко потрясающихъ странаць, которыя, будучи подтверждены часто наивными свидѣтельствами архивовъ, останутся вѣчнымъ памятникомъ на могилахъ нашихъ вельможныхъ пращуровъ, умѣвшихъ продвѣтать и благоденствовать посреди гибели всего того, что куплено столь дорогою цѣною.

При такомъ обращеніи съ общественными интересами страны, могли ли наши новосотворенные изъ козацкихъ старшин дворяне уважать простонародные нравы, обычаи и языкъ? *Chłopska wiara!* говорили католики о вѣроисповѣданіи украинскаго простонародья. *Psia krew!* говорили паны XVII вѣка о своихъ подданныхъ. *Chłopi iestescie!* отвечали равные паны на требования правъ гражданскаго равенства со стороны козаковъ. Мужичкіе обычаи, мужичья рѣчь! твердили въ 1782 году наши дворяне, новопожалованные помѣщичьимъ нравомъ. И какъ имъ било этого не говорить, когда, столѣтіе назадъ, представитель письменнаго сословія, іеромонахъ Климентій, написалъ, что письменному человеку быть вмѣстѣ съ простымъ — все равно, что трезвому съ пьянымъ,

Бо въ простого мужика простий есть обичай,
а въ письменного особний, політичний, звичай.

Этотъ політичний звичай, развиваясь по началамъ мазепинской аристократіи, естественно долженъ былъ дойти до полнаго отчужденія отъ всего, что связываетъ любовно одно сословіе съ другимъ, кромѣ обрядовъ вѣры, какъ дѣла, равно обязательнаго для веѣхъ.

Когда въ Украинѣ явилось такимъ образомъ два общества, непохожіе друг на друга ни бытомъ, ни одеждою, ни обычаемъ, ни языкомъ, и когда сами козаки спустились мало-помалу до уровня податнаго сословія наравнѣ съ новозакрѣпощенными крестьянами; тогда въ сословіи модное слово мужикъ сдѣлалось словомъ укора (189). Неловкое, смѣшное, странное и нелѣпое — все это относилось къ низшимъ классамъ украинскаго населенія, и няньки панскихъ дѣтей, желая пристыдить своихъ питомцевъ, еще тогда начали употреблять свою ходячую фразу: Такъ только мужики дѣлають. На народные праздники и свадьбы начали, паны смотрѣть со смѣхомъ, какъ на диковинные обычаи

¹⁸⁸ См. акты изъ архива Н. А. Маркевича, приложение при II томѣ Записокъ о Южной Руси, стр. 348.

¹⁸⁹ Впрочемъ еще въ 1724 году Иродіонъ, архіепископъ черниговскій и новгородъ-ѣверскій, въ своемъ отвѣтѣ на запросъ генеральной канцелярии, называетъ козаковъ мужичкиными сынами и внуками. (Архивъ Н. А. Маркевича).

дикарей, и никому не приходило въ голову, что въ этихъ праздникахъ и свадьбахъ есть черты нравовъ, истинно высокихъ, истинно человѣческихъ.

Петръ Первый, торопясь утвердить новую имперію въ нѣмецкомъ духѣ среди славянскаго населенія, не зналъ ничего выше Нѣмца, съ его умѣньемъ рыться въ рудникахъ, лить пушки, строить корабли, выламывать солдат и сочинять бумаги. Онъ до того обрадовался готовому на все, работающему наемнику, что принялъ его къ себѣ, такъ сказать, въ долю на своей обширной фабрикѣ и поставилъ образцомъ для своего народа весь его обычай. Природными и искусственными Нѣмцами покрылось все пространство отъ Финскаго залива до Азова: ихъ правило — жертвовать живою массою въ пользу отвлеченной идеи государства пришлось по душѣ подготовленнымъ Поляками нашимъ украинскимъ панамъ, слѣдованныя нами отъ предковъ одежды и весь бытъ съ его разумной, дешевой простотою, очень скоро заменились у нашихъ пановъ модными нарядами, искусственностію жизни и ея обстановкою, не по средствамъ страны. Одѣваться и жить по-старому — признано было мужичествомъ. Явился ложный стыдъ — быть похожимъ на простаго поселянина въ чемъ бы то ни было: Отдѣлиться отъ другихъ сословій чѣмъ только возможно — сдѣлалось задачею нобилитованнаго украинскаго панства, и только люди отсталые, захолустники, будучи отцами чиновныхъ дворянъ, — не смотря на переименование изъ козацкихъ почетныхъ званій въ классныя чины, донашивали наследственные предковскіе жупаны и не стыдились походить языкомъ и домашнимъ бытомъ на людей податнаго званія, а вместе съ тѣмъ и на козаковъ, понизившихся цѣлою ступенью общественной лѣстницѣ.

Когда такимъ образомъ двѣ части одной и той же націи стали одна въ виду другой въ новыхъ для нихъ отношеніяхъ, то, естественно, онѣ показались одна другой странными и смешными. Простой народъ выразилъ свои понятія о панахъ въ пословицахъ и пѣсняхъ, за недоступностію для него литературнаго способа высказывать свой взглядъ на вещи. Что касается до высшаго сословія, то оно, съ самого того времени, какъ гетманъ козацкій явился въ пудре, окруженный пудреннымъ дворомъ своимъ, — почувствовало, въ лице богатѣйшихъ своихъ представителей, неудержимый хохоть отъ сравненія новомоднаго тогда, а въ наше время перешедшаго къ лакеямъ, костюма съ одеждами старомодными, сохраненными до сихъ поръ простомъ народѣ. Не только жупаны, шаровары, чуприны, усы сделались смешны напудреннымъ и гладко выбритымъ подражателямъ воспитаннаго за границей гетмана, но и самый обычай и языкъ роднаго края показались имъ чудовищно грубыми и смѣшными. Хохоть ихъ былъ родной братъ того хохота, которымъ Бруховцыгъ провожали омороченныхъ ими простолюдиновъ съ черной рады. Торжествующи пройдоха никогда не смѣшонъ въ глазахъ такъ называемыхъ практическихъ, людей, обдѣлывающихъ свои делишки безъ далынихъ умствованій: смѣшонъ, въ ихъ глазахъ, тотъ, кого надулъ онъ, обобралъ и запрегъ въ свое ярмо. Жестокий и бессмысленный смѣхъ! Но судьба казнить этимъ смехомъ народы за ихъ беззаботность о судьбѣ своей, за ихъ неразумные

внутренніе раздоры, за ихъ забвеніе равно для каждаго святыхъ обязанностей общественныхъ, и, чтобы еще больше наругаться, въ гнѣвѣ своемъ, надъ раздѣлившимся на ся народомъ, она выбираетъ исполнителями казни своей тѣхъ именно людей, которые, въ противномъ случаѣ, были бы опорой и честью родного края.

Съ того-то времени появились между Украинцами эти юмористы, которыхъ цѣлые десятки, по преданію, выманили себѣ своими шутками чины и имѣнія у знатныхъ и могучихъ людей. Успѣхомъ у вельможъ они были обязаны смѣлости — казаться тѣмъ, чѣмъ они въ самомъ дѣлѣ были, по своему воспитанію, то есть простолюдинами, или — искусству представлять простолюдина съ его честнымъ простодушіемъ и природнымъ, затаеннымъ умомъ. Весь ихъ юморъ вертѣлся на томъ, чтобы дать почувствовать офранцузенному и онѣмеченному Русскому человѣку, до какой степени не похожъ на него человѣкъ, оставленный имъ в простой хатѣ, изъ которой онъ иногда и самъ выходилъ в чиновные люди, какъ гетманъ Разумовскій. Эти шуты не были люди ограниченныхъ способностей. Напротивъ, ихъ способности не рѣдко были таковы, что еслибы они шли по пути чести и истины, то могли бы поставить себя высоко во мнѣніи потомства. Но эти господа разочли, что такимъ путемъ далеко не уѣдешь, при тогдашнемъ развитіи протекторства, и рѣшились лучше осмѣять его в своемъ лицедѣйствѣ передъ пудренною публикою. Они смекнули, что путемъ чести и истины легко было, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, заѣхать, по слѣдамъ Палія, въ Сибирь, и благоразумно избрали девизомъ своимъ пословицу: Скачи, враже, якъ панъ каже! Они, наконецъ, въ трудныхъ обстоятельствахъ жизни, дѣйствова-ли по примѣру юродивыхъ смѣльчаковъ разныхъ временъ и народовъ, какъ, на примѣръ, представители Запорожья передъ разрушеніемъ Сѣчи (хотя эта устарѣлая хитрость не устояла противъ хитрости новѣйшей, возведенной въ достоинство государственной науки, и запорожскіе братчики вдругъ увидѣли себя убранными въ шоры.)

Гоголь, зная по преданію, какъ извивались мудрой змією Сѣчевики какъ-бы въ предчувствіи близкой гибели, — пытался представить ихъ въ художественной картинѣ при дворѣ Екатерины Второй; но картина вышла бойкимъ эскизомъ, который даетъ только чувствовать, что в самомъ дѣлѣ было что-то этому подобное въ нашей смѣшной и трагической исторіи. Другой извѣстный намъ образчикъ юмора, отъ котораго хочется плакать, принадлежитъ словесности изустной, потѣшавшей вельможъ XVIII вѣка. Я говорю о такъ названной мною Очаковской, пересказанной мнѣ въ полуразоренномъ Мотренинскомъ монастырѣ отставленнымъ и убогимъ его настоятелемъ, въ 1843 году, со словъ какого-то полковника Перепелицы (190).

Вникнувъ въ положеніе козаковъ, представленныхъ въ этомъ характеристическомъ разсказѣ, видишь ясно, что имъ ничего больше не осталось дѣлать, какъ смѣяться надъ самими собою. Но сколько жалобы тоски въ этомъ смѣхѣ! Судя по нынѣшнимъ живымъ обрашкамъ дворянъ-

¹⁹⁰ См. *Зап. о Южн. Руси*, т. I, стр. 289.

юмористовъ, получающихъ доступъ въ знатный кругъ за свои анекеты о простолюдинахъ, – полковникъ Перепелица былъ, вѣроятно, раскащикъ ex professo. Подобно актеру, которому безъ сцены скучно, онъ представилъ, въ монастырѣ, на богомольи, обрачикъ-другой своего искусства, и едвали сознавалъ, что, пародируя козацкую службу послѣднихъ годовъ существованія національнаго своего войска, онъ говоритъ такъ много горькой правды. Но какъ бы то ни было, только съ упадкомъ національности въ начальствовавшихъ и богатѣйшихъ Украинцахъ, съ появленьемъ на вельможныхъ козацкихъ головахъ нелѣпой пудры, а на вельможныхъ козацкихъ женахъ нелѣпыхъ фижмъ, нетитулованный козакъ, оставшійся при своемъ предковскомъ жупанѣ, сдѣлался въ высшемъ кругу такъ смѣшонъ, какъ былъ бы смѣшонъ въ обществѣ хромоногихъ людей человѣкъ, ходящій прямо. Наши паны поклонились до земли сыну убогой козачки Розумихи изъ села Лемешей (191), когда онъ, сказочной игрой случая, воротился къ нимъ на Украину въ видѣ французскаго маркиза, и поставили его особу и его дворъ образцомъ для себя въ усовершенствованіи своего общественнаго и домашняго быта. Иноземная роскошь, доступная прежде только немногимъ фамиліямъ, распространилась отъ сіятельнаго козацкаго сына, какъ-будто самой судьбою избраннаго на то, чтобы поддержать въ окружавшихъ его духъ польскаго шляхетства. Шафонскій, въ своемъ Описаніи Черниговскаго Намѣстничества (стр. 26), говоритъ: «До 1751 года, то есть до прибытія въ Малую Россію графа Кирилла Григоріевича Разумовскаго на гетманство, ни у десяти самыхъ первѣйшихъ Малороссійскихъ вельможъ не было каретъ, а ѣздили почетнѣйшіе въ четверомѣсныхъ, а прочіе въ половинчатыхъ коляскахъ. Нынѣ во всякомъ почти городѣ и уѣздѣ нѣсколько можно оныхъ, встрѣтить. «Вотъ почему тотъ же Шафонскій говоритъ далѣе: «Аллегорическіе обряды и церемоніи при свадьбахъ, у простыхъ и теперь употребляемые, у почетнѣйшихъ вывелись.»

И одни ли свадебные обряды вывелись у людей, назвавшихся почетнѣйшими? Сколько новаго, чужеземнаго приняли они на-вѣру отъ такихъ людей, какъ Разумовскій, которые не могли себѣ представить ничего выше обычаевъ Версальскаго двора! Вывелся у нихъ страхъ общественнаго суда, потому что общественный судъ ограничивался небольшимъ числомъ панскихъ родовъ, выдѣлившихся изъ козацкаго сословія, которое смѣялось, въ своихъ семьяхъ, надъ пудрою, какъ надъ нелѣпостью, и гнушалось фижмами и открытыми до послѣдней возможности лифами, какъ надъ пристойностью. Вывелся у нихъ обычай водить хлѣбъ-соль, вступать въ родство, свойство и кумовство съ людьми, которые оставались вѣрными здоровой простотѣ нравовъ, образовавшихся на родной почвѣ дѣйствіемъ родной исторіи. Вывелось правило, при заключеніи брачныхъ союзовъ, цѣнить выше всего честный родъ, на мѣсто котораго поставлень, по примѣру гетмана Скоропадскаго, родъ знатный (192). Измѣнился, наконецъ, и самый взглядъ на

¹⁹¹ Черниг. губ. Козелецкаго. уѣзда.

¹⁹² Гетманъ Скоропадскій, въ глубокомъ своемъ униженіи, которому обязанъ и булавою, не смѣлъ воспользоваться даже въ собственной семьѣ своей человѣческими правами и всеуниженнѣйше просилъ Петра Перваго назначить его дочери жениха, который и былъ назначенъ изъ велико-русскихъ баръ.

все, что, въ простыхъ формахъ, имѣло прежде свое значеніе и вѣсь. Въ то отдаленное отъ насъ время, когда простолюдина называли смердомъ, и въ то время, когда его стали называть хлопомъ, не больше было разстоянія между нимъ и сословіемъ привилегированнымъ, какъ и въ этотъ третій періодъ его существованія подъ именемъ мужика. На родной его почвѣ, подъ вліяньемъ чужой народности, въ третій разъ уже выдѣлились изъ него люди, возгнушавшіеся коренными его нравами и обычаями. Но в первые два періода дѣло обошлось живымъ словомъ, которое лишь случайно попало подъ перо поклонявшихся силѣ и богатству иноковъ, ученыхъ схоластиковъ в важныхъ государственныхъ мужей; въ третьемъ же періодѣ, подъ литературнымъ вліяньемъ современнаго міра, явился письменный и печатный органъ презрительнаго взгляда на простонародье и на все, во что оно простодушно вѣруеть и чѣмъ держится въ своей зоровой нравственности. Мы говоримъ о Котляревскомъ. Въ его перелицованной Енейдѣ собрано все, что только могъ найти панъ каррикатурнаго, смѣшнаго, и нелѣпаго въ худшихъ обрацикахъ простолюдина.

Котляревскій былъ человекъ добродушный, и среда, къ которой онъ принадлежалъ, не состояла изъ людей жестокосердыхъ. XVIII-й вѣкъ, надѣлавший столько бѣды въ пашей Украинѣ, смотрѣлъ по-своему на дѣянія и не предвидѣлъ, какъ они отзовутся въ потомствѣ. Сохраняя преданіемъ черты нравовъ общества, которое создало Котляревского, во многихъ случаяхъ отличаются идиллическою мягкостію; но та мягкость относилась не ко всѣмъ сословіямъ. Сфера заботливаго тогдашняго дворянина ограничивалась людьми его сословія и состоянія. Онъ дорожилъ мнѣніемъ себѣ подобныхъ; онъ исполнялъ обязанности гостепріимства и дружелюбія къ себѣ подобнымъ; его катихизисъ озарялъ передъ его совѣстью только равныхъ ему и оставлялъ въ густой тѣни ближнихъ другого рода. Участіе и помощь были оказываемы добрыми людьми того времени и простолюдинамъ, но это дѣлалось между прочимъ, и походило больше на прихоть доброты, чѣмъ было добротою въ самомъ дѣлѣ. Котляревскій, по преданію, не разъ вступался за обиженныхъ сутягами козаковъ полтавскихъ, и домикъ его въ Полтавѣ былъ извѣстенъ убогимъ челобитчикамъ; но посмотрите, какъ проводитъ онъ жизнь свою, къ кому онъ льнетъ, передъ кѣмъ разсыпается въ угожденьяхъ; послушайте его анекдотовъ въ кружкѣ пріятелей – и для васъ будетъ ясно, какая сторона жизни должна поражать его въ простолюднахъ.

Иванъ Петровичъ Котляревскій воспитывался въ Полтавской семинаріи, былъ домашнимъ учителемъ въ помѣщичьихъ семействахъ, потомъ служилъ въ арміи, наконецъ вышелъ въ отставку съ чиномъ капитана и поселился въ отцовскомъ домикѣ своемъ, въ Подтавѣ. Его воспитаніе совпало съ эпохой протеста противъ деспотическаго классицизма, – протеста, выразившагося въ европейскихъ литературахъ о-бніемъ боговъ и героевъ. По преданію, онъ еще въ семинаріи началъ перелицовывать Енеиду Вергилія на каррикатурно-украинскій языкъ. Кому онъ подражалъ и былъ ли ему извѣстенъ тогда Скарронъ или Баумгартенъ, это занимаетъ насъ мало. Мы только знаемъ, что,

поступя въ военную службу, Котляревскій прославился своей пародіей не на шутку. Уже самая мысль – написать пародію на языкъ своего народа показываетъ отсутствіе уваженія къ этому языку. Но Котляревскій заплатилъ дань своему вѣку, будучи не въ силахъ стать выше его понятій. Троянскій герой, въ видѣ украинскаго бродяги, смѣшилъ товарищей Котляревскаго до слезъ, и рукопись его начала ходить по рукамъ. Помѣщики украинскіе расхохотались надъ Енеидою не хуже офицеровъ; расхохотались надъ нею и ихъ лакеи, уже непохожіе на техъ, отъ кого они отрознены дворовою жизнью и съ кого списаны Котляревскимъ каррикатурные портреты. Одни простолюдины не смеялись: имъ было не до Енеиды.

Въ то время едвали какой другой родъ украинской словесности могъ быть встрѣченъ нашею украинскою публикою съ сочувствіемъ. Понятіе о своей самобытной народности въ ней не существовало. Семинаріи и народныя училища увѣряли каждого школьника, посредствомъ учебниковъ, что Ломоносовъ и Державинъ одни должны служить образцами высокой мысли и высокой речи. Еще не умолкали оды къ Россу, которому будто бы ничего больше не оставалось делать, потому что его «великихъ дѣлъ полна вселенна», а уже новый геній русскаго просвѣщенія, Карамзинъ, не всѣми покамѣсть признанный ради его новости, «въ сладостномъ упоеніи обнимался съ музами и мечталъ для потомства.» Что оставалось дѣлать талантливому человѣку, владеющему только языкомъ простонароднымъ, да еще и не тѣмъ, на которомъ говорятъ земляки Державина и Карамзина? Оставалось идти по стѣдамъ Украинцевъ-анекдотистовъ, которые черпали содержаніе своихъ рассказовъ чаще всего изъ простонародного быта. Нашего взгляда на этотъ бытъ Котляревскій имѣть не могъ, по духу своего времени, а его время умѣло только смѣяться надъ тою сферою жизни, которая была ему больше всего извѣстна. Не смотря на множество дворянъ, подражателей Разумовскаго, въ нашей Украинѣ родной языкъ и родные обычаи не вывелись еще вообще между классомъ образованнымъ, и могла бы, по-видимому, существовать симпатическая связь между различными сословіями; но школы и высшіе по-тогдашнему круги общества представляли анти-народные образцы вкуса и самихъ нравовъ; все стремилось отдѣлиться отъ простонародной жизни, какъ отъ какого-то варварства, и, отдѣлясь болѣе или менѣе, оглядывалось назадъ не иначе, какъ со смѣхомъ и пренебреженіемъ. Котляревскій, будучи, по своей поэтической природѣ, самымъ выразительнымъ органомъ современнаго взгляда на вещи, высказалъ громче другихъ, писаннымъ и печатнымъ словомъ, что такое для него былъ нашъ народъ съ его своеобразною, не-чужеземною жизнью. Тотъ вѣкъ вообще былъ последнею пробою нашей народности, которая упала мало-помалу до безезнательнаго состоянія; но ничто не подвергло ее столь опасному испытанію, какъ пародія Котляревскаго. Пока съ человѣкомъ спорять, пока чѣловека преслѣдуютъ злоречіемъ или клеветою, – онъ еще не погибъ во мнѣніи своихъ приверженцевъ: они еще чувтъ въ немъ силы, вызывающія противодѣйствіе. Но когда его равнодушно осмѣиваютъ, – это послѣдній приговоръ живой, деятельной массы надъ человѣкомъ отжившимъ. Такъ

именно осмеивали во времена Котляревскаго украинскую народность, и только богатство скрытыхъ отъ толпы ея сокровищъ спасло ее отъ всеобщаго и окончательнаго отверженія. Самъ Котляревскій, какъ человѣкъ съ талантомъ, не могъ быть совершенно слѣпъ къ этимъ сокровищамъ и заговорилъ въ послѣдствіи другимъ языкомъ о томъ народѣ, который ему, какъ семинаристу, какъ домашнему учителю въ помѣщичьихъ семействахъ и армейскому офицеру, представлялся только съ карикатурной своей стороны. Когда сличите первыя три книги Енеиды съ остальными, вы увидите, что грубый, но искреннѣйшій комизмъ измѣняетъ автору болѣе, и наконецъ переходитъ въ насильственную карикатуру. Самый языкъ, въ началѣ свободный и вѣрный образцамъ кабачной украинской бесѣды, подъ конецъ дѣлается неловкимъ и смѣшивается съ книжнымъ великорусскимъ. Можно это объяснить тѣмъ, что у автора не хватило коммерческаго дара на всю поэму; но едвали не будетъ вѣрнѣе предположеніе, что, войдя въ жизнь народа посредствомъ смѣхотворнаго исчисления ея принадлежностей, авторъ смутно почувалъ незаконіе своего смѣха и подъ конецъ смѣялся ужъ безъ искренности. Одинъ разъ онъ вовсе измѣнилъ своему тону и вдругъ, посреди благодушнаго розлагольствованія о войнѣ пьяныхъ царей и героевъ, мы слышимъ отъ него стихи вовсе не шуточные:

Такъ, вѣчной памяти, бувало
У насъ в Гетьманщині колись,
Так просто військо шикovalo,
Не знавши: стій, не шевелись!
Такъ славніі полки козацькі:
Лубенський, Гадяцький, Полтавський,
Въ шапкахъ було, якъ макъ цвітуть...
Якъ грянуть, сотнями ударять,
Передъ себе списи наставлять,
То мовъ метлою все метуть.

Котляревскій былъ вѣренъ духу времени, и въ этомъ состоятъ, какъ его литературная заслуга, такъ и вредъ, который онъ нанесъ украинской словесности. Его Енеида служитъ для насъ призмою, сквозь которую мы видимъ украинское простонародье въ томъ видѣ, въ какомъ оно представлялось отцамъ и дѣдамъ нашимъ; но та же самая поэма, концентрировавъ въ себѣ тогдашнія понятія о простонародномъ бытѣ, заслонила передъ глазами современниковъ поэтическія и моральныя ея стороны. Самъ Котляревскій, какъ уже сказано, освободился въ нѣкоторой степени отъ первоначальнаго своего взгляда на дѣло, но, будучи созданиемъ своего вѣка и общества, и не обладая способностями гениальными, онъ былъ не въ силахъ возвыситься надъ ними такъ, чтобы твореніями свѣжими и энергическими пересоздать общественный вкусъ и общественныя понятія. Его пѣсня: Віють вітри, вѣроятно, не единственная сочиненная имъ пѣсня, не далеко ушла внутреннимъ содержаніемъ отъ русскихъ романсовъ его земляка Капниста, и только языкъ и голос ея привели ее, черезъ барышень и ихъ прислугу, въ городской и

подгородный народъ полтавскій, а потомъ распространили и по другимъ местамъ на Украинѣ. Но и самая эта популярность ея свидѣтельствуешь, какъ далека была публика Котляревскаго отъ пониманія пѣсенъ народныхъ, которыя безконечно изящнѣе по формѣ и глубже по содержанію этого произведенія стихотворца. Будучи въ послѣдствіи частымъ гостемъ-анекдотистомъ у малороссійскаго военнаго губернатора, князя Рѣпина, Котляревскій написалъ для его домашняго театра двѣ пьесы: Наталку-Полтавку и Москаля-Чарівника. Обе онѣ говорятъ много въ пользу его природнаго таланта, но очень мало в пользу его литературнаго вкуса. Авторъ знаменитой пародіи, разсмѣшившіи всю Украину, умѣлъ отыскать въ украинской простонародной жизни трогательное рядомъ съ комическимъ и до известной степени сообщить некоторымъ изъ своихъ действующихъ лицъ художественную индивидуальность; но его герои и героини часто выражаются языкомъ Добронравовыхъ, Правдолюбыхъ, и терпимы до сихъ поръ на сценѣ, въ исправленномъ видѣ, больше за свои костюмы и напѣвы. Но вслушайтесь, что они поютъ рядомъ съ куплетами изъ народныхъ пѣсенъ!... Въ ихъ песняхъ, сочиненныхъ Котляревскимъ, столько же народнаго духа и вкуса, какъ и въ самыхъ монологахъ. Всѣ таки въ этихъ пьесахъ Котляревскій шагнулъ далѣе, чѣмъ въ Енеидѣ, къ вѣрному изображенію украинскаго народа и обнаружилъ уваженіе къ его простымъ человѣческимъ чувствамъ. Природное чутье сценическихъ условій въ авторѣ и нѣсколько удачныхъ чертъ простонародныхъ нравовъ съ комической стороны поставили Наталку-Полтавку и Москаля-Чарівника выше многихъ, если не всѣхъ, пьесъ тогдашняго театра. Но, освободясь отъ легкомысленнаго смеха надъ народомъ, Котляревскій впалъ тутъ въ другую крайность – въ аффектацію и сантиментальность, отъ которыхъ въ то время не былъ свободенъ ни одинъ русскій писатель.

Да, Котляревскій служить печальнымъ доказательствомъ, въ какой мѣрѣ каждый природный талантъ зависитъ не только отъ требованій вѣка, но и отъ вкуса окружающаго его общества. Это тѣмъ болѣе печально, что каждый сильный талантъ, выражая въ себѣ итогъ современныхъ понятій о жизни, утверждаетъ ихъ надолго въ своемъ обществе и даетъ законность господствующему въ немъ литературному вкусу. Сочиненія Котляревскаго, при всей своей каррикатурности съ одной стороны и аффектаціи или сантиментальности съ другой, сильно подействовали въ свое время на всѣхъ, кому доступенъ былъ языкъ украинскій. Онъ былъ единственный писатель, воспроизведшій всѣми забытую или пренебреженную жизнь украинскаго простонародья. Онъ одинъ отдѣлился отъ хора писателей, твердившихъ на другомъ языкѣ, каждый по-своему. «О Россѣ, о подвигъ исполина!» или въ сладостномъ упоеніи обнимавшихся съ чужеземными музами. Это его заслуги. Но его стихи, его простонародные образы, врѣзываясь въ память тогдашняго молодого поколѣнія, какъ единственные образцы укяинской литературы, съ одной стороны, приучали смотрѣть на народъ, какъ на предметъ беззаботной шутки, съ другой – придавали его жизни чуждый ей, занесенный изъ другой сферы искусственный характеръ; и когда для этого молодого поколѣнія

наступила пора высказать свой взглядъ на народъ въ свою очередь, — оно, въ произведеніяхъ новыхъ писателей своихъ, не могло вполнѣ отдѣлаться отъ того, что можно назвать однимъ словомъ котляревщина. Комически-карикатурное и идиллически-сентиментальное, эти двѣ крайности произведеній Котляревскаго, сдѣлались Сциллою и Харибдою для живописцевъ украиной жизни, и только самые сильные изъ нихъ не были поглощены тою или другою пропастью. На помощь однимъ явилось уразумѣніе достоинства нашей протонародной жизни и поэзіи, на помощь другимъ — строгое изученіе нашего прошлаго. Тѣмъ не менѣе котляревщина, съ той или другой стороны, отражается до сихъ поръ во многихъ, по видимому совершенно независимыхъ произведеніяхъ украинской словесности, не говоря ужъ о цѣлой массѣ плохихъ стиховъ и прозы, появившихся въ печати или ненаходящихъ для себя издателя.

Причиной этому не одно литературное преемство авторовъ, неизбежно наслѣдующихъ еще въ нѣжномъ возрастѣ хорошее и дурное, верное и ошибочное отъ своихъ предшественниковъ, не одно удаление отъ народа, обусловливающееся нашимъ воспитаніемъ и городскою, по большей части столичною, а не то — заграничною жизнью, но также и требованія вкуса той части общества, которую составляютъ первые и самые вліятельные наши читатели. Большинство этихъ читателей, при всей своей литературной образованности, слишкомъ мало знакомо съ памятниками украинской народной словесности и получило первыя понятія объ украинскомъ народѣ не отъ него самого, а отъ людей своего класса, изображавшихъ народъ, стоя на извѣстныхъ подмосткахъ. Наше читающее общество украинское сосредоточивается большею частью въ столицахъ; оно прямо или косвенно передаетъ свои воззрѣнія журналамъ; журналы, въ свою очередь, распространяютъ его по направленію своихъ радіусовъ въ массѣ грамотнаго городского народа, и такимъ образомъ дѣятели украинской словесности постоянно окружены особенною, не совсѣмъ здоровою атмосферою критическихъ сужденій, которая не можетъ не отражаться и на ихъ дальнѣйшихъ произведеніяхъ. Между тѣмъ преемственное вліяніе котляревщины вывѣтривается очень мало, по недостаточности указанныхъ мною противодѣйствій, и задерживается старыми и новыми литературными авторитетами, которыхъ до сихъ поръ еще не коснулась независимая критика, основанная на изученіи современнаго населенія Украины и ея прошедшей жизни. Въ свое время и въ своемъ мѣстѣ мы покажемъ вліяніе или отголоски котляревщины не въ одномъ талантливомъ произведеніи украинской литературы; теперь же займемся самимъ Котляревскимъ.

Вглядываясь глубже въ его літературную личность, нельзя не замѣтить на ней отпечатка меценатства, котораго искали вообще русскіе писатели его времени, которымъ они болѣе или менѣе даже гордились передъ людьми, не имѣющими доступа въ знатный кругъ, и которому охотно, съ какой-то дѣтской угодливостью подчиняли свои способности. Мы не входимъ здѣсь въ насущные побужденія, управлявшія тогдашними писателями, для которыхъ общество, въ

нынѣшнемъ смыслѣ слова, ещо не существовало, и обращаемъ вниманіе читателей на голый фактъ. Котляревскій былъ принятъ, какъ гость, въ домахъ князя Куракина, князя Лобанова-Ростовскаго, князя Репнина, графа Кочубея, графа Ламберта и генерала Бѣлухи-Кохановскаго; словомъ, его влекло всюду, гдѣ пахло знатностью и богатствомъ, хотя, съ другой стороны, его, конечно, привлекала туда и образованность домашнихъ круговъ (но какая!). Онъ не ограничивался чтеніемъ своей Енеиды, подѣ веселый часъ, въ кругу снисходительныхъ своихъ меценатовъ. Онъ угощалъ ихъ смѣшными анекдотами, которыхъ основаніемъ чаще всего было невѣжество простолюдина, говорившаго, вмѣсто молебень, белебень, воображавшаго, что при освященіи воды необходимо крикнуть на народъ: не товптесь! и т. п. (193). Чтобы наполнить часы протекторскаго досуга иными развлеченьями, онъ сочинилъ двѣ театральныя пьесы и, вѣроятно, сочлнилъ бы ихъ гораздо больше, еслибы встрѣтилъ больше поощренія. Но меценаты Котляревскаго, видно, зѣвали, смѣясь курьезнымъ выраженьямъ такихъ лицъ, какъ Воный и Супрунь, а серьезныя части пьесъ, въ которыхъ выставлены достоинство убогой жизни и постоянство любви, не внушали имъ особеннаго сочувствія, — и Котляревскій остановился на первыхъ опытахъ своего драматизма, вызванныхъ, очевидно, не потребностью самодѣятельнаго творчества, не настоятельной нуждою дѣятельной среды, а случайнымъ внушеніемъ небольшого кружка, искавшаго въ его пьесахъ легкой забавы. По духу своего времени, онъ не могъ видѣть въ украинской литературѣ занятія столь же серьезнаго, какъ и служба, и, вѣроятно, смотрѣлъ на свой талантъ, какъ на одно изъ средствъ расположить въ свою пользу перваго человѣка въ обществѣ, когораго благосклонность возвышала его въ глазахъ другихъ отставныхъ капитановъ и могла увеличить, какъ и дѣйствительно случилось, его средства къ существованію. Доказательствомъ этому служить, между прочимъ, сочиненная имъ похвальная ода малороссійскому генераль-губернатору, князю Куракину, наполненная грубою лестью. Кстати помѣстимъ ее здѣсь, какъ неизвѣстную еще доселѣ въ печати:

Гей, Орфію небораче!
Де ти змандрувавъ відъ насъ?
Якъ би тільки ти, козаче,
Мні підъ сей згодився часъ!
Кажуть про тебе издавна,
Що у тебе кобза гарна,
Кобза дивная така,
Що якъ забриньчишь руками,
То и гори зъ байраками
Стануть бити гоцака.

Глянь, Орфію, глянь изъ неба,
Дай кобзури мні своей:
Мні играти пісню треба,

¹⁹³ Намъ сообщено рукописное собраніе анекдотовъ Котляревскаго, но мы не хотимъ утомлять читателей пересказываньемъ болтовни, которая потеряла свое забавное значеніе съ перемѣною взгляда на вещи.

Пісню гарную на ней,
Треба голось піднімати,
Зь новимь годомь поздравляти
Пана милого того,
Що и паномь будь уміе,
И, якь батько, не жаліе
Живота для нась свого.

Алексію, любий пане!
Я про тебе річь почавь,
Да боюсь, якь словь не стане,
Щобь ти мні не накричавь,
Бо я напередь признаюсь,
Що я зь музами не зналюсь,
Тільки трохи чувь про нихь.
Да и музи лобь нагріють,
Поки проспівать успіють
Половину діль твоїхь.

Я про те мовчати буду,
Що стрічками скручень ти,
Що на тобі, мовь на чуду,
Де не глянешь, все хрести;
Що нельзя зглянуть очями
На жупань твій за звіздами,
Якь на сонце середь дня,
Що одь стрічокь шйя гнетця,
Що иззаду ключь товчетця.
Все, мабудь, се не бридняя!
Не Чернігівь, не Полтава
Сее все тобі дала:
Знать, давно, про тебе слава
Вь Петербурсі загула;
Знать, ти добре тамь труждався,
Не по запечку валявся,
Що попавь царю підь ладь.
Знавь и царь, сь кимь подружити,
На кого ярмо зложити;
Ажь теперь и самь вінь радь.
Радь вінь, що ярмо ти тягнешь,
Не гнучись, якь добрий віль;
День и нічь відь поту мякнешь,
Добре робишь, скілько силь.
Радь сказати правду-матку,
Що кругенькую загадку
Нашимь ти задавь панамь;
Бо, щобь мали чисті души,
Щобь держали строго уши,
Ти собой іхь учишь самь.

И до-віку не забуду,
Якь разь я кь тобі прийшовь...-

Ахъ, мій Боже, скільки люду
Всякого я тутъ найшовъ!
Повні сіни, повна хата
Нашего набита брата,
Ажъ нельзя пропхнутись мні,
А попівъ, купцівъ да панства
И жидівъ, того плюгавства,
Мовъ на ярмарку въ Ромні!
Всі жъ не зъ балами стояли,
Всі були по ділу тутъ,
Папірки въ рукахъ лержали,
Хто багацько, хто лоскутъ;
Хто чоломъ бивъ на сусіда,
Хто на пана-людоіда,
А по-просту – на суддю,
Що за цукоръ да за гроши
Изробивъ судъ нехороший,
Цілу розоривъ семью.
И такихъ булб доволі,
Що проха.ш на пачівъ,
Що пани, по їхъ злій волі,
Не дають пахати нивъ;
Що козацькими землями,
Сінокосомъ и полями
Вередують, мовъ своїмъ.
Судъ у правду не, вникає,
За панами потокає,
Щобъ було ёму и імъ.

Не прогнівайсь, Алексію,
На нескладну річъ мою,
Що я говорити смію,
Про писарню ще твою.
Разъ мні будь, тамъ довелось...
Оле жъ, скільки тамъ товклося
За столами писарівъ!
Тамъ паперівъ кучи, кучи,
Писарівъ тамъ тучи, тучи,
Мовъ въ Петрівку косарівъ.
Пишуть, пишуть, да й несутця,
Щобъ ти подививсь, чи такъ.
Треба жъ тутъ тобі надутьця,
Треба знать, підправить якъ;
Треба всякую папіру
Привести якъ разъ до шниру,
Підвести все підъ законъ!
Ніколи борщу сёрбнути,
Ніколи у-смакъ заснути, –
Ти забувъ на хлібъ, на сонъ.
А про жінку да про діти
Думати тобі коли,
Щобъ обути и одіти

И не голодні були?
Ні, про се ти не згадаешъ:
Жінку ти другую маешъ,
Дочки синь тобою забудь.
Жіпка у тебе— Полтава,
Синь — Чернігівъ, честь же, слава —
Дочки; отъ весь рідъ твій тутъ!
Мовъ тобі чернець одъ миру,
Одцуравсь ти одъ двора:
Знай въ Полтаві мнешъ папіру,
А додому не пора.
Що жъ тобі изъ той Полтави?
Ти и такъ добився слави,
Да якби — гай, гай, гай!
Одпочинь же, пане, трохи:
Ти *уже* притупавъ ноги, —
Тупае другий нехай.
Панство здай свое другому
И здоровья не теряй,
Попилнуй підъ старість дому,
Бо у тебе дома рай.
Тутъ всі, якъ на батька діти,
Будуть на тебе гледіти,
Да ще чи не лучшъ, мабуть:
Тутъ, по правді якъ сказати,
Всі тобі, якъ Богу, раді,
Всі тебе, якъ Бога, ждуть.
Да біда моя! я бачу,
Сей не по тобі совіть.
Ти таки свою удачу
И на той потягнешъ світъ.
Поки вибьесся изъ сили,
Поки пійдешъ до могили,
Будешъ хлопцемъ на другихъ.
Уродився ти на правду,
Улюбився такъ у славу,
Якъ у дівчину женихъ.

Ну, коли жъ такий ти, пане,
Що для слави лишъ живешъ,
То къ тобі смерть не пристане,
Ти ніколи не умрешъ.
Хоть попи не забурмочуть,
Хоть співати не захочуть
Вічну память по тобі,
То прохати їхъ не треба,
Бо и такъ підъ саме небо
Память ти зробивъ собі.
Сее не умре ніколи,
Що ти робишъ всімъ добро,
Да и робишъ зъ доброю волі,
Не за гроши и срібло.

Скільки удовамъ ти біднимъ,
Скільки сиротамъ посліднімъ,
Скільки, скільки слізъ утеръ!
Скільки взявъ людей ти зъ грязі
И, якъ кажуть, ажъ у князі,
Ажъ у князі їхъ уперъ!

Не умре, хотъ побожитця,
Слава не умре твоя:
Слава съ тіломъ не ложитця
У могилу нічия.
Хотъ же смерть къ тобі прискоче,
Слави въ землю не спинточе:
Загуде вона якъ громъ.
Тутъ и правда візьме силу,
Прийде на твою могилу
И напише такъ перомъ:
»Диво тутъ попи зробили,
Диво дивнее изъ дивъ:
Въ землю мертвеця зарили,
А мертвець той и оживъ.
Бачця, дббре заривали,
Бачця, грімко всі співали
Память вічною надъ нимъ;
Оглянулись небораки,
Ажъ князь Алексій Куракинъ
Все живъ по *діламъ* своїмъ!«
Поки жъ сее диво буде,
Поживи хотъ стілько ти,
Скільки живъ, якъ кажуть люде,
Въ світі Маѳусальъ святий.
Будь здоровъ изъ новимъ годомъ,
И надъ нашимъ ще народомъ,
Ще хотъ трохи попануй.
Трохи!...ой колибъ багацько!
Бо ти нашъ и панъ и батько,
А на більше не здивуй.

Въ этой одѣ выразилась confession de foi Котляревскаго. Высокое и великое было для него то самое, что и для безвѣстно исчезнувшихъ современныхъ ему льстецовъ и подлипаль. Но въ этихъ уродливыхъ, антинародныхъ виршахъ высказывается однакожь, добрая душа стихотворца: онъ не позабылъ напомнить князю Куракину о послѣднемъ расхищеніи козацкихъ займанщинъ, купленныхъ дорогою цѣною у Вишневецкихъ, Потоцкихъ, Киселей и имъ подобныхъ господъ подъ Зборовымъ, Берестечкомъ и пр. и пр. Онъ справедливо хвалитъ князя Куракина за помощь вдовамъ и сиротамъ. Онъ противопоставляетъ его нашимъ панамъ-чиновникамъ, хотя, разумеется, ему и въ голову при этомъ не приходило взвѣсить на однихъ и тѣхъ же вѣсахъ наживу по мелочамъ отъ судопроизводства и полученіе закулисными средствами арендъ съ полумілліонными доходами, или крупныхъ суммъ на

уплату безумныхъ долговъ. Прибавимъ еще, что Котляревскій въ некоторой степени оправдывалъ свойственную его времени низкопоклонность передъ знатными ходатайствомъ у нихъ въ пользу полтавскихъ козаковъ, о которыхъ онъ упоминаетъ въ своей одѣ, что было бы для него невозможно, еслибъ онъ шель по слѣдамъ высокаго духомъ, но, къ сожалѣнію, подавленнаго схоластикомъ украинскаго философа Сковороды. Впрочемъ одно ли стремленіе помогать притѣсненнымъ влекло его въ общество людей, подобныхъ князю Куракину? Мы имѣемъ основаніе въ этомъ сомнѣваться. Въ то время на Украинѣ еще не вывелось старое, наслѣдованное отъ Поляковъ прислуживанье знатному человѣку, въ видѣ панскаго придворнаго, такъ называемаго дворянина (dworzanin), который немногимъ отличался отъ лакея и вѣчно чаялъ отъ богача какихъ-то неопредѣленныхъ благъ и даяній. Наши мелкопомѣстные панки, отставные офицеры, какъ Котляревскій, часто исправляли у богатыхъ своихъ земляковъ должности въ родѣ польскаго маршолка двору безкорыстно, за ласковое слово и за удовольствіе участвовать въ забавахъ людей такъ называемаго высшаго круга; но многіе изъ нихъ не упускали случая получить отъ своего милостивца подарокъ, котораго цѣнность превышала ихъ собственныя средства. Такъ въ жизни Котляревскаго мы знаемъ фактъ, опредѣляющей его мѣсто въ домахъ, которые онъ, очевидно, предпочиталъ обществу людей своего сорта. Одинъ изъ пріятелей покойнаго автора Енеиды, въ воспоминаніяхъ своихъ, рассказываетъ, между прочимъ, слѣдующее:

«Когда Викторъ Павловичъ Кочубей, бывшій еще графомъ и министромъ внутренннихъ дѣлъ, пріѣзжалъ въ свое помѣстье Диканьку, Котляревскій былъ очень ласково принимаетъ имъ. Графъ нарочито присылалъ за нимъ и любилъ слушать его рассказы. Котляревскому хотѣлось выпросить у графа подгородный лугъ, принадлежавшій графу, и вотъ, за обѣдомъ, онъ подбучилъ одного изъ сыновей графа, бывшихъ тогда дѣтьми, сказать отцу: »Подари, папа, Ивану Петровичу луку«. Но сынокъ не совсѣмъ понималъ слово и просилъ отца подарить Ивану Петровичу луку. Графъ догадался, въ чемъ дѣло, и исполнилъ желаніе Котляревскаго. Рассказъ этотъ я самъ слышалъ отъ Котляревскаго.»

Тем же, вероятно, способомъ получилъ Котляревскій отъ малороссійскаго генераль-губернатора, князя Лобанова-Ростовскаго, мѣсто надзирателя Полтавскаго дома воспитанія бѣдныхъ дворянъ, черезъ два года по выходѣ въ отставку. Поступленіе на службу можно объяснять его рвеніемъ къ общей пользѣ; но до насъ дошло преданіе о его суровости къ воспитанникамъ и мелочной придирчивости для улучшенія внѣшняго ихъ вида. Впрочемъ, зная Котляревскаго какъ человека добраго и благотворительнаго изъ другихъ источниковъ, мы готовы объяснить эту суровость и придирчивость рутинною тогдашняго воспитанія и наслѣдственнымъ убѣжденіемъ Котляревскаго, что иначе и не слѣдуетъ поступать со школьниками. Какъ бы то ни было, только, параллельно съ преданіемъ о суровомъ управленіи дворянскою школою, офиціальная хроніка гласитъ, что въ 1817 году Котляревскій, за улучшеніе этого заведенія, награжденъ чиномъ майора (не смотря на то, что служба была штатская), брилліантовымъ перстнемъ и пенсіею въ 500 р. асс. Тутъ невольно

вспомнишь и его забавные анекдоты въ кругу знатныхъ людей, его похвальныя оды. Въ 1827 году, Котляревскій получилъ мѣсто попечителя полтавскаго богоугоднаго заведенія; въ 1835 году ему дали полную пенсію сверхъ прежде пожалованной; въ 1838-мъ онъ скончался украшенный разными знаками отличій, в том числѣ и пряжкою за тридцатилѣтнюю безпорочную службу. Такимъ образомъ все въ жизни Котляревскаго обстояло благополучно, какъ и вообще у поэтовъ его времени и его разряда. Онъ относился къ людямъ по обще-принятому образцу; онъ сдѣлалъ изъ своихъ способностей столько, сколько отъ него требовало его общество. Угодать знатнымъ, по понятіямъ его вѣка, было свидѣтельствомъ отличнаго ума, умѣющаго обратить на себя вниманіе государственныхъ мужей, которые тогда заправляли всѣмъ, не исключая и самой литературы. Выпрашивать у нихъ подарки, – этотъ актъ освящался преданіями украинскаго дворянства, выросшаго при дворахъ польской знати, ловко пересаженнаго на всероссійскую ночву подъ сѣнію козачества и продолжавшаго живиться отъ щедротъ своихъ богатыхъ представителей. Что касается до тридцатилѣтней безпорочной службы, засвидѣтельствованной пряжкою, то она объясняется двойною пенсіею, которая должна была обезпечить одинокую его старость.

Въ тѣ времена этотъ способъ обезпеченія старости былъ у небогатыхъ дворянъ всеобщимъ, такъ какъ все находилось подъ непосредственной опекой государства, и общество въ нынѣшнемъ смыслѣ слова еще не существовало. Распространяться обо всемъ этомъ было бы неумѣстно въ критикѣ, еслибы характеръ и обстановка жизни писателя не имѣли рѣшительнаго вліянія на его произведенія. Подобно тому, какъ духовныя академіи и семинаріи, отторгнутыя отъ народа искусственностію своей морали, не дали живому обществу ни одного поэта, подобно тому и всякая искусственно созданная жизнь подавляетъ въ своихъ питомцахъ здоровый поэтическій даръ, извращаетъ его внушенія и придаетъ плодамъ его отталкивающую мертвенность. Поэзія возвышаетъ свой голосъ въ такой затхлои средѣ не иначе, какъ въ виде жалобы или протеста, и поэтому-то сатирики въ каждой искусственно заведенной литературе стоятъ, въ глазахъ потомства, безконечно выше техъ писателей, которые брали ноты, согласныя съ общими убѣжденіями своей среды. Котляревскій, по своему природному таланту, могъ бы въ сатире уйти далеко отъ своихъ драматическихъ пьесъ; но, будучи постоянно въ зависимомъ положеніи, онъ не смѣлъ, еслибы и могъ, бросить сатирическій взглядъ на существенныя недостатки современнаго ему порядка вещей. Онъ, только прикинувшись юродивымъ мужикомъ въ своей Енеидѣ, изрѣдка осмѣливается назвать пороки свѣтскихъ и духовныхъ людей, тяготѣвшіе надъ украинскимъ народомъ; но карриатура простонароднаго быта, проведенная чрезъ всю его Енеиду (а Енеидою не переставалъ онъ заниматься до конца жизни) уничтожаетъ въ немъ и послѣднее достоинство сатиры. Между тѣмъ смѣхъ Котляревскаго былъ заразителенъ, такъ какъ въ немъ заключалась вся сила его таланта, и читатель его времени, чуждый нашего взгляда на простонародье, хохоталъ безразлично и

надъ тѣмъ, что судья за новый мундиръ переиначилъ дѣло, рискуя Сибирью, и надъ стихами, въ родѣ слѣдующихъ:

Чи бачишь, якъ ми обідрались!
Убрання, постолы порвались....

Подобная картина въ наше время не разсмѣшитъ никого, потому что выяснены нами причины неестественной бѣдности народа посреди края, богатаго естественными произведеніями. Въ эпоху Котляревскаго смѣхъ былъ не очень разборчивъ въ выборѣ предметовъ и преимущественно обращался на тѣхъ, кто не успѣлъ выкарабкаться изъ грязи и занять место посреди чистенькихъ господъ, обезпечившихъ свою благоприличную жизнь сотнями такихъ людей, какими, въ приведенныхъ стихахъ, представлены Троянцы. Вредъ Енеиды со стороны ея комизма очевиденъ: эта книга дѣлала забавную жизнь простолюдина, осужденнаго на невѣжество самой нуждою и удаленнаго отъ близкаго общенія съ классами болѣе, образованными. На бѣду, она имѣла еще успѣхъ, въ тѣ времена необыкновенный. Она какъ разъ пришлась по вкусу грамотной части Украинцевъ, извѣстно какими способами выдѣлившейся изъ темной массы народа, и долго ходила въ рукописи. Потомъ ее напечатали однимъ, другимъ и третьимъ изданіемъ, и все это сдѣлалось уже библиографическою рѣдкостію. Этимъ объясняется, почему до сихъ поръ у насъ не переводятся писатели въ родѣ г. Ващенко-Захарченка или г. Карпенка: всѣ они – воспитанники Котляревскаго и исчадія уродливой народописи, которую разнесла его Енеида между армейскими офицерами, чиновниками, помещиками, лакеями, писарями, семинаристами и всякимъ инымъ грамотнымъ людомъ, возвышающимся надъ неграмотною частью украинскаго населенія, надъ тою частью, которая, своими пѣснями обыденною своею рѣчью, дала нашимъ новымъ писателямъ истинно народный тонъ словесности, какъ въ комическомъ, такъ и въ патетическомъ родѣ. Они-то мало-помалу остановили вліяніе котляревщины на литературный вкусъ публики; они отвергли искусственную юродивость речи, которою проникнута вся Енеида, и, заговоривъ, во имя своего народа, съ сознаниемъ достоинства украинскаго характера, открыли юной своей словесности безпредѣльную область развитія. Послѣ повѣстей Квитки и поэмъ Шевченка, не только Енеида, но и театральные пьесы Котляревскаго сдѣлались анахронизмами для современнаго чтенія и получили цѣнность только первыхъ памятниковъ, первыхъ попытокъ украинской словесности. Сравнивая ихъ съ произведеніями этихъ писателей, мы съ удивленьемъ видимъ, какъ неясно представлялась Котляревскому жизнь, которую онъ очевидно зналъ не по слухамъ, какъ онъ небрежно вглядывался въ ея законы, какъ хаотически смѣшивалъ онъ въ своихъ описаніяхъ разныя ея принадлежности (194)! Самый языкъ, которымъ онъ говорилъ с дѣтства и

¹⁹⁴ Напримѣръ: Свиначу голову до хрину
И локшину на переміну,
Потімъ съ підлевою индикъ.
На закуску (!) кулішъ и кашу.... (Ч. I.)

котрымъ владѣть, мѣстами, въ совершенствѣ, не пользовался его уваженіемъ, ибо онъ вводитъ въ него, безъ всякой жалости, слова, окончанія и цѣлыя выраженія чисто великорусскія (195). Но главный абсурдъ Енеиды, это то, что въ ней простонародью украинскому навязаны пороки, которые могли бы характеризовать только худшую часть тогдашняго украинскаго населенія, именно – чиновное панство, поврежденное въ здоровыхъ основаніяхъ своей народности и недостигшее утонченности нравовъ и обычаевъ на иноземный образецъ. Онъ до того увлекся своимъ каррикатурнымъ комизмомъ, до того обезобразилъ украинской народъ, своей пародіей, что и его природный талантъ, и знаніе языка украинскаго, и множество характеристическихъ подробностей простонароднаго быта – все это гибнетъ попусту на ложной дорогѣ, указанной ему его вѣкомъ и обществомъ. Между его типами и худшими типами зараженнаго отчасти его вкусомъ Квитки существуетъ только отдаленное національное средство. Между его типами и типами независимаго въ своемъ творчестве Шевченка – никакого. Его пародія не потому потеряла для насъ цѣну, что время пародій давно миновало для всѣхъ литературъ: она отталкиваетъ насъ нарушеніемъ естественности отношеній между дѣтьми и родителями (196), между мужчинами и женщинами (197), между богами и

¹⁹⁵ Напримѣръ: Барановъ тьма була варенихъ,
Курей, гусей, качокъ печенихъ,
До сита, щобъ було всімъ льсть.
Или: Коли жъ вінъ буде й ще мльшкати,
То дамъ себе ёму я знати. (Ч. I.)
Или еще: По городу тогді гуляла,
Коли Троянцівъ повстрѣчала. (Ч. I.)

¹⁹⁶ Какая пародія и каррикатура можетъ позволять подобную шутку въ воспоминаніяхъ сына объ отцѣ:
Въ сей день ёго отецъ опрягся,
Якъ чикилдихи обіжрався.... (Ч. I.)
Или такую рѣчь сына о матери:
И ненечка моя рідненька
У чорта десь теперъ гуля,
А може спить уже пьяненька,
Або съ хлопятами ганя.
Теперъ їй, бачу, не до соли:
Уже, підтикавши десь поли,
Фуццое добре нависна.
Коли сами съ кимъ не ночуе,
То для когось уже свашкуе:
Для сёго тяжко поспішна! (Ч. II.)

¹⁹⁷ Котляревскій описываетъ Дидону такъ:

Розумна пані и моторна...
Трудяща, дуже працѣвита...
Она, повстрѣчавъ Троянцевъ, спрашиваетъ:
Відкіль такі се гольтяпаки?...
Який васъ врагъ сюди направивъ?...
Яка жъ ватага розбишакъ!
и потомъ та же розумна и процѣвита пані, черезъ нѣскольکو стиховъ, говорить оборвишамъ-робишкамъ:
Колибъ.... молодія
Енея вашого злпала,
Уже бъ тогді весела стала,
Тогді бъ великъ-день бувъ би намъ!

смертными (198), въ какомъ бы слоѣ общества, въ какой бы нелѣпой національности ни помѣстили мы дѣйствіе перелицованной Енеиды. Котляревскій, обойдѣсь съ своимъ предметомъ насильственно, безъ всякаго къ нему уваженія, перешелъ за предѣлы смѣшного и впалъ въ каррикатурно-безобразное. А ведь пародія – не карриатура, да и сама карриатура только тогда можетъ нравиться сколько-нибудь образованному глазу, когда она не вырывается изъ предѣловъ смѣшного и не переходитъ въ уродливое.

Итакъ, характеризуя Котляревскаго тогдашнимъ вѣкомъ; а тогдашній вѣкъ Котляревскимъ, мы останавливаемся на слѣдующемъ выводѣ: что Котляревскій былъ одинъ изъ множества талантливыхъ людей, которыхъ уничтожали у насъ духовныя училища и воспитываемое ими наше общество; что онъ, по природнымъ задаткамъ, былъ родной братъ нашихъ безыменныхъ поэтовъ, сложившихъ столько прекрасныхъ думъ и пѣсень, въ удаленіи отъ образованнаго по тогдашнему времени круга людей; что, не будь онъ воспитанникъ семинаріи и безсмѣнный членъ чужеземно-украинскаго общества, онъ бы глубже уразумѣлъ дѣло украинскаго писателя; что его пьесы: Наталка-Полтавка и Москаль-Чарівникъ, написанныя въ одномъ и томъ же году, показываютъ въ немъ инстинктъ таланта, но что этотъ инстинктъ былъ въ немъ подавленъ окружавшей его средою и уже не пробуждался до конца жизни; что самая личность его, по природе своей благородная и возвышенная, много пострадала отъ нездоровой атмосферы общественныхъ понятій, которою онъ постоянно былъ окруженъ. Всѣ же слѣдуетъ сказать, что общій голосъ жителей Полтавы – отъ просвѣщеннѣйшаго человѣка до едва грамотнаго козака – признаетъ за нимъ щедрость, благотворительность и готовность принять участіе въ каждомъ гонимомъ несправедливо і убогомъ человеке. XVIII вѣкъ былъ худшій изъ всѣхъ вѣковъ, въ которые существовала наша нація. Упадокъ нашъ коснулся въ немъ крайнихъ своихъ предѣловъ. Имѣя это въ виду, мы не должны быть слишкомъ строги къ Котляревскому, какъ къ литературной и общественной личности. При всѣхъ своихъ недостаткахъ, онъ былъ одинъ изъ техъ немногихъ Украинцевъ, которые прямо или косвенно повели насъ еще съ того времени къ нынѣшнему нашему самосознанію. Но письменная украинская словесность всѣ таки не можетъ видѣть въ немъ своего родоначальника (въ противность многимъ изъ его почитателей), потому что онъ былъ слишкомъ еще далекъ отъ уразумѣнія поэзіи обычаевъ народныхъ и поэзіи народныхъ преданій. Къ этому дѣлу призваны были два другіе писателя, Квитка и Шевченко. Литература наша, въ нынѣшнемъ своемъ направленіи, непосредственно отъ нихъ ведетъ свое происхожденіе. Освобожденіе отъ котляревщины служитъ однимъ изъ доказательствъ ихъ родственности съ

Въ чемъ тутъ смѣшное? развѣ въ поруганіи женскихъ достоинствъ и въ отрицаніи всякаго моральнаго чувства въ женщинѣ, которая ни съ того, ни съ сего выражаетъ передъ бродягами желаніе злапать ихъ атамана, о которомъ сами они отозвались такъ:

Еней навѣвъ на насъ ману? (Ч. I.)

¹⁹⁸ Обращу вниманіе читателя на безобразную брань Енея, обращенную вмѣсто молитвы, къ богамъ (ч. II.)

Гей ти, проклятый стариганю!

На землю зъ неба не зиркнешь? и проч.

Гдѣ тутъ комическая естественность отношеній?

геніємъ нашего народа, или, что все равно, съ геніємъ жизни. По направленію творчества Котляревскаго, идти далѣе было некуда; по направленію Квитки и Шевченка, лежитъ далекій, неизмѣримый путь къ литературному нашему развитію.

18 декабря 1860.
С. Петербургъ.

Кулиш П. Обзор украинской словесности. II. Котляревський / П. Кулиш // Основа. – 1861. – № 1. – С. 235–262.

П. Куліш

Обзоръ украинской словесности.

III.

Артемовский - Гулакъ

Литературная деятельность Котляревскаго, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, рѣзко бросающихся въ глаза критику нашего времени, имѣла важныя послѣдствія. Своею пародіей и двумя театральными пьесами онъ напомнилъ Украинцамъ, что у нихъ есть родной языкъ не для того только чтобъ выбрать неискравнаго мужика. Даже и его песня Віють вітри имѣетъ свое историческое значеніе. Панночки временъ Котляревскаго, дѣйствиємъ чужеземнаго воспитанія, сдѣлались неспособны понимать высокія красоты нашихъ народныхъ пѣсень и стыдились пѣть ихъ въ своемъ кругу. Пѣсню, сочиненную Иваномъ Петровичемъ, вхожимъ во всѣ знатныя полтавскіе кружки, было не стыдно спѣть за фортепьяно: то была не мужицкая пѣсня, да и чувства въ ней выражены такъ деликатно, какъ и въ романахъ Капниста. Содержаніе, тонъ и складъ пѣсни Котляревскаго пришлись по силамъ и вкусу современныхъ ему кружковъ семейныхъ; точно, какъ легкой супъ — для разстроеннаго желудка; и кто знаетъ? можетъ быть, она провела за собой не одну народную пѣсню въ то общество, которое давно уже пренебрегло звонкоголосую и прямодушную степную музу. По крайней мѣрѣ то несомнѣнно, что другіе сочиненія Котляревскаго дали законность появленію украинской простонародной рѣчи на бумагѣ. Мы знаемъ нѣсколько подражаній собственно Енеидѣ, который никакъ не могли добиться печати за множествомъ книжиць, обещающихъ издателямъ болѣе вѣрный Сбѣтъ (199). Подражнія эти начались

¹⁹⁹ Въ дѣйствѣ я имѣлъ въ рукахъ разговоръ двухъ поселянъ о похоронахъ черниговскаго архіепископа. Слѣдующіе стихи, сохраненные отъ менч въ памяти, состоятъ въ самомъ близкомъ родствѣ съ Енеидою Котляревскаго:

Тамъ намалѣвано и пекло,
Таке страшне, що ажъ біда.
Оттамъ, бра, душно, тамъ и тепло!
Смола тече гакъ, якъ вода, -
Тече зъ гадюки, та й палае,
А чортъ людей туди таскае.
Лиха година за гріхи!

ещё при жизни Котляревскаго и, конечно, не подвинули украинской литературы ни на волосъ впередъ; по жужжанью стиховъ украинскихъ, въ такъ называемыхъ патриотическихъ кружкахъ, дѣлало свое дѣло: оно точно колоколѣчикѣ сказ очного Вадима, манило Украинцевъ въ какую-то невѣдомую имъ область, непохожую на то, что они знали въ печатномъ мѣрѣ. Можетъ бить, біли и болѣе самостоятельныя опыты въ стихахъ и прозѣ, съ проблесками таланта истиннаго и вкуса вѣрнаго, но оставались скрытыми отъ разборчивыхъ цѣнителей, подобно обнародованному мною въ Хатѣ рассказу Иродчука, лѣтъ двадцать или тридцать валявшевуся въ хозяйственныхъ бумагахъ помѣщичьяго семейства. Что касается до печатнаго міра, то едва черезъ двадцать лѣтъ послѣ перваго изданія Енеиды появился преемникъ Котляревскаго въ украинскомъ стихѣ. То бѣль г. Артемовскій-Гулакъ.

Около сорока-пяти лѣтъ тому назадъ, грамотне земляки,наши, Харьковцы, основали у себя періодическое издание, подъ заглавіемъ: Ураинскій Вѣстникъ. Образцами для нихъ, очевидно, служили журналі петербургскіе и московскіе. Издатели біли не въ силахъ создать своеобразной літературной органъ, и, рядомъ съ невинными статейкаим о Малой Росии, о гетманѣ Хмельницкомъ, о Сковородѣ, помѣщали стихи и прозу во вкуси Сына Отечества и Сѣвернаго Архива, издаваемаго приснопамятнымъ Булгаринымъ. Возрожденіе украинской народности не біло въ то время дѣломъ общаго одушевленія или глубокихъ соображеній передовыхъ умовъ. Оно совершалось болѣе инстинктивно, чѣмъ сознательно, и единственнимъ украинскимъ писателемъ стоять, покамѣсть, на пустой аренѣ Котляревскій. Но сила вещей взяла свое, и Вѣстникъ, только по имени украинскій, черезъ два года по своемъ основаній, представилъ образці дѣйствительно украинскихъ стиховъ и прозы.

Буто проступишъ хочъ не хочъ,
Якъ приїде вїтъ до насъ воркотя,
Таскать прикаже въ млинъ міхи,
Або у винницю по дрова, -
Забудешъ, й плечі що болять...

Укажу еще на стихи подъ заглавіемъ Вакула Чмиръ, написанные въ конѣ Грамматики Малороссийского Наречья, Павловского, какъ на смѣхотворство безъ опредѣленной цѣли, въ духъ Енеиды. Вотъ ихъобрацикъ

Кричавъ, вищавъ,
Стогнавъ, пищавъ,
Такъ ніхто не чуе,
Що сей козакъ
У полі такъ
Злиденно почуе.
Въ біді заснувъ;
Якъ же скрепнувъ
Морозъ та ще кречий,
Такъ и ноги
До дороги
Примерзли и плечі.
Відъ сей хвукги
Їго руки
Заклякли и губи
Лежить козакъ,
Пзіпивши зуби.

Неожиланно явился продолжатель дѣла, начатога Котляревскимъ, и въ первомъ своемъ опитѣ, подъ заглавіемъ: Панъ та Собак, обнаружилъ, что задача украинской словесности, послѣ изданія перелицеванной Енеиді, сдѣлалась уже гораздо серьезнѣе. Это стихотвореніе принято было тогдашнею публикою съ восторгомъ и, не смотря на то, что авторъ подписался подъ нимъ только буквами...ъ.....й...ъ, сдѣлало имъ его популярнымъ между Украинцами (200). Къ сожалѣнію, г. Артемовскій-Гулакъ не напечаталъ потомъ ничего равносильнаго первому своему опыту, а наконецъ и совсѣмъ пересталъ появляться въ печати. Украинскій Вѣстникъ прекратился въ началѣ 1821 года и сдѣлался теперь библиографическою рѣдкостью. Стихотворный рассказъ Панъ та Собака долго ходилъ въ рукописи, по своемъ обнаруженіи въ этомъ журнальцѣ, но стихи Шевченка увлекли вкусъ немногочисленныхъ любителей украинской словесности въ другую сторону, и теперъ рѣдко гдѣ можно встрѣтить знаменитое произведеніе украинскаго писателя. Между тѣмъ въ исторіи нашей словесности оно составляетъ явленіе, мимо котораго ни одинъ критикъ не пройдетъ не остановившись, и потому, прежде чѣмъ показать его особенности, ми представляемъ его цѣликомъ читателямъ.

ПАНЪ ТА СОБАКА.

На землю злізла нічъ... нігде ані шиширхне,
Хиба то де-куди крізь сонъ що-небудь пирхне.
Хочъ въ око стрель собі – такъ темно на дворі.
Уклався місяць снагъ, нема ані зорі,
И ледві крадькома яка матенька зірка
Зь-за хмари вигляне, неначе мишь зь засіка.
И небо, и земля – усе одночива;
Все ніч підъ черною запаскою хова.
Одинъ Рябко, одинъ якъ палець, не дрімае.
Худобу панську, мовъ братъ рідний, доглядае.
Бо дармо істи хлібъ Рябко нашъ не любивъ:
Івъ нягехъ, але те івъ, що заробивъ.
Рябко на панському дворі не спить всю нічку.
Або въ селі де на онічку
Маячивъ каганецъ.
Всі сплять, хропуть,
А де-які сопуть.
Уже и панотець,
Прилізши изъ христинъ, до утрени похався...
Анашъ Рябко, кажу, все снатки не вкладався.
Знай неборакъ то въ той, то въ сей кутокъ.
То зазирне въ курникъ, то – дейко до **свинокъ!**
Снига: чи всі таки живенькі поросятка,
Индики та качки, курчатка й гусенятка?
То **звідить** навпростецъ
Махае до овецъ,

²⁰⁰ Авторъ Пана та Собаки только въ 1827 году напечаталъ полное свое имя подъ балладою Твердовский, напечатанною въ журналѣ Славянинъ и въ отдѣльныхъ опискахъ.

До клуні, до стіжківъ, до **стані**, до обори;
 То зновъ назадъ чимъ дужъ, - щобъ часом Москалі
 (А їх тоді було до хріна на селі),
 Щобъ Москалі, мовлявъ, не вбрались до комори.
 Не спить Рябко та все такъ гавка, скаучить,
 Що сучий синъ, коли ажъ въ ухахъ не лящить!
 Все дума: якъ би то піддобритьця підъ пана?
 Не зна жъ, що не мине Рябка обрадованна!
 Якъ гавъ, такъ гавъ, поки свінуло на дворі,
 Тоді Рябко простясь, захрінъ въ своїй норі.
 Чому жъ Рябку не спать? Чи знавъ вінъ, що зъ нимъ буде?
 Заснувъ вінъ смачно такъ, якъ сплять всі добрі люде,
 Що щиро стережуть добра своїхъ панівъ...
 Якъ ось – трусь, **тяглась**, крикъ!... весь двір загомонівъ:
 – »Цу-цу, Рябко! на, на! Сюди Рябка кликніте.«
 – »Ось– ось я, батечки!... чого ви тамъ? Скажіте!«
 Стриба Рябко, вертить хвостомъ,
 Неначе пометоъ,
 И знай дурненький скалить зуби
 Та лиже губи.
 »Уже жъ, бачъ«, дума вінъ, »не дурно це въ дворі
 Одъ самої тобі зорі
 Всі панькаютця коло мене:
 Мабуть, самъ Панъ звелівъ віддати Рябку **печене**
 И що зосталося варене
 За те, що, бачъ, Рябко всю Божу нічъ не спавъ,
 Та гавкавъ на весь ротъ, злодіівъ одганяв.«
 – »Цу-цу. Рябко!« ще разъ сказавъ одинъ **неюна**...
 Та й ханъ Рябка за уха!
 »Кладіть Рябка!« гукнувъ... Ажъ ось и Панъ прибігъ.
 »Лупіть Рябка!« сказавъ; «чухрайте!... ось батігъ!«
 – »За що!« спитавъ Рябко; а Панъ кричить. «Чухрайте!«
 – »Ой! ей! ей! ей!« а Панъ імъ каже. «Не вважайте!«
 – »Не слухай!« панъ кричить; «лупіть, деріть Рябка!«
 Деруть Рябка, мовъ пір'я,
 На галась збіглась двірня:
 »Що? якъ? за що? Про що?« – Не знає ні одинъ.
 »Пустіть!« кричить Рябко «не будь я **неськин** синъ,
 Коли вже вдержу **білшъ**!...«
 Рябко нашъ хочъ не бреше,
 Такъ що жъ? Явгухъ Рябка все знай по жижкахъ чеше.
 »Пустіть, швидчій пустіть!« Панъ на весь ротъ гукнувъ,
 Та й зъ хати самъ умкнувъ.
 »Пустіть!« гукнули всі: «Рябко вже **вдоводився**!«
 – »Чимъ, люде добрі, такъ оце я провинився?
 За що жъ глузуете? « сказавъ нашъ неборакъ;
 – »За що знущаетесь ви надо мною такъ?
 За що, за що?« сказавъ, та й попустивъ **натєки**,
 Натєки гіркихъ слізъ, узявшись за боки.
 »За те«, сказавъ одинъ Рябкові зъ наймитів,
 »Щобъ не колошкавъ ти вночі соіхъ Панівъ;
 За те... але що тутъ?... ходімъ, Рябко, лишъ зъ хати

Не дуже, бачу, ротъ тутъ можна роззявити.
Ходімъ, Рябко, на двір'є.«
– Пішли .
– »Се не пусте«,
Сказавъ Явгухъ Рябку: »оце тебе за те
По жижкахъ, бра Рябко, такъ гарно пошмагали,
Що Панъ изъ Панею сю цілу пічъ не спали.«
– »Чи виненъ я сему? Чи ти, Явтухъ, здурівъ?«
– »Гай, гай !« сказавъ Явтухъ. »Рябко! Ти **знавіснивъ**;
Ти виненъ, бра Рябко, що нічю розбрехався:
Ти жъ знавъ, що вчора нашъ у карти Панъ програвся!
Ти жъ знавъ,
Що хто програвъ,
Той чорта (не теперъ на споминки) здрімає, –
Той батька рідного, розсердивсь, програє!
Ти жъ знавъ, кажу, Рябко що Панъ не буде спать.
До чого жъ гавкавъ ти? на що жъ було гарчать?
Нехай би гавкавъ самъ, а ти бъ уклавсь тихенько,
Забравшись въ ожередь, та й спавъ би самъ гарненько.
Теперъ ти бачиш самъ, що мокрим вінъ рядномъ
Напався на тебе, и знай верзе **притьмом**.
Що грошей вчора вінъ проциндрив щось не трохи,
Що паню черезъ те всю нічъ кусали блохи,
Що буцімъ вчора вінъ гратъ въ карти бъ не сідавъ,
Колибъ сьогоднішню бувъ нічъ хочъ закуняв;
Що буцім ти Рябко, такъ гавкавъ, якъ собака,
Щр буцім по тобі походить ще й ломака
Що бачця ти ему остивъ, надосолив,
Що бачця вінъ тебе за це й прохворостив
А бачъ, Рябко, а бачъ,! Не гавкай, не ганяйсь,
Ляжь, хирний, та й мовчи, и зъ Паномъ не рівняйсь.
Чого брехати? нехай нашъ Панъ здоровий буде,
Вінъ самъ и безъ собакъ его панщину одбуде.«
Послухавъ нашъ Рябко поради Явгуха.
– »Нехай тяжка ёму година та лиха«,
Сказавъ, »щобъ за мое, якъ кажуть, жито
Та ще мене и било!
Коли мое не въ ладъ,
То ч зъ своїмъ назадъ.
Чи баба зъ воза, – що жъ? велика дуже вада!
Кобилі легший візь, сему кобила й рада.«
Оттакъ сердега нашъ Рябко помірковавсь,
Та й спать на цілий день и цілу нічъ попхавсь
Заснувъ Рябко, захріп, аж ожередь трясетця;
Рябку й не спитця, й не аерзетця,
Що вже Москалики въ коморі й на дворі
Скрізь нишпорять, мовъ тутъ вони й господарі,
Що вовкъ ягнять, а тхіръ курчатокъ убірає...
Ажъ тутъ и на дворі тужъ-тужъ уже світає.
– »Цу-цу, Рбко!« тутъ всі, повибігавши зъ хатъ,
– »Цу-цу, Рябко на, на!» гукнули якъ на гвалтъ.
А нашъ Рябко тобі и усомъ не моргає;

Хочь чує, та мовь спить и мовь не дочуає.
– »Теперь-то«, дума вінь, »мій Пань всю нічку спавь,
Бо не будивь ёго Рябко и не брехавь,
Теперь-то він мені свою покаже дяку;
Теперь уже не втре мені, якь вчора, маку!
Нехай цуцукають... мене симь не зведуть,
Поки сами сюди обідь не принесуть.
Та ще й тогді, не бійсь, поскачуть коло мене,
Поки возьму я вь роть хочь страву, хочь печене!«
– »Цу-цу! Сказавь ище Рябкові туть Явтухь;
– »Цу-цу!« задихавшись, мовь зь ёго перло духь.
– »Ходімь, Рябко!«
– »Эге, ходімь! Не дуже квапся,
Самь принеси сюди.«
– »Ба не піду, Явтухь!«
– »Иди, бо кличе Пань!«
Сказавь, та й зашморгнув на шиї вінь аркань.
– »Чешіть Рябка!« гукнувь... ажь туть іхь щось зь десяток
Вліпили зь сотеньку кнівь Рябку вь завдатокь.
– »Лупіть Рябка!« кричить туть Пань якь навісний;
Рябко жь нашь тільки вже що теплий та живий.
Разівь изь шість Рябка водою одливали,
И стілько жь разь его, одливши, зновь шмагали,
А потімь перестали.
Рябко спитать хотівь, але Рябків языкь
Бувь вь роті спутаний, неначе пугомь зь ликь,
И герготавь щось, якь на сідалі индикь.
»Постій!« сказавь Явтухь Рябкові, »не турбуйся«,
Я правду всю скажу »Ото, Рябко, шануйся,
Добра своїхь Панівь, якь ока, стережи,
Зарання спать не вклавсь, вь солому не біжи,
Злодівь обганяй та гавкай на звірюку.
Не гавкавь ти, Рябко – за те жь ми, бачь, вь науку,
Изь ласки, зь милости Панівь,
Вліпили сотенекь изь п'ять тобі кивь.«
– »Чорти бь убив твого, Явтухь, зь Панами батька
За ласку іхь!« сказав Рябко туть на-одрізь.
Нехай ім. служить більшь рябий вь болоті бісь!
»Той дурень, хто дурнимь иде Панама служити,
А більший дурень – хто ім. дума угодити!
Годивь Рябко імь мовь болячці й чиряку,
А що жь за те Рябку?
Сяку мать та таку!
А до того ище спорити батогамі,
А за вислугу валютами,
Чи гавкає Рябко, чи мовчки нічю спить,
Все випада таки Рябка притьмом побить.
Уже мені, бачу, чи то туди – високо,
Чи то сюди – глибоко;
Повернесся сюди – и тута гаряче;
Повернесся туди – и тамь-то боляче.
Хочь би я тісто внісь **псяюсі** изь діжею,

То бь вінь розтовкъ и ту надь спиною моею.
Зь ледачимь все біда хочь верть-круть, хочь верть-круть,
Вінь найде все тобі хоч въ черепочку смерть».

Котляревщина отозвалась въ Артемовськомъ-Гулакь прежде всего ямбомъ, несвойственнымъ украинской народной поэзіи. Шевченко, поэтъ иной эпохи и иного полета, уклонился отъ ямба при самомъ началѣ своего литературнаго дѣла, какъ ни соблазнительно звучаль тогда ямбъ въ прекрасныхъ стихахъ Пушкина. Во всемъ Кобзарь, первомъ блестящемъ своемъ опытѣ, не обратился Шевченко къ этому размѣру. Г. Артемовский-Гулакь раза два, въ немногочисленныхъ стихотвореніяхъ своихъ, оставляль ямбъ, и стихъ его отъ одного этого становился ближе къ народнымъ піснямъ, которыя служими для Шевченка единственнымъ образцомъ тона и вкуса.

По, независимо отъ метра, въ складѣ рѣчи въ манеръ рассказала г. Артемовскаго-Гулака, отзывается также Котляревскій.

На землю злізла ніч...
Хочь въ око стрель тобі, гакъ темно на дворі,
Уклався місяць спать...
И ледві крадькома яка маленька зірка
Зза хмари вигляне, неначе мишь зь засіка.

Въ своемъ родѣ, это превосходные стихи, що они какъ-будто нанисаны тѣмъ же перомъ, что и слѣдующіе:

Бурхнуло зь неба, мовъ изь бочки,
Що промочило до сорочки;
То драла въ-ростичь всі дали.
Троянці стали всі, якъ хлюща;
Імь лучплася невсипуща;
Не ради дощу були (Енеида, ч. II.).

У Котляревскаго есть даже стихи, буквально похожіе на начало Пана та Собаки:

Якъ тільки та сумрачна, темна
Изъ неба злізла чорна нічь,
Година жь стала дуже певна,
Якъ повтікали зірки прічь. (Енеида, ч. III.)

Только эти стихи слишкомъ ничтожны сравнительно съ стихамъ г. Артемовскаго-Гулака. Литературныя требованія очевидно были въ его время ужь не тѣ, что во времена Котляревскаго, да и таланты авторовъ были не равны. Мы думаемъ, судя по первымъ опытамъ г. Артемовскаго-Гулака, что явись онъ въ наше время, съ своимъ сильнымъ и гибкимъ стихомъ и съ тою образностью, которой исполненъ юмористичекій расказъ его о Пань и Собакъ, онъ оставиль бі въ украинской словесности прочній памятникъ своего

существованія. По тогдашнее общество не оцінило его по достоинству, при всемъ успѣхѣ, какимъ пользовались первыя пробы пера его между любителями украинского слова. Въ тогдашнемъ обществѣ было еще слишкомъ много авторитетовъ, которые давали такимъ пьесамъ, какъ Панъ та Собака, значеніе каприза и не позволяли имъ занять каное бі то ни біло мѣсто въ храмъ російской словесности. Молодому, начинающему писателю трудно было не поддаться об щему взгляду на свое дѣло, запечатлѣнное характеромъ отдѣльной, еще не признаной народности. Что-то у него шевелилось въ душѣ противъ исключительнаго господства одной великорусской рѣчи въ грамотномъ русскомъ мірѣ; но вісказаль он свои понятія въ формѣ литературнаго сходства, которое пошло у насъ отъ Котляревського и до сихъ поръ не выводится въ украинской прозѣ; а вѣроятно, призналь напечатанное юношеской затѣей, недостойной ума солиднаго. Какъ быто ни было, – теперь, когда украинская литература уже не кажется легкой затѣей праздности, намъ интересно перечитывать, какъ наши предшественники ставили вопросъ о существовании чего-то непохожого на великорусскую словесность. Авторъ Пана та Собаки присовокупилъ къ своей пьесеѣ стихотворение посланіе къ Квиткѣ и объясненіе въ прозѣ къ читателямъ. Выписиваемъ то и другое.

СУПЛІКА

до Грицька К. . . . и.
Хто кажуть, до кого – мы до тебе, Грицько,
Зъ суплікою прийшли я бачь, та мій Рябко.
Не дай загнуть намъ, не дай зъ насъ кепковати;
А доки жъ буде насъ зле Панство зневажати!
Пусти насъ, Батечку, до хати.
Хочъ буцім, Грицьку, ти на Пана закрививсь;
Та зъ пантелику ти, такъ якъ другі, не збивсь.
Не звикъ ти голобель замісуъ коня шмагати;
Не все жъ підъ ніс Рябкамъ, мовлявъ ти, заглядати.
Пусти насъ, Батечку, до хати.
Хочъ ти, Грицько, пошивсь зъ ріднею въ Москалі;
Та ба, ніхто на васъ не плаче на селі!
Ти знаєшь, ща на те собака, щобъ брехати;
Що й его не забудь іхъ тебе, якъ ляжешъ спати.
Пусти насъ, Батечку, до хати.
Хочъ ти не разъ, Грицько, кислиці въ пельку пхав.
Та твій Рябко одъ іхъ оскоми не чував:
Бо очі бачили, що треба куповати;
Нехай хочъ вилізуть, атреба доідати.
Пусти насъ, Батечку, до хати.
Пусти! Чи бачь, якъ Песь Рябка почаствовавъ!
Коли бъ ёму языкъ родимецъ одібрав:
Щобъ вінъ замісць Рябка до віку мавъ гарчати;
А нашъ Рябко щобъ сів за его въ карти грати!
Пусти насъ, Батечку до хати.
Чи бачь, що ледві вже вінъ купці волоче;

Що такъ зъ ёго юшить и пасока тече!
Та тожь-то так звелів всю шкуру скрізь списати,
Що-то тобі нема и курці де клювати.
Пусти насъ, Батечку, до хати.
Пусти! Та й склич до насъ тихъ навіснихъ Панівъ,
Що воду изъ своїхъ виварюють Рябкові;
Звели ім. струпъ Рябківъ довгенько полизати :
Адже жъ-то и надъ Псомъ повинно ласку мати.
Пусти насъ, Батечку, до хати.
Супліку жъ сю мою ти, Грицьку, самъ читай;
Ледачому й наскудить не давай;
Бо якъ ночне Москаль по-своєму складати,
Та вотъ! та штіо? та какъ? читавши примовляти;
Тоді хочъ умикай изъ хати.

Люди добрі и ви, панове громадо! уже, коли будете читать оцю казку, то будьте ласкові, де тільки трапитця вамъ на дорозі наткнутця на Е, вимовляйте его, якъ буцімъ-то тамъ париговано Э: бо, бачъ, у нас воно зъ дыда зъ прадіда завсіди такъ вимовляетьця; хиба тільки після голоснихъ якихъ слівъ, отъ якъ бува часомъ після а, е, о и друг. та ще й зъ початку вимовляетьця мякенько, мовъ по-московській. Я таки й хотівъ бувъ, щобъ замість Е скрізь надрюковать Э, та пішовъ до голови по розумъ, помірковавсь трохи и побачивъ: що, крий Боже, якъ було бъ тяжко поверху читать; одъ-того, бачъ, що наші очі ще не зовсімъ побратались зъ симъ препудовимъ перевертнемъ Э. – Воно-то мені, мовляв, про своїхъ м не страшно уже-то нашого брата, мужика, не вчи, каже, якъ читать; такъ отъ же лихо та біда зъ тими Москалями! Вони хочъ що по-своєму перехрестять, и, я жъ, кажу мій Рябко випъе одъ їхъ добру повну: уже що я знаю, то у его не останетьця ні одного цілого реберця!... Сказано – Москаль! вінъ безъ вотъ и не ступить; язикъ, мовъ въ постонахъ; якій же ёго одмінокъ второпае, що вінъ верзе? Оттакъ вони й книжки друкують. Уже нема ёго й на світі нічого кращого, якъ (царство небесне) Еней въ нашій одежі; эге та ба! Москаль, бач, поварся и коло ёго одягнувъ по-московській. Або, нехай важко икнетця хотъ-би й нашому Ш... зъ ёго Козакомъ ⁽²⁰¹⁾. Э!... якъ-би тылько Бога не побоявсь, то – бісівъ синъ – колибъ не те казавъ, що й ...та ба!... лучче прикусить язикъ. Москаля не зачепи – лихо, а зачепишь – то й деять. Я тільки, бачъ, грішний подумавъ: що хто чоґо не тямить, то нехай и не тика туди носа; нехай, я жъ кажу, вибачайте, зъ ...ою головою въ димъ не лізе.

²⁰¹ Крайне нелѣпая опера князя Шаховского, Козакъ *Стихотворецъ*.

П. К.

Махае до овець,
До клуні, до стежківъ, до стані, до обори,
То зновъ назадъ чимъ дужъ, щобъ часомъ Москалі
(А їхъ тоді було до хріна на селі),
Щобъ Москалі, мовлявъ, не вбрались до комори.

Писавъ би й бѣльше, якъ вимовлять азбуку по-нашому, та, ей-Богу, такъ тѣсно, якъ въ шинку, що й повернутьця оттуть нѣгде.

Читатель, конечно, не оставилъ безъ вниманія стиховъ, которыми г. Артемовскій-Гулакъ объясняетъ (надо сказать очень неловко и нескладно) и безъ того ясный смыслъ Пана та Собаки. Сцены дикаго произвола, подобныя представленной у г. Артемовскаго-Гулака, видно, дѣлали и сорокъ лѣтъ назадъ сильное впечатлѣніе на благороднѣшія натуры : иначе – эта пьеса не была бы такъ популярна въ Украинѣ не только послѣ, но и до ея напечатанія. Г. Артемовскій Гулакъ состоялъ въ литературномъ родствѣ съ авторомъ перелицеванной Енеиды, но, не смотря на то, одной ужъ темой перваго своего печатнаго произведенія придавъ украинскому слову достоинство, котораго оно въ литературѣ еще не имѣло. Языкъ г. Артемовскаго-Гулака также далеко чище, сильнѣе и разнообразѣе языка Котляревскаго. Даже смѣшное у него является уже не въ каррикатурѣ дѣйствительности, а въ самомъ положеній верей. Простодушное, но не цѣеимое ни во что усердце Рябка смѣшить насъ, не оскорбляя нашего уваженія къ личности, заключенной въ его собачью шкуру, да и самъ авторъ ужъ далекъ отъ смѣха Котляревскаго каждая черга въ юмористической его живописи имѣетъ внутренній смыслъ, который придаетъ его смѣху достоинство благородной сатиры. При этомъ вся сфера дѣйствія опредѣлена у него съ артистическою любовью къ изображаемому предмету. Это ужъ не смѣшанныя черты краски, которыми Котляревскій изображалъ народный бытъ, не тѣ расчитанные на одинъ смѣхъ маски, которыми он набрасывалъ бойцевъ, роющихъ носомъ землю, или боговъ, выглядывающихъ изъ небесъ,

Якъ жаби літомъ изъ роси.

Въ его описаніяхъ мы видимъ картины, возбуждающія нашу улыбку наивною своею вѣрностью часто печальной дѣйствительности украинскаго захолустья.

Рябко на панському дворі не спить всю нічку.
Колибъ тобі на сміхъ було де видно свічку,
Або въ селі де на онічку
Маячмвъ катанецъ.
Всі сидять, хропуть,
А де-які сопуть.
Уже и панотець,
Прилізши изъ христинь, до утрени попхався..
А нашъ Рябко, кажу, все спатки не вкладався.
Знай неборакъ паня то въ той, то въ сей кутокъ:
То зазирне въ курникъ, то – дейко до свинокъ!
Спита чи всі таки живеньки поросятка,
Индики та качки, курчатка й гусенятка?
То звідить навпростецъ

Рассказъ идетъ у г. Артемовскаго-Гулака въ строгой послѣдовательности и не заключаетъ въ себѣ ничего лишняго, что можно сказать только о весьма

немногихъ изъ начинавшихъ писателей. Не всѣ стихи у него одинаково безукоризненны и удачны, но изъ всей пьесы можно бы выбросить развѣ только послѣднее двустишие, въ которомъ авторъ не совсѣмъ удачно воспользовался извѣстнымъ каламбуромъ народнымъ: крутъ-вертъ, а въ черепочку смерть.

Пока читатель не вошелъ еще въ самую идею повѣствованія, авторъ умѣлъ занять его мастерскимъ описаніемъ сферы, въ которой должно совершаться дѣйствіе, что – скажемъ опять – удается немногимъ изъ начинающихъ, да и у писателей опытныхъ не рѣдко приступъ къ повѣсти обнаруживаетъ механизмъ авторства, за недостаткомъ истиннаго одушевленія своимъ предметомъ. Еще бы нѣсколько стиховъ – и вступительное описаніе повседневной жизни Рябка показалось бы растянутымъ. Но авторъ остановился вовремя (признакъ таланта сильнаго) и вдругъ переходитъ отъ спокойной повѣсти къ траги-комедіи, гдѣ ужъ онъ окончательно овладѣваетъ читателемъ и до конца пьесы поддерживаетъ въ немъ живѣйшее участіе къ своему несчастному герою. Въ самомъ порождѣ этомъ показали авторъ мастерство, въ его время рѣдкое, избежавъ рѣзкости и внезапности, которая такъ часто встрѣчается въ сочиненіяхъ людей, не призванныхъ къ искусству. Онъ предупредилъ своего читателя двумя стихами, заставляющими ожидать чего-то чрезвычайнаго. Отъ этого слѣдующая картина, при всей своей бурѣ, не отдѣляется отъ предыдущей, не дѣлаетъ скачка, вообще вредящаго искусству, а составляетъ только новую сцену того же міра, въ которомъ происходила и первая, спокойная сцена траги-комедіи.

Здѣсь превосходно воспользовался авторъ тѣмъ комизмомъ, который заключается не въ словахъ и оборотахъ, а вытекаетъ изъ самого положенія вещей. Читатель, по приведенному стиху, догадывается, что Рябку предстоитъ горькая чаша, и въ поднявшемся со всѣхъ сторонъ. зовѣ: цу-цу, Рябка! на, на! слышитъ уже что-то зловѣщее; но простодушный и глупо-усердный Рябка судить о панской благодарности по себѣ.. Ось, ось я, батечки! восклицаетъ онъ радостно. Мастерское описаніе его собачьей увѣренности въ своихъ заслугахъ еще усиливаетъ грустный комизмъ его положенія:

Стриба Рябка, вертитъ хвостомъ,
Неначе помеломъ,
И знай дурненький скалить зуби
Та лиже губи.
»Уже жъ, бакъ, дума вінъ, не дурно це въ дворі
Одъ самоі тобі зорі
Всі панькаютця коло мене:
Мабуть самъ панъ звелівъ віддати Рябку печене
И що осталося варене,
За те, що, бачь, Рябка всю Божу нічъ не спавъ.«

За этимъ слѣдуетъ самое сильное мѣсто пьесы, вѣрное дѣйствительности. Обращу вниманіе читателя на счастливую черту, проведенную въ этой сценѣ. Когда дѣло доходитъ до грустнаго паѳоса, Рябка, въ крикѣ, своемъ, прибѣгаетъ къ комизму, истинно украинскому:

Не буду, батечку!... За що се честь така?

Тяжелое чувство, стѣсняющее грудь читателя, облекается смѣхомъ, и самая сцена, отталкивающая своимъ смысломъ, выходитъ отъ этого болѣе художественною.

Деруть Рябка, мовъ пір'я,

продолжаетъ авторъ, очень, кстати маскируя каламбуромъ чувство собственной раздражительности, которое всегда вредитъ художественности изображеній. Если мы не имѣемъ достаточныхъ основаній признать въ немъ критическое самосознаніе творчества, то должны признать природный инстинктъ, который указалъ ему нѣсколько разъ, въ продолженіе этой оригинальной пьесы, какъ распорядиться на счетъ вниманія и впечатлѣній читателя.

»Пустіть! гукнули всі: Рябко вже вдовольнився!«

Не напиши онъ этого стиха, было бы долго еще непонятно, какъ смотрѣла дворня на расправу Пана; но здѣсь, сквозь рабскую иронію, слышится состраданіе и убѣжденіе, что дальше съ Рябкомъ не осталось ничего дѣлать, если только во что-нибудь цѣнить его, какъ вещь, необходимую для панскаго двора. Этотъ стихъ, между прочимъ, составляетъ искусный и необходимый переходъ отъ панской катавасіи, отъ бурнаго хора траги-комедіи къ тихому солу безсильной жалобы, изливающейся въ безсильныхъ слезахъ:

»Чимъ, люде добрі, такъ оце я провинився?

За що глузуете?« сказавъ нашъ неборакъ.

»За що знущаетесь ви надо мною такъ?

За що, за що?« сказавъ, та й попустивъ патѣки,

Патѣки гіркихъ слізъ, узявшись за боки.

Въ этой жалобѣ поражаетъ насъ – хотя конечно это случайность – то обстоятельство, что Рябко жалуется не на пана, а на добрыхъ людей. Этимъ онъ, какъ-будто хочетъ сказать, что они, именно они виноваты въ бессмысленномъ его поступкѣ съ существомъ, состоящимъ въ собачьей должности, что безъ нихъ его неистовства были бы не возможны, что онъ только знаменатель ихъ варварскаго образа мыслей и рабскаго ничтожества ихъ душъ. Едва ли былъ у автора расчетъ на то, чтобъ заронить въ умы читателей подобную мысль. По художественный инстинктъ такое великое дѣло въ писателѣ, что иногда, мимо его вѣдома, дѣлаетъ изображаемый предметъ родникомъ разнообразныхъ идей и соображеній. Можно указать не одного писателя, который, подъ наитіемъ творчества, возбудилъ въ читателяхъ идеи, которыя никогда не посѣщали его головы въ видѣ философскихъ выводовъ изъ міросозерцанія.

Что касается до г. Артемовскаго-Гулака, то послѣдовавшія за Паномъ та Собакою его произведенія не обнаруживаютъ въ немъ высокаго строя мыслей, и въ чисто художественномъ отношеніи стоятъ ниже первой пробы пера. Что это значить? какъ это объяснить? Мы не находимъ другого отвѣта на эти вопросы, какъ только: что въ его время было еще рано писать подобныя вещи;

что вокруг него немного могло тогда найтись истинныхъ ценителей подобнаго произведенія, что вообще читающее общество тогдашнее взглянуло на Пана та Собаку не съ существенной стороны пьесы и разсмѣялось не тѣмъ смѣхомъ, какимъ, напримѣръ, сопровождались – безконечно, впрочемъ, высшія по художественности – творенія Гоголя. Талантъ во всѣ вѣка и во всѣхъ обществахъ – одна и та же сила, по своимъ природнымъ свойствамъ: проявленіе таланта въ той или другой формѣ зависитъ отъ общественнаго развитія, а возрастаніе его – отъ степени, въ какой необходимъ онъ своей средѣ для выраженія ея внутренней жизни. Посмотрите на Харьковъ и прикосновенныя съ нимъ провинція сорокъ лѣтъ назадъ; взвѣсьте моральное развитіе среды г. Артемовскаго-Гулака тогдашними профессорскими лекціями, книгами, выходившими въ Харьковѣ, и наконецъ самимъ журналомъ, въ которомъ помѣщенъ Панъ та Собака. Могло ли общество, стоявшее во главѣ просвѣщенія всей провинціи Харьковской и всей Украины вообще, оцѣнить эту пьесу по достоинству, какъ первый опытъ поэта, и поддержать его юношескія стремленія? Увы! еслибы даже это и случилось, то какіе сорокъ лѣтъ предстояли этому обществу въ его дальнѣйшемъ развитіи? Не было ли бы это странствованіе по пустынь Аравійской? а вождь и законодатель гдѣ? Г. Артемовскій-Гулакъ не годился для этой роли уже по одному тому, что въ окружающей его сферѣ не было побужденій, которыя заставляютъ массу искать выхода изъ положенія, мертвящаго ея силы. Само общество не нуждалось въ моральномъ вождѣ, не чаяло его и, еслибъ онъ явился, то не признало бы. Вотъ почему, какъ намъ кажется, авторъ Пана та Собаки не только не шагнулъ впередъ, но въ слѣдующей же своей пьесѣ, отступилъ назадъ и сталъ въ уровень съ требованіями своего времени и своей литературной среды. На этомъ уровнѣ онъ ужъ и держался во все время своего авторства, о прекращеніи котораго было странно бы сожалѣть критику нашего времени. Перепечаемъ здѣсь Солопія та Хіврю изъ Украинскаго Вльстника, составляющаго библиографическую рѣдкость. Все это ужъ давно покрыто забвеніемъ и должно показаться новымъ даже и для тѣхъ, кто читалъ Украинскій Вльстникъ во время его циркуляціи: Въ этой растянутой пьесѣ г. Артемовскій-Гулакъ не похожъ на самого себя. Ничтожество идеи, вялость изложенія, разглагольствованія на мѣсто живыхъ образовъ – все это показываетъ, что юношескій благородный огонь, не получивъ поддержки со стороны общества, началъ пылать въ поэтической душѣ слабѣе прежняго. Одинъ языкъ не измѣнилъ автору Пана та Собаки; языкъ у него и здѣсь сохранилъ свою гибкость и разнообразіе.

СОЛОПІЙ ТА ХІВРЯ або горохъ при дорозі.

Казка.

*Vous voyez le grand gain, sans qu'il faille le dire,
Que de ses ports de mer le roi tous les ans tire;
Or l'avis, dont encore nul ne s'est avise,*

Est qu'il faut de la France – et c'est un coup aise —
 En fameux ports de mer mettre toutes les cotes;
 Ce serait pour monter a des sommes tres hautes!
 Moliere, Les facheux, acte III, scene III.
 Спромігся Солопій весною на горохъ,
 Та й сівши зъ Хіврею, собі міркують въ-двохъ:
 Чи то продать ёго, чи то ёго посіять?
 »А що жь тутъ мірковать? не полілуйсь провіять«,
 Сказала Хівря тутъ; »въ, мішечки позсипай,
 Та й сіяць на поле підъ дощъ мерщій чухрай, «
 — »Воно-то, Хівре, бачь тутъ, не за тимъ идетця;
 Але посіять такъ, якъ у людей ведетця —
 Нехай ёму лихе! — горохъ ласенька річь,
 И дітвора за нимъ полізе хочъ у пічь.
 Ти жь раешь сіяти горохъ на перелозі.
 Эй, Хівре, пероліть лежить нашъ при дорозі:
 Эй, обскубуть горохъ нашъ зеленцемъ, побачь!...
 Въ лопаткахъ обнесугь... тогді хочь сядь, та й плачь!«
 — »Якбі вражої ти матери сумуешь?
 Цурь дурня! навісний! Чи ти жь того не чуешь,
 Що якъ уродить Богъ, то дасть на долю всіхъ?
 Чи се жь не глумь тобі, не соромъ и не сміхъ, —
 Врагъ матірь зна чого безглуздому жахатця?
 Та-дже жь, як кажуть-то, коли вовківъ боятьця,
 То нічого ходигъ зъ сокирою и въ лісь.
 Йди жь, кажу та сій; не мимри тамъ підъ нісь!
 Абй лишь, Господи, на ниві намъ вродило,
 То буде намъ и всімъ; чи чуешь ти, мурмило?
 Не будь уїдлиий и впартий, мовъ оса,
 Мовъ паровастиий кінъ: бо вилаю, якъ пса.«
 —»Эй,, Хівре«, Солопій сказавъ їй, »не сварися;
 Бо, далибі, горохъ нашъ згине! схаменися.
 Ну, сількось... я піду, посію, та не тамъ,
 А де-небудь въ кутку, що й врагъ не найде самъ.«
 —»Не перебендюй бо такъ довго, Солопію!
 Бо я горохъ сама де схочу, тамъ посію;
 Сама я й викошу, якъ треба на покісь,
 И ось тобі тогді я дулю дамъ підъ нісь!
 Але, мій голубе, прошу тебе по ласці:
 Послухай часомъ тихъ, що ходять и въ запасці;
 Плюнь, серце, на того, хто такъ тобі сказавъ,
 Що буцімъ Богъ жінкамъ волосся довге давъ
 За те, що розумъ імъ укоротивъ чимало.
 То погань такъ верзла, школярство такъ брехало!
 А я жь-то й мужиківъ, крути ти не верти,
 Не разъ вже бачила такихъ дурнихъ, якъ ти!
 Оттакъ! — питай людей; бо той, хто їхъ питає,
 Мовъ старецъ безъ ціпка по стежкахъ не блукає.
 Не разъ вже за двома зайцями ти ганявъ,
 За те жь ні одного гонившись не піймавъ;
 Не разъ ти жаловавъ ухникиківъ старенькихъ,
 За те жь ти скілько вже згубивъ підківъ новенькихъ!

Оттакъ ти и теперъ горохъ запропастишь,
 Коли бъ ти самъ пропавъ!«
 — »Чого ти тамъ гарчишь?«
 Сказавъ нашъ Солопій; та й зъ серця дейко зъ хати:
 Запрігши гулихъ вінъ, ну перелігъ орати.
 Зоравъ, посіявъ вінъ горохъ, заволочивъ;
 Ажъ тутъ и дрібний дощъ ріллю ёго змочивъ.
 Зійшовъ горохъ, підрісь, зацвівъ увесь рясненько.
 Хто йшовъ, той приглядавсь горохові пилиенько.
 Тимъ часомъ вже почавъ вбиватьця й въ лопатки;
 Ажъ тутъ прийшла черга и на самі стручки.
 Хто йде, горохъ скубне: гребощъ скубне у жменю;
 Иде косарь и жнець – нагарбають въ кишеню;
 Прискочить дівтора, и въ пелену смикне.
 Зібравъ нашъ Солопій горохъ, та знай клине,
 И на чімъ світъ стоїть по-сороміцькій лае;
 Усіхъ батьківъ съ того вінъ світа вивертае:
 »Стонадцять би копиць зъ рогами вамъ чортівъ!
 А!... бісівъ народе! коли бъ ти околівъ!
 Коли бъ ти кожнимъ бувъ стручкомъ подавився!
 Щобъ въ горлі вінъ тобі кілкомъ бувъ зупинився!
 Коли бъ щобъ тріснувъ бувъ одъ ёго твій живіть,
 Ніжъ мавъ оце мене ти посадить на лідъ!
 Щобъ горошиночка въ твоїхъ кишкахъ бісовськихъ
 Такъ набубнявіла, якъ, барабанъ московський!«
 Багацько де-чого співавъ тутъ, Солопій,
 Молився за весь рідъ хрещений свій.
 То, вгамовавшись, зновъ до свого вертався;
 До Хіврі сикався, за макогінъ, хватався;
 То зновъ по доброму ладу вінъ їй казавъ:
 »Бачъ, Хівре навісна, що нашъ горохъ пропавъ!
 Бачъ, шкапо бісова, чоґб ти наробила!
 Та ти жъ, мене навікъ оце запропастила!«
 Ище смачненьке щось хотівъ сказати вінъ їй...
 »Послухай лишъ сюди«, сказала Хівря, »стій!
 Уже, якъ бачу я, тебе не переперти:
 Хто дурнемъ уродивсь, тому дурнимъ и вмерти!
 Але бъ, мовлявъ, ище сюди й туди зъ дурнимъ:
 Ось лихо та біда зъ дурнимъ, та ще й зъ лихимъ!
 Казала я тобі: що Богъ якъ намъ уродить,
 То буде намъ и всімъ, и злодій не зашкодить.
 Ажъ такъ и єсть: хочъ ти посіявъ два мішки,
 Хочъ, тільки хто хотівъ, той наші рвавъ стручки! —
 Нехай ёму въ користь! а все жъ, хвалити Бога,
 Зібравъ ти сімъ мішківъ гороху зъ перелога!
 Де пьють, то тамъ и ллють: безъ, шкоди не бува,
 Аби здоровенька лишъ наша голова...
 Але ти хочешъ, щобъ не іли кози сіна,
 И ситі щобъ були? ой, мудрий дуже зъ сина!
 Ну, цуръ тобі та пекъ! роби ти що хоти:
 Ори, мели и їжъ; хочъ голову скрути!
 Про мене, я теперъ и не роззявлю рота...

Та вже жь побачимо, яка твоя робота!
Та й люде жь, сіючи хочь тратять, а орють:
То дурні, оть якь ти, несіяні ростуть.
Эй, схаменесся ти, та пізно, Солопію! «
— »Та вже жь хочь схаменусь«, сказавь вінь, »хочь посію,
Та не по твоєму: зроблю якь самь умію;
Зроблю, щобь и стручка ніякий бісь не вкравь.«

Зробивь нашь Солопій, якь самь здоровий знавь:
Вінь на другу весну плугь и рази забравши,
И міжь пшеницею и житомь пооравши,
Вь середині горохь увесь засіявь свій:
»Теперь-то«, дума нашь дурненький Солопій,
»Теперь-то мій горохь вже, мабуть, розцвітає!
Нехай цвіте, нехай тимь часомь доспіває.
Ось, якь піду вь жнива пшениці й жита жать,
То, часу марне щобь мовлявь не зваковагь,
Скошу и свій горохь, вь копиці поскладаю;
То й зь нимь упораюсь, и разомь жнивь но згаю.«

Пішовь вь жнива: та-ба! ні зерна не заставь!
Проциндривь Солопій горохь и просвиставь,
А за горохомь вь-гурть и жото и пшеницю,
Бо тільки зо всього соломи взявь сь копицю!
А якь же це? — Оттакь: пронюхали вь селі,
Що Солопій горохь посіявь на ріллі
Міжь житомь та поміжь пшеницею своєю, —
Давай ходить вь горохь... ходили — и хіднею
Пшеницю й жито все такь змяли та стовкли,
Що, сучий синь, коли и місце їхь знайшли.
Що жь Хівра? Румсає! а що жь чинить небозі?
Якь тільки жь задріла Роззяву на порозі,
Зняла торбинки дві новісінькі зь кілка:
»А бачь, гадюко, бачь! ти жаловавь стручка;
Теперь же зь дітками безь хліба ми шмата!
Бачь, сину гаспидський, чортовський Солопію!
До чого нась довівь ти, бісівь скупердяго?
Иди жь теперь звідціль, щобь твій и духь не пахь!
Не вмівь свого, — носи жь ти хлібь чужий вь торбахь.«
Сказала, та й торби на ёго почіпляла,
И міжь старцівь, мовь пса, Солопія прогнала!...

Послухайте мене, ви всі, Солопії,
Що знай мудруете, и голови свої
Чорть-батька-зна надь чимь морочите до ката:
Якь вь борщь, замісь курчячь, намь класти кошенята;
Якь, груші на вербі и дулі вамь ростуть;
Якь істи дазьбіга, та ще й гладкими будь;
Якь локшину варить для війська изь паперу;
Якь квашу намь робить зь чорнила и тетерю;
Якт борошно мологь безь жорнівь язикомь;
Якь бджоли годовать безь меду часникомь;

Якъ кохви пить панамъ съ квасолі зъ буряками;
Якъ ниви засівать, безъ сімья, кізяками;
Якъ зъ кожного зерна сімь кварть горілки гнать;
Якъ сіно намъ перомъ косить, якъ кіньми жать,
Щобъ людямъ и сніпка не дать на заробітокъ,
И пташці ні зерна погодовати дітокъ....
Заплюйте лишъ оцю, скажені ви, брехню:
Де треба руки гріть, тамъ треба и огню
Та вже зъ васъ не одинь оравъ підъ небесами;
А якъ на землю злізъ, – пішовъ въ старці съ торбами!...

Заключительные стихи Солопія та Хіврі имѣють смыслъ двоякій. Въ нихъ выразились: во-первыхъ, недовѣрчивость тогдашняго провинціального общества къ новѣйшимъ способамъ жизни вообще; во-вторыхъ, осужденіе людей, которые воображаютъ, что можно сдѣлать скачокъ изъ одного столетія въ другое и, посредствомъ механическихъ пріемовъ, заставить варварское общество жить образованною жизнью другихъ, дослуживавшихся до лучшей участи, народовъ. Очевидно, что г. Артемовскій-Гулакъ въ этой пьесѣ былъ органомъ только убѣжденій первой категоріи: иначе онъ бы всю пьесу повернулъ ко второму, случайному смыслу своихъ стиховъ, котораго они въ то время не могли имѣть для большинства его читателей. Мысли его наклонились — но и то неопредѣленно — въ эту сторону только потому, что онъ, пиша по-украински, необходимо долженъ былъ взглянуть на предметъ своего сочиненія глазами простолюдина. Народная муза, за одно то, что онъ не отчуждался ея языка, подсказала ему здѣсь прекрасное двустишіе, которое не мѣшало бы принимать къ соображенію почаще и нынѣшнимъ экономистамъ:

Щобъ людямъ и сніпка не дать на заробітокъ,
И пташці ні зерна погодовати дітокъ....

Что касается до первой, главной половины смысла, какой угодно было автору придать своей пьесѣ, то общество и тутъ наложило на его талантъ свои оковы. Въ то время всѣ нововводители казались людямъ благоразумнымъ Донъ-Кихотами. Г. Артемовскій-Гулакъ, видно, не понималъ различія, какое полагаетъ греческій Платонъ между поэзією благоразумныхъ и поэзією безумствующихъ, и очутился на сторонѣ первыхъ. Онъ былъ не въ силахъ провидѣть въ этихъ Донъ-Кихотахъ ихъ преемниковъ, которые, наслѣдовавъ ихъ великодушіе, позаботятся о болѣе точномъ ознакомленіи съ предметомъ и пошире и посвѣтлѣе взглянуть вокругъ себя. Усилія науки войти въ самую жизнь съ каждымъ годомъ оправдываются новыми усиліями, и теперь ужъ иное впечатлѣніе производять стихи, когорые г. Артемовскій-Гулакъ помѣстилъ въ заключеніе своей пьесы, какъ самый громкій аккордъ:

Та вже зъ васъ не одинь оравъ підъ небесами,
А якъ на землю злізъ – пішовъ въ старці зъ торбами.

Подобно тому, какъ вслѣдъ за Бартомъ и Овервегомъ, не смотря на всѣ ихъ неудачи и страданія, отправлялись и отправляются путешественники во внутреннюю Африку, такъ и въ область сельско-хозяйственныхъ опытовъ пускаются одинъ за другимъ великодушно-предпріимчивые люди, на которыхъ и теперь еще милая наша родина, изъ своихъ уѣздныхъ и губернскихъ городовъ, смотритъ тысячами глазъ, какъ на сумасбродовъ. Разница, впрочемъ, та между усиліями современныхъ намъ дѣятелей экономического прогресса и ихъ предшественниками, что теперь съ каждымъ годомъ внѣдряется болѣе и болѣе въ мыслящей части общества убѣжденіе: что не единицы развитыя, а развитыя массы созидаютъ благоденствіе края. Въ старину на массу не обращали вниманія, вырывались изъ нея впередъ и этимъ самымъ дѣлались иностранцами посреди собственнаго народа. Естественно, что просвѣщенные усилія подобныхъ единицъ были смѣшны въ глазахъ непонимающаго ихъ общества, и г. Артемовскій-Гулакъ, поэтому, не совсѣмъ неправъ въ своихъ насмѣшкахъ надъ современнымъ ему учеными агрономами. Жаль только, что онъ своимъ талантомъ сослужилъ службу облѣнившимся рутинистамъ и такимъ образомъ унижилъ искусство и самой дидактикою, и примѣненіемъ ея къ дѣлу жизни.

За СоЛопіємъ та Хіврею слѣдуетъ объясненіе въ родѣ того, чю и после Пана та Собаки. Дико читать намъ теперь эти юродивыя разглагольствованія въ духѣ Енеиды Котляревскаго; но въ то время подобный тонъ удовлетворялъ земляковъ нашихъ, и они помирали со смѣху надъ фразами, перенесенными изъ кабака въ типографію. Дальше этого тона тогдашня проза не ходила. И при всемъ томъ замѣтно въ авторѣ стремленіе выставить нелѣпость украинскаго аристократизма, стремленіе благородное, но неопиравшееся ни на историческія понятія о своемъ народѣ, ни на убѣжденія лучшей части современнаго общества, и потому безсильное и, можно сказать, преждевременное. Какъ памятникъ первыхъ попытокъ заговорить въ журналѣ на родномъ языкѣ въ прозѣ, мы приводимъ здѣсь объясненіе г. Артемовскаго-Гулака, напечатанное имъ въ видѣ примѣчанія къ Солопію та Хіврѣ.

ПИСУЛЬКА

до того, который що-Божого місяця Українського Гінця по всіхъ усюдахъ розсилае.

Ївграпе!

Бажавъ еси казки: отъ-тобі Солопій та Хівря! Не здивуй самъ, та нехай вибачить и громада, коли казка не до-шмиги. Самъ бачивъ еси, та де- якимъ и не повилазило, що я захирівъ такъ, що й голови не підведу; та ще може й доведеться вистоятъ добрий калантиръ у домовині! А вже, самъ здоровъ знаешь, що лежачи не далеко зайдешъ; я жъ кажу: лежачи яка робота? Воно, Ївграпе, лежачи добро тільки панамъ: імъ скрізь спірно йде робота; бо хочъ и лежні нападуть, то вони все таки дармо часу не згають; крикнуть: давай,—дають; а коли нема? — то быють. Кого? Оце кого! уже жъ не собаку! А коли биття обридне? то що жъ! то карти мнуть. Эге! та все такій мнуть, та все таки не

гуляють! Та ще й пани, Ёвграпе, не всі такі трудящі: бо инший паномъ уродивсь, паномъ охрестивсь, паномъ и зрісь; а далєбі и мужика клезнуть не вмє, – оттаке лихо!... Такий у насъ, бря, и підъ Харьковомъ недалєчко: ось хочъ би й... не хочу! не хочу! ей-Богу, не скажуі грїхъ! Я у ёго хлїбъ-сїль івъ; а ти хочешъ, щобъ я виявивъ, що вінъ ні въ карти гратъ не тямить, ні мужиківъ лупить не вмє. Та й зъ насъ, Ёвграпе, не яка робота. Ищє жъ то, мовлявъ, тобі и сякъ и такъ; бо тобі дє-що иноді и черезъ дзвінку перелїзе; а я такий пришелєповатий, що й сїєі дурниці не втну. Та я то трохи и въ картахъ шуплю, бо таки зъ первого погляду, якъ тїлько побачу, що зъ однимъ окомъ, то таки заразъ и вгадаю, що то, мабуть, найстарший. Я такъ, Ёвграпе, часомъ и людей пізнаю: якъ тїлько заздрю кого, що хочъ свої родимі притаманні ще й не повилазили, та вже, бачъ, дивитця въ одно чуже кожному підъ нїсь, мовъ ёго не добачає, то я таки заразъ, сучий синъ, коли не вгадаю, що то мабуть найстарший дурень. Ой, щось я дуже брязнувъ! колибъ лишъ ножниці на столі не обїзвались! Та вже жъ, матері їхъ ковїнька! Чи будуть битъ, то нехай бьють; уже мене не такі били, та й ті не багацько добра вибили. Ужє, я жъ кажу, мені гїрше не буде; я вже и такъ пью добру повну: отъ, лежу та стогну, та вожусь изъ знахурами, неначе кїть изъ оселєдцемъ. Ище разъ тобі кажу – що лежачи не яка робота: ось Пана та Собаку и сидячи написавъ, та ще й то де-которимъ панамъ, може, такъ догодивъ, якъ Рябко своєму. Що жъ чинить, Ёвграпе! Дурнямъ, якъ-то кажуть, самъ Богъ не вгодить. Та вже-то воно грїхъ казатъ, бо мого Рябка у самому Петенбурсі, у Москві и скрізь таки глядили не противъ шерсти и приймали, неначе кого й доброго; такъ отъ же, бачъ, все таки у деякихъ, підпанківъ шапки на голові загорїлись! Бодай вони такъ на свїті були, якъ мені кортіло зъ ними гризтись: цуръ імъ, векъ імъ, осина імъ, марина! То доброго, мовлявъ, полай и покартай, — а вінъ тобі ще й поклонитця, а ледачому що? ти ёму образи, а вінъ тобі лубья! Нехай вони тямлятьця! Ледачого, мовлявъ нашъ Онопрїй, не займай – и самъ себе не каляй; уже горбатого, Ёвграпе, хиба могила справить. Оттакъ-то, голубе! Лихо й зъ правдою, лихо и зъ брєхнею: за правду бьють, за брєхню віри не дають. Оттака ловися! що сучий синъ, коли знаєшъ, куди на свїті й повернутьця. Що жъ робить? Мовчать? Тадже жъ мовчу, колибъ уже імъ заціпило! Я жъ-то вже й кажу, Ёвграпе: що нема ёго й на свїті, якъ изъ своєю рїдпею – зъ мужикомъ: чи поскубтись, чи побитьця, чи и помиритця, то все воно, таки сказано, свїй братъ. Я жъ то одъ того оцє и на Солопія напався: адже жъ панівъ нема Солопіївъ? Якъ ти думаєшъ, Ёвграпе? Ти письменніший відъ мене, ти багато де-чого шупишъ; ти вже бувавъ у бувадьцяхъ; ти вже, я жъ кажу, бувъ и на коні и підъ конемъ. Скажи, будь ласкавъ, Ёвграпе, чи нема сєго имення міжъ панами? щобъ мені часомъ грїха не взятъ на душу. А то опанує мене лиха та нещаслива година, якъ часомъ, крий Боже, изъ-помїжъ панківъ вирветця не одинъ Солопьяга! Бо вже у мене щось дурно свербить чуприна: эй, та будуть битъ скажені! Та вже жъ, сїлькось, нехай бьють; уже зъ насъ, Ёвграпе, небагацько олії вибьють. Аби лишъ, Господи, мены до смерти, а смерть моя не за горами, а тамъ я й дулю ымъ виставлю! Бери, Ёвграпе, казку. Що буде, то буде, а буде те, що Богъ намъ дасть. Бери,

кажу, Солопія, неси въ дрюкарню, нехай твѣй Микола дрюкуе: я жъ кажу, коли вовка лякаться, то и въ лісь не йти. Не такой чортъ страшный, якъ ёго малюють!

Слѣдующая пьеса г. Артемовскаго-Гулака замѣчательна безцвѣтностью стиха и тупостью сатиры. Она направлена на кого-то изъ тогдашнихъ авторовъ харьковскихъ и, вѣроятно, имѣла мѣстный интересъ, но, какъ почти все подобныя произведенія, не производитъ на посторонняго читателя никакого впечатленья, кромѣ скуки. Авторъ писаль эту вещицу въ болѣзненномъ состояніи, какъ это видно изъ примѣчанія издателя. Потому, можетъ быть, она и вышла плоше всего, что намъ извѣстно изъ его печатныхъ украинскихъ стихотвореній. Появилась она въ Украинскомъ Вѣстникѣ съ французскимъ эпиграфомъ собственнаго авторскаго сочиненія, который и мы удерживаемъ въ нашей перепечаткѣ.

ТЮХТІЙ ТА ЧВАНЬКО.

Побрехенька.

Mes jours sont le tissu d'un contraste etonnant:
Je ne vis qu'en pleurant, et je mourrai riant!
L'amour, pour tant de coeurs l'object de plus doux charmes,
Ful pour le mien la source et des maux et des larmes!
Pour adoucir mon sort et mes regrets cuisants,
En poussant des soupirs j'ecris des vers plaisants.
Qu'ils sont droles, ma foi, ces destins que les notres!
Quoi!... je pleure, et morbleu! j'en fais rire les autres!

Нашъ Віршомазъ Тюхтій старихъ людей шануе,
Гарасько якъ звелівъ, вінъ такъ и компонуе.
Чи справжки, чи й на жартъ що тільки написавъ,
То такл, на девять рікъ те въ скриню и запхавъ!
А на десятый рікъ якъ вийме, прочитае:
Побачить самъ здоровъ, що тамъ ладу бісь мае;
То въ грубу такъ таки и впре шпаргалія все!
Отъ братъ ёго Чванько слабкий уже на се:
Що начеркавъ, то такъ въ дрюкарню и несе!
Але громада їх одако поважае:
Того ні сномъ не зна, другого не читае.
Скажіть, будь ласкаві: хто зъ їх дурніший двохъ?
Та глузду, гріхъ казать, скупенько у обохъ!
Такъ перший же хочъ тимъ за працю надолужить,
Що въ девять рікъ хочъ разъ, тепломъ собі услужить;
Другий такий дурний, що мерзне вінъ, дрижить,
А книжокъ же ёго съ пять сажнівъ такъ лежить!...

ДЕ-ЩО ПРО ГАРАСЬКА.

Воно-то, бачъ, по нашому Гарасько; а по-московській Горацій. О! вже вони хочъ що, то по своєму перековерсають Тамъ-то вже предивенна ёму мова! Отъ часомъ трапитця такъ, що зъ годину стоїшь передъ нимъ, а вінъ тобі січє та руба: що жъ? песь, коли й слівце уторопаешъ, що вінъ тамъ-гергоче!! Отъ

тільки буцімь-то й дочуваєшъ: воть та воть; та штїо, та штїо; та гаеарю-кажу, гаеарю-кажу!!... а що вінъ тамъ тобі говорить-каже, того, далибі, й зъ попомъ не розберешъ! Ище бъ то щось сказавъ, бо язикъ дуже свербить; та цуръ імъ: у насъ, бачъ, уся старшина московська, чи то далеко до лиха? Я жъ кажу – цуръ імъ: візьмешъ, якъ-то кажуть, личкомъ, а оддаси ремінцемъ.... Я-то тільки, знаешъ, хотівъ сказати отъ про того Гараська, бо вінъ уже подавно сказавъ: що коли вже Луципіръ підцькує кого маглувать вірши, то нехай наялозить та й попит *premel in annum*. Вінъ-то оцѣ сказавъ, бачъ, по-литвинській, – бо вінъ бувъ, собі на лихо, Литвинъ; а по-нашому, то воно значитця ще: що коли вже написавъ що, то нехай куди запровторить такъ, щобъ тільки миші та пацюки про те знали.

Одже я ёго часомъ, такъ якъ и Чванько, не дуже-то слухаю – байдуже! Инше діло у Литві, а инша річъ у Москві: може, воно тамъ колись и добре було. А у насъ тіи погані віршомазівъ стільки наплодилось, що, якъ би кожний ховавъ те на десять рікъ, що за годину набазгра, то бъ нігде було чоловікові й хати нанять за паперами!...

Ви, дурні, я жъ кажу, на се лишъ не вжайте;
Людей питайтеся, та й свій ви розумъ майте.
Не вамъ Гарасько сей указъ скомпоновааъ:
Вінъ самъ розумний бувъ, розумнимъ и писавъ;
Пишіть, и крамарівъ, паперниківъ годуйте!
У насъ холодний край, а лісь ставъ дорогий;
Дурні ні по-чому: що сгупишъ, то й дурний.
Пишіть, будь ласкаві, — подякують вамъ люде:
За дурнями та й всімъ розумнимъ тепло буде....

На этихъ трехъ пьесахъ, столь неравныхъ по достоинству, утвердилась извѣстность г. Артемовскаго-Гулака, какъ украинскаго поэта. Но это было не все, что написалъ онъ: ходили въ рукописи оды его, переложенныя изъ Горація, баллада Твердовський, переведенная изъ Мицкевича, и еще кое-что. Твердовський появился въ печати въ журналѣ Славянинъ 1834 года; прочія стихотворенія напечатаны въ Утренней Звѣздѣ, альманахѣ 1834. Уже по одному тому, что это переводы и передѣлки съ чужого, нельзя ихъ ставить наравнѣ съ первымъ его опытомъ, хотя языкъ въ нихъ до того хорошъ, что дѣлается грустно, зачѣмъ было автору останавливаться на пробѣ пера! Предоставляемъ судить самому читателю:

ТВЕРДОВСЬКИЙ

Малороссійская баллада.
»Нуте, хлопці! швидко, шпарко!
Музики, заграйте!
Гей, шинкарю! гей, шинкарко!
Горілки давайте!«

Ріжуть скрипки и бандури!

Дівчата гопцюють;
Хлопці, піть аж ллетця зь шкури,
Коло їх гарцюють.

Бряжчять чарки, люльки шкварчять,
Шумує горілка;
Стукъ, гармидеръ, — свистять, кричать,
Голосить сопілка.

Панъ Твердовський въ кінці стола
Съ поставця черкає:
»Гуляй душа! тра-ла-ла-ла!«
На весь шинкъ гукає!

Въ батька й матірь отамана
И громаду лає;
Скрутивъ жида, якъ Гамана,
Ще й усомъ моргає!

Сикнувсь уланъ, — вінъ вздовжъ ёго
Шаблюкою тріснувъ.
Уланъ — тю-тю! га-га! го-го! —
Зайцемъ въ кутку приснувъ!

Взявъ набакирь писарь шапку:
Панъ грішми забрязкавъ;
Ажъ гулькь! — писарь верть въ собаку,
И на всіхъ загавкавъ.

А шевцёві панъ Твердовський
Въ такі знаки дався,
Що, мабуть, изь часъ московський
Бариломъ качався.

Въ нісь втеревивъ дві бурульки;
Зъ бурулєкъ, мовъ зъ кухви,
Бъють підъ стелю черезъ рульки
Джерела сивухи.

Бъють джерела.... панъ-гульвіса
Кухоль підставляє;
Ажъ зиркь въ кухню — що у біса?
Въюнь на дні играє!

»Духъ Святий, миряне, зь нами!
Вилупіть лишъ баньки! «
Въюнь утікь, а цапъ зь рогами
Вилазить изь шклянки.

Мекяувъ, мовъ ёго родимець
Почавъ мордувати,
Та й стрибувъ въ комінь; ажъ гулькь — Німець

Стоїть середь хати!

Нісь — карлючка, ротъ свянчій,
Гиря вся въ щітині;
Ніжки курячі, собачий
Хвість, ріжки цапині!

Дригъ ногою! круть ріжками!
Въ поясъ поклонився:
»Ну, Твердовський, часъ, изъ нами
Щобъ ти расплатився!

»Гулявъ еси, верховодивъ,
Усімъ въ знаки дався;
Дівчатъ любивъ, жінокъ зводивъ,
Надъ всіми знущався.

»Чого душа забажала,
Мавъ всього ти стільки!...
Курей, ковбасъ, мяса й сала,
Бочками горілки.

»Нагрівъ и намъ ти чуприну,
Якъ самъ здоровъ знаєшь:
Окульбачишь, мовъ скотину,
Та всюди й гасєєшь!

»Годі глузувать зъ чортами!
Слова — не полова:
Чи забувъ, яка міжъ, нами
Зъ тобою умова?

»Лиса гора... бритва.... палець....
Паперу півъ карти...»
Гайда въ пекло! кровъ не смалець,
Зъ чортами не жарти.

»Въ пісьмі стоїть (читай сміло):
На кагаль бісовський
Зъ начинкою душу й тіло
Одписавъ Твердовський.

Служить ёму чорти мають
(Такъ прийшлоє въ умову),
Поки въ Римі не піймають.
Амінъ сёму слову!

»Що теперъ, Твердовський, буде,
Про те въ пеклі знають:
Сю корчму хрещені люде
Римомъ називають.«

— »Бачь, чортяка! бачь, падлюка!
Якъ умудрувався!
Се вже, бачь, німецька штука«,
Твердовський озвався.

»Та вже жь, чи йти въ пекло справді,
То й підемь, байдуже!
Але й ти роби по правді
И не чванься дуже.

»Заглянь въ контрактъ твій зо мною,
Яка тамъ умова?
Ще три штуки за тобою;
Витнешь – ні півъ-слова!

»Отъ бачь, висить надъ дверима,
Завбільшки изъ цапа,
Передь твоїми очима
Малёвана шкапа!

»Нехай шкапа підо мною
Огиремь гарцюе;
Нехай крутить головою,
Стриба и басуе.

»Ти, тимь часомь, піску въ жменю:
Гарапникъ тройчатий
Сплети зь піску, якъ зь ременю,
Коня поганяти.

»Ще жь попасать коня треба,
Стать на одпочинокъ:
То вже, гляди, щобъ якъ зь неба
Вродився будинокъ, –

»Будинокъ зь лушпинь горіха,
Оттамъ за байракомъ;
Изъ борідь жидівськихъ стріха,
Цвяхована макомъ.

»Отъ и гвіздокъ на починокъ,
Чверть локтя завздовжки:
По три въ кожну вбий зь мачинокъ,
А менше ні трошки.«

Бісь перістий свиснувъ, кляснувъ, —
Ажъ кінъ вже басуе;
Батігъ зь піску въ руці ляснувъ.
Твердовський сумуе.

Скікъ въ стремена, давай драла....
Ажъ — що за одмінокъ? —

Стріха въ хмарахъ заблищала,
И стоїть будинокъ!

»Вигравъ справу! Бачъ, псяюха,
Здихавсь, мовъ скажений!
Ну, теперъ скупайсь по уха
Въ водиці свяченій.«

— »Змилуйсь, свате, я въ сій зъ роду
Лазні не купався«.
Скорчивсь, зморщивсь, — шубовсть въ воду!
Та й назадъ порвався.

Захлинувся, чхнувъ и прйснувъ;
Трійчи закрутився,
Трійчи гупнувъ, трійчи свиснувъ,
Ажъ шинкъ затрусився.

Хмара якъ нічъ налетіла,
И сонце сховалось;
Галокъ, крюківъ, воронъ сила
На стрісі зібралось!

Крюкають, кавчять, мекечуть
Всіми голосами:
То завиють, то шепечуть,
Бряжчать ланцюгами!

»Ну, Твердовський, другу справу
Виграли чортяки.«
»Не кваптесь лишъ, ще на славу
Втру я вамъ кабаки.

»Жуць програвъ, куць вигравъ справу, —
Ще якъ доведетця.
Виграй третю. Глянь на лаву
Щб тобі здаетця?

»Цмокнись зъ жінкою моею,
Вона твоя буде;
Якъ я живъ на світі зъ нею —
Про те знають люде.

»Будь ти їй за чоловіка
(Остатня умова),
Присягайсь любити до віка,
Та годі й ні слова!

»Нехай піпъ вамъ руки зв'яже.
Теперъ, по сій мові,
Люде добрі, що чортъ скаже —
Бувайте здорові!

А чортові не-до-соли,
Хвостикомъ киває,
Нісь скопиливъ, мовъ гринджоли,
И дверей шукає.

Стрибъ по хаті, хапъ за клямку;
Твердовський по пиці,
Трісь по гирі! — розбивъ шклянку
И горщикъ зъ полиці.

»Эй, не бийсь, кажу, Твердовський!
Гвалть, рятуйте, люде!
Бо вилаю по-бісовській,
Тяжко слухать буде.«

А тимъ часомъ скікъ къ одвірку —
Ну цапомъ стрибати!
Зъ прогонича зуздрівъ дірку,
Та й шморгнувъ изъ хати...

»Ой держіть, ловіть псяюху!«
Усі загукали;
А псяюхи нема й духу:
Поминай, якъ звали!

»Жінко люба, годі плакати«,
Твердовський озвався:
»Хотівъ зъ чортомъ васъ посватати,
Та й чортъ излякався,

»Мабуть, всі чорти — бурлаки
Та ще й розумъ мають,
Знають, де зімують раки —
Одъ жінокъ втікають.

»Може, въ пеклі инше діло;
Въ насъ сего немає:
Жінка гризе душу й тіло,
Мужикъ попиває.

»Нуте жъ, хлопці, швидко, шпарко!
Музики, заграйте!
Гей, шинкарю! Гей, шинкарько!
Горілки давайте!«

РИБАЛКА.

Малороссійская баллада,
Das Wasser rauscht, das Wasser schvoll.

Ein Fischer sass daran,
Sah nach dem Angel rahevoll,
Kühl bis ans Herz hinan.

Göthe

Вода шумить!... вода гуля!...
На березі Рибалка молоденький
Ловітця, рибоньки, великі и маленькі!

Що рибка смикъ, то серце тѣхъ!...
Серденько щось Рибалочці віщує:
Чи то тугу, чи то переполохъ,
Чи то коханячко?... не зна вінъ, а сумує.

Сумує вінъ, — ажъ ось реве!
Ажъ ось гуде! — и хвиля утікає!...
Ажъ — гулькь!... зъ води дівчинонька пливе,
И косу очісує, и брівками моргає...

Вона й морга, вона й співа:
»Гей! Гей! не надь, Рибалко молоденький,
»На зрадний гакъ ні щуки, ні лина!...
»На що ти нівечишь мій рідъ и плідъ любенький?

»Жолибъ ти знавъ, якъ Рибалкамъ
»У морі жить изъ рибками гарненько,
»Ти бъ самъ пірнувъ на дно къ линамъ »
»И парубоцькее оддавъ би намъ серденько!

»Ти жъ бачивъ самъ, — не скажешъ: ні, —
»Якъ сонечко и місяць червоненький
»Хлюпошутця у насъ вѣ воді на дні
»И изъ води на світъ виходять веселенькі!

»Ти жъ бачивъ самъ, якъ вѣ темну нічъ
»Блищать у насъ зіроньки підъ водою:
»Ходи жъ до насъ, покинь ти удку прічъ:
»Зо мною будешъ, жить, якъ братъ живе- зъ сестрою!

»Зирни сюди!... чи се жъ вода?...
»Се дзеркало: глянь на свою уроду!...
»Ой, я не зъ тимъ прийшла сюди,
»Щобъ намовлять зъ води на парубка незгоду!«

Вода шумить!... вода гуде...
И ніженьки по кісточки займає!...
Рибалка вставъ, Рибалка йде,
То спинитця, то впятъ все глибшенько пірнає!...

Вона жъ морга, вони й співа...
Гулькь!... приснули на синімъ морі скалки!...
Рибалка хлюпъ!... За нимъ шубовсть вона!...
И більше вже нігде не бачили Рибалки!...

БАТЬКО ТА СИНЬ.

Басня.

»Эй, Хведьку, вчись! Эй, схаменись!»
Такъ Панотець казавъ свой дитині:
«Шануйсь! бо, далибі, колись
Тму, мну, здо, тло — спишу на спині!»
Хведько не вчивсь — и скоштувавъ
Березової кашки,
Та впить не вчивсь и пустувавъ:
Побивъ шибки и пляшки;
И щобъ не скоштувать одъ Батька різочокъ,
Вінъ різку вперъ въ огонь, та й заховавсь въ кутокъ
Ажъ батько за чубъ хіпъ! и, не знайшовши різки,
Дрючкомъ Хведька разівъ изъ шість оперезавъ!...
Тоді Хведько крізь слізки
Такъ Батькові сказавъ:
»Колибъ було знаття, що гаспидська дрючина
Такъ дуже дошкуля, то, песька я дитина,
Колибъ я такъ робивъ:
Я бь вперъ дрючокъ въ огонь, а різки бь не паливъ!

РИБКА.

Басня.

Въ ставочку Пліточка дрібненька
Зъ нечевья зуздрила на удці червяка,
И такъ була раденька!
И думка-то була така,
Щобъ підвечіркувать смачненько.
Ну, дейко до ёго швиденько!
То зь-боку ускубне,
То зь-переду поцупить,
То хвостика лизне,
То зь-низу впять підступить,
То вирне, то пірне,
То сіпне, то смикне,
Вовтузитця, ялозитця и пріе,
Та ба! те ротиня таке узеньке, бачъ,
Що нічого не вдіе!
Хочъ сядь, та й плачь!
»Ой горенько мені на світоньку«, мовляє,
»За що мене такъ доля зневажає?
Тимъ пельку и живіть дала съ ковальский міхъ,
Тимъ зуби мовъ шпички, а намъ, на глумъ, на сміхъ,
Ротъ шпилькою неначе простромила!...
Ой, правду дидина небога говорила:
Що тільки на світі великимъ рибамаъ жить!

А намъ малимъ въ кулакъ трубить!
Такъ Пліточка въ воді на долю нарікає,
А на гачку червякъ все хвостикомъ киває!...
Червякъ кива, — ажъ ось, зі дна
Гулькь Щука! бовть!... вона
За удку хіпъ!
А удка сіпъ!
Зъ води шубовсть въ окріпъ!...
»Ой лишечко! оце жъ якъ дядина збрехала!...«
Изь ляку Пліточка сказала,
И більшъ не скаржилась на долю пліточокъ
За ласенький на удочці щматокъ
Що Богъ пославъ, — чи то багато, чи то трошки —
Бъ кушірь залізши, іла мовчки.

ДО ПАКХОМА.

I.

Aequam memento rebus in arduis
Servare mentem: non secus in bonis, etc.
Horal. Lib, II. Od, 3.
Пархоме! въ щасті не брикай!
Въ нудзі притьмомъ не лізь до неба,
Людей питай — свій розумъ май;
Якъ не мудруй, а вмерти треба!
Чи каратаешъ вікъ въ журбі,
Чи то, за поставцомъ горілки,
Въ шинку нарізують тобі
Цимбали, кобзи и сопілка;
Чи п'яний підъ тиномъ хропешъ,
Чи до господи лізешъ рачки
И жінку макогономъ б'єшъ,
Чи самъ товчесся на вкулачки;
Ори и засівай лани,
Коси широкі перелогі,
И грошики за баштани
Луپی, — та все одкинешъ ноги.
Покинешъ все: стіжки й скирти,
Всі ласощі, паслінь, цибулю;
Загарба инший все, а ти
Ззіси за гірку працю дулю....
Чи соцькимъ батько твій въ селі,
Чи самъ на панщині працює,
А смерть зрівняє всіхъ въ землі:
Ні зъ кимъ скажена не жартує....
»Чи чить, чи лишка?» загука;
Ты крикнешъ: чить!... »Ба брешешъ, сину!«
Озветця паплюга съ кутка,
Та й зцупить зъ печі въ домовину...

ДО ЁГО ЖЪ.

II.

Tu ne quaesieris, scire nefas, quem mihi quem tibi
Finem Di dederint, Leuconoë; nec Babylonios
Tenlaris numeros, etc.

Horat. Od. 12

Пархоме! не мудруй, ворожки не питай,
Якъ довгий вікъ прокаратаешъ;
Що викувала вже зозуля, — проживай,
А білше.... шкода, що й бажаешъ!
Хочъ всіхъ ти упирівъ збери и знахурівъ,
Хочъ покумайся ти зъ відьмами:
Ніхто не скаже намъ, такъ якъ би ти хотівъ,
Що доля завтра зрбоить зъ нами.
Чи доведетця ще подушне заплатитъ?
Чи до снаги вже розплатився?
На що, про що тобі надъ цимъ чуприну грить!
Дурний, дурний! а въ школі вчився....
Терпи! за долею, куди попхне, хились,
Якъ хилитця одъ вітру гилка.
Чи будешъ жить, чи вмрешъ, Пархоме, — журишь,
Журишь объ тімъ, чи е горілка!...
А е, такъ при на стіль! частуй, та й самъ кругляй.
Чи намъ, Пархоме, треба скільки?
Та вже жъ — чи вкорочать свій вікъ, то вкорочай
Въ шинку надъ бочкою горілки.
Отъ, ми базікаемъ, а часъ, мовъ вілъ зъ гори,
Чухра, ёго не налигаешъ.
Отъ, скільки бъ випили до сеі ми пори,
Такъ ти жъ буцімъ не дочуваешъ.
Ну жъ! цупъ останню ти гривняку зъ капшука,
Поки стара пере ганчірки;
Бо вже — якъ вернетця, то думка, бачъ, така
Що помремо обидва безъ горілки.

Вотъ все, что намъ извѣстно, посредствомъ печати, изъ украинскихъ сочиненій г. Артемовскаго-Гулака. Какое же мѣсто занимаетъ онъ въ нашей юной словесности, получившей права гражданства только въ недавнее время? Мы говорили о природныхъ задаткахъ его таланта. Если-бы г. Артемовскій-Гулакъ умеръ, написавши только Пана та Собаку, то, по надеждамъ, какія должно возбудитъ подобное произведение начинающаго писателя, мы бы сказали, что лишились въ немъ великаго поэта. Но авторъ стнхотворной трагикомедіи благополучно остается въ живыхъ, даритъ насъ еще нѣсколькими пьесами, уже слабѣйшими по изложенію и не столь значительными по содержанию, наконецъ совсѣмъ умолкаетъ. Эти обстоятельства сбавляютъ много цѣны первому его произведенію и ставятъ его талантъ въ разрядъ пассивныхъ талантовъ, которые слишкомъ подчинены общему настроенію умовъ своего времени, не въ силахъ сдѣлаться органомъ благороднѣйшаго

меньшинства, иногда безразлично затерянного въ толпѣ, и неспособны стоять однакожь посреди общества съ своими безсмертными убѣжденіями. Отдавая, однакожь, должную дань уваженія предшественникамъ нынѣшнихъ писателей, сошедшимъ съ литературной арены, мы должны признать за г. Артемовскимъ-Гулакомъ великую заслугу относительно развитія украинскаго слова послѣ Котляревскаго. Его языкъ до сихъ поръ не потерялъ цѣны своей и заслуживаетъ прилежнаго изученія. Въ наше время измѣнился вкусъ относительно выбора предметовъ рѣчи и самихъ оборотовъ; но, независимо отъ этого поворота, произведеннаго въ насъ большимъ противъ прежняго уваженіемъ къ народу, формы языка, сила выраженія, разнообразіе оттѣнковъ слова, гибкость и вмѣстѣ мужественная дебелость рѣчи — все это придаетъ немногочисленнымъ произведеніямъ г. Артемовскаго-Гулака высокое достоинство. Мы тѣмъ болѣе дорожимъ его стихотвореніями, что въ послѣднее время исчисленныя нами литературныя достоинства начали упадать у нѣкоторыхъ изъ нашихъ писателей, подававшихъ большія надежды, и замѣняться небрежностью и слабосиліемъ, обыкновенно сопровождающими работу спѣшную и такъ сказать насильственную. Такимъ писателямъ языкъ г. Артемовскаго-Гулака можетъ быть полезнымъ упрекомъ въ неуваженіи къ дѣлу литературы. Глядя съ этой стороны на его литературную дѣятельность, мы должны приписать его продолжительное молчаніе благородному, чуждому пустого славолубія, сознанію, что сдѣлано имъ столько, сколько по его силамъ, возможно было сдѣлать. *Quid potui, feci; faciant meliora potentes.* Эти слова мы вкладываемъ въ мысль безмолвствующаго поэта для котораго наступило уже потомство, съ новыми возрѣніями на предметы творчества, съ новыми, въ его время неизвѣстными, стремленіями.

6 января 1861.

С. Петербургъ.

*Кулиш П. Обзор украинской словесности.
III. Артемівський-Гулак / П. Кулиш //
Основа. — 1861. — № 3. — С. 78–113.*

П. Куліш

Обзоръ украинской словесности.

Гоголь, какъ авторъ повѣстей изъ украинской жизни.

Статья первая.

Когда г. Артемовскій-Гулакъ умолкнулъ, какъ-бы сознавъ несостоятельность украинскаго слова, вопросъ о нашей словесности былъ, казалось, рѣшенъ окончательно. Пара крошечныхъ сборниковъ народныхъ пѣсенъ украинскихъ, изданныхъ въ 1819 и 1827 годахъ, одна пародія, двѣ театральныя пьесы да нѣсколько небольшихъ стихотвореній представлялись чѣмъ-то въ родѣ надгробныхъ памятниковъ нашей народности, къ которымъ только изрѣдка обращали взоры живые люди. Россійская словесность,

усиленная и облагороженная Пушкинымъ, вступила во всѣ права своего господства на Украинѣ обѣихъ сторонъ Днѣпра, на Волыни, на Подоли, въ Черноморіи, Новороссіи и вездѣ, гдѣ есть Украинцы. Судьбѣ угодно было, чтобы въ этотъ періодъ нашего литературного бессилія изъ среды насъ, Украинцевъ, явился писатель съ первостепеннымъ талантомъ, но съ словомъ не-украинскимъ. Онъ убѣдительно доказалъ своими повѣстями тогдашнему обществу, что для изображенія Украины нѣтъ надобности въ украинскомъ словѣ. Занявъ почетное мѣсто въ великорусской литературѣ, онъ сдѣлался единственнымъ представителемъ нашего народного духа, склада ума, юмора, вкуса и чего угодно. Господство его въ области понятій объ Украинѣ продолжалось и тогда, когда появились въ печати истинно украинскіе писатели, Квитка и Шевченко; оно ощутительно еще и въ наше время, когда у многихъ уже совершенно измѣнились историческіе и этнографическіе воззрѣнія на эту страну. Вотъ почему, проходя критикой постепенное развитіе украинской идеи въ литературныхъ ея проявленіяхъ, мы дѣлаемъ и украинскіе повѣсти Гоголя предметомъ своего исслѣдованія.

Въ эпилогѣ къ Черной Радѣ я ужъ представилъ небольшой опытъ подобнаго исслѣдованія: я набросалъ въ общихъ чертахъ характеристику Гоголя, какъ живописца прошедшей и настоящей жизни украинской и, между прочимъ, указалъ на нѣкоторые погрѣшности *Вечеровъ на Хуторѣ* и *Миргорода* противъ исторіи и народного быта нашего. Это было дѣло смѣлое послѣ рецензій Бѣлинскаго и другихъ великорусскихъ критиковъ, признавшихъ повѣсти Гоголя вѣрнымъ отраженіемъ украинской прошедшей и настоящей жизни. *Русская Блѣда*, вѣровавшая во многое съ дѣтскимъ простодушіемъ, рѣшилась отстоять Гоголя и дала у себя мѣсто очень странной статьѣ М.А. Максимовича, который съ первого слова объявилъ, что будто бы я „умалюю достоинства повестей Гоголя изъ желанія возвысить этимъ значеніе Черной Рады” въ глазахъ читающего общества. По мнѣнію г-на Максимовича, личные виды могли заставить покривить искреннимъ судомъ о Гоголѣ даже и того, кто употребилъ столько трудовъ на собраніе матеріаловъ для біографіи Гоголя, кто дважды составилъ опытъ его біографіи, кто, изъ опасенія бросить какую-либо тѣнь на память высоко цѣнимаго имъ поэта, пересвѣтлil мѣстами его нравственный образъ и подвергся за то справедливому порицанію со стороны другихъ біографовъ, кто еще недавно издалъ, со всевозможно кропотливой повѣркой по рукописямъ *Сочиненія и Письма* этого поэта, и вмѣняетъ себѣ въ особенную честь такое дѣло, радуясь, что холодная рука издателя спекулянта не прикоснулась къ бумагамъ его земляка, умершего вдали отъ родины.

Если бы сказать, что біографъ и издатель Гоголя, въ началѣ своего дѣла, не имѣлъ никакихъ литературныхъ претензій, но что потомъ, написавъ *Черную Радѣ*, возгордился мнимыми преимуществами своими въ изученіи и пониманіи украинской жизни и исторіи; то это придавало бы еще обвиненію г-на Максимовича какую-нибудь послѣдовательность. Но Черная Рада могла быть напечатана уже въ 1846 году, если бъ это отъ меня зависѣло. Ссылаюсь на

людей извѣстныхъ въ литературѣ, Н.И. Костомарова и Т.Г. Шевченка, которые уже тогда читали ея въ рукописи, на украинскомъ языкѣ. Слѣдовательно, собирая по листочку матеріалы для біографіи Гоголя, заводя объ этомъ переписку съ разными лицами, въ томъ числѣ и съ самимъ г. Максимовичемъ, развѣзжая по этому дѣлу въ разные мѣста и лѣпя въ книгу всякую мелочь, относящуюся къ Гоголю, съ благоговѣніемъ къ его невозвратному существованію, – я былъ тѣмъ же авторомъ *Черной Рады*, что и нынѣ, и преклонился предъ его высокимъ талантомъ точно такъ же, какъ и теперь преклоняюсь.

Въ изданныхъ мною *Запискахъ о жизни Гоголя* я не подвергалъ его сочиненій критическому разбору, во исполненіе завѣщанія его, чтобы *не сплышитъ ни хвалой, ни осужденіемъ его произведеній*. Если же, начертывая, въ эпилогѣ къ *Черной Раде*, историческое развитіе южнорусской словесности, я упомянулъ о нѣкоторыхъ недостаткахъ украинскихъ повѣстей Гоголя, то это вовсе не значитъ, что я умышленно понижалъ ихъ достоинства. Извѣстно каждому, что полного совершенства достигаютъ поэты въ періодъ полной своей зрѣлости. Гоголю было 23 года, когда онъ писалъ *Тараса Бульбу*. Тогда онъ еще былъ авторомъ произведеній, которые составляютъ его истинную славу, и не напрасно сохранилось преданіе, что Пушкинъ, заинтересованный въ началѣ чтеніемъ *Тараса Бульбы*, сталъ потомъ обнаруживать неудовольствіе и наконецъ началъ говорить автору-чтецу: „Дурно! Дурно! Никуда не годится!” Само собою разумѣется, что негодившѣся никуда для такого великого поэта и строго судьи искусства, какъ Пушкинъ, безразлично восхитительно для такого критика, какъ г. Максимовичъ. Онъ называетъ *Тараса Бульбу* „дивнымъ созданіемъ,” не видя въ немъ вовсе недостатковъ, которые, по преданію, очень ясно видѣлъ Пушкинъ. Мало ли кто чему удивляется! Но не мѣрою нашего удивленія опредѣляется достоинство поэтическихъ созданій. Иной дивится всему въ великомъ писателѣ, потому только, что это великій писатель; а другой гораздо болѣе дивится, что есть на свѣтѣ грамотные люди, которые нападаютъ на критика за то, что онъ обратилъ вниманіе цѣнителей искусства на погрѣшности писателя, къ которому уваженіе засвидѣтельствовало цѣлыми годами спеціальнаго труда своего.

Очень понятно для меня, что замѣтки, подобные моимъ указаніямъ на недостатки Гоголя, какъ автора украинскихъ повѣстей, могли бы болѣе или менѣе вредить литературной репутациі какого-нибудь автора средней руки. Но вѣдь Гоголь богачъ, для котораго ничего не значитъ – заплатить дань критикѣ. Лучшіе изъ его украинскихъ повѣстей, какъ бы мы ни понизили ихъ уровень, всё таки могутъ быть понижены только въ отношеніи къ послѣдовавшимъ за ними его произведеніямъ; въ сравненіи же со всякими другими повѣстями, онѣ до сихъ поръ остаются, въ своемъ родѣ, единственными.

Если бы я, внявъ замѣчаніямъ г. Максимовича, отказался отъ своего взгляда на украинскіе произведенія Гоголя и призналъ ихъ, какъ онъ, просто *дивными*, тогда бы я долженъ былъ признать, что великому писателю совершенство дается сразу. Напротивъ, въ жизни такого таланта, какъ Гоголь,

каждые пять лѣтъ – а пожалуй и менѣе – составляютъ новый періодъ развитія. Только люди съ посредственными способностями, поднявшись до извѣстной высоты умственного развитія въ эпоху своей зрѣлости, не идутъ далѣе, а подъ старость, пожалуй, тупѣютъ и становятся ниже самихъ себя. Ничего нѣтъ мудреного, что кто-нибудь, четверть столѣтія назадъ, чувствовалъ живѣе и смекаль кое-что лучше, нежели въ 1858 году; но было бы очень странно, если бы Гоголь былъ столь же дивенъ въ *Тарасъ Бульбъ*, въ какъ и въ *Мертвыхъ Душахъ*.

Я полагаю, что г. Максимовичъ написалъ свою критику противъ меня не по какимъ-нибудь побужденіямъ въ родѣ тѣхъ, которые предполагаетъ онъ во мнѣ. Я долженъ думать, что онъ писалъ ея искренно и прямодушно. Поэтому я прочелъ ея очень внимательно и, не смотря на то, что ея ревностный къ истинѣ авторъ присвоилъ себѣ право хозяйничать даже въ моей душѣ, вижу изъ нѣе, что представленная мною характеристика Гоголя коснулась предмета слишкомъ поверхностно, что, будучи очень сжата, она возбуждаетъ вопросы, не давая на нихъ отвѣтовъ, и что, какъ ни ясна она для автора, имѣющего спеціальныя свѣдѣнія о предметѣ, – въ глазахъ читателей она, можетъ быть, не болѣе, какъ собраніе афоризмовъ. Эти мысли приводятъ меня къ заключенію, что не слѣдуетъ мнѣ останавливаться на томъ, что высказано мною въ эпилогѣ къ *Черной Радль*, а слѣдуетъ взяться за критическую работу вновь и внести въ нѣе возможную полноту изложенія, которая бы сама собой разрѣшала недоумѣнія, могущіе опять возникнуть въ умѣ читателей.

Прежде всего, я нахожу нужнымъ изъ моего эпилога къ *Черной Радль*, всю характеристику Гоголя. Прошу читателей, при чтеніи моей критики, постоянно имѣть въ виду высказанный въ этой характеристикѣ мой взглядъ на нашего великаго поэта.

„...Гоголь отъ своего отца, автора и актера нѣсколькихъ драматическихъ пьесъ на украинскомъ языкѣ, получилъ первое побужденіе къ изображенію украинской жизни въ повѣстяхъ. Кругъ людей, въ который онъ попалъ по своимъ житейскимъ обстоятельствамъ, и вліяніе окружавшихъ его личностей указали ему формы рѣчи, въ которыхъ его созданія могли быть доступны обществу: онъ началъ писать по-великорусски. Многіе изъ Украинцевъ сожалѣютъ, что онъ не писалъ на родномъ языкѣ; но я нахожу это обстоятельство одною изъ счастливѣйшихъ случайностей. По своему воспитанію и по времени, съ которымъ совпало его дѣтство, онъ не могъ владѣть украинскимъ языкомъ въ такой степени совершенства, чтобы не останавливаться на каждомъ шагу въ своемъ творствѣ, за недостаткомъ формъ и красокъ. Каковъ бы ни былъ его талантъ, но, при этомъ условіи, онъ имѣлъ бы слабое вліяніе на своихъ соплеменниковъ, а на великорусское общество – никакого. Но, заговоривъ объ Украинѣ на языкѣ, общедоступномъ для обеихъ народовъ, онъ, съ одной стороны, показалъ своимъ землякамъ, что у нихъ есть и было прекраснаго, а съ другой – открылъ для Великороссіянъ своеобразный и поэтической народъ, извѣстный имъ дотолѣ въ литературѣ только по карикатурамъ. Судя строго, украинскіе повѣсти Гоголя мало

заключаютъ въ себѣ этнографической и исторической истины, но въ нихъ чувствуется общій поэтической тонъ Украины. Онѣ подходятъ ближе къ нашимъ народнымъ пѣснямъ, нежели къ самой натурѣ, которую отражаютъ въ себѣ эти пѣсни. Нельзя сказать, чтобы произведенія Гоголя объяснили Украину, но они дали новое, сильное побужденіе къ ея объясненію. Гоголь не въ состояніи былъ изслѣдовать до конца родной народъ въ его прошедшемъ и настоящемъ. Онѣ брался за исторію Украины, за историческій романъ въ Вальтер-Скоттовскомъ вкусѣ, и кончилъ все это *Тарасомъ Бульбою*, въ которомъ обнаружилъ крайнюю недостаточность свѣдѣній объ украинской старинѣ и необыкновенный даръ „пророчества въ прошедшемъ”. Перечитывая теперь *Тараса Бульбу*, мы очень часто находимъ автора въ потемкахъ; но гдѣ только пѣсня, лѣтопись или преданіе бросаютъ ему искру свѣта, – съ необыкновенной зоркостью пользуется онѣ слабымъ ея мерцаніемъ, чтобы распознать сосѣдніе предметы. И при всемъ томъ *Тарасъ Бульба* только поражаетъ знатока случайной вѣрностью красокъ и блескомъ зиждущей фантазіи, но далеко не удовлетворяетъ относительно исторической и художественной истины. Здѣсь опять многіе изъ Украинцевъ сожалеютъ, что Гоголь не продолжалъ изучать Украины и не посвятилъ себя художественному воспроизведенію ея прошедшего и настоящего; и опять я въ его стремленіи къ великорусскимъ элементамъ жизни вижу счастливѣйшій инстинктъ генія. Въ его время не было возможности знать Украину больше, нежели онѣ знали. Мало того: не возникло даже и задачи изучить ея съ тѣхъ сторонъ, съ какихъ *мы*, преемники Гоголя въ самопознаніи, стремимся уяснить себѣ ея прошедшую и настоящую жизнь. Но если предположить, что Гоголь вдавался бы въ разработку украинскихъ архивовъ и лѣтописей, въ собираніе пѣсенъ и преданій, въ развѣзды по Украинѣ, съ цѣлью видѣть собственными глазами жизнь настоящую, по которой можно заключить о прошедшей, – наконецъ, въ изученіе политическихъ и частныхъ международныхъ связей Польши, Россіи и Украины; то приготовленіе къ художественному труду поглотили бы всю его дѣятельность, и, можетъ быть, мы ничего бы отъ него не дождались. Напротивъ, обратясь къ современной великорусской жизни, онѣ дохнулъ свободнѣе: материалы у него были всегда подъ рукой, и только сознаніе недостаточности собственного саморазвитія останавливало его творчество. Всѣ таки онѣ оставилъ намъ памятникъ своего таланта въ нѣсколькихъ повѣстяхъ, комедіяхъ и, наконецъ, въ *Мертвыхъ Душахъ*, этой великой попыткѣ произвести нѣчто колоссальное. Приверженцы развитія украинскихъ началъ въ литературѣ ничего въ немъ не потеряли, а всѣ Русскіе вообще выиграли. Да развѣ мало украинского вошло въ *Мертвые Души*? Сами Москвичи признаютъ, что, не будь Гоголь Украинецъ, онѣ не произвелъ бы ничего подобнаго. Но созданіе *Мертвыхъ Душъ*, или, лучше сказать, стремленіе къ созданію (выраженное Гоголемъ въ *Авторской Исповѣди* и во множествѣ писемъ), имѣетъ другое, высшѣе значеніе. Гоголь, уроженецъ Полтавской губерніи, которая была поприщемъ послѣднего усилія извѣстной партіи Украинцевъ (приверженцевъ Мазепы) разорвать государственную связь съ народомъ

Великорусскимъ, поэтъ воспитанный украинскими народными пѣснями, пламенный до заблужденія *бардъ* казацкой старины, возвышается надъ исключительною привязанностью къ родинѣ и загорается такой пламенной любовью къ нераздѣльному Русскому народу, какой только можетъ желать отъ Украинца уроженецъ сѣверной Россіи. Можетъ быть, это – самое великое дѣло Гоголя, по своимъ послѣдствіямъ, и, можетъ быть, въ этомъ-то душевномъ подвигѣ болѣе, нежели въ чемъ-либо, оправдается зародившееся въ немъ еще съ дѣтства предчувствіе, что онъ сдѣлаетъ что-то для общего добра. Со времени Гоголя, взглядъ Великорусовъ на натуру Украинца перемѣнился: почували въ этой натурѣ способности ума и сердца необыкновенные, поразительные; увидѣли, что народъ, посреди котораго явился такой человѣкъ, живетъ сильною жизнію и, можетъ быть, предназначается судьбою къ восполненію духовной натуры сѣверно-русского человѣка. Поселивъ это убѣжденіе въ русскомъ обществѣ, Гоголь совершилъ подвигъ, болѣе патріотическій, нежели тѣ люди, которые славятъ въ своихъ книгахъ одну сѣверную Русь и чуждаются южной. Съ другой стороны, Украинцы, призванные имъ къ сознанию своей національности, имъ же самимъ устремлены къ любовной связи ея съ національностью сѣверно-русской, которой величіе онъ почувствовалъ всей глубиной души своей и заставилъ насъ такъ же почувствовать. Назначеніе Гоголя было – внести начало глубокого и всеобщего сочувствія между двухъ народовъ, связанныхъ материально и духовно, но разрозненныхъ старыми недоразуменіями и недостаткомъ взаимной оцѣнки”.

Вотъ онѣ, несчастные страницы моего эпилога къ *Черной Радѣ*, которыя неумышленно огорчили г-н. Максимовича и подали ему поводъ къ психологическимъ догадкамъ на счетъ сокровенныхъ моихъ побужденій! Развернемъ теперь первый томъ *Сочиненій* и *Писемъ* Гоголя.

Съ самого появленія въ свѣтъ *Вечеровъ на Хуторѣ*, а потомъ и *Миргорода*, много было въ журналахъ толковъ объ украинскихъ повѣстяхъ Гоголя. Нѣкоторые изъ критическихъ разборовъ написаны были людьми, весьма опытными въ законахъ искусства, и утвердили въ русской эстетикѣ, по этому поводу, нѣсколько новыхъ понятій о художественности изображенія людей и природы. Но, какъ видно, никто изъ журнальныхъ судей Гоголя не былъ приготовленъ къ этнографическому разбору украинскихъ повѣстей его, а пожалуй – не настала еще для критики пора, въ которую отъ художественного произведенія требуется безусловная вѣрность относительно нравовъ и обычаевъ изображаемого народа. Напримѣръ, въ первой повѣсти *Вечеровъ на Хуторѣ*, всѣ увлеклись блестящимъ началомъ и не обратили вниманія на механизмъ повѣсти, противорѣчащій глубоко, до религіозности вкорененному у украинскихъ поселянъ обычаю выхода въ замужество...

Гоголь начинаетъ свою повѣсть *Сорочинская ярмарка*, словами: „Какъ упоителенъ, какъ роскошенъ лѣтній день въ Малороссіи! Какъ томительно-жарки тѣ часы, когда полдень блещетъ въ тишинѣ и зноѣ, и голубой, неизмѣримый океанъ, сладострастнымъ куполомъ нагнувшійся надъ землей,

кажется, заснулъ, весь потонувши въ нѣгѣ, обнимая и сжимая прекрасную въ воздушныхъ объятіяхъ своих!” и т. д.

Все это правда, если смотрѣть на украинскую природу сквозь природу отсутствующего изъ родины двадцати-лѣтняго поэта, который не навикъ еще строго взвѣшивать значеніе и силу каждой фразы, а между тѣмъ у него въ тѣлѣ

Младая кровь играет

и грезятся ему во-снѣ и на-яву, какъ изображенному имъ въ послѣдствіи казаку-семинаристу, сладострастные, хотъ и опозитизированные, образы.

Этими словами я вовсе не хочу „умалить” цѣну молодому творчеству автора *Вечеровъ на Хуторѣ*. Я хочу только показать степень его физической температуры, которая должна была болѣе, чѣмъ въ послѣдствіи, имѣть вліяніе на неокрѣпшую еще силу его творчества. Кому угодно посмотрѣть съ этой стороны на *Сорочинскую Ярмарку*, тотъ увидитъ ясно, отчего она такъ жарко и въ такомъ преувеличенномъ блескѣ начата Гоголемъ; тотъ безъ улыбки прочтетъ, на первыхъ ея страницахъ и про „влюбленную землю” и про „золото”, которое „прыщеть” при сильномъ вѣтрѣ на живописныхъ массахъ листьевъ, и про „изумруды, топазы, яхонты эфирныхъ насѣкомыхъ,” и про „сладострастіе и нѣгу” украинского лѣта; тотъ почувствуетъ душою, что первые страницы первой повѣсти поэтическихъ *Вечеровъ на Хуторѣ* суть не что иное, какъ радужное облако юныхъ грезъ, окружавшее голову поэта при началѣ его литературной дѣятельности и препятствовавшее ему видѣть природу тѣмъ „прозрѣвшимъ сквозь всякій туманъ” взглядомъ великаго писателя, какимъ онъ впослѣдствіи видѣлъ ея при созданіи *Мертвыхъ Душъ*.

Развернувъ первый томъ сочиненій Гоголя на началѣ *Сорочинской Ярмарки*, мы коснулись только самой манеры Гоголя изображать украинскую природу и показали фантазмагорическое преувеличеніе этой манеры. Это, однако жъ, вовсе не значить, что мы низводимъ Гоголя, даже и въ самыхъ первыхъ его повѣстяхъ, до уровня посредственности. Въ непомѣрной яркости красокъ, въ искизности контуровъ, въ недоконченности исполненія пейзажа видна уже и тамъ болѣе или менѣе самостоятельная манера писать съ натуры. Перечитывая *Вечера на Хуторѣ*, мы имѣемъ право повторять отзывъ о нихъ самого Гоголя, въ предисловіи къ изданію 1842 года: „Много незрѣлого, много необдуманнаго, много дѣтски несовершеннаго!” но при этомъ никогда не должны терять изъ виду его же постепенной „зрѣлости” въ послѣдовавшихъ сочиненіяхъ, его многосторонней „обдуманности”, его достойнаго мужескихъ лѣтъ „совершенства”. Только тогда чтеніе его сочиненій, въ хронологическомъ порядкѣ, будетъ для насъ художественнымъ курсомъ критики; безразличнымъ же восхищеніемъ ничего не выиграемъ, ничему не научимся. Мы, пожалуй, повторили бы даже съ Гоголемъ: „Это первоначальные ученическіе опыты, недостойные строгаго вниманія читателя”. Но такой строгости, съ какою великій и „взыскательный художникъ” оцѣниваетъ свои произведенія, мы, въ качествѣ судей между нимъ и обществомъ, не должны позволять себѣ; и если

авторъ *Мертвыхъ Душъ* включилъ *Сорочинскую Ярмарку* и другіе подобныя ей повѣсти въ собраніе своихъ сочиненій, изданное имъ 1842 года, то какое право имѣеть критика исключать ихъ изъ предметовъ своего *строгаго* вниманія?

Сдѣлаю кстати замѣчаніе о живописи и скульптурѣ, имеющѣе свою параллель и въ поэзіи. Когда пишется молодымъ художникомъ картина, или когда молодой скульпторъ изсѣкаетъ изъ мрамора статую, – какъ бы ни былъ великъ природный его геній, онъ долженъ имѣть много технической опытности, чтобы, какъ выражаются художники, докончить изящное произведеніе. Смѣлость сочиненія, гармонія всѣхъ частей, красота въ почувствованіи художественной идеи, облеченной въ цвѣта или въ мраморъ, – все это дается всякому таланту въ пластическихъ искусствахъ гораздо ранѣе, нежели то, что на языкѣ художниковъ выражается словомъ *доконченность*. Написать бойкую вещь могутъ многіе; докончить свою картину или статую могутъ только художники вполне образовавшіеся. Поэтому-то, когда подходитъ къ картинѣ профанъ и предается очень понятному удивленію, его озадачиваетъ иногда отзывъ знатока: „Жаль, что не докончилъ!” и онъ, забравъ кой-какія справки о судѣ, готовъ обвинить его очень неблагоприятно въ „умаленіи” цѣны изящному произведенію. Эта же самая доконченность даетъ относительную цѣнность и художественнымъ произведеніямъ въ литературѣ. Въ глазахъ знатока важно не одно то, что поэтъ задумалъ свое созданіе смѣло; для знатока мало и гармоніи въ частяхъ; не удовлетворяетъ его вполне и красота въ почувствованіи всей идеи созданія. Все это необходимые условія изящнаго произведенія; но надобно, чтобы это произведеніе въ каждой мелкой своей чертѣ носило печать той же творческой силы, что и въ самыхъ крупныхъ своихъ массахъ, другими словами – чтобы оно было докончено. Въ глазахъ знатока, поэтому, небольшая картинка, исполненная самъ амоге великимъ мастеромъ, стоитъ выше большой картины самого геніальнаго, но еще не созрѣвшаго ученика. Какъ ни широка рама *Тараса Бульбы*, какъ ни живы въ ней мѣстами краски, какъ на могущественна кисть живописца, создавшаго натуру даже и тамъ, гдѣ она существовать не могла въ такомъ видѣ; но его скромная повѣсть *Шинель*, написанная въ сѣромъ тонѣ, далеко превосходитъ эту повѣсть-поэму и поэму-повѣсть, а въ сущности ни то, ни другое.

Что я говорю Здѣсь о доконченности вообще, то еще сильнѣе чувствуется, при чтеніи Гоголя, относительно стороны мѣстной и этнографической въ особенности. Акакія Акакіевича со всею его обстановкою Гоголь видѣлъ, поэтическимъ своимъ зрѣніемъ, среди бѣла дня; *Тараса Бульбу* онъ отыскивалъ – и съ трудомъ отыскалъ – въ историческихъ потемкахъ, и сколько онъ ни озарялъ эти потемки пѣсенными и лѣтописными преданіями старины, всё таки многіе стороны жизни, вызванной имъ изъ прошедшаго, остались для него и для строгаго критика очень неясны, а иные совершенно покрыты мракомъ, какъ это мы увидимъ послѣ, когда освѣтимъ *Тараса Бульбу* новыми свѣдѣніями и понятіями историческими. Теперь мы всё еще, покамѣсть, имѣемъ передъ собой *Сорочинскую Ярмарку* и заходимъ впередъ единственъ по понятному нами правилу – измѣрять достоинство повѣстей

Гоголя его же собственными, постепенно совершенствовавшимися произведениями. Но, какъ уже мы сблизили между собой двѣ разнородные повѣсти Гоголя, одну изъ настоящего, другую изъ прошедшего времени и высказали мнѣніе о томъ, что помогало ему въ воссозданіи одной сферы и что препятствовало ему въ ясновиденіи другой; то кстати привести изъ *Авторской Исповѣди* собственное объясненіе автора, согласное съ нашимъ взглядомъ. „У меня не было влеченія къ прошедшему”, говоритъ онъ. „Предметъ мой была современность и жизнь въ ея нынѣшнемъ быту, – можетъ быть, оттого, что умъ мой былъ всегда наклоненъ къ существенности и пользѣ, болѣе осязательной. Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе усиливалось во мнѣ желаніе быть писателемъ современнымъ”. Далѣе: „Нужно, чтобы русскій читатель дѣйствительно почувствовалъ, что выведенное лицо взято именно изъ того самого тѣла, изъ котораго созданъ и онъ самъ, что это живое и как-бы его собственное тѣло... Это полное воплощеніе въ плоть, это полное округленье характера совершалось у меня только тогда, когда я заберу въ умъ своемъ весь этотъ прозаическій существенный дрызгъ жизни, когда, держа въ головѣ всѣ крупные черты характера, соберу въ то же время вокругъ него все тряпье, до малѣйшей бумажки, которое кружится ежедневно вокругъ человека, словомъ – когда соображу все отъ мала до велика, ничего не пропустивши. У меня въ этомъ отношеніи умъ тотъ самый, какой бываетъ у большей части русскихъ людей, то есть способный больше выводить, чѣмъ выдумывать. Мнѣ всегда нужно было выслушать слишкомъ много людей, чтобы образовалось во мнѣ собственное мое мнѣніе, и тогда только мое мнѣніе находили здравымъ и умнымъ. Когда же я не всѣхъ выслушаю и потороплюсь выводомъ, оно выходило только рѣзко и необыкновенно”.

Эти послѣдніе слова какъ нельзя больше идутъ въ характеристику *Тараса Бульбы*. Гоголь далеко не всѣхъ выслушалъ, кого надобно было выслушать ему (т.е. изучить) для того, чтобы казакъ временъ Острияницы вполнѣ воплотился у него въ плоть, чтобы духъ того вѣка, нравы и обычаи того времени олицетворились въ такой безукоризненности, какъ чиновники и вся ихъ прозаическая обстановка въ повѣсти о шинели. Но возвратимся къ *Сорочинской Ярмаркѣ* и бросимъ этнографо-критическій взглядъ на завязку и развязку этой повѣсти. Тутъ мы укажемъ на слишкомъ крупный недостатокъ относительно знанія престонародной Украины, изображенной Гоголемъ въ этой, какъ и въ нѣсколькихъ другихъ повѣстяхъ. Мелкихъ же промаховъ или невѣрностей мы исчислять не намѣрены, ибо повѣсть – не статистика, и учесть всего, что въ ней есть и чего нѣтъ, невозможно; а если бы и было возможно, то ни къ чему не послужило бы.

Сорочинская Ярмарка начинается встрѣчею на мосту удалого парубка съ сельской красавицей, которая ѣхала на ярмарку, вмѣстѣ со своей мачехой, на возу, наваленномъ мѣшками, пенькою, полотномъ и разною домашнею поклажею. Возъ былъ запряженъ парой воловъ. За возомъ шелъ самъ хозяинъ, а рядомъ съ нимъ – назначенная въ продажу и привязанная къ возу старая кобыла. Изъ описанія воза и наряда путешественницъ можно видѣть, что на

ярмарку выѣхало семейство богатое. Все это намъ нужно взять во вниманіе для того, чтобы потомъ представить дѣло во всей ясности. Дѣвушка, ѣхавшая на возу, очень приглянулась парубку, которому имя – и подь перомъ автора, и въ устахъ познакомившегося потомъ съ нимъ отца красавицы – Голопупенковъ сынъ или Голопупенко. Авторъ могъ давать своимъ дѣйствующимъ лицамъ какіе угодно смѣшные имена, но народъ нашъ, въ сосѣдскихъ сношеніяхъ между собой, соблюдаетъ, на свой ладъ, ту же учтивость, что и мы, грѣшные, отвернушіеся въ сторону отъ его жизни. Неудобно ли заглянуть въ повѣсти Квитки (Основьяненка). Тамъ вы увидите не ту простонародную Украину, которая, мимо вѣдома Гоголя, высовывается вовсе не по-украински въ украинскихъ повѣстяхъ его. Но мы увлеклись мелочью. Послѣдуемъ за новыми знакомыми и рѣшимъ, Украинцы ли это, по ихъ разговорамъ и обычаямъ?

„Ну, Солопій, вотъ, какъ видишь, я и дочка твоя полюбили другъ друга такъ, что хоть бы и на вѣки жить вмѣстѣ”.

Это влюбленный молодой человекъ относится къ отцу своей возлюбленной. Сколько мы знаемъ нашъ народъ, такимъ тономъ могъ бы обратиться къ Солопію только близкій къ нему сверстникъ, присватываясь за своего сына, да и тотъ выбралъ бы для этого иное время и иное мѣсто, а не площадь, на которой происходитъ ярмарочная шумная возня и толкотня, да и тотъ назвалъ бы его не Солопіемъ, а по имени и пожалуй – еще и по отчеству. Если бы къ самому послѣдному изъ простолюдиновъ обратился парубокъ такимъ образомъ съ сватовствомъ, то и тотъ обидѣлся бы неучтивостью, понятною для мужика, такъ же какъ и для каждого изъ насъ. Но Солопій, при всей карикатурности данного ему имени, былъ не послѣдній изъ своей братіи, какъ это видно уже по одному тому, что онъ одной пшеницы вывезъ на ярмарку десять мѣшковъ. Въ Украинѣ заможность (зажиточность) хозяина соотвѣтствуетъ понятію о его трезвости, трудолюбіи и вообще, что называется, порядочности: украинскій пахарь не имѣетъ никакихъ *безгрѣшныхъ* доходовъ, подобно инымъ сословіямъ, и если что пріобрѣтаетъ, то не иначе, какъ трудомъ и хозяйственностью. Отъ этого и происходитъ у него извѣстная степень гордости своимъ достаткомъ, такъ какъ достатокъ есть его документъ на званіе достойного человека. Отъ этого же онъ держитъ себя въ каком-то неприкосновенномъ величій относительно и къ равнымъ, а не только къ младшимъ. Но Гоголь, при сочиненіи первой повѣсти *Вечеровъ на Хуторѣ*, не зналъ поселянина близко. Онъ видѣлъ его только съ помѣщичьего крыльца, или изъ коляски. Онъ не сиживалъ съ нимъ рядомъ; онъ не бывалъ его обычнымъ гостемъ; онъ не носилъ на его свадьбахъ какого-нибудь почетного званія, онъ даже не умѣлъ отличить свадебного термина дружко отъ слова дружка, что читатель и увидитъ изъ примѣчанія, сдѣланного мною, какъ издателемъ его сочиненій. Словомъ, Гоголь не зналъ простонародной Украины и изображалъ ее, какъ баринъ, видящій въ мужикѣ одно смѣшное. Но обратимся къ новымъ знакомымъ на ярмаркѣ, знавшимъ дотолѣ другъ друга только по слуху.

Когда парубокъ зарекомендовалъ себя столь пріятно для будущего тестя – предложениемъ себя въ зятевья. Солопій ни мало не обидѣлся, нужды нѣтъ, что былъ въ трезвомъ видѣ, что былъ занятъ дѣломъ и что была тогда самая рабочая пора, въ которую у пахарей нѣтъ и помину о сватовствѣ, а пожалуй еще и *Спасівка* (Спасовъ пост), ибо на страницѣ 12 сказано: „Такою роскошью блисталь одинъ изъ дней жаркаго августа”. (А первая половина августа жарче второй). Если бы парубок-хлиборобъ и задумалъ приволокнуться въ это время за сельской красавицей, то все таки не тѣмъ способомъ, какой представленъ у Гоголя. *Занять* публично дѣвушку изъ чужого села по-Гоголевски ни одинъ, что называется, *хозяйский сынъ* не осмѣлится и не захочетъ. *Не осмѣлится* потому, „что стыдно людей” и страшно парубковъ одного съ нею села, которые очень ревнивы къ неприкосновенности своихъ дѣвчатъ вообще, а не то, что только невѣсты или возлюбленныхъ, и, какъ извѣстно, приколачиваютъ до смерти на вечерницахъ непрощенныхъ гостей изъ другого села. *Не захочетъ* потому, что парубокъ *честного и хорошего роду*, какимъ по всему надобно предположить Гоголева парубка, очень остороженъ и разборчивъ въ выборѣ себѣ подруги. Надобно, чтобъ было такъ, какъ, говорить въ пѣснѣ казакъ, котораго дѣвчина, ласка, назвала *стелющимся зелененькимъ барвіночкомъ*:

Ой слався я, дѣвчинонько, по твоему городу, –
Не тобі лишъ сподобався, всѣму твоему роду.

Точно то же надобно разумѣть и относительно къ дѣвушкѣ. Есть пѣсня:

Пійшовъ би я на улоньку, – головка боить:
Сватавъ бы я дѣвчиноньку, – такъ рідъ не велить.

Видите, какъ народъ крѣпко держится своихъ обычаевъ! Это святыня, охраняющая его отъ нравственной порчи. Но Гоголь народныхъ обычаевъ не зналъ въ той мѣрѣ, въ какой это требуется современною критикою отъ автора украинскихъ повѣстей изъ народной жизни. Поэтому онъ и не могъ оскорбиться въ душѣ за представленнаго имъ Украинца *Солопія*, а, напротивъ, заставилъ его отвѣчать на предложеніе *Голопупенковаго сына*, обращаясь со смѣхомъ къ дочери, вотъ что: „Что жъ, Параска? Можетъ, и въ самомъ дѣлѣ, чтобы уже, какъ говорятъ, вмѣсте и того... чтобъ и паслись на одной травѣ? Что, по рукамъ? А ну ка, новобранный зять, давай могарычу!”

„И всѣ трое очутились въ извѣстной ярмарочной рестораціи – подъ яткою у Жидовки”, и проч.

Оно, можетъ быть, и смѣшно, только не для тѣхъ, кто знаетъ простонародную Украину и не видитъ въ мужикѣ столько смѣшного, сколько видѣлъ Гоголь. Да и каждый, кому угодно сойти ниже крыльца помѣщичьяго дома, или, очутясь среди народа, выйти изъ коляски и поселить въ не къ себѣ дружелюбіе, увидетъ, что приволакиваютъ къ дѣвчатамъ, по указанному Гоголемъ способу, на ярмаркахъ солдаты, судовые паничи, а пожалуй и заѣзжіе изъ столицъ Хлестаковы. Зато жъ о нихъ и не думаютъ такъ, какъ подумала

Параска среди ярмарки: „Можетъ быть, это и правда, что ты ничего не скажешь худого”, а просто кричатъ: „Геть къ нечистому!” или: „Тю, навѣженный чи е въ тебе соромъ мирській?” И если у оскорбленной дѣвушки есть отецъ или братъ, то онъ не будетъ говорить такъ, какъ Гоголевъ Солопій: „Эге, ге, ге, земляк! Да ты мастеръ, какъ вижу, обниматься! А я на четвертый только день послѣ свадьбы выучился обнимать свою Феську, да и то спасибо куму: бывши дружкою (т.е. дружком: дружка у насъ – дѣвушка), уже надоумилъ”.

Кто въ этихъ непристойныхъ словахъ узнаетъ Украинца-отца, которого совершеннѣйшій типъ представилъ Квитка въ отцѣ непорочной Маруси, а Шевченко въ отцѣ падшей Катерины? Вспомни каждый, кто пролилъ слезу изъ сочувствія къ высокимъ душевнымъ движеніямъ Квиткина пахаря, отеческіе рѣчи Наума Дрота. Вспомни каждый, кто знаетъ цѣну таланту Шевченка, его мрачно-торжественные стихи:

Сидить батько кінець стола,
На руки схилився.
Не дивиться на свѣтъ Божій,
Тяжко зажурився!

И потомъ этотъ приговоръ отца опозорившейся его дочери, послѣдній приговоръ, въ которомъ слышится вся глубина отцовской любви и вмѣстѣ вся убивающая, клонящая къ землѣ тяжесть позора:

Нехай тебе Богъ прощає
Та добрі люди!
Молись Богу та йди собі! –
Мені легше буде.

Вѣдь обѣ личности въ сочиненіяхъ нашихъ народныхъ писателей принадлежать къ тому же классу, обѣ эти личности того же воспитанія, того же образа жизни, что и Солопій Гоголя, а, между тѣмъ, какая разница въ воззрѣніи на предмет! Гоголь былъ такой же, какъ и они, талантъ, но онъ воспитался въ иной средѣ, жилъ въ иномъ кругу, былъ повѣствователь иной эпохи – и заплатилъ дань своему сословію, своему кругу товарищей по ремеслу, своему времени.

Но гдѣ же нашъ Украинець, изуродованный Гоголемъ такъ простодушно, такъ беззаботно, такъ *залюбки*, какъ часто случалось дѣлать и другимъ господамъ съ подвластными имъ Украинцами? Мы находимъ его съ будущимъ зятемъ и дочкою въ подвижномъ кабацѣ у Жидовки. За горожанку-прачку намъ бы не было стыдно; но за сельскую непорочную красавицу, въ свѣжихъ, какъ сама она, цвѣтахъ, намъ стыдно и даже больно! А гоголю и нужды было мало. Насмотрѣвшись на испорченное лакейство да на столичную рыночную чернь, онъ спокойно заставилъ свою сельскую чету публично обниматься среди народа, а потомъ затащилъ ее, какъ непотребныхъ людей, въ кабацъ. Но пускай онъ отвѣчаетъ за себя собственноручными показаніями:

– „Что жь это за *красная свитка*?”

„Тутъ у нашего внимательного слушателя (Солопія) волосы поднялись дыбомъ.” (Такъ-то легко и испугать, среди бѣла дня и въ толпѣ народа, рассказомъ о чертѣ и его красной свиткѣ, челоуѣка, у котораго въ памяти есть пословица: *Не такій чертъ страшній, якъ ёго малюють*). „Со страхомъ оборотился онъ назадъ и увидѣль, что дочка его и парубокъ спокойно стояли, обнявшись и напѣвая другъ другу какія-то любовныя сказки”.

Тутъ-то онъ отъ ужаса перешель къ такъ называемому *малороссійскому юмору* и, что называется, *ляпнувъ* такія слова о себѣ и о своей женѣ, какихъ ни у кого не поворотился языкъ сказать при дочери. Мужикъ нашъ сказалъ бы на это: „Можеть, у пановъ такъ и водится, но у насъ – крїй Боже!” Подобныя вещи можно слышать только отъ пьяницъ въ кабакахъ, куда всё-таки и пьяницы не ходять съ дочерями, а развѣ съ жінкою, да и то въ такомъ горькомъ случаѣ, какой представленъ въ одномъ изъ лучшихъ печатныхъ произведеній Шевченка, которое оканчивается так:

Умовкѣ кобзарь, сумуючи:
Щось руки не грають...
Кругомъ хлопці та дівчата
Слізюньки втирають.
Пійшовъ кобзарь по улиці,
Зъ журби якъ заграє!
Кругомъ хлопці навприсядки,
А вінъ примовляє:
„Нехай буде оттакечки:
Сидить, діти, у запічку,
А я зъ журбі та до шинку,
А тамъ найду мою жінку,
Найду жінку, почастую,
Зъ воріженьківъ покепкую!”

Низведя величавого и поэтического своего земляка до уровня съ петербургскими фризowymi шинелями, Гоголь рисуетъ въ прежнемъ тонѣ и сцену въ кабацѣ, да еще у Жидовки. Чувства украинскіхъ поселянъ къ Евреямъ извѣстны. Оправдывать ихъ, или опровергать Здѣсь не мѣсто; но объявляю не обинуюсь, что поселянинъ сорочинскихъ окрестностей сказалъ бы: „Се все одно, що запивати сватання у чорта въ пеклі!”

Вотъ, вамъ еще разъ – уровень защищаемого гъ. Максимовичемъ Гоголева знанія простонародной Украины во время сочиненія украинскіхъ повѣстей. Онъ конечно болѣе или менѣе зналъ ее, сколько могъ знать въ то время *паничь*, несходившій ниже помѣщичьяго крыльца, сколько могъ знать пенсионеръ Нѣжинской Гимназіи Высшыхъ Наукъ, сколько могъ знать столичный чиновникъ и институтскій преподаватель исторіи географіи, – не болѣе.

Сцена въ кабацѣ у Жидовки написана *дивно*, какъ сказалъ бы иной критикъ.

„Эхъ, хватъ! За это люблю!” говорилъ Черевикъ, немного подгулявши и видя, какъ нареченный зять его налилъ кружку величиною съ полкварти и, ни мало не поморщившись, выпилъ до дна, хвативъ потомъ её въ дребезги. „Что скажешь, Параска? Какого жениха я тебѣ достала! Смотри, смотри, какъ онъ молодецки тянетъ пѣнную!”

Для наблюдающихъ простонародную жизнь съ помѣщичьяго крыльца я долженъ здѣсь замѣтить, что зажиточный поселянинъ, мозольнымъ трудомъ содержащій свое семейство, ни коимъ образомъ не можетъ восхизаться пьянымъ, рекрутскимъ молодечествомъ будущего своего зятя. Народные пѣсни, тысячами доходящихъ до сердца голосовъ, жалуются на мужей, предающихся пороку пьянства. Народные пословицы опредѣляютъ слишкомъ выразительно, какъ смотрятъ родители на участь своихъ дочерей, которыхъ мужья оказались пьяницами. Народный повседневный толкъ можетъ удостовѣрить каждого, что въ ужасъ пришелъ бы отецъ, сдѣлавъ открытіе, что будущій зять его – опытный пьяница, и ему представилась бы та самая перспектива, какую увидѣла предъ собой, въ народной пѣснѣ, беспомощная вдова, которой кабачный повѣса (*нетяга*, неработающій и неимущій) сдѣлалъ предложеніе съ ироническою откровенностью пьяного человѣка:

Ой зажурилась бідная вдова:
„Якъ мині жити, якъ горювати!
Якъ своїхъ діточокъ прогодувати!”
Ой обізветься козакъ-нетяга:
„Ой не журися, бідная вдово!
Я жъ тебе люблю, за себе візьму:
Я твою худібоньку попропиваю,
Я твоіхъ діточокъ порозганяю,
Я твоі карі очи попідбиваю!”

Гоголь слишкомъ мало имѣлъ и могъ имѣть подъ рукой источниковъ, изъ которыхъ могъ бы почерпнуть живые понятія объ Украинѣ. Каждому, надѣюсь, ясно, какъ онъ удаленъ былъ отъ непосредственного изученія народа, и „по своимъ житейскимъ обстоятельствамъ, и по вліянію окружающихъ его личностей, и по своему воспитанію, и по самому времени, съ которымъ совпало его дѣтство” (слова моего эпилога). Оставались ему однѣ книги и рукописи; и въ этомъ отношеніи онъ сдѣлалъ столько, сколько возможно было сдѣлать, при его талантѣ. Но много ли въ то время было дѣльныхъ книгъ объ Украинѣ? Если и теперь еще чувствуется недостатокъ въ пособіяхъ для народоизученія, то что же сказать объ эпохѣ тридцать лѣтъ назадъ? Что могли доставить тогдашнія книги Гоголю, желавшему знать Украину, но неузнавшему ея въ такой степени, чтобы своими повѣстями не профанировать своего народа и собственного великого таланта? Онъ исчерпалъ все, и изъ всего читанного и слышанного создалъ какой-то необыкновенный, причудливый миръ, который критика въ правѣ поставить очень, очень низко, въ сравненіи съ его петербургскими повѣстями и другими позднѣйшими его произведеніями. Напримѣръ, сцена въ

кабакъ на ярмаркѣ. Вѣдь это перифразированная рѣчь карикатурного Зевеса, Котляревского, объ Енеѣ:

Чи бачишь, вінъ який парнище?
На світі трохи є такихъ:
Сивуху, такъ якъ брагу, хлище!
Я въ парубкахъ кохаюсь сихъ!

Что было хорошего въ устахъ *лигавшого съ постаця* Юпитера, относительно *завзятійшого изъ всихъ бурлакъ* Троянца, то вышло дико и оскорбительно для человѣческаго чувства въ устахъ отца, честного, работающего пахаря, ввѣряющего свою дочь-красавицу *хвату* въ попойкѣ! Но Гоголь не виноватъ, что въ его время никто не смотрѣлъ на мужика такъ, какъ онъ самъ на себя смотритъ, если и наше время московскій журналъ возстаётъ противъ нового возрѣнія на *Вечера* и *Миргородъ*.

Послѣдуемъ далѣе за повѣстью, въ качествѣ этнографа, желающего видѣть въ произведеніи словесности вѣрный образъ своего народа.

Натянувшись порядочно сивухи вмѣстѣ съ будущимъ зятемъ, въ присутствіи дочери, – Солопій отправился къ женѣ, „посмѣиваясь и покачиваясь”.

„Ну, жинка, а я нашель жениха дочкѣ”, сказалъ онъ.

Если бъ Гоголь *зналъ* простонародную Украину, то онъ въ язвительную рѣчь Хиври вложилъ бы факты, выражающіе бытъ народный. Она бы отвѣчала мужу, что добрыхъ людей женихи сами ищутъ, а только такой безпутный человѣкъ, какъ онъ, Солопій, не знаетъ, какъ слѣдуетъ вести себя отцу. Но Хивря смотрѣла на дѣло по-гоголевски, точно какъ будто и въ украинскомъ простонародьѣ существуетъ унизительная для достойныхъ родителей ловля жениховъ. Хивря отвѣчаетъ своему Солопію языкомъ московской купчихи: „Вотъ, какъ разъ до того теперь, чтобы жениховъ отыскивать!... Ты подумаль бы лучше, какъ пшеницу съ рукъ сбить”, и проч.

Если бы Солопій выразился у Гоголя предъ женой въ духѣ народного быта, то есть: „Ну, жинко, находится женихъ нашей дочери!” то и тогда язвительный языкъ супруги-Украинки залепеталъ бы иные рѣчи. Она сказала бы: „*Хорошъ долженъ быть женихъ*, который не чрезъ старостовъ, а самъ лѣзетъ въ глаза, да еще среди ярмарки! *Думаю, оборваннѣйшій изъ всѣхъ голодранцевъ*: отцовскіе сыновья думаютъ теперь объ уборкѣ хлѣба! Отцовскіе дѣти теперь чумакують! Добрые люди ожидаютъ Святой Покровы для сватовства! А это видно какой-нибудь *пьяница* и *бродяга*, который, по твоей милости, срамить насъ ярмарочнымъ сватовствомъ своимъ!”

Вотъ мотивы, которые долженъ былъ имѣть въ виду Гоголь, изображая озлившуюся украинскую бабу! У него же она, сколько ни употребляетъ украинскихъ побранокъ, въ-перемежку съ такими анти-украинскими бранными терминами, какъ *сорванецъ*, но никакъ не можень выбиться изъ типа театральной великорусской мѣщанки. Скажу болѣе: она даже и въ ролѣ съ

поповичемъ вовсе не украинская поселянка. Послушайте, что пишетъ новѣйшій наблюдатель украинскихъ нравовъ, объѣздившій всѣ наши ярмарки, И.С. Аксаковъ, говоря о козакахъ, хуторянахъ и мѣщанахъ: „Женщины еще менѣ носятъ на себѣ отпечатокъ своего званія. Природная грація, вкусъ къ изящному, художественный складъ мысли, до нельзя доведенная утонченность въ области чувства – равно присущи всѣмъ Малороссіянкамъ и заслоняютъ недостатокъ образованія”.

Это говоритъ Москвичъ, это говоритъ сѣверно-русскій баринъ, сошедшій, по духу вѣка, ниже помѣщичьего крыльца, вышедшій изъ коляски для того, чтобы вмѣшаться въ инообычный и иноязычный ему народъ и внушить этому народу дружелюбіе къ себѣ. Въ немногихъ словахъ его слышится уже *непосредственное* изученіе простонародной Украины. У Гоголя, въ его сценѣ между Хиврею и поповичемъ, этого излученія не слышится, потому что еще не наступило въ немъ требованіе со стороны общества, мало развитого въ области этнографическихъ свѣдѣній. Разверните *Сорочинскую Ярмарку* на 23-й страницѣ и читайте влюбленные рѣчи Украинки *съ природною граціею, со вкусомъ къ изящному, съ художественнымъ складомъ мыслей и съ доведенною до нельзя утонченностью въ области чувства, заслоняющими недостатокъ образованія:*

„Не ушиблись ли вы, не сломили ли еще, Боже борони, шеи?” говоритъ Хивря.

Сломить шею, говорится по-великорусски въ смыслѣ грубомъ, или въ томъ, который выражается польскимъ словомъ *tubasznie*. Скажетъ ли любящая великорусская женщина упавшему возлюбленному: „Не сломили ли вы шеи?” На украинскомъ народномъ языкѣ *сломить шею* выражается еще рѣжче, грубѣе или рубашнѣе; именно: *скрутить вязи*, или *звернуть вязи*. Въ устахъ любящей женщины эти слова звучатъ дико, кто бы она ни была, хотя бы послѣдняя изъ послѣднихъ. Можетъ быть, то и вѣрно, что написалъ г. Гончаровъ о медвѣжьихъ нѣжностяхъ великорусскихъ дворовыхъ людей въ повѣсти: *Обыкновенная исторія*; но въ нашемъ украинскомъ народѣ, даже и между дворовою, панскою челядью можно услышать еще очень много *человѣческихъ* рѣчей. Любить у насъ до сихъ поръ умѣютъ, и формы выраженій, предназначенныхъ только для *одной* особы, да еще въ ночной тишинѣ, какъ у Гоголя, до сихъ поръ у насъ полны мѣстной поэзіи. Но спрашиваю, что за поэзія въ слѣдующихъ словахъ влюбленной Хиври: „Пойдемте же теперь въ хату; тамъ никого нѣтъ. А я думала было уже, Афанасій Ивановичъ, что къ вамъ *болячка* или *соняшница* пристала: нѣтъ да и нѣтъ!”

Какой восхитительный первый мигъ свиданія! Очень понятно, что типографскіе наборщики, какъ это мы знаемъ изъ письма Пушкина къ Гоголю, „пырхали отъ смѣху”, трудясь надъ *Вечерами на Хуторѣ*. Очень понятно и поздравленіе Пушкина съ *первымъ успѣхомъ*, сдѣланное молодому, начинающему автору. Очень понятенъ также и общій восторгъ столичныхъ земляковъ Гоголя, знавшихъ Украину не больше его самого и смотрѣвшихъ на

простолюдина съ тѣхъ же помѣщичьихъ и чиновничьихъ подмостокъ, что и самъ авторъ.

Другіе времена, времена переменниковъ!

Комическое паясничанье теперь уже ничего не значитъ въ литературѣ. Теперь отъ писателя сценъ изъ народного быта требуется такой внутренней связи автора съ народомъ, которая на каждомъ шагу видна въ произведеніяхъ Квитки и Шевченка.

Я думаю, многіе согласятся, что Гоголь смотрѣлъ на простонародную Украину, представленную имъ въ *Вечерахъ на Хуторѣ*, не по-украински, то есть, онъ ея не зналъ, и что изображалъ онъ своихъ земляковъ по-городски, то есть, онъ между сельскимъ народомъ проживалъ не иначе, какъ въ роли барина. Прошу послѣ этого вспомнить приводимое г-мъ Максимовичемъ, въ упрекъ мнѣ, сужденіе покойного Полевого, который, взглянувъ на нравы и обычаи, изображенные Гоголемъ, поглубже своего живого до сихъ поръ хулителя, подумалъ очень основательно, что Гоголь „вовсе не Малороссіянинъ, а Москаль, да еще и горожанинъ”. Если понимать слова Полевого въ буквальномъ смыслѣ, то, разумѣется, Полевой ошибся. Но если подъ именемъ автора-Малороссіянина разумѣть знатока Малороссіи, который не скажетъ ни одного этнографическаго факта въ разладъ съ характеромъ и бытомъ своего народа, то конечно Гоголь, по времени, съ которымъ совпало его дѣтство, по своему воспитанію, по окружавшимъ его людямъ, между которыхъ поставили его житейскіе обстоятельства, по вліянію важныхъ для него авторитетовъ и просто личностей, дѣлающихъ невольное впечатлѣніе, наконецъ по образу жизни въ Украинѣ и въ Петербургѣ, и по удаленію изъ родины въ періодѣ только что выпущеннаго изъ затвора школьника, – Гоголь, какъ живописецъ быта украинскаго, былъ больше Москаль и горожанинъ, нежели Украинець, хорошо знающій жизнь изображаемаго народа.

У насъ въ Украинѣ до сихъ поръ въ ходу по хуторамъ веселые и говорливые вечера, которые желалъ, *искренно* желалъ изобразить Гоголь, да, къ несчастью, краски приготовлены были для него въ книгахъ и въ *его обществѣ* совсѣмъ не мѣстные; потому онъ и характеризовалъ великорусскою балалайкою вечерницы, а къ Пасичнику Рудому Паньку назвалъ въ гости карикатуръ. Впрочемъ, можетъ быть, въ тѣ времена гдѣ-нибудь на хуторѣ, близкомъ къ барской кухнѣ, въ самомъ дѣлѣ водились вечерницы съ балалайкою; а къ такому Пасичнику, который пишетъ російскіе городскіе повѣсти изъ украинской сельской жизни, ѣзжали гости, дававшіе другъ-другу *дулю* (кукишъ). Можетъ быть, геніальная карикатура Гоголя вовсе и не карикатура въ какомъ-нибудь уголкѣ, занимаемомъ барскимъ дворомъ съ передними и задними ходами. Если бы Гоголю дать всѣ тѣ этнографическіе познанія, какіе имѣлъ Квитка, если бы Гоголь проникнулся духомъ своего народа, такъ какъ Шевченко, то, при его необъятномъ талантѣ возсоздавать дѣйствительность, его *Вечера на Хуторѣ* были бы столь же неизмѣнно-многочѣннымъ твореніемъ, какъ многіе изъ его послѣдовавшихъ созданий, и Украинець какого-нибудь XXI столѣтія, прочитавъ у Гоголя о своихъ

прототипахъ XIX вѣка, сказалъ бы: „Да, это мои предки! Хоть они часто подходятъ подъ категорію существъ, которыхъ *natura prona atque ventri obediens* finxit, хоть они двигаются точно волы въ ярмѣ, хотя ихъ неразвитая свободною гражданственностію жизнь во многомъ расходится съ моею; но тѣмъ не менѣе представленные великимъ поэтомъ ихъ образы драгоцѣнны для меня, какъ фамильные, вѣрные съ подлинниками, портреты варварского вѣка”. Подобные этимъ слова произнесеть, можетъ быть, отдаленный потомокъ Великороссіянина о *Мертвыхъ Душахъ*, но не могутъ быть они произнесены нашими потомками о простонародныхъ украинскихъ повѣстяхъ Гоголя, – или ужъ пишущій эти строки и все, чѣмъ онъ ихъ оправдываетъ, есть грубая ошибка, и XXI столѣтіе будетъ смотрѣть на вещи тѣми же самими глазами, какъ и вторая четверть XIX-го, тѣми же самими глазами, какими мой почтенный критикъ до сихъ поръ смотритъ.

Если искусство состоитъ въ томъ, чтобы замѣтить въ народѣ самое пошле, самое безобразное, самое грубое и отвратительное и *выставить* все это *выпукло и ярко на всенародныя очи*; то не для того надобно дѣлать, чтобы необразованность и нравственный упадокъ нашихъ меньшихъ братій сдѣлать смѣшными въ глазахъ тѣхъ людей, которые обязаны, съ высоты своего положенія, протянуть руку помощи къ людямъ пресмыкающимся гдѣ-то глубоко у нихъ подъ ногами. Если высокое искусство не допускаетъ со стороны автора какихъ бы то ни было объяснительныхъ сценъ или лицъ, и предоставляетъ самому читателю, *имущему возрастъ*, уразумѣть весь ужасъ картины, на которую онъ смѣясь заглядѣлся; то и тогда всё таки надобно изображать происходящее предъ глазами нашими дѣйствіе такимъ образомъ, чтобы видно было, на какой почвѣ оно происходитъ и чѣмъ обставлены дѣйствующіе лица; надобно, чтобы поселянинъ, въ своихъ порокахъ и невѣжествѣ былъ дѣйствительно поселяниномъ, а не горожаниномъ; чтобы Украинецъ дѣйствовалъ хоть и безумно, хоть и скотски, но все же подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій и всенародныхъ его обычаевъ. Сватовство среди ярмарки для украинского парубка рѣшительно невозможно; сватовство у пахарей въ такое время, когда идетъ уборка хлѣба и вообще горячая работа – просто небылица; сватовство въ Спасовъ постъ (ибо къ такому времени пригналъ Гоголь свою повѣсть) просто – *чертъ знаетъ что такое*. Отсутствіе стыда у украинской дѣвушки, которую Гоголь заставилъ стоять обнявшись съ чужимъ парубкомъ среди ярмарки, для насъ, „преемниковъ Гоголя въ самопознаніи”, такое оскорбительное изображеніе, какъ если бы кто въ нашемъ присутствіи изобразилъ чистую и непорочную женщину въ видѣ рыночной вакханки. Наконецъ, отзывъ отца о публичныхъ поцѣлуяхъ, влѣпленныхъ его дочѣри кѣмъ-то среди многочисленного общества, долженъ быть возмутителенъ для каждого, кому понятны отеческіе чувства. И такіе произведенія російская столичная критика своего времени назвала вѣрною живописью украинской простонародной жизни! Такіе произведенія московскій журналъ до сихъ поръ держитъ подъ своею охраною и упрекаетъ критика въ

самохвальствѣ, потому только, что онъ не принадлежитъ къ критикамъ, пишущимъ однѣ критики и ничего болѣе!

Упреки, сдѣланные мною искусству Гоголя-Украинца, были бы слишкомъ тяжки и унижительно для всякаго иного писателя съ его недостатками; но Гоголю слѣдовало сдѣлать эти упреки, во славу его торжества надъ самимъ собою. Какая поразительная у него разница между изображеніемъ мѣстныхъ нравовъ и обычаевъ въ *Вечерахъ на Хуторѣ* и въ *Мертвыхъ Душахъ*! Здѣсь онъ уже не новичокъ въ искусствѣ, снисходительно похваленный Пушкинымъ, тоже не знавшимъ Украины, – Здѣсь онъ полный, самостоятельный вѣдатель той среды, которую изображаетъ. „Умалая”, по словамъ критика *Русской Бельды*, достоинство украинскихъ повѣстей Гоголя, мы вовсе не умалюемъ цѣны имъ, какъ созданіямъ, безъ которыхъ не ясно было бы поступательное движеніе генія великаго поэта. Геній, произведшій *Мертвыя Души*, былъ тотъ же самый, который произвелъ и *Вечера на Хуторѣ*; но между ними та разница, что между зрѣніемъ образованнымъ и необразованнымъ. Сила зрѣнія одна и та же, но пониманіе и воспроизведеніе природы въ картинкѣ – совершенно иные. Человѣкъ, родившійся съ истиннымъ талантомъ, уже въ дѣтствѣ – геній; уже въ дѣтствѣ чудится ему какое-то высшее призваніе; уже въ дѣтствѣ – это не одинъ случай – лепечеть онъ неточнымъ дѣтскимъ языкомъ о подвигахъ, которые онъ совершитъ когда то. Но геній, невооруженный наукою, знаніемъ своего дѣла, опытностью – дѣло иное, и геній, созрѣвшій и выразившій себя вполнѣ – опять дѣло совершенно иное. Поэтому, если уже отстаивать неприкосновенность достоинствъ Гоголева таланта, то слѣдуетъ разумѣть подъ этими словами не непогрѣзительность Гоголя въ искусствѣ, а гениальную работу его надъ искусствомъ, освободившую его мало-помалу отъ прежнихъ, слишкомъ важныхъ недостатковъ.

Кулишъ П. Обзоръ украинской словесности. Гоголь, какъ авторъ повѣстей изъ украинской жизни. Статья первая // Основа. – 1861. – № 4. – С. 67–90.

П. Куліш

Обзоръ украинской словесности.

Гоголь, какъ авторъ повѣстей изъ украинской жизни

Статья вторая

Вся повѣсть *Сорочинская Ярмарка* основана на сватовствѣ. Выше сказано уже, что парубокъ *честного и хорошего роду* (а, по моему объясненію, это одно и то же, что зажиточный жених), какимъ представленъ Гоголевъ фатъ въ попойкѣ, не рѣшится приволокнуться слишкомъ явно за дѣвушкой, увидя ее впервые отроду, какъ бы она ни была хороша собой. Гоголь, не *заня простонародной Украины*, живописалъ ея нравы и обычаи по образцамъ антинароднымъ, которые составляютъ предметъ насмѣшекъ въ

простонародныхъ бесѣдахъ. Если угодно, я приведу Здѣсь очень характеристическій случай. Въ одномъ изъ украинскихъ городовъ, дѣлающихъ скачки изъ XVII въ XIX вѣкъ, не имѣя на то никакихъ разумныхъ правъ, данъ былъ лакейскій балъ. Нѣкто, отличающійся большою наблюдательностью, отпустилъ на балъ своего слугу, только что поступившего въ высшѣе сословіе изъ сословія пахарей. Возратясь домой, слуга, на вопросъ своего господина: что происходило на балу? Отвѣчалъ слѣдующими словами: *Танчили крутька и таке неподобне робили, якъ и настоящи паны. У дивчатъ – груди голи, а сзадю – вибачайте въ симъ слови – якъ пичъ, и все те, мабутъ, фальшиво надутю!*

Видите какая бездна раздѣляетъ пахаря отъ пана и лакея, которые служили Гоголю прототипами въ изображеніи простонародной Украины? Не правда ли, что смѣшна рѣчь слуги-пахаря?... Но мы вовсе смѣемся не тѣмъ смѣхомъ, какимъ смѣялся Гоголь, когда живописалъ извѣстнаго рода ночные свиданія простонародья, когда изображалъ сватовство влюбленнаго парубка и когда – помните это? – заставилъ украинскаго рыцаря, полковника XVII вѣка, биться на кулакахъ съ возвратившимся изъ бурсы сыномъ. Но объ этомъ рѣчь будетъ съ своимъ мѣстѣ. Мы смѣемся тому, что образъ жизни пановъ названъ Здѣсь *неподобнымъ*. Смѣшно и вмѣстѣ поразительно вѣрно: даже и *подобія* нѣтъ между людьми, брошенными на произволъ судьбы съ XVII вѣка, и между тѣми, которые ускакали на московской тройкѣ въ XIX вѣкъ! Подобіе между ними находилъ только незнавшій простонародной Украины Гоголь, вмѣстѣ съ своими близорукими книжниками-цѣнителями. Мы смѣемся тому, что дѣвчата горничные подражаютъ Здѣсь господамъ своимъ, которые такимъ точно образомъ подражали нѣкогда иноземнымъ женщинамъ, притупивши тонкое цѣломудріе. Но сквозь этотъ смѣхъ видѣнь намъ чистый, бѣдностью и отчужденіемъ сохраненный отъ псевдо-просвѣщенія, образъ женской граціи, которую эстетическіе Греки прозвали *стыдливою* и которая стыдлива до сихъ поръ въ украинскомъ простонародьи. Намъ смѣшна въ устахъ пахаря-слуги злѣйшая карикатура, отъ которой не отказался бы и Гоголь въ *Мертвыхъ Душахъ*. Мы хохочемъ надъ комическимъ простодушіемъ необразованнаго мужичины, лишеннаго „*утонченнаго вкуса*“, а между тѣмъ не можемъ не отдать справедливости его простому, природному, вкусу. Такой многозначительный, заставляющій призадуматься, смѣхъ началъ производить Гоголь, забравъ въ свой умъ „всѣ тѣ бесчисленные мелочи и подробности, которые говорятъ, что взятое лицо дѣйствительно жило на свѣтѣ“ и „соображая все отъ мала до велика, ничего не пропустивши“. Но въ *Вечерахъ на Хуторѣ*, по его собственному признанію, его „подталкивала молодость, во время которой не приходятъ на умъ никакіе вопросы“ и которая для многихъ остается неизмѣннымъ состояніемъ. Этихъ то многихъ, первые произведенія Гоголя, которые такъ горячо отстаивалъ критикъ *Русской Бельды*, „заставили смѣяться такъ же беззаботно и безотчетно, какъ и самого автора“; по „другихъ“, которымъ, вмѣстѣ съ приближающеюся старостью, даются и ея преимущества, „приводили въ недоумѣніе рѣшить: какъ могли человѣку умному приходиться въ голову такіе глупости!“ Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите:

пахарь-слуга обнаружилъ гораздо больше условій украинского юмора, нежели великій писатель, неприготовленный къ своему дѣлу жизни, – нежели геній, невооруженный наукою, знаніемъ своего дѣла, опытностію.

Я дѣлаю это сближеніе не для шутки. Слова парубка – слуги о фальшивыхъ прелестяхъ городскихъ красавицъ характеризуютъ вкусъ каждого парубка, а въ томъ числѣ и Голопупенкова сына, какъ бы ни было смѣшно данное ему авторомъ имя. Вообще нашъ поселянинъ ничего не любитъ фальшивого; чувство это лежитъ не только въ основаніи его быта, но и въ основаніи самой его природы, создающей и возсоздающей безпристанно этотъ бытъ, несмотря на все извращающіе его обстоятельства. Онъ до того не любитъ называть вещи несоотвѣтствующими имъ именами, до того противна ему фальшивая оцѣнка чего бы то ни было, что даже, взявшись за торговлю, онъ не запрашиваетъ лишней цѣны своему товару. Но угодно ли прочесть у И.С. Аксакова, въ его изслѣдованіяхъ украинскихъ ярмарокъ, слѣдующее мѣсто: „Другое существенное различіе между великорусскимъ и малороссійскимъ купцомъ заключается въ самомъ способѣ торговли... Малороссіянинъ почти никогда не торгуется, а держится, при продажѣ, одной опредѣленной цѣны, которая, разумѣется, условливается торговыми обстоятельствами, но большею частью назначается съ честною умѣренностію. Мы нарочно наблюдали простыхъ Малороссіянь и Великорусскихъ торговцевъ на ярмарочныхъ рынкахъ. Что стоитъ вещь? Напримѣръ, гусь? Спрашиваете вы. – „Тридцать шаговъ” (грошей), отвѣчаетъ вамъ, сидя, Малороссіянинъ. – „Вотъ тебѣ гривенникъ” (5-ю коп. ср. дешевле), говорите вы, по русской привычкѣ торговаться... „И то гроши (т.е. деньги), отвѣчаетъ флегматически Малороссіянинъ, и отворачивается въ сторону. Напротивъ того, великорусскій торговецъ тотчасъ распознаетъ своего покупателя, по платью, по рѣчи, по приему, мигомъ смекнетъ, должно ли сдѣлать ему „уваженіе”, т.е. уступить, или стянуть съ него вдвое болѣе настоящей цѣны” и проч.

Послѣ этого не трудно понять, какъ остороженъ, какъ щекотливъ долженъ быть нашъ простой пахарь, чумаки, или, выражаясь по-великорусски, вообще простой *хохоль*, относительно фальши въ товарѣ, который онъ продаетъ. Если же онъ не любитъ продавать фальшивого, то судите, можетъ ли онъ, безъ строгой разборчивости, пріобрѣтать фальшивое, а тѣмъ болѣе, когда это пріобретѣніе называется: *невѣста!* Парубокъ встрѣтилъ дѣвушку, о которой невольно воскликнулъ: „ай, да дивчина!” – этого еще слишкомъ для него мало. Онъ знаетъ, что въ городахъ еще больше красавицъ, нежели въ селахъ; но, можетъ быть, другіе не знаютъ, что ни на одной изъ нихъ онъ не согласился бы жениться, несмотря ни на богатство, ни на что, – и это не отъ чего иного, какъ отъ одного опасенія фальши. Заѣзжіи корнеть, продувной помѣщикъ, купчина, воздыхающій о капиталѣ, могутъ, воскликнувъ: „ай, да дѣвушка!” черезъ часъ приступить къ сватовству; но Голопупенковъ сынъ, какъ бы ни былъ смѣшонъ въ глазахъ автора, объ этомъ и не подумаетъ.

Можетъ быть, не одинъ изъ моихъ читателей слышалъ рассказы о вечерницахъ, – не о тѣхъ, которые совершаются подъ балалайку и которые

авторъ *Вечеровъ на Хуторъ* могъ видѣть на барской кухнѣ, а о настоящихъ украинскихъ вечерницахъ. Это – сходки молодыхъ людей обоихъ половъ, у одной изъ сосѣдокъ; вовсе не въ домѣ зажиточнаго Пасичника, къ которому ѣздить въ гости горожане, а непременно у какойнибудь одинокой вдовы, у которой нѣтъ дѣтей и въ хатѣ просторно. Собираются на вечерницы как-будто для работы, а въ самомъ дѣлѣ для того, чтобы, вдали отъ надзора женатыхъ, наговориться и послушаться рѣчей, которые не приходятъ на языкъ среди степеннаго люду, озабоченнаго дѣтьми и хозяйствомъ. Тутъ то душа у каждой дѣвушки на распаху; тутъ то льются поэтическіе пѣсни; тутъ-то ея богатства сіяютъ въ живыхъ рѣчахъ, нестѣсненныхъ предержащею домашнею властью; тутъ-то обнаруживается вся та *природная грація*, весь тотъ *художественный складъ мыслей*, вся та, *доведенная до нельзя, утонченность въ области чувства*, которые И.С. Аксаковъ, во время своихъ разъѣздовъ по Украинѣ, находилъ, безъ различія сословій, въ украинскихъ женщинахъ. И вотъ гдѣ наши парубки-пахари выбираютъ себѣ невѣсть, или – лучше сказать – возлюбленныхъ. Это *лучше сказать* прибавлено мною потому, что наши парубки очень долго не женятся, очень долго живутъ одной близкой дружбой съ *коханою дівчиною*, и наконецъ удостовѣрясь, *що вона любить вірно* и *що нема їй на всьому свиті такої щирої души*, рѣшаются сдѣлать такъ, чтобы ихъ не разлучили ни отецъ, ни мать, ни чужая сторона, подъ которою разумѣется разлука для чумацкаго промысла и заработковъ, а прежде разумѣлись военные походы. Если же случится такъ, какъ поется въ пѣснѣ:

Полюбила козаченька, не спитала відки,

Или такъ, какъ случилось у Квитки между Василемъ и Марусею, или такъ, какъ случилось у Макаровскаго въ его поэмѣ „*Наталя*”:

Вінъ ні мови, я ні слова, тіло затряслося, –
Сталось лихо, и на віки въ серденько впилося;

Тогда парубокъ поступаетъ такимъ образомъ, какъ поступалъ Василь, который подробно развѣдалъ о Марусѣ: кто она? Каковъ ея родъ? Каковъ ея отецъ? Какова ея мать? Какихъ она нравовъ? Каковъ ея обычай? И прочая, и прочая, и потомъ уже искалъ самого благовиднаго предлога, что называется, *занять ее*, да не такъ занять, чтобы тотчасъ влѣпить поцѣлуй среди народа, какъ у Гоголя, а съ полнымъ уваженіемъ къ женщинѣ, въ которой онъ видѣлъ не чтонибудь *клубничное*, какъ выразился бы, можетъ быть, Гоголь, а будущую жену свою. Или же такъ поступаетъ въ этакое любовное казусѣ парубокъ, какъ у Макаровскаго поступилъ Опанасъ Левенець, не имѣющій никакой надобности для своего прозвища въ смѣшномъ сочетаніи такихъ словъ, какъ *пупъ*, *пузо*, *репатъ* и тому подобныхъ, очень понравившихся у Гоголя любителямъ живописи народныхъ нравовъ.

Онъ, въ качествѣ чумака, проѣзжалъ черезъ село, въ которомъ жила вдова съ дочкой красавицей. Пригнавши къ сельскому водопою поить своихъ воловъ, онъ встрѣтилъ Наталю, которая раннимъ утромъ возвращалась отъ рѣчки съ полными ведрами. Чумакъ тоже былъ пораженъ красотой дѣвушки, какъ и Гоголевъ Голопупенко; но, какъ онъ былъ сынъ честныхъ родителей-пахарей, а не былъ взятъ съ толкучего рынка и наряженъ, для повѣсти, въ украинскую свитку, то и не вскричал: „ай да дѣвушка!“ по-солдатски. Онъ попросилъ позволенія напиться изъ ведра, и только послѣ этого пристально взглянулъ на красавицу. Тутъ то совершилось обоюдное очарованіе выраженное выше въ двухъ стихахъ. Но Опанась не сказалъ ни слова красавицѣ. Все, что онъ сдѣлалъ, по внушенію украинской народной влюбчивости, было – освѣдомленіе въ селе (и то, безъ сомнѣнія, очень деликатно), кто такая эта красавица? Воротясь домой и услышавъ, что отецъ и мать, въ бесѣдѣ съ пріятелями, высказали готовность принять, въ свой богатый домъ, даже самую бѣдную дѣвушку,

Аби добрая, покїрна й сорому боялась
Да Панасові душею й серцемъ сподобалась, –

онъ началъ помышлять о сватовствѣ. Но для него мало забранныхъ мимоходомъ справокъ: онъ посылаетъ *на розвідини* родственника, человѣка бывалого и растороннего, и, между прочимъ, говоритъ ему:

Роспитайся: дівка, кажуть, доня удовиці...

Прошу обратить вниманіе на подозрительность украинского искателя невѣсты. Одно уже то, что въ семьѣ нѣтъ отца, главы и блюстителя нравовъ, наводитъ его на сомнѣніе; ибо дочь отцовская, или по нашему *отецька дитина*, была-бы болѣе надежной женой, была бы наименѣе фальшивымъ товаромъ въ этого рода пріобрѣтеніи. Но, такъ какъ украинецъ ни въ чемъ не держится бессмысленно одной формы, то Опанась говоритъ своему послу далѣе:

Хай и такъ. Якъ-же у серці віру й Бога має
І худої за собою славоньки не знає,
То я викину, да й швидко, молодецьку штуку:
Дамъ їй серденько за серце, рученьку за руку!

Прошу позволенія остановиться на этихъ стихахъ. Въ чемъ тутъ заключается *молодецькая штука*? Въ томъ, что *зажиточный* парубокъ долженъ жениться на *зажиточной* дѣвушкѣ, если слѣдовать обычаю слѣпо; ибо, какъ я уже объяснялъ, зажиточность и достоинство поведенія каждой семьи, въ простомъ пахарскомъ быту, неразлучны. У меня могутъ спросить: почему же дочь вдовы предполагается незажиточной? Отвѣчаю: дочь вдовы-дворянки, дочь вдовы-мѣщанки, дочь вдовы-горожанки, вообще – не должна, во мнѣніи парубка – предполагаться незажиточной потому только, что у ней нѣтъ отца.

Но Опанась и авторъ смотрять на вещи практическимъ взглядомъ чловѣка, очень близко знающаго условія пахарской сельской жизни. Здѣсь капиталовъ и текущихъ безъ труда доходовъ нѣтъ. Здѣсь трудъ награждается самою природою, и притомъ на столько, на сколько нужно для извѣстнаго времени, можно сказать – для одного сезона. Когда хозяинъ обезпечить свое существованіе до весны и когда у него есть рогатый скотъ для весенней запашки, то онъ считаетъ себя и слыветъ во мнѣніи другихъ богатымъ. Онъ до такой степени удовлетворяется тѣмъ, что для него необходимо, что никакая плата за новый, необычный для него трудъ – для него вовсе не соблазнительна. Ему не нужно ничего собирать и копить впрокъ. Онъ, по евангельскимъ словамъ, не печется объ утри, ибо утри самъ о немъ печется. Онъ знаетъ, что после зимы настанетъ лето со всей своей благодатью, и спокойно ѣсть свой домашній кусокъ хлѣба, не помышляя о болѣе лакомомъ.

Само собою разумѣется, что я говорю о большинствѣ; ибо между пахарями есть люди очень запасливые, равно какъ есть и такіе, которые спустятъ на ярмаркахъ весь осенній сборъ и, по народной пословицѣ, *кладутъ зуби на полицю* до новаго урожая, а попросту – перебиваются кое-какъ. Вообразите же себѣ положеніе семьи пахаря, когда выбываетъ изъ нея мужчина, на которомъ лежала главная часть полевыхъ работъ и домашнего управленія. Наймитъ-пахарь хорошъ только въ глазахъ хозяина. Вдова не въ состояніи держать его въ страхѣ Божиємъ и порядкѣ. На нивѣ онъ заспитъ, а волю попадутъ въ *спашь*, за который надобно отвѣчать пенею. Волонъ онъ не напасаеъ всегда до сыта, не напоить во время, не предохранить отъ дождя, который дѣлаеъ подъ ярмомъ мучительные прогоины: отъ этого скотъ зимою худѣетъ, хвораетъ и мало по малу изводится. Естественно, что вдова, при всей твердости характера, должна наконецъ уступить силѣ вещей, должна лишиться собственнаго *плуга воловъ*, отдать землю въ чужіе руки и довольствоваться частью урожая, который весь принадлежитъ хозяину. Такъ и во всемъ другомъ. Вдову и сельская полиція обременяетъ излишнимъ постоемъ; у вдовы и огородъ опустошается безнаказанно солдатами и всякими бродягами; у вдовы некому и плетня поддерживать; у вдовы скорѣе, нежели въ иномъ дворѣ, и комора будетъ обокрадена, и проч., и прочъ. Подобные явленія у сельского парубка-пахаря безпрестанно передъ глазами. Поэтому онъ и не можетъ съ понятіемъ о вдовѣ соединять понятія о богатствѣ. И въ народныхъ пѣсняхъ вдова всегда изображается небогатою; напримѣръ:

Чи все тая вдова живе, що на ріжку хата?
Хорошую дочку мае, сама небагата.

Упадокъ дома, изъ котораго выбыль тотъ, кѣмъ все держится въ порядкѣ, очень хорошо изображенъ въ думѣ о казацкой жизни, въ которой постоянное отсутствіе хозяина соотвѣтствуетъ его смерти:

Знати, знати козацьку хату

Скрізь десяту:
Вона соломою не покрита,
Приспою не осипана,
Коло двора нечиста ма і кола,
На дрівітні дровь ні поліна, –
Сидить в ній козацька жінка – околїла.
Знати, знати козацьку жінку,
Що всю зиму боса ходить,
Горшкомъ воду носить,
Полоникомъ діти напуває.

Эти стихи сами собой наводят насъ на другую сторону сомнѣнія сельского парубка въ томъ, чтобы дочь вдовы могла бать для него достойной женой и хозяйкой въ домѣ; ибо, при разстройствѣ хазяйства, мало-по-малу ослабѣвають въ хозяйкѣ привычки, въ которыхъ слѣдуетъ ей воспитывать дочь свою. Предположивъ вдову женщиною самою твердою въ нравахъ и обычаяхъ, все таки надобно допустить, что хозяйство у ней не можетъ быть такъ полно, какъ въ домѣ, нелишенномъ главы своей; а при исчисленный мною неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, случающихся сплошь да рядомъ, она лишается не только воловъ, но часто коровъ и овецъ, для которыхъ не въ силахъ запасать на зиму корму. Чаше всего вдова съ дочерью ограничиваются небольшимъ доходомъ съ паханого поля и летнимъ зажомъ у богатого землевладельца; остальное же время онѣ проводятъ въ домашнихъ рукодѣльяхъ: прядутъ, ткуть, вышиваютъ. Когда въ пѣснѣ поется:

Чи се тая дівчинонька живе
Що хороші шириночки шие?

То это непременно говорится о дочери вдовы, ибо *хозяйскимъ* дочерямъ бываетъ не до того, чтобы совершенствоваться въ сельскихъ изящныхъ искусствахъ. Суровый виглядъ главы семейства на жизнь и ея нужды всѣ цапки называетъ *пустошью*, и въ домахъ, полныхъ, какъ говорится, всякой благо лати, мать съ дочерьми занимаютъ только украдкой мережками, щитами рушниками, писанками передъ Великоднемъ, или же заказываютъ все это одинокимъ вдовамъ и ихъ дочерямъ, платя пшеничною мукой, горохомъ, а иногда и просто насущнымъ хлѣбомъ. Отъ этого выходитъ, что Вдовины дочки вырастаютъ бѣлоручками, развиваются, какъ уединенные лиліи и вознаграждаютъ недостатокъ богатства красотою, – неприневоливаемые къ полевымъ и надворнымъ работамъ, а, пожалуй, и поэтичностью души, которая не была подавлена непреклонною волею старшего въ семействѣ и воспиталась въ дружескихъ бесѣдахъ и *порадахъ* съ нѣжною, горяющею, но зато свободою, матерью. Эти преимущества привлекаютъ къ нимъ вниманіе парубковъ-богачей и, такимъ образомъ, уравниваются блага жизни въ простомъ сельскомъ быту, украшаемомъ въ то же самое время поэзією, рождающеюся изъ лишений и страданій.

Но парубок-богачъ есть болѣе или менѣе представитель нравовъ, которыми весь его родъ дожилъ до его времени, но потерявъ своего коренного характера. Есть ли у него родители, или же онъ самъ дошелъ до того *полного зросту*, въ которомъ уже не пошатнется на сторону и не спуститъ съ рукъ *батьковщины*, все равно онъ – великій практикъ въ своей сферѣ дѣйствій, при всей поэтичности своей души, влекущей его къ тому, что насъ очаровываетъ въ женщинѣ. Развитому гражданственности человѣку дается особенное, вполне для него ясное, уразумѣніе своего положенія въ жизни и своей будущности. Неразвитому – дается, такъ сказать, инстинктивное пониманіе полезнаго и вреднаго для его быта, и это въ такой степени, что влюбленный козакъ готовъ умолять свою возлюбленную, чтобъ она напоила его травою забвенія:

Ой дай мені таке зілля, щобъ тебе забути!

Борьбою и колебаніемъ между поэтическими симпатіями и практическою необходимостью – поступать по внушенію родителей и даже *роду* – наполнены народные самые изящные пѣсни, – эта вѣчная, драгоценная книга жизни народной, въ которую любившіе и страдавшіе сердца вписали неизгладимыми словами свою исторію, въ науку и въ симпатичное наслажденіе отдаленнѣйшимъ поколѣніямъ людей, съ поэтической всезнающею и всечувствующею душою.

Если-бы Гоголь, при своемъ, истинно-творческомъ, дарѣ, читаль народные пѣсни, какъ знатокъ простонародной Украины, – онъ однѣ повели бы его перо совсѣмъ въ иную сторону, и тогда-бы сіяющіе жизнью, хоть и слишкомъ яркіе, картины природы въ *Сорочинской Ярмаркѣ*, сочетавшись съ вѣрною живописью нравовъ, сразу поставили-бы его высоко въ глазахъ истиннаго цѣнителя искусства въ избранномъ имъ родѣ. Но Гоголь, изображая простую сельскую жизнь украинцевъ, былъ, по словамъ Полевого, больше москаль и горожанинъ, нежели украинецъ, ознакомленный съ бытомъ своего народа, хотя въ то же время онъ былъ и поэтъ, да еще геніальный.

Смотрите однако жъ, въ какой зависимости находится природный геній отъ изученія предмета своей дѣятельности! Сибирякъ, вышедшій изъ лавочныхъ сидѣльцевъ въ литераторы, первый обличилъ геніальнаго поэта въ беззаконіи его творчества.

По случаю появленія украинскихъ повѣстей Гоголя, нагромождена вавилонская башня сужденій; но народъ, безъ согласія и мимо вѣдома котораго строилось это чуждое его жизни зданіе высшихъ взглядовъ на жизнь и искусство, не сговариваясь между собой, протестовалъ противъ современныхъ властелиновъ знанія – или своимъ очень, очень медленно измѣняющимся бытомъ, или своею единодушною поэтическою рѣчью, или, наконецъ, устами своихъ вдохновенныхъ литературныхъ представителей, которыхъ повѣсти о немъ „живы, какъ сама жизнь, прекрасны и вѣрны, какъ сама правда”. Гоголь возвысился въ послѣдствіи до уразумѣнія художественнаго самообразованія. Онъ поднялся въ этомъ выше всѣхъ своихъ критиковъ. Въ немъ отъ природы

такая заключена была сила истинного творчества, сила создавать изящное на долготѣтную жизнь въ потомствѣ, такой вѣрный инстинктъ генія, что онъ не былъ остановленъ въ саморазвитіи, въ стремленіи выйти на собственный свой путь даже и неумѣренными похвалами почти всей читающей Россіи, – опаснѣйшимъ изъ насъ всѣхъ препятствій, какія только существуютъ для развитія великаго таланта. Ибо строгая школа предназначена въ жизни всякому истинному поэту, и величайшая требуется отъ него осторожность въ наслажденіяхъ благами, которые люди обыкновенные могутъ вкушать безъоглядки. Гораздо спасительнѣе для поэта, если только онъ истинный поэтъ, быть встрѣченнымъ со стороны большинства цѣнителей такъ, какъ писалъ, по горькому опыту, Шевченко о своихъ первыхъ произведеніяхъ:

Знаю вашу славу:
Поглузуютъ, покепкуютъ,
Да й кинуть підъ лаву!

Не бойтесь, его не сломятъ порицанія, насмѣшки и даже совѣты великихъ авторитетовъ, часто очень опасные совѣты для поэта, явившегося не отсюда, откуда приходили другіе поэты, и не съ тою рѣчью, какой они бывали одарены. Сильные аргументы приводятъ эти судьи, справедливо уполномоченные въ своемъ кругу идей – судить объ искусствѣ и изрекать праведные законы искусства. Но, какъ всякій народъ живетъ по своему особенному, часто неписанному въ книгу, законамъ, такъ и законы высокаго дара – потрясать сердца людскія – внушаются избраннымъ людямъ не отъ прославленнаго уже ареопага. Поэты это знаютъ, или, лучше сказать, чувствуютъ, и несмотря на то, что они иногда бываютъ не посвящены въ тайны книжной науки, „огни, а не слова” излетаютъ изъ ихъ устъ въ отвѣтъ на императивные совѣты записныхъ судей дѣла. Такъ, Шевченко, въ слѣдующихъ стихахъ, увѣковѣчивалъ современные толки о немъ премудрыхъ міра сего:

Одъ козацтва, одъ гетьманства
Високі могили,
Більшъ нічого не осталосьъ,
Да й ті розривають,
А вінъ хоче, щобъ слухала,
Якъ старці співають!

Ему совѣтовали писать общепринятымъ въ російской имперіи языкомъ. Ему совѣтовали изображать жизнь, которая у всѣхъ въ виду, т.е. у всѣхъ цѣнителей и судей искусства. Ему очень добродушно внушали, что онъ погребетъ свой талантъ въ стихахъ, которыхъ никто не понимаетъ, и въ изображеніи явленій, которымъ никто не сочувствуетъ. Устами этихъ добродушныхъ людей говорила сама истина, но только горизонтъ ея былъ видимъ съ небольшой высоты. Поэтъ нашъ, озирая, съ своего подъоблачнаго

полета, несравненно обширнѣйшія, невѣдомая другимъ, пространства, отвѣчалъ этимъ господамъ языкомъ демократа:

Правда, мудрі!
Спасибі за раду!
Теплій кожухъ, тільки шкода –
Не на мене шитий,
А розумне ваше слово
Брехнею підбите.

И потомъ, развернувъ, въ дикой прелести родные свои степи съ кровавыми и блистательными ихъ воспоминаніями, и давъ почувствовать своими слезами неразрывную связь между необузданною энергією старого времени и разумною энергією современного генія, онъ восклицаетъ:

Одъ-де мое добро, гроші,
Одъ-де моя слава!
А за раду спасибі вамъ –
За раду лукаву.

Въ этихъ стихахъ каждый, кто понимаетъ дѣло собственнымъ толкомъ, увидитъ тяжкую борьбу таланта за свое существованіе, за свою будущность и, главное, за идею, которую онъ долженъ возвѣстити миру. Но Гоголь, борясь съ посыпавшимися на него со всѣхъ сторонъ похвалами, совершилъ подвигъ еще болѣе высокой и назидательный. Исторія его жизни, собраніе его писемъ и при этомъ его сочиненія – это такія книги, которымъ не много равныхъ завѣщало человѣчество будущимъ поколѣніямъ для уразумѣнія высокихъ психологическихъ, критическихъ и философскихъ истин.

Но возвратимся къ несчастнѣйшему изъ несчастнѣйшихъ Голопупенкову сыну, которого уже одно имя дѣлаетъ смѣшнымъ въ глазахъ читателя, а непониманіе, какъ взяться за сватовство, просто – срамитъ во мнѣніи каждого мужика.

Мы видѣли, какъ зажиточные и, что все равно, порядочные парубки поступаютъ въ этомъ случаѣ. Вотъ, на примѣръ, Опанась Левенець: этотъ посылаетъ своего дядька (но не дядьку) Хмару *на розвідани* въ то село, въ которомъ онъ полюбилъ случайно встрѣченную дѣвушку, и дядько Хмара тотчасъ даетъ читателю понять, что не напрасно выбранъ для такого порученія. Онъ разсуждаетъ не по-гоголевски, а прямымъ толкомъ своего народа, – тѣмъ толкомъ, которого авторъ украинскихъ повѣстей добился вполнѣдствіи, несмотря на весь угаръ отъ журнальныхъ и нежурнальныхъ славословій. Онъ говоритъ молодому человѣку:

...Чи тобі-жь то талану не знати. –
Незнакому сиротину за хазяйку брати!
Може, цяця та по селамъ бродить безъ свитини,
По коморі не ходила і коло скотини.

А краса – плевать на неї, якъ добра не мае,
Коли плечі і грудницю рубьемъ покривае!

Дядько Хмара – большой прозаикъ; но его проза совпадаетъ съ народною поэзією. Въ пѣсняхъ воспѣта жалкая участь невѣстки, взятой изъ такого дома, въ которомъ она не привыкла вставать рано для надворной работы, нетерпящей отлагательства. ея будить свекруха, жестоко упрекая въ былой ея бѣдности, положившей на ней печать свою, нестерпимую для людей работающих:

Вставай, невістко, часъ до череди гнати!
Подій тій корові, що одъ батька нагнала,
Попрогонь овечки, що родина здарувала.

Вотъ какимъ взглядомъ на вещи вооружаютъ старшіе молодыхъ людей, собирающихся жениться! Но часто молодость беретъ свое, и любящіеся приходятъ къ такому заключенію:

Зъ великою худобою – серденьку досада,
А зъ любою дружиною – оченькамъ одрада.
Зъ великою худобою – битись та сваритись,
А зъ любою дружиною – на світі нажитись,
Зъ великою худобою – горе мені буде,
А зъ любою дружиною – не стидно й межь люди.

Это, однакожь, происходитъ въ такомъ случаѣ, когда они очень хорошо другъ друга знаютъ и корда зависятъ сами отъ себя. Но, не зная дѣвушки, сельскій парубокъ не бросится на одну красоту и не рѣшится на сватовство, какъ у Гоголя. Дядько Хмара заѣхаль, подъ благовиднымъ предлогомъ, переночевать къ матери Натали, а на другой день завернулъ въ сельскій шинокъ для провѣрки своихъ наблюденій и привезъ небожу самые удовлетворительные извѣстія. Тогда только Опанасъ открылся въ своихъ чувствахъ родителямъ и просилъ ихъ благословенія.

Не извѣстно, были ли родители у Гоголева парубка. Онъ рѣшился на сватовство скорѣе, нежели каждый изъ его земляковъ, невведенныхъ въ повѣсть, рѣшился на покупку коня, и запилъ съ будущимъ тестемъ, Солопиемъ, могорычъ въ кабацѣ у Жидовки. Въ Украинѣ эти вещи, можетъ быть, слишкомъ для когонибудь прозаическіе, дѣлаются иначе. Украинскій сельскій парубокъ обращается къ самымъ достойнымъ изъ своего сословія людямъ съ просьбою – быть посредниками между нимъ и домомъ невѣсты, и въ этомъ виденъ не только народный, скрытый во всякомъ обычаѣ, практической разумъ, но и тонкое чувство приличія. Если бы молодой человѣкъ обратился къ родителямъ своей возлюбленной непосредственно, этимъ-бы онъ поставилъ себя съ ними какъ бы наравнѣ, этимъ-бы онъ всю ответственность за судьбу ихъ дочери принималъ на себя, этимъ бы онъ явился въ ихъ глазахъ собственнымъ представителемъ и самъ себя аттестовалъ-бы достойнымъ столь великой довѣренности. Но, посылая вмѣсто себя сватовъ, людей степенныхъ,

имѣющихъ собственныхъ дѣтей, онъ этимъ самымъ свидѣтельствуешь передъ родителями невесты, что недостойно заводить непосредственно съ ними рѣчи о такомъ важномъ предметѣ, въ которомъ онъ, по молодости своей, не можетъ еще быть судьей; въ лицѣ сватовъ онъ представляетъ имъ поручителей, на которыхъ, яко имѣющихъ собственныхъ дѣтей, могутъ они положиться относительно участи дочери; наконецъ – и это самое главное – рекомендація людей постороннихъ, извѣстныхъ трудолюбіемъ и добрыми нравами, тоже гораздо больше должна значить въ глазахъ родителей невесты, нежели все, что могъ бы сказать имъ о себѣ женихъ, или внушить имъ своими поступками.

Поэтому то, въ повѣсти Квитки „Маруся”, молодой парубокъ, будучи долго вхожъ въ домъ къ Науму Брусу, будучи любимъ въ этомъ домѣ какъ семьянинъ, не осмѣлился заикнуться, въ простыхъ и душевныхъ бесѣдахъ, о сватовствѣ. Это оскорбило-бы чувства хозяевъ: это показало-бы, что онъ считаетъ себя въ ихъ глазахъ слишкомъ важной особой, если смѣетъ заговаривать съ ними о такомъ предметѣ, о которомъ, по чувству народного украинского цѣломудрія, ни въ какомъ случаѣ не прилично говорить холостому человѣку съ отцомъ семейства. Это, кромѣ того, уронило бы его, во мнѣніи хозяевъ, какъ парубка *незвычайного*, то есть незнающаго, какъ слѣдуетъ вести себя, выражаясь по-городски, съ людьми порядочными. Ибо манера быть съ людьми, тонъ разговора, деликатность въ выборѣ словъ, умѣнье избѣгать въ бесѣдѣ щекотливыхъ предметовъ, – все это внушается доброму украинскому парубку самою природою, а также правами и понятіями народа, среди котораго онъ вырастаетъ. Поэтому-то, зная близко народъ нашъ, не по его худшимъ, облакеевымъ, или обкулаченнымъ, образцамъ, мы находимъ дикими въ повѣстяхъ Гоголя такія вещи, какъ вопросъ Хиври: не сломали ли вы себѣ шеи? Да и самъ парубокъ Квиткинъ смотрѣлъ на сватовство, какъ на религіозный обрядъ, и профанировалъ-бы его въ собственномъ чувствѣ, еслибы, сидя запросто съ отцомъ своей возлюбленной, сказалъ ему, какъ онъ парубокъ Салопію: „Ну, Наумъ, вотъ, какъ видишь, я и дочка твоя полюбили другъ друга, такъ что хоть бы и на вѣки жить вмѣстѣ”.

Не знаю, какъ дѣлается у скитающихся цыганъ, подъ ихъ „издранными шатрами”; но въ украинской хатѣ чувство приличія играетъ очень важную роль, что касается до деликатныхъ сердечныхъ струнъ, къ которымъ грубое прикосновеніе такъ нестерпимо для человѣка, развитого общественностью. Посмотрите въ повѣсть Квитки, въ это совершеннѣйшее зеркало народныхъ нравовъ: не только Василь, въ бесѣдахъ съ стариками, не смѣлъ пикнуть о своемъ намѣреніи, но даже Маруся ни единымъ словомъ не выразила передъ матерью своихъ ожиданій. Этого мало: даже мать, желая отъ всего сердца видѣть Василя своимъ зятемъ, никогда не проговорила объ этомъ передъ дочерью.

Обращу вниманіе читателя, въ повѣсти Квитки, на тотъ моментъ, когда Настя, мать Маруси, объявила, что идутъ старосты и когда старосты стучались подъ дверь. Читатель не предвидѣлъ отказа со стороны Наума Бруса; но, какъ для каждого изъ трехъ дѣйствующихъ лицъ это событіе было невыразимою

тайною въ ожиданіяхъ, то въ повѣсти возбужденъ интересъ необыкновенный, и вся церемонія сватовства совершается въ такой торжественности, какъ будто это какое то религіозное дѣйствіе, исполненное таинственного значенія. Видите, какъ величава самая простая природа вещей, если только писатель, въ ея изображеніи, возьметъ въ совокупности „всѣ мелочи, ничего не пропустивши!” Квитка не имѣлъ высшихъ теоретическихъ понятій объ искусствѣ; онъ писалъ свою повѣсть въ простотѣ сердца, изъ поэтической любви къ изображаемому имъ быту; онъ рассказывалъ, со всею полнотою милой ему народной рѣчи, о томъ, что узналъ самую жизнь свою, а не научнымъ наблюденіемъ; и потому его твореніе выходитъ „живо, какъ сама жизнь, прекрасно и вѣрно какъ сама правда”.

Взгляните еще, какъ торжественно дѣйствуютъ у Квитки сваты, какъ величава они держатъ себя. Они сознаютъ, что не для забавы своей взяли за это дѣло и что дѣло это касается счастья отживающей и другой, будущей, семьи. Таковы дѣйствительно бывають сваты. Слушая ихъ такъ называемые *законные рѣчи*, нельзя удержаться отъ улыбки; но это потому, что мы оставили этихъ людей съ XVII века и воспитаны въ иныхъ нравахъ и обычаяхъ. И при всемъ томъ видишь въ нихъ членовъ общества, которымъ нельзя отказать въ уваженіи. Они дѣлаютъ честное дѣло; они дѣлаютъ дѣло честно. Будущему тестю давно извѣстны личность и достатокъ жениха. Они не надувають ему въ уши небылицъ, подобно обычнымъ московскимъ свахамъ. Они пышными метафорами объ охотящемся за куницею князѣ рекомендуютъ жениха молодцомъ, достойного того, чтобы такіе почтенные люди, какъ они, пришли съ „святымъ” хлѣбомъ въ такой почтенный домъ и произнесли, стоя, тѣ *законные рѣчи*, которые произносились ихъ дѣдами, прадѣдами и далѣе – до отдаленнѣйшей старины.

Если бы Гоголь зналъ демократическую Украину, какъ знаемъ ея „мы, прѣемники Гоголя въ самопознаніи”, то онъ не заставилъ-бы конокрада цыгана быть посредникомъ между Голопупенковымъ сыномъ и Солопиемъ, онъ содрогнулся бы за своего парубка, когда этотъ бродяга сказалъ ему: „мы заставимъ Черевика отдать *намъ* Параску!” его сердцу было бы больно, что свѣжая сельская красавица, убранная свѣжими, какъ она сама, цвѣтами и лентами, будетъ отдана жениху руками, запятнанными воровствомъ, а пожалуй и челоуѣкоубійствомъ. Самъ же онъ говоритъ: „Человѣкъ, взглянувшій на него (на цыгана), уже готовъ былъ сознаться, что въ этой чудной душѣ кипятъ достоинства великіе, но которымъ одна только награда есть на землѣ – висѣлица”. Но парубокъ, взглянувъ на цыгана – не только не почувствовалъ къ нему естественного, въ его сельской простотѣ, отвращенія, напротивъ, тотчасъ заключилъ съ нимъ унизительную для себя сдѣлку, оскорбляющую чувство читателя. Это не украинскій парубокъ: это – петербургскій *мазурикъ* въ нашей честной украинской свитѣ, точно такъ какъ Хивря – не украинская баба, а московская горожанка, и притомъ самая распутная, самая грубая, грубая до того, что не знаетъ даже различія между ласковымъ и грубымъ словомъ, точно такъ какъ и хата съ подмостками подъ потолкомъ, на которыхъ она спрятала

поповича, – не украинская хата, а московская изба съ московскими палатами. Надобно думать, что Гоголь видалъ только снаружи хаты украинскихъ поселянь, иначе – онъ зналъ бы, что доведенная до нельзя въ нашемъ народѣ брезгливость къ нечисто приготовленной пищѣ заставляеть его содержать свои хаты въ необыкновенной чистотѣ, чему препятствовали бы въ значительной степени полаты, такъ какъ въ полатахъ заводятся неискореняемо тараканы и всякіе не очень пріятные насѣкомые. Украинская хата очень немногосложна, и потому очень чиста; все въ ней на виду; нѣтъ въ ней темныхъ угловъ, въ которыхъ сосѣдскій или хозяйскій глазъ не замѣчаетъ нечистоты. Скорѣе снаружи запустить хозяйка стѣны, въ рабочѣе время, но внутри она не можетъ сносить на стѣнѣ никакого пятна. Вообразите, какъ бы ея мучилъ видъ почернѣлыхъ и закопченныхъ полатей подъ потолкомъ, который у ней содержится въ такой же опрятности, какъ и столъ! Она каждый день стелеть на чистыхъ подмосткахъ у стѣны постель, и каждый день сворачиваетъ ея и убираетъ къ мѣсту, оставляя подмостки, называемые *поломъ*, для сидѣнія за работой и для дѣтей. Съ полатей постель сволакивать трудно; лазить на полати для приготовления постели еще труднѣе. Она должна тамъ оставаться нерушимо какъ въ берлогѣ. Словомъ, видъ полатей непріятно поражаетъ украинца въ великорусской избѣ, и не поразилъ только Гоголя, такъ какъ онъ былъ, по воспитанію, больше москаль и горожанинъ, а простонародный бытъ украинскій изображалъ только по расспросамъ и по соображенію, которого, какъ видимъ теперь и какъ увидимъ далѣе, у него часто не хватало на изображеніе самыхъ простыхъ и общеизвѣстныхъ предметовъ.

Чтобы понять, какъ благоговѣть простой поселянинъ нашъ передъ сватовствомъ, вспомните у Квитки сцену, наступившую послѣ неожиданного отказа со стороны Науму Носа. Торжественность обычая уступила на-время сильному волненью патетического момента. Но когда всѣ приступили къ Науму съ просьбою – объяснить причину непостижимого ни для кого отказа, авторъ, хорошо знавшій демократическую Украину, вдругъ возстановилъ все достоинство сватанья слѣдующимъ отвѣтомъ отца семейства: *Не той час: при такому важному ділі, какъ е сватанье, не можна всѣго говорить*. Повторяю опять мое замѣчаніе: видите, какъ величава самая простая природа вещей, если только писатель, въ ея изображеніи, возьметъ въ совокупности „всѣ мелочи, ничего не пропустивши!” Гоголь зналъ за собой большіе промахи въ изображеніи того, надъ чѣмъ всѣ смѣялись и надъ чѣмъ самъ онъ смѣялся также безопасно, какъ и читатели, но онъ смѣялся этакъ только до извѣстной поры, послѣ которой онъ, возвысясь надъ самимъ собой, становился уже на точку зрѣнія тѣхъ, которые по его словамъ, „приходили въ недоумѣніе рѣшить: какъ могли человѣку умному приходить въ голову такіе глупости!” Не даромъ написаны имъ эти слова въ томъ самомъ сочиненіи, въ которомъ онъ главнѣйшимъ условіемъ „полного воплощенія” своихъ дѣйствующихъ лицъ считалъ полное вѣдѣніе ихъ сферы дѣйствій и соображеніе всего, отъ мала до велика, безъ всякого пропуска. Въ *Сорочинской Ярмаркѣ* нѣтъ ни одного воплощенного лица, потому что Гоголь, не зная простонародной Украины,

придалъ своимъ поселянамъ рыночныя городскіе свойства и побужденія, и лишилъ ихъ всей поэзіи народнаго быта, которой полны повѣсти непризнаннаго современною ему критикою Квитки, а этимъ самымъ лишилъ ихъ поэзіи правды, поэзіи дѣйствительности. Теперь, когда настали иные требованія, указанные самимъ же Гоголемъ въ позднѣйшихъ его произведеніяхъ, – надъ его украинскими повѣстями *пырхаютъ* только такіе люди, которые, познаніи Украины, не выше столичныхъ типографскихъ наборщиковъ, а защищаетъ ихъ отъ строгой этнографической критики одинъ только г. Максимовичъ.

Какъ ничтожна сцена между двумя кумовьями, которыхъ освободилъ отъ узъ Голопупенко, и между имъ самимъ и цыганомъ (словомъ – XII глава *Сорочинской Ярмарки*)! Не одно о составляетъ здѣсь ничтожество, что украинскіе нравы оцыганены, что малороссійскіе поселяне уничтожены. Авторъ могъ найти между поселянами такіе же относительно низкіе личности, какъ его чиновники и помѣщики въ первомъ томѣ *Мертвыхъ Душъ*, но надобно изображать и самый упадокъ нравовъ такъ, чтобы въ этомъ изображеніи была поэзія дѣйствительности. У Квитки, въ повѣсти *Мертвецкій Великдень*, представлень пьянчужка, котораго колотить жинка, который неисправимъ въ своей беззаботности и пристрастія къ пьянству. Этотъ типъ очень распространенъ въ Украинѣ и вошелъ даже въ пѣсенность:

Била жінка мужика, пішла позивати.

Национальное чувство наше ни мало не оскорбляется изображеніемъ Квитки; ибо это – *мы*, въ нашемъ упадкѣ; это порокъ нашъ; этотъ выставленный великимъ писателемъ на вѣчный позоръ украинец-дрянце – *братъ нашъ*, недостойный членъ, но тѣмъ не менѣе членъ великаго нашего семейства, и какое бы большинство нашего простонародья ни подходило подъ Квиткинъ унижительный для нашей гордости типъ, мы отъ него не отречемся, – все равно какъ не отречемся отъ стиха Шевченка:

А наша правда пьяна спить!

Но отъ Гоголевыхъ украинцевъ, влюбляющихся по-солдатски и сватающихся по-цыгански, отъ Гоголевыхъ рыцарей-полковниковъ, которые позволяютъ себя тузить бурсаку сыну „такъ, что хоть бы и не пробовать”, мы рѣшительно отречаемся. Можетъ быть, и есть на свѣтѣ такая нація, которая назоветъ ихъ своими кровными типами, но *мы*, всѣ тѣ, кто въ настоящее время имѣетъ драгоцѣнное право называть себя украинцемъ, объявляемъ всѣмъ вообще, кому о томъ вѣдать надлежитъ, что разобранные и упомянутые мною типы Гоголевскихъ повѣстей – не наши народныя типы, что хотя въ нихъ кое-что и взято съ натуры или угадано великимъ талантомъ, но въ главнѣйшихъ своихъ чертахъ они чувствуютъ, судятъ и дѣйствуютъ не по-украински, и что поэтому, при всемъ уваженіи нашемъ къ таланту Гоголя, мы признать ихъ

земляками не можемъ. Есть у Гоголя прекрасныя страницы объ Украинѣ, возстановляющія значеніе нашей націи въ глазахъ нашихъ соплеменниковъ. Есть у Гоголя художественныя изображенія челоѣческаго ничтожества въ образѣ украинцевъ, изображенія, которые мы сами готовы выставять „на всенародныя очи“, да возгнушается каждый тѣмъ, что унижаетъ насъ передъ цѣлымъ свѣтомъ. Но того, что даже и могло бы льстить народному нашему самолюбію, но что взято не изъ нашей жизни, мы признать художественно вѣрнымъ дѣйствительности не можемъ.

Гоголю, въ его повѣстяхъ изъ простонародного быта, повредило именно незнаніе простонародной Украины, именно то, что онъ не понималъ, какъ смотреть самъ на себя народъ, и разумѣлъ народъ по-барски. Онъ не подозрѣвалъ, что простолюдины, въ своей отчужденной жизни, сохранили, въ своихъ нравахъ, обычаяхъ, преданіяхъ и чувствахъ, тѣ первообразы національнаго характера, которыхъ напрасно онъ искалъ въ фамильныхъ дворянскихъ воспоминаніяхъ и даже въ самыхъ пѣсняхъ народныхъ, рассматриваемыхъ съ литературной и ученой точки зрѣнія, безъ пособія народовѣдѣнія. Онъ не подозрѣвалъ, что мужикъ, занесенный пахарскою или чумацкою пылью, мужикъ, валяющійся *по-підъ тинню*, какъ наша пьяная правда въ стихахъ Шевченка, мужикъ въ одеждѣ невѣжества и непониманія даже азбуки нашихъ книжныхъ знаній, есть не что иное, какъ старосвѣтскій кладъ, зачатый тѣмъ, кто положилъ его, на многіе годы, чтобы не дался онъ въ руки тому, кто не въ состояніи сдѣлать изъ него должного употребленія.

Всякъ изъ насъ болѣе или менѣе знакомъ съ глупыми бабьими запечными *байками* о кладахъ. Одни клады навалены камнями непомерной тяжести, и эти камни можно сдвинуть съ мѣста только двѣнадцатью черными волами отъ одной коровы. Другіе скрыты въ землѣ, подъ нашими ногами, но чтобы ихъ увидѣть, надобно провести въ бдѣніи Иванову ночь и не продремать того мгновенія, въ которое цвѣтетъ папоротникъ. Третьи являются ослѣпленнымъ гордынею нашимъ глазамъ въ видѣ невзрачнаго, заключеннаго и – извините – сопливого старичка, отъ котораго всѣ отворачиваются, не подозрѣвая, что этотъ гадкій старикашка – ходячій кладъ. Но бывали примѣры высокой поэтичности душевной, которая, высшимъ, святымъ взглядомъ на жизнь, уразумѣвала простую, очень простую истину: что этотъ отверженный всѣми дряхлый старецъ – братъ нашъ. Народъ сохранилъ о такихъ примѣрахъ воспоминаніе, или лучше сказать – передалъ намъ глубокое свое убѣжденіе въ возможности чистого, невиннаго добра на землѣ, – подъ видомъ кроткой сельской сиротки, которая, приближась безъ отвращенія къ старичку, утирала ему *хусточкой* носъ, – и вдругъ старичокъ рассыпался *скарбомъ*!

Смотрите, при какихъ трудныхъ условіяхъ, послѣ какихъ тяжкихъ усилій, при какой трезвости чувствъ и при какой святой любви къ ближнему *дается* наконецъ кладъ, скрытый отъ людей въ теченіи долгихъ лѣтъ, завѣщанный отдаленными предками отдаленнымъ потомкамъ и недоступный ни силѣ, ни мудрости тѣхъ, которые не въ надлежащее время захотѣли бы его открыть! Гоголь, при всей барскости своего дѣтскаго воспитанія, могъ такъ же, какъ и

другіе, слышать глупые бабьи запечные байки о кладахъ. Гоголь, при всемъ отчужденіи своемъ отъ народа, при всемъ удаленіи отъ непосредственного его изученія, могъ быть и былъ наведенъ на мысль, что простой народъ нашъ – какой то старосвѣтскій кладъ. Но Гоголь не прожилъ столько времени народною самобытною жизнью, чтобы дожидаться, на собственномъ хозяйствѣ, двѣнадцати черныхъ воловъ отъ одной коровы и сдвинуть съ клада камень непомятой тяжести. Гоголь, описавшій Иванову ночь по рассказамъ, лично не приносилъ жертвъ таинственному, поэтическому, убранному весенними цвѣтами, божеству сельской молодежи, чтобъ оно открыло ему бодрствующему среди всеобщего сна, то короткое мгновеніе, въ которое вспыхиваетъ и гаснетъ волшебный всеоткрывающій цвѣтъ папоротника. Гоголь, наконецъ, не бродилъ по селамъ въ такомъ видѣ и съ такой репутаціей въ народѣ, чтобы отъ него не скрывались робкіе, гонимые и вмѣстѣ презираемые, безсильные несчастливицы, и не сближался съ подобными ходячими скарбами до-того, чтобъ они рассыпались передъ нимъ всѣми своими душевными сокровищами.

Принадлежа однако жъ, по своей природѣ, къ тѣмъ избраннымъ вѣдателямъ тайнъ бытія, которыхъ нашъ поэтъ характеризовалъ стихомъ:

Тому, хто все знае, хто все чуе, –

Гоголь не могъ остановить народъ безъ допроса о его старосвѣтскихъ сокровищахъ, и въ повѣстяхъ своихъ не разъ пробовалъ дѣлать съ предполагаемыми ходячими скарбами то, что и она сельская сиротка, но онъ дѣлалъ это не въ простотѣ сердца, онъ дѣлалъ это съ висока, по-барски, а иной разъ и такъ, какъ описано у Квитки въ его повѣсти: *Отъ тобі й Скарбъ!*

Поэтическая шутка Основьяненка, какъ все истинно поэтическое, вѣрное дѣйствительности, идетъ изъ родъ и имѣеть многоразличные примѣненія. Нѣкій Хома Маслякъ слыхалъ, подобно многимъ поэтамъ, что въ народѣ являются ходячіе скарбы, и выдумалъ обогатиться безъ всякой заслуги, безъ всякого на то права; но вмѣсто обогащенія попалъ только подъ отвѣтственность передъ обществомъ. Это случилось слѣдующимъ образомъ:

„То просючи, то плачучи, протурила ёго жінка объ Середохрестті на заробітки, чи не добувь би чого къ святу, щобъ було чимъ розговітись. Потягъ Хома до слободи верстовъ за сімъ, і йде, і все свое думае: якъ би то на скарбъ наскочити, забрати ёго та тогді бь і гадки не мати! Ажъ ось, дивиться – назустрічъ иде дідусь, старенькій, маленький, горбатенький, та ще зігнувсь одъ старості, такъ мовъ при самій землі. Пика ёго не вмига, волосся розкудовчене, нісь не втертий, слина зъ рота такъ и бье, ажъ запінився, по всій бороді.

Хома зъ радощівъ самъ себе не тямить. Чувъ, що и якъ у такому ділі робити; заразъ підбігъ до дідуся, втеръ ёму нісь, обітеръ ёму ротъ, – нічого! Дідусь не розсипався, а тільки мугиче щось таке та веселенько усміхаючись, знай ёму низесенько кланяетця.

Хома думає собі: „Чому сей скарбъ та не розсипається?...Эге! знаю!” Та зъ симъ словомъ хрянь дідуся по щоці! А той – бебехъ объ землю!... Эге, та й лежить цілісінькій, и скиглить, и плаче, и стогне, и нічого не говорить. Хома думавъ, що ще трохи ёго потовкмачивъ, – принявсь лежачого шкварити. Дідусь не розсипається, а Хома ёго бебехами годує...

– „А що ти, чоловіче, робишь? За що ти нашого німого старця бьешь?” обіззався до ёго чоловікъ изъ надъулісся, та й гукнувъ на товариство...”

Вотъ обращикъ того, какъ люди, чуждые народа и его чувствъ, допрашиваютъ народъ о его старосвѣтскихъ скарбахъ. Достается отъ нихъ иногда народу, какъ тому дідусю отъ Хома Масляка, и должны они, рано или поздно, отвѣчать передъ своимъ обществомъ, какъ и Хома Маслякъ передъ своимъ.

Никакой талантъ не можетъ загладить погрѣшностей противъ коренныхъ нравовъ и обычаевъ, сохраняющихъ изъ вѣка въ вѣкъ извѣстную національность, и чѣмъ изобрѣтательнѣе, чѣмъ живѣе воображеніе незнакомаго съ простонародьемъ писателя, тѣмъ въ большіе впадетъ онъ несообразности и противорѣчія дѣйствительности. Такъ Гоголь, выдумавъ, въ *Сорочинской Ярмаркѣ*, невозможную интригу, лишилъ народный бытъ лучшихъ поэтическихъ цвѣтовъ его, оборвалъ эти цвѣты цыганскими руками, обратилъ сѣдаго отца невѣсты въ театральнаго пажа или въ ребенка, „забывающаго про всѣ дѣла свои” оттого только, что увидѣлъ дочку, танцюющую съ зеркаломъ въ рукѣ подъ собственную пѣсенку. „Когда онъ услышалъ знакомые звуки пѣсни, жилки въ немъ зашевелились; гордо подбоченившись, выступилъ онъ впередъ и пустился вприсядку” наединѣ съ дочерью! Такая сцена возможна на театральныхъ подмосткахъ; такая сцена возможна, можетъ быть, въ жизни городничего, размечтавшагося вслухъ о генеральствѣ; но въ простомъ быту украинскаго пахаря она не возможна, она дика до такой степени, что сама дочь, передъ которой отецъ пустился бы выплясывать вприсядку, убѣжала бы отъ него, какъ отъ сумасшедшаго. Этотъ вставочный случай самъ по себѣ испортилъ бы весь характеръ Солопія, какъ бы онъ ни былъ ведень натурально отъ самого начала повѣсти. Но въ *Сорочинской Ярмаркѣ* испортитъ ничего невозможно: она вся отъ начала до конца представляетъ самый краснорѣчивый аттестатъ, съ какимъ жалкимъ запасомъ знанія простонародной Украины уѣхалъ Гоголь, въ 1829 году, въ Петербургъ, откуда пріѣзжалъ къ матери мѣсяца на два, авторомъ „*Вечеровъ на Хуторѣ*”, а потомъ еще разъ, на короткое время, прославленнымъ авторомъ *Миргорода*.

Если бы этнографія въ то время, какъ нынѣ, входила въ кругъ научныхъ знаній, дающихъ право на имя просвѣщеннаго человѣка, то голосъ Полевого противъ „*Вечеровъ на Хуторѣ*” не вопіялъ бы въ пустынь: его бы поддержали другіе критики. Если бы, въ ту эпоху, Украина, въ области ученыхъ исслѣдованій и литературныхъ бесѣдъ, играла ту роль, какую играетъ въ наше время, то *Вечера на Хуторѣ* показали бы передовымъ умамъ дѣтскимъ опытомъ, и первенствующій поэтъ русскій не обратилъ бы вниманія на то, что надъ ними пырхаютъ наборщики въ типографіи.

Если бы русское читающее общество было воспитано въ духѣ родного ему славянства до такой степени, чтобы читать свободно Квитку и Шевченка, какъ ближайшихъ ему всесловянскихъ поэтовъ, то въ этихъ совершеннѣйшихъ зеркалахъ народныхъ чувствъ, народныхъ нравовъ и обычаевъ, оно увидѣло бы вопіющіе погрѣшности повѣстей Гоголя, и пожалѣло бы только, что столько воображенія потрачено на блестящіе признаки изъ несуществующаго въ дѣйствительности міра. Но читающее общество, неохраемое и невразумляемое критикою, бываетъ легковѣрно и легко мысленно до чрезвычайности. Оно въ литературѣ ищетъ забавы или, такъ называемаго, легкого чтенія, точно какъ будто великіе таланты посылаются Богомъ ему на потѣху, а не въ науку, точно какъ-будто жизнь, которую они изображаютъ, какая то игрушка, точно какъ будто, неуразумѣвъ того вполне, что было и есть въ этой жизни, можно сдѣлать хоть маленькій шагъ вперед! Украинскіе повѣсти Гоголя приняты были всѣми на-вѣру, потому что „въ его время невозможно было знать Украины больше, нежели *онъ* зналъ; мало того: не возникло даже и задачи изучить ее съ тѣхъ сторонъ, съ какихъ мы, прѣемники Гоголя въ самопознаніи, стремимся уяснить себѣ ея прошедшее и настоящее”. Голосъ Полевого заглушенъ былъ повсемѣстнымъ хвалебнымъ жужжаньемъ и журнальными толками. Вслѣдъ за *Миргородомъ* явился Квитка, подъ именемъ Основьяненко, съ своими повѣстями, точно художникъ-обличитель, и заставилъ плакать ту самую Украину, которая по-дѣтски хохотала, вмѣстѣ съ господствовавшими въ ней журналами, надъ позоромъ собственного простонародья. Вслѣдъ за Квиткою явился Шевченко уже изъ среды того простонародья, надъ которымъ потѣшался Гоголь, – и тяжело повернулись многіе сердца отъ его демократической, вмѣстѣ и суровой, и нѣжной, и саркастичной, и грозной рѣчи. Но и тутъ Гоголь, подъ прикрытіемъ лавровъ, пожатыхъ на всероссійскомъ чиновничьемъ и дворянскомъ полѣ, остался, во мнѣніи публики, все тѣмъ-же Гоголемъ, какимъ провозгласили его столичные первенствующіе критики. Правда, кругъ читателей Квитки и Шевченка былъ очень малъ, такъ какъ они повели рѣчь о Гоголевой родинѣ языкомъ этой родины, извѣстнымъ въ столицахъ больше всего по такимъ словамъ, какъ *Довгочунъ*, *Свербигузъ*, *Перерепенко* и тому подобнымъ, которые Гоголь употреблялъ, въ повѣстяхъ своихъ, не стѣсняясь, но которые крестьянину стыдно произнести въ своемъ обществѣ, понимающемъ смыслъ каждого произносимаго въ немъ слова. Правда и то, что многіе изъ украинцевъ оскорблялись не на шутку украинскими повѣстями Гоголя; но ихъ называли поклонники журнальной критики людьми отсталыми, и продолжали научать простонародную Украину по Гоголю.

Извѣстно, что огромное большинство читающаго общества въ Украинѣ составляли помѣщики, которые не могли возвыситься надъ гоголевскою точкою возрѣнія на предметъ, а любя наслажденія изящныя, увлекались картинностью его писаній природы и нѣкоторыхъ идеализированныхъ личностей, до которыхъ дойдетъ очередь въ нашей критикѣ. Естественно, что наука объ Украинѣ не могла двинуться такимъ повѣствователемъ, какъ Гоголь.

Но, по своей поэтической натурѣ, онъ первый почувялъ, что въ области его живописи кроются великіе сокровища для поэта, и не разъ подошелъ къ нимъ очень близко. Оставалось только сбросить съ глазъ повязку, наложенную на него первоначальнымъ воспитаніемъ, незнаніемъ народа и обществомъ, — сокровища были бы въ его рукахъ, и украинскія повѣсти Гоголя, въ этнографическомъ отношеніи, стали бы наравнѣ съ другими его повѣстями. Тѣмъ не менѣе, однако жъ, общество обратило глаза въ ту сторону, въ которую онъ такъ долго смотрѣлъ. Украина явилась въ воображеніи великороссіянь какимъ то блистательнымъ призракомъ, съ изумрудами, топазами, яхонтами эфирныхъ насѣкомыхъ, съ сладострастнымъ куполомъ неба, нагнувшимся надъ землею, съ подоблачными дубами, по которымъ прыщеть золото отъ ослѣпительныхъ ударовъ солнца, съ людьми веселыми, лѣнивыми и беззаботными до того, что даже выдача дочери замужъ не въ состояніи ихъ озаботить, съ комизмомъ или юморомъ, для котораго нѣтъ никакихъ предѣловъ, съ нравами, для которыхъ нѣтъ ничего останавливающего, съ исторіею, въ которой происходятъ великіе событія по случайной затѣвѣ безумца, колотящего вокругъ себя все и позволяющего колотить себя роднымъ сыновьямъ, съ воеводскими дочерями, которые забавляются бурсакомъ, пробравшимся къ нимъ въ спальню черезъ каминъ; съ чертями, которые переносятъ кузнецовъ къ императрицѣ во дворецъ, съ русалками на водѣ, переворачивающимися на спину передъ галонирующимъ по воздуху на вѣдмѣ семинаристомъ, и со множествомъ истинно смѣшныхъ и истинно поэтическихъ сценъ, которые обнаружили въ авторѣ самое блестящее литературное дарованіе, какое только являлось до тѣхъ поръ въ російской словесности. Это дарованіе само ручалось за вѣрность своей живописи, и никому не приходило въ голову, что украинскія повѣсти Гоголя не болѣе, какъ радужные грезы поэта о родинѣ, что это только отводъ нападавшего на него унынія, очень естественного на сѣверѣ въ уроженцѣ Украины.

Уныніе это обыкновенно называютъ въ украинцахъ тоской по родинѣ. Оно больше всего губило Козаковъ, работавшихъ Ладожскій каналъ по волѣ Петра Первого, какъ это мы знаемъ изъ исторіи Ладожского канала, напечатанной въ *Русскомъ Вестникѣ*. Оно гнететъ почти каждого изъ насъ до сихъ поръ на сѣверѣ, вдали отъ нашей не столь пышной, какъ описано у Гоголя, но гораздо болѣе плѣнительной, природы, вдали отъ нашего не столь комического, какъ у Гоголя, но гораздо болѣе влекущего къ себѣ народа. Оно заставляетъ нашего брата въ Петербургѣ или работать за десятерыхъ, или пустить въ ходъ то, что называется малороссійскимъ умишкой, или играть запоемъ въ карты и спустить съ рукъ всю *батьковщину*, а пожалуй и удесятерить ее. Гоголь, какъ уроженецъ Полтавской губерніи, да еще и великій природный талантъ, не могъ не чувствовать гнета этой особенной болѣзни. Онъ нашель отводъ ея въ своемъ богатомъ воображеніи и пустился писать „какъ попало, куда ни поведетъ перо”, по собственному его признанію въ *Авторской Исповѣди*, гдѣ читатель найдетъ слѣдующіе слова: „На меня находили припадки тоски, мнѣ самому необъяснимой, которая происходила, можетъ

быть, отъ моего болѣзненного состоянія. Чтобы развлекать себя самого, я придумывалъ себѣ все смѣшное, что только могъ выдумать. Выдумывалъ цѣликомъ смѣшные лица и характеры, поставляя ихъ мысленно въ самые смѣшные положенія, вовсе не заботясь о томъ, зачѣмъ это, для чего и кому выйдетъ отъ этого какая польза”.

Само собою разумѣется, что Гоголь старался развлекать себя не однимъ смѣшнымъ: фантазіи уносила его въ родные степи, онъ живо писалъ впечатлѣнія дѣтскихъ лѣтъ, онъ олицетворялъ характеры, навѣянные ему родными пѣснями; но смѣхъ, въ его украинскихъ повѣстяхъ, преобладаетъ надъ всѣми иными чувствами и объясняетъ успѣхъ ихъ больше, нежели что либо другое. Гоголь сознавалъ это сам: „Я увидѣлъ”, говоритъ онъ въ *Авторской Исповѣди*, „что въ сочиненіяхъ моихъ смѣюсь даромъ, напрасно, самъ не зная, зачѣмъ. Если смѣяться, такъ уже лучше смѣяться сильно – и надъ тѣмъ, что дѣйствительно достойно осмѣянья всеобщего”.

Гоголь, какъ талантъ первоклассный, не могъ не понимать, или лучше сказать – не чувствовалъ, что одно смѣшное да смѣшное надоѣсть читателю, и поэтому онъ вездѣ, гдѣ представлялся ему удобный случай, бралъ ноту грустную (напр., въ окончаніи *Сорочинской Ярмарки*, или повѣсти о миргородскихъ помѣщикахъ), онъ вводилъ мѣжду смѣшного величавое или трогательное; но этимъ онъ, такъ сказать, только приправлялъ свою похлебку, какъ человѣкъ со вкусомъ. Всего лучше читатель это увидитъ изъ первоначального его намѣренія, касательно *Мертвыхъ Душъ*: „Я думалъ просто, что смѣшной проэктъ, исполненіемъ котораго занять Чичиковъ, наведетъ меня самъ на разнообразныя лица и характеры; что родившаяся во мнѣ самомъ охота смѣяться создастъ сама собою множество смѣшныхъ явленій, которые я намѣренъ былъ перемѣшать съ трогательными”.

Подобная пересыпка трогательного съ смѣшнымъ довершила очарованіе, произведенное на умы читателей украинскими повѣстями Гоголя; а когда онъ выпробовалъ свое перо на Украинѣ, тѣмъ самымъ перомъ написалъ нѣсколько вещей изъ петербургской жизни съ беспощадною вѣрностію натурѣ, которая у него была передъ глазами, тогда исчезло и последнѣе сомнѣніе, что Украина не совсѣмъ похожа на его повѣсти.

Гоголь высказалъ однако жъ столько любви къ Украинѣ, сколько можетъ чувствовать поэтъ къ тому, что представляется ему въ поэтическомъ свѣтѣ. Онъ первый открылъ въ украинской старинѣ нѣчто величавое; онъ первый далъ характеру древнего казака, широкіе размѣры; онъ первый заговорилъ о поэтической сторонѣ: исчезнувшаго уже нашего прошедшего. Онъ и въ настоящемъ быту поселянъ старался угадать изящныя черты нравовъ и обычаевъ, пробивающіеся сквозь грубую кору повседневности. Но все, что онъ ни изобразилъ подъ вліяніемъ обратной стороны своего комического таланта, было помѣщено имъ въ какихъ то неопредѣленныхъ сферахъ, было представлено безъ связи съ другими предшествовавшими и послѣдовавшими явленіями, не имѣло вокругъ себя этой мелочи, которая свидѣтельствуешь, что взятое лице или явленіе дѣйствительно существовало въ такомъ видѣ и иначе

существовать не могло. Въ его украинскихъ повѣстяхъ слышится тонъ пѣсень, которые поэту, содержащему въ своей единицѣ нравственный образъ всего своего народа, открываютъ никому невѣдомыя тайны исчезнувшей жизни, но вообще читателю не расскажутъ ничего такъ, какъ рассказываетъ повѣсть: это уже дѣло вдохновенного пѣснями поэта. Онъ схвалилъ чуткимъ слухомъ только поэтической тонъ пѣсень, избралъ изъ нихъ полныя горсти очаровательныхъ въ своей дикости ароматныхъ цвѣтовъ. Онъ поставилъ между читающимъ обществомъ и Украиною радужную ткань своего воображенія и заставилъ взглянуть на Украину иными глазами, заставилъ почувствовать въ этой странѣ и въ населяющемъ ее народѣ достоинства великія, дотолѣ неподозрѣваемыя; но та же самая радужная ткань воображенія поэта не дала обществу ничего рассмотретьъ въ такой явности и полнотѣ, въ какой является у него многое, если не все, въ *Мертвыхъ Душахъ*.

Тѣмъ не менѣе, однако жъ, какъ я уже сказалъ, общество обратило глаза на Украину, и послѣ Гоголя началось многостороннѣе исследованіе и опредѣленіе этой страны, которой онъ своими повѣстями не объяснилъ, и объяснить не могъ. Онъ самъ говоритъ, что „угадывать челоуѣка могъ только тогда, когда ему представлялись самыя мельчайшія подробности его внѣшности”. Какимъ же образомъ могъ онъ угадать Тараса Бульбу, прочитавъ только Кониского да Боплана? Какимъ образомъ могъ онъ угадать украинскаго простолюдина, зная украинскій простонародный бытъ въ такой степени, какую обнаружила передъ нами *Сорочинская Ярмарка*? Сколько онъ ни собиралъ, черезъ переписку по почтѣ, народныхъ пѣсень, сколько онъ ни спрашивалъ объ Украинѣ заѣзжихъ въ Петербургъ земляковъ, онъ не могъ достигнуть такого познанія простонародной Украины, чтобы, творя въ умѣ образъ изъ старины, или изъ настоящаго, не пропустить нѣсколько подробностей; а творческой талантъ его, по собственному его опредѣленію, былъ такого свойства, что „стоило ему нѣсколько подробностей пропустить, не принять въ соображеніе – и ложь у него выступала ярче, нежели у кого другаго”. Но она выступала только для такого изощреннаго критическаго зрѣнія, какое онъ самъ имѣлъ, когда говорилъ, что „чувствовалъ что то въ родѣ отвращенія къ своему юмору, когда находилъ, что все у него выходило натянуто, насильственно, и даже то, надъ чѣмъ онъ смѣялся, становилось печально”.

Мы сами, не знавшіе еще ни Квитки, ни Шевченка, встрѣтили съ восторгомъ Вечера на Хуторѣ. Мы, будучи дѣтьми, въ эпоху появленія въ свѣтъ повѣстей Пасичника Рудого Панька, бросили для него всѣ свои книги и даже *Библіотеку для Чтенія* съ ея первыми повѣстями. Мы выучили ихъ наизусть и потѣшались Голопупенками и Перерепенками отъ всей души, а отъ фантастическихъ и печальныхъ сценъ приходили въ восторгъ и умиленіе. Но, когда попали намъ въ руки повѣсти Квитки, мы такъ же выучили ихъ наизусть; когда забрело въ Украину московское изданіе *украинскихъ народныхъ пѣсень*, мы и его приняли съ восторгомъ и выучили наизусть; когда явились, наконецъ, *объясняющіе* Украину со многихъ сторонъ стихи Шевченка, печатныя и непечатныя, мы также и стихи Шевченка, всѣ, до послѣдняго слова, выучили

наизусть. Пока происходили эти и другія, второстепенной важности, литературныя явленія, каждый изъ насъ сдѣлался человекомъ взрослымъ и началъ жить болѣе или менѣе независимымъ умомъ. И если самъ авторъ украинскихъ повѣстей могъ освободиться наконецъ отъ очарованія своего неосмысленного юмора и своей неопредѣленной фантазіи, до-того что находилъ свои поэтическія концепціи, несвязанные тѣсно съ дѣйствительностію, натянутыми и насильственными, а то, надъ чѣмъ онъ прежде смѣялся, становилось для него печальнымъ, – то что мудреного, если люди, содержащіе въ умѣ въ тысячу разъ больше противъ него памятниковъ народной поэзіи, люди, озаренные такими писателями, какъ Квитка и Шевченко, и при всемъ томъ взросшіе посреди своего народа, находятъ многія концепціи украинскихъ повѣстей Гоголя натянутыми, насильственными и грустно качаютъ головою надъ тѣмъ, что прежде ихъ смѣшило?

Я помню, съ какимъ восторгомъ мы встрѣтили Солопія въ прелестной сценѣ размечтавшейся съ зеркальцемъ въ рукахъ, Параски. Мы находили его театральнй танецъ очень умѣстнымъ и очень естественнымъ. Но теперь, когда мы въ состояніи, на мѣсто выставленной Гоголемъ куклы на пружинахъ, вообразить живую натуру, – намъ танецъ Параски съ сѣдымъ отцомъ напоминаетъ святочные столичные балаганы, гдѣ крещеный людъ коверкаетъ себя на всѣ манеры, не справляясь съ эстетическими и натуральными чувствами. Теперь для насъ былъ бы естествененъ въ танцующей дѣвушкѣ крикъ ужаса при видѣ впавшего въ безуміе отца, и неестественна плѣнительная сцена цвѣтущей молодости, насильственно сгармонированной съ старостью, у которой, не говоря уже о семейныхъ отношеніяхъ, „другія хладныя заботы, другія строгія мечты”.

Во времена оны, мы отъ души раздѣляли радость Параски, которой, въ ярмарочной квартирѣ, объявили, что пришелъ женихъ – вести ея къ вѣнцу. Но теперь ея радость для насъ такъ же противна, какъ и движенія мертвого тѣла подъ вліяніемъ гальванизма. Для незнающихъ простонародной Украины, кажется очень простымъ дѣломъ взять за руку сельскую дѣвушку и повести къ вѣнцу. Для знающихъ – это былъ бы вопіющій фактъ нарушенія обычая, передъ которыми сельская невѣста благоговѣетъ, какъ язычникъ передъ своимъ кумиромъ.

Я уже не говорю о старшихъ; я уже не говорю о *родѣ*, который былъ бы оскорбленъ до глубины души подобнымъ событіемъ и не простилъ бы никогда своего *бесчестья* обвѣнчавшейся такимъ образомъ женщинѣ. Но сама невѣста, при всей своей молодости, не согласилась бы на вѣнчанье безъ почетного конвоя своихъ сверстницъ – *дружокъ* и *свѣтилокъ*, безъ того конвоя, впереди которого несутъ свадебный *мечъ* съ пылающею на его остриѣ свѣчкою, какъ эмблему свидѣтельствуемой передъ цѣлымъ міромъ вѣрной, пылающей до гроба, любви. Сама невѣста не пошла бы подъ вѣнецъ безъ *честного* коровая, который печется, накануне вѣнчанья, съ такими торжественными, полуязыческими, очень древними пѣснями и разными изъ рода въ родъ неизмѣнными обрядами. Сама невѣста ужаснулась бы мысли – выдти въ

церковь не изъ отцовского дома, а изъ этой чужой хаты съ московскими полатями, съ которыхъ наканунѣ упаль подобравшійся къ ея мачихѣ поповичъ.

У Гоголя все это представлено очень юмористически; и кто же, поднявшійся на высоту критического воззрѣнія, не почувствуетъ невольнаго отвращенія къ подобному юмору? Кому не покажется въ этой сценѣ печальнымъ то, надъ чѣмъ онъ прежде смѣялся? Сама Хивря, кричащая: „Нѣтъ! Нѣтъ! Этого то не будетъ!” является обличительницею автора, „незнавшего простонародной Украины и изображавшего ея какъ баринъ, видящій въ мужикѣ одно смѣшное”. Пара цыганъ, держащихъ ее за руки, профанируютъ въ ея, вовсе не народномъ, типѣ весь народъ нашъ съ его священнѣйшими обычаями. Я скажу гораздо болѣе, если прибавлю, что подобнымъ образомъ поступали у насъ только нѣкоторые помѣщики, которые, вовсе не зная и не желая знать простонародной Украине, иногда среди жнивъ брали съ одной нивы парубка, а съ другой дѣвушку и заставляли ихъ быть мужемъ и женою, по экономическимъ и домашнимъ соображеніямъ. Если бы Гоголь наполнилъ свои простонародные повѣсти подобными фактами да озарилъ ихъ своимъ талантомъ, тогда бы онъ *объяснилъ* Украину. Но, безъ этого, онъ сдѣлалъ ими одно только истинно достойное дѣло: „дать новое, сильное побужденіе къ ея объясненію”, какъ сказано у меня въ осмѣянномъ *Русскою Беседою* эпилоге къ *Черной Радѣ*.

Оканчивая свою повѣсть, Гоголь говоритъ: „Странное неизъяснимое чувство овладѣло бы зрителемъ, при видѣ, какъ отъ одного удара смычкомъ музыканта въ сермяжной свиткѣ, съ длинными, закрученными усами, все обратилось, волею и неволею, къ единству и перешло въ согласіе”.

Хорошо сказано, но только противно истинѣ. На нашихъ простонародныхъ свадьбахъ нестройная, разговорившаяся и расшумѣвшаяся толпа дѣйствительно обращается къ единству и переходитъ въ согласіе отъ одного удара смычка. Но музыка тамъ повершаетъ гармонию жизни со всѣми ея варіаціями; музыка обращаетъ къ единству разнородные чувства свадебной толпы, начиная отъ молодой четы, которая, взаимнымъ влеченіемъ другъ къ другу, предъявила свои права на состоятельность, до старшихъ въ семействахъ, давшихъ, послѣ долгихъ обдумываній и совѣщаній, свое благословеніе на эту самостоятельность, и до послѣдняго посѣтителя свадьбы, свидѣтельствующаго передъ міромъ ея законность.

Простонародные свадьбы наши никогда не совершаются въ тихомолку. Объ нихъ возвѣщаетъ всему селу хоръ дружекъ, которые, сбираясь на *дівичь-вечірѣ*, ходятъ по всѣмъ улицамъ и воспѣваютъ въ поэтическихъ образахъ готовое совершиться событіе. Лишь только соберется народъ, музыка водворяетъ гармонию между нестройными голосами и обращаетъ чувства толпы къ единству. На дѣвичь-вечерѣ у бѣдныхъ людей голоса дружекъ замѣняютъ музыку, такъ какъ голоса коровайницъ замѣняли ее во время печенья Коровая. Она дѣлаетъ свое дѣло уже въ день бракосочетанія, и тогда-то оживляются звуками музыки даже тѣ, „на угрюмыхъ лицахъ которыхъ, кажется, вѣкъ не

проскальзывала улыбка”, и даже самые „старушки, на ветхихъ лицахъ которыхъ вѣяло равнодушіемъ могилы”.

Наблюдая это явленіе мимоходомъ или мимоѣздомъ, какъ наблюдаютъ помѣщики, подобные автору *Вечеровъ на Хуторѣ*, можно подумать, что оно происходитъ „отъ одного удара смычка”. Но это все равно, какъ если бы думать, что душа католика трепещетъ и стремится къ небесамъ отъ одного того, что органистъ ударилъ по клавишамъ органа. Пускай тотъ самый органистъ играетъ свою религіозную симфонію въ мастерской у того, кто дѣлаетъ органы. Набожный католикъ, проходя мимо и зная, что это только проба органа, не содрогнется душою, не перестанетъ размышлять о своихъ дѣлахъ и будетъ продолжать свой путь спокойно. Точно такъ свадьба, сыгранная внезапно, при содѣйствіи ярмарочныхъ конокрадовъ вмѣсто почетныхъ старостовъ и прочихъ представителей сельскаго общества, если бы только была возможна такая свадьба, – не произвели бы на народъ такого впечатлѣнія, какъ у Гоголя напѣвъ дочери на старика отца и ударъ смычка на толпу людей, „на угрюмыхъ лицахъ которыхъ повидимому вѣкъ не проскальзывала улыбка и вѣяло равнодушіемъ могилы.” Было-бы совершенно напротивъ. Одни развѣ цыганы-конокрады участвовали-бы въ такой свадьбѣ и удостоили-бы танцевать на ней. Честные же поселяне съ ужасомъ отхлынули-бы отъ сумасшедшихъ, которые, отвергнувъ весь законъ, затѣяли свадьбу вдали отъ своего дома, точно *жиды на смітнику*. Не понеслось бы все и не затанцевало бы, какъ у Гоголя. И тѣ самыя старушки, которыя „подплясывали у него за веселящимся народомъ, даже безъ дѣтской радости, безъ искры сочувствія, подъ вліяніемъ одного хмѣля, заставлявшего ихъ дѣлать что-то подобное человѣческому, какъ механикъ своего безжизненного автомата”, тѣ самыя старушки явились бы на такой свадьбѣ главными представительницами пораженного ужасомъ и оскорбленіемъ общества онѣ бы вдругъ ожили, точно вставшія изъ гробовъ покойницы, и предали-бы всенародно проклятію безумнаго Солопія и безумную молодую чету. Ихъ ветхія лица, на которыхъ вѣяло равнодушіе могилы, сдѣлали-бы страшное впечатлѣніе на „нового, смѣющагося, живаго человѣка”, между которымъ они бессмысленно толкаются у Гоголя. Долго новый, живой человѣкъ не забылъ-бы ихъ замогильныхъ воплей, и въ грядущія поколѣнія перешла бы какая нибудь волшебная легенда въ память ужаснаго беззаконія, совершившагося всенародно.

И вотъ вамъ впечатлѣніе, производимое на критика-этнографа тою самою молодою, смѣющейся поэзіей *Сорочинской Ярмарки*, которая во времена оны заткала радужною сѣткою передъ его глазами, дѣйствительность, и непреодолимою силою увлекала его воображеніе въ свой фантастическій причудливый миръ, невозможный на нашей почвѣ. „Не такъ ли и радость”, скажемъ словами Гоголя, „прекрасная и непостоянная гостья, улетаетъ отъ насъ (съ лѣтами), и напрасно одинокій думаетъ выразить веселье? Въ собственномъ эхѣ слышитъ уже онъ грусть и пустыню, и дико внемлетъ ему. Не такъ ли рѣзвые други бурной и вольной юности, по одиночкѣ, одинъ за другимъ, теряются по свѣту и оставляютъ наконецъ одного, стариннаго брата ихъ?”

Скучно оставленному! И тяжело, и грустно становится сердцу, и нечѣмъ помочь ему!”

Да, намъ жалко расстаться съ тѣми восторгами, какіе мы чувствовали во времена оны при чтеніи *Вечеровъ на Хуторѣ* – все равно, „какъ жалко исторгнуть изъ памяти первые игры невозвратной юности”. Но всякій возрастъ имѣетъ свои преимущества и свою замѣну того, что было безразлично-хорошо въ прежнее время. Это должно сказать какъ объ одномъ человѣкѣ, такъ и о цѣломъ обществѣ...

Кулишъ П. Обзоръ украинской словесности. Гоголь, какъ авторъ повѣстей изъ украинской жизни. Статья вторая // Основа. – 1861. – № 5 – С. 1–33.

П. Куліш

Обзоръ украинской словесности.

Гоголь, какъ авторъ повестей изъ украинской жизни

Статья третья

На сочиненія Гоголя, послѣ критикъ Бѣлинскаго, и въ особенности послѣ смерти самого Гоголя, начали смотрѣть съ суевѣрнымъ уваженіемъ. Что оно вполне заслужено, объ этомъ нѣтъ и рѣчи, но заслужено оно не повѣстями изъ украинской жизни, или, по крайней мѣрѣ, не первыми повѣстями. Прежде нежели приступимъ къ указанію недостатковъ въ Гоголевыхъ изображеніяхъ Украины, считаемъ не лишнимъ замѣтить, что покойный Бѣлинскій, при всемъ критическомъ талантѣ своемъ, – относительно Гоголя, увлекался въ грубые ошибки даже и тамъ, гдѣ отъ критика не требовалось знанія представленнаго у Гоголя народа со стороны этнографіи. Онъ, какъ и всѣ того времени люди, отдавался Гоголю на-вѣру въ томъ, чего самъ не видѣлъ и не изучилъ. Не хорошо только, что, хваля Гоголя, онъ позволялъ себѣ говорить тономъ знатока украинской жизни. Напримѣръ, по случаю выхода, въ 1842 году, *Сочиненій Гоголя*, Бѣлинскій объявилъ читателямъ *Отечественныхъ Записокъ*, что *Тарасъ Бульба*, отъ передѣлокъ автора, сдѣлался „бесконечно прекраснѣе”, тогда какъ этими передѣлками Гоголь лишилъ свою псевдо-историческую повѣсть прелести молодого, неопытнаго вдохновенія и, снявъ съ Тараса Бульбы казацкій кобенякъ, драпировалъ его плащомъ гомеровскихъ героевъ. „Поэтъ (говоритъ Бѣлинскій) чувствовалъ, что въ первомъ изданіи *Тараса Бульбы* на многое только намекнуто, и что многіе струны исторической жизни Малороссіи остались въ немъ нетронутыми. Какъ великій поэтъ и художникъ, вѣрный однажды избранной идеѣ, *пѣвецъ* Бульбы (въ томъ то и горе, что онъ съѣхалъ на гомерическую пѣснь, въ рассказѣ часто ошибочномъ, но всегда полномъ образовъ, оригинальныхъ, ни у кого не заимствованных) не прибавилъ къ своей поэмѣ ничего такого, что было бы чуждо ей (а онъ именно прибавилъ много чуждаго, вовсе негармонирующаго даже съ тѣмъ казачествомъ, до которого

могъ додуматься Гоголь, опереживая всѣхъ своихъ современников), но только развилъ многіе уже заключавшіеся въ ея основной идеѣ подробности. (Развилъ – и обнаружилъ больше прежнего незнанія исторической и этнографической почвы, на которой подвизаются его герои). Онъ исчерпалъ въ ней всю жизнь исторической Малороссіи, и въ дивномъ, художественномъ созданіи навсегда напечатлѣлъ ея духовный образ: такъ ваятель уловляетъ въ мраморѣ черты человѣка и даетъ имъ бессмертную жизнь... (Вотъ оно, журнальное оракульство!) Особенно замѣчательны (продолжаетъ Бѣлинскій, вовсе не подозревая, что впадаетъ въ грубѣйшую ошибку, въ какую когда либо впадалъ талантливый критик) подробности битвъ Малороссіянъ съ Поляками подъ городомъ Дубно (гдѣ, potabene, онѣ вовсе не происходили) и эпизодъ любви Андрея къ прекрасной Полькѣ (эпизодъ, свидѣтельствующій объ авторскомъ незнаніи вѣка, общества, нравовъ, понятій и объ неумѣннн его изображать любящихъ женщинъ вообще). Вся поэма приняла еще болѣе возвышенный тонъ, проникнулась лиризмомъ (который – прибавимъ отъ себя – и затмилъ достоинства первого ея изданія)”.

Мы привели самое слабое мѣсто изъ статей Бѣлинского о Гоголѣ, для того, чтобы разъ навсегда отвергнуть его критическій авторитетъ на судѣ современной критики, прилагаемой къ изображеніямъ украинской жизни. Бѣлинскій сдѣлалъ много, для развитія въ обществѣ здравыхъ понятій объ искусствѣ, но это вовсе не значитъ, чтобы послѣ него не осталось намъ ничего дѣлать. Напротивъ, есть цѣлыя области мыслей, или вовсе имъ нетронутые, или затуманенные условными, такъ сказать, городскими понятіями о человѣческомъ обществѣ. Къ такимъ областямъ принадлежитъ этнографія и исторія Украины, насколько она входитъ въ критическую разработку литературныхъ произведеній.

Гоголь, по собственному его сознанію, смотрѣлъ на свои первые повѣсти, какъ на легкую забаву воображенія. Естественно, что въ его время такъ смотрѣли на нихъ и читатели; а поэтому самому и рецензенты его, отъ Сомова до Бѣлинского, не могли смотрѣть на нихъ иначе. Бѣлинскій, впрочемъ, искалъ въ нихъ художественности какъ насущной пищи развивающагося общества; но понятія о самой художественности этихъ повѣстей имѣли у Бѣлинского не тѣ основанія, какихъ ищеть въ нихъ – и не находятъ – современный намъ читатель. Развернемъ, на примѣръ, *Ночь наканунѣ Ивана Купала*, и спросимъ другъ друга: для чего нужна обществу эта повѣсть? Какое употребленіе можетъ сдѣлать изъ нея живой, дѣятельный умъ, который никогда не тратитъ своего времени и вниманія попусту? На этотъ вопросъ безусловные почитатели Гоголя, намъ кажется, скорѣе всего могутъ отвѣчать: что *Ночь наканунѣ Ивана Купала* вноситъ въ общественный капиталъ понятій о жизни живописные черты времени, исчезнувшего незамѣтно для общества, – характеръ мѣстности, для него неизвестной, или извѣстной мало, – картину нравовъ и обычаевъ, оставшихся до тѣхъ поръ неизображенными, и, наконецъ, свѣжіе наблюденія надъ сердцемъ человѣческимъ, вѣчно поучительные для человѣка. Мы не допускаемъ мысли, чтобы читатель нашего времени дѣлалъ изъ чтенія пустую

забаву и воображалъ такихъ людей, какъ Гоголь, посланными свыше – служить ему по части сваренія въ желудкѣ. Было такое время, да прошло, или быстро проходить. Поэтому, обращая свою рѣчь къ читателямъ, глядящимъ на дѣло литературы, какъ на повершеніе всѣхъ человѣческихъ дѣлъ, какъ на самое вѣрное и самое прочное достояніе нашего потомства, мы станемъ рассматривать, какъ упомянутую, такъ и другіе повѣсти Гоголя изъ украинской жизни, по отношенію ихъ художественности ко времени, мѣстности, нравамъ и обычаямъ, которые Гоголь взялъ на себя представить въ осязательной ясности (какъ это и должно быть задачею каждого повѣствованія), и наконецъ – по отношенію къ человѣческой натурѣ, выражающейся во всѣхъ этихъ формулахъ.

Сперва нужно опредѣлить: къ какому именно времени относится *Вечеръ наканунѣ Ивана Купала*?

Гоголь начинаетъ свой рассказъ такъ:

„Лѣтъ болѣе чѣмъ за сто (говорилъ покойникъ дѣдъ мой) – нашего села и не узналъ бы никто”.

Выходитъ, что дѣло происходитъ во времена Анны Іоанновны, или въ послѣдніе годы царствованія Петра Первого. Какъ бы это было интересно, если бы Гоголь освѣтилъ своею повѣстью, хотя слегка, эту темную для насъ область, этотъ страшный періодъ времени, нового для Украины во многихъ отношеніяхъ, когда въ ней начало заводиться между казаками дворянство, подражавшее изо всѣхъ силъ пересозданному Петромъ великорусскому обществу, когда казаки начали терять свою солидарность, какъ самоправная корпорація, долго представлявшая собою народъ украинскій и сообщившая всему населенію Украины извѣстный характеръ, и когда крѣпосное право, такъ сказать, *наклюнулось* въ яичкахъ, которая положили петровскіе Нѣмцы въ навозные кучи, оставшіеся по всей Украинѣ отъ польской шляхты, въ видѣ ни на что живое негодныхъ старшинъ казацкихъ!

Мы, конечно, не имѣемъ права требовать отъ автора, чтобъ онъ, въ своей повѣсти, изобразилъ намъ извѣстное время такъ, а не иначе, да и вообще мы должны рассматривать только то, что авторъ намъ даетъ, а не задавать ему задачъ, которыхъ онъ, можетъ быть, никогда не захочетъ выполнять. Но, говоря объ авторѣ, сошедшемъ съ поприща жизни, мы вправѣ обратить его недостатки въ собственное назиданіе.

Писать въ видѣ повѣсти исторію извѣстного времени можно различными способами. Можно, вовсе не трогая историческихъ фактовъ и лицъ, изобразить данную эпоху такъ, что повѣсть выйдетъ строго историческою. Можно прикасаться къ извѣстному вѣку слегка, мимоходомъ, такъ что только самый опытный читатель уловитъ осязательную точку соприкосновенія свободного вымысла съ историческою дѣйствительностью. Но, во всякомъ случаѣ, отъ автора требуется, чтобы повѣсть была проникнута воздухомъ того времени, къ которому относится. Этого мы не видимъ, не чувствуемъ въ *Вечеръ наканунѣ Ивана Купала*. Повѣсть эта, отнесенная авторомъ ко временамъ петровскимъ или анненкинскимъ, можетъ безразлично быть отнесена къ какой угодно эпохѣ,

начиная съ польского владычества до временъ жизни самого автора. Въ ней всего захвачено понемножку, какъ это часто бываетъ у авторовъ, знающихъ исторію своего народа только по нѣсколькимъ случайно прочитаннымъ книгамъ. Вотъ, напримѣръ, черта, отбрасывающая повѣсть Гоголя, Богъ знаетъ въ какую старину, – пожалуй хоть во времена Наливайка:

„... нашего села и не узналъ бы никто: хуторъ, самый бѣдный хуторъ! Избеночъ десять, необмазанныхъ, неукрытыхъ, торчало, то сямъ, то тамъ посреди поля. Ни плетня, ни сарая порядочного, гдѣ бы поставить скотину, или возъ. Это еще богачи такъ жили; а посмотрѣли бы на нашу братью, на голь: вырытая въ землѣ яма – вотъ вамъ и хата! Только по дыму и можно было узнать, что живетъ тамъ человѣкъ божій. Вы спросите: отчего они жили так? Бѣдность, не бѣдность: тогда казаковаль почти всякій и набираль въ чужихъ земляхъ не мало добра; а больше оттого, что не зачѣмъ было заводиться порядочною хатою. Какого народа тогда не шаталось по всѣмъ мѣстамъ! Крымцы, Ляхи, Литвинство! Бывало то, что и свои наѣдутъ кучами и обдирають своихъ же. Всего бывало!”

Настроивъ такимъ образомъ воображеніе наше къ соцерзанію давно прошедшего, темного для насъ времени, авторъ описываетъ, въ общихъ чертахъ, лицо, которое не переноситъ насъ ни въ какую опредѣленную эпоху и является какимъ то неопредѣленнымъ, необъяснимымъ призракомъ. Можно бы прямо начать повѣсть съ описанія характера Басаврюка, вовсе не упоминая о Крымцахъ, Ляхахъ и Литвинствѣ, которые, держа Украину нашу въ вѣчномъ ожиданіи опасности, выковывали такихъ пограничныхъ феодаловъ, какъ Іеремія Вишневецкій, но вовсе не воплощенныхъ чертей-соблазнительей, какимъ является у Гоголя Басаврюкъ. Личность эта, представленная въ томъ свѣтѣ, въ какомъ являлась она суевѣрному воображенію хуторскихъ расказчиковъ, могла бы быть изображена авторомъ посреди какой угодно обстановки и въ какое угодно время. Но лишь только онъ предпослалъ своему рассказу картину данного времени, – мы вправѣ ожидать отъ его рассказа живописи той, а не другой, эпохи.

Для насъ не бесполезно замѣтить у Гоголя эту погрѣшность противъ искусства, потому что и наши, собственно такъ называемые украинскіе писатели впадаютъ иногда въ подобные ошибки. Приступая къ повѣсти, они не рѣдко забываютъ, что всякая проведенная ими въ началѣ черта должна имѣть органическую связь съ дальнѣйшимъ рассказомъ: иначе – въ воображеніи читателя происходитъ хаосъ, который оставляетъ впечатлѣніе какого то насилія, сдѣланного авторомъ благороднѣйшей части нашего ума. Напримѣръ, Марко Вовчокъ, въ *Трехъ Доляхъ*, прежде всего описываетъ уединенные пещеры въ меловой горѣ, которые какая то отшельница рыла въ теченіи сорока лѣтъ. Это описаніе, сдѣланное съ особенною, усиленною выразительностію, кладетъ въ воображеніи читателя подмалевокъ повѣсти и, при большей внимательности къ предмету, имѣло бы для нея существенное значеніе. Но Марко Вовчокъ оставляетъ свою картину и остановившегося надъ нею читателя, во вредъ послѣдовательности впечатлѣній, которые произведены имъ

въ нашемъ воображеніи, и уже подь конецъ повѣсти обращается опять къ пещерѣ въ меловой горѣ, которая тутъ всего лучше и могла бы быть описана.

Гоголя нельзя упрекнуть въ подобной небрежности. Онъ дѣлалъ большіе промахи въ первыхъ своихъ повѣстяхъ, но все, что онъ писалъ впоследствии, было обработаннѣе первыхъ его опытовъ. Даже *Ночь наканунѣ Ивана Купала* лучше *Сорочинской Ярмарки* тѣмъ, что въ ней нѣтъ такихъ грубыхъ ошибокъ противъ украинскихъ нравовъ, какія указаны нами въ разборѣ первой его повѣсти.

Рассматривая вторую повѣсть Гоголя подь условіемъ раскрытія передь нами чего то нового для насъ, подь условіемъ внесенія въ умственный капиталъ нашъ ясныхъ понятій о томъ, чего мы до тѣхъ поръ не понимали, мы въ ней находимъ невѣрное изображеніе времени, къ которому она отнесена авторомъ, и даже въ самомъ опредѣленіи эпохи дѣйствія – грубую смѣсь разнородныхъ моментовъ украинской жизни. Это производитъ такое впечатлѣніе, что автору не вѣришь далѣе ни въ одномъ словѣ, видишь въ немъ молодого говоруна (какимъ онъ и былъ тогда въ самомъ дѣлѣ), но вовсе не художника, уважающего не эффектъ, а истинность въ словесной живописи. Въ самомъ дѣлѣ, Гоголь, вовсе не у мѣста, побрякиваетъ такими словами, какъ Запорожье, муки въ плѣну у Турокъ, турецкая сабля, и прочь. Въ его картинѣ все это похоже на позолоту, употребляемую малярами тамъ, гдѣ нужно бы было выразить красками блескъ золота. Таковъ же почти и весь его рассказъ о красотѣ и горѣ влюбленной четы. Повѣсть свою вкладываетъ онъ въ уста балагура-дьячка. Силою таланта, который въ дѣтствѣ, очевидно, находилъ себѣ пищу въ рассказахъ окружавшей его прислуги, гостей-говорунуовъ и, можетъ быть, какихъ-нибудь стариков-пасичниковъ, Гоголь часто возвышался до живой простоты рѣчи, которая, въ устахъ простолюдина, для своей убѣдительности, довольствуется практическимъ и, такъ сказать, эгоистическимъ прикосновеніемъ къ жизни, и прибѣгаетъ къ украшеніямъ поэтическимъ только въ порывахъ страсти; но тутъ же рядомъ, безъ всякой надобности, рассыпаетъ передь вами такъ называемые мѣстные краски. Людямъ, видящимъ и любящимъ народъ только на театральныхъ подмосткахъ, это нравилось во времена Гоголя и нравится въ немъ до сихъ поръ; но на человѣка, который знаетъ простолюдина не по книгамъ и спектаклямъ, это производитъ такое впечатлѣніе, какъ если бы поселяне являлись передь нимъ вѣчно въ праздничныхъ нарядахъ, съ праздничнымъ разгульемъ, играми, танцами, пѣснями.

Грустно какъ то, съ нынѣшнимъ нашимъ взглядомъ на простолюдина, читать рассказы Гоголя изъ простонародной жизни. Даже любовь его къ поселянамъ теперь уже не можетъ нравиться. Онъ обращается съ ними въ своихъ повѣстяхъ – и конечно вовсе безъ умысла – такъ, какъ обращался во времена оны владѣтель душъ, который, когда, бывало, заѣдешь къ нему въ качествѣ путешественника по Украинѣ, велитъ одному-другому изъ рабочихъ оставить панщину, пріодѣться почище и позабавить гостя пѣснями или танцами. Положеніе гостя въ этомъ случаѣ самое тягостное. Не стать же читать

любезному, обязательному хозяину проповѣдь о томъ, что такое человѣкъ; не броситься же ему на шею униженнымъ братьямъ, прося прощенія за человѣка одного съ собою званія. Ни тотъ, ни другіе не поняли бы его чувствъ. Остается молча наслаждаться заказными танцами и пѣснями. Такъ точно, лѣтъ десятокъ другой назадъ, дико показалось бы многимъ, если не всѣмъ, когда бы кто вздумалъ отвергнуть истинность въ украинскихъ поселянахъ Гоголя и оскорбился бы ихъ изображеніями во глубинѣ души своей.

У Гоголя только и рѣчи, что о полненькихъ щекахъ казачки, которые были свѣжи и ярки, какъ макъ самого тонкого розоваго цвѣта, о ротикѣ, который „кажись, на то и созданъ былъ, чтобъ выводить соловьиныя пѣсни”, о поцѣлуяхъ, которые молодежь неосторожно влѣпливаетъ другъ другу. Все это слишкомъ сильно отзывается плохими театрами прежнего времени; это немного лучше бѣлилъ, румянь и заманчивыхъ сценическихъ случайностей; а гдѣ же самая жизнь? Гдѣ та воздѣлываемая въ потѣ лица почва, на которой только изрѣдка вырастаютъ цвѣты красоты ненаглядной и поэтической любви? Ея нѣтъ въ рассказѣ Гоголя. У него все заготовлено только на праздникъ, на выставку. Позабавятся зрители, опустится занавѣсъ, а что и какъ дѣлается потомъ, до этого не додумывался Гоголь, будучи авторомъ украинскихъ повѣстей. Додумался онъ до многого прозаически грубого только въ тотъ періодъ жизни, когда бросилъ мало извѣстную ему сферу творчества и взялся за сферу, слишкомъ хорошо ему извѣстную. Тогда у него явилась и настоящая поэзія, поэзія жизни, хотя онъ чаще говорилъ о фризовыхъ шинеляхъ, чѣмъ о полненькихъ щекахъ; а въ украинскихъ повѣстяхъ изъ простонародного быта у него на каждомъ шагу встрѣчаешь или эффектацію, или карикатуру. Жизнь и ея поэзія пробиваются у него здѣсь, сквозь театральность и искусственность, только какъ-бы случайно, какъ-будто мимо вѣдома самого автора.

Между тѣмъ, такова была сила изобразительности у Гоголя, что, создавая украинское простонародье по нѣсколькимъ плохимъ и плохо ему извѣстнымъ обрачкамъ его, онъ придавалъ ему столько выразительности, столько движенія, что на его картины, какъ на Рубенсовскіе уклоненія отъ природы, до сихъ поръ невольно заглядываешься. Очень естественно было восхищаться имъ безусловно въ то время, когда самъ Пушкинъ долженъ былъ показывать видъ, что литературой занимается только для забавы. Я хочу сказать, что въ эпоху появленія *Вечеровъ на Хуторѣ* отъ писателя требовалось только пріятно и, если можно, изящно занять, увлечь общество, а какъ онъ это сдѣлаетъ относительно самого предмета повѣсти и какое будетъ пріобрѣтеніе отъ чтенія – вопросъ объ этомъ показался бы страннымъ тогда огромному большинству читателей и самихъ критиковъ. Художественность или, что одно и то же, истинность изображеній понимали, знали, видѣли и цѣнили у себя только сами поэты, дѣлаясь строже и строже сами къ себѣ, какъ это въ особенности замѣтно изъ напечатанныхъ Пушкинымъ сочиненій и найденныхъ у него, по его смерти, рукописей. Публика и ея критическіе представители видѣли иногда упадокъ въ томъ, что было глубоко истинно, и потому просто, какъ въ натурѣ.

Гоголь имѣлъ передъ глазами великій образецъ самосовершенствованія въ Пушкинѣ и воспользовался имъ, съ геніальною воспріимчивостью, въ повѣстяхъ изъ хорошо извѣстнаго ему міра; но міръ простонародный до конца былъ для него закрытъ и нѣмъ. Поэзія простонародной жизни сказывалась ему только сквозь народную пѣсню, да и пѣсню изучилъ онъ далеко не вполнѣ. Отъ этого любовники-простолюдины почти всегда объясняются у него такъ, какъ будто поютъ, а иногда и просто-напросто – словами извѣстныхъ каждому пѣсень. Напримѣръ: „Ивасю мой милый, Ивасю мой любый! Бѣги къ Петрусю, мое золотое дитя, какъ стрѣла изъ лука; Расскажи ему все: любила бѣ его каріе очи, цѣловала бы его бѣлое личико, да не велить судьба моя”, и т.д.

Тотчасъ видно, что авторъ не слышалъ собственными ушами, какъ говорить любящая поселянка-Украинка; онъ только слышалъ, какъ она поет.

Дивно поэтическимъ народомъ показались его современникамъ наши простолюдины, по нѣсколькимъ сценамъ изъ ихъ быта, которые онъ написалъ не по вдохновенію глубокого уразумѣнія своего предмета, а сочинилъ механически, обращая, какъ дѣлаютъ компиляторы, стихи народныхъ пѣсень украинскихъ въ великорусскую прозу. „Воронъ черный прокрячетъ, вмѣсто попа, надо мною (говорить у него влюбленный парубок), гладкое поле будетъ моя хата; сизая туча – моя крыша; орелъ выклюетъ мои карія очи; вымоютъ дожди казацкія косточки, и выхоръ высушитъ ихъ”.

На нашъ вкусъ, въ рассказѣ дьячка, – это холодная, натянутая реторика, а не поэзія; для нашего чувства это – мертвые слова, произносимые автоматомъ, – диссонансъ въ общемъ тонѣ рассказа; но, во времена оны, многіе, если не всѣ, думали, что наши дѣвчата и парубки именно такою декламаціею выражаютъ свои глубокія чувства, а говорливые дьячки, именно такимъ тономъ и складомъ, ведутъ рассказъ въ кругу хуторскихъ гостей пасичника.

Мы надѣемся, что изъ этихъ указаній читатель увидитъ, что Гоголь, и относительно мѣстныхъ, національныхъ или народныхъ сторонъ жизни, оказывается для насъ повѣствователемъ, не только не вносящимъ въ область нашихъ понятій ничего прежде намъ неизвѣстнаго, напротивъ – кажетъ намъ народъ украинскій сквозь какое-то розовое стекло.

Онъ не понимаетъ народа, въ его поэтической повседневности, и потому считаетъ необходимымъ набѣлнить, нарумянить его, нарядить по праздничному и вложить ему въ уста перифразированную пѣсню. Это отзывается тѣмъ временемъ, когда французскіе литераторы считали неприличнымъ показать своей публикѣ Шекспира такимъ, каковъ онъ есть, и очень усердно брили его, пудрили и надушали, въ своихъ переводахъ и передѣлкахъ. Ясно, что они не понимали его, какъ не понималъ Гоголь украинскаго простолюдина, этого единственнаго роднаго, кровнаго чада поэтической исторіи Украины. Поэтому, кто бы захотѣлъ по Гоголю изучать Украину со стороны этнографической, тотъ, вмѣсто пріобрѣтенія отъ него новыхъ понятій о великой области жизни человѣческой, рискуетъ нажить ошибочный взглядъ на самую характеристическую, если не на самую лучшую часть русскаго міра, какъ это и дѣйствительно случилось со многими. Мнѣ попадались очень умные люди,

которые слышать не хотятъ объ иной Украинѣ, кромѣ Гоголевской, тогда какъ Гоголевская Украина въ натурѣ не существуетъ. Одинъ господинъ, очень не глѣпый въ томъ, что онъ изучалъ непосредственно, простеръ свою ревность къ авторитету Гоголя до того, что сказала разгорячася, въ присутствіи многихъ слушателей: „Я, пожалуй, съ вами соглашусь, что Украина не такова на самомъ дѣлѣ, какую изобразилъ ея Гоголь; но онъ, какъ гениальный писатель, изобразилъ ея такою, какую она должна быть и, конечно, будетъ”. Такъ велика потребность истинности въ литературныхъ произведеніяхъ для каждого живого читателя! Такъ тяжело убѣдиться каждому, что любимый писатель не принесъ намъ той пользы, какую должно приносить намъ всякое разумное дѣло, и всего больше – дѣло литературы!

Что касается до нравовъ и обычаевъ, изображенныхъ въ *Вечеръ наканунѣ Ивана Купала*, то, послѣ всего нами сказанного, нельзя и ожидать, чтобы они были изображены мастерски, т.е. съ глубокимъ уразумѣніемъ смысла каждого такого явленія, какъ отеческій деспотизмъ, или злодѣйства, совмѣщающіеся въ одной и той же душѣ съ любовью, или какой нибудь таинственный, странный обрядъ и т.п. Все это представлено у Гоголя въ видѣ какой то номенклатуры, бросается въ глаза яркою пестротой, точно на ярмаркѣ или въ кукольной комедіи; но когда вы остановитесь надъ какимъ нибудь поразившимъ васъ предметомъ, вы никакъ не отыщете органической связи его съ другими, и чѣмъ вы будете внимательнѣе къ рассказчику, тѣмъ менѣе онъ васъ удовлетворитъ. Для размышляющего читателя это всего интереснѣе замѣчать у Гоголя – у того Гоголя, который, въ послѣдствіи, началъ такъ полно обнимать каждое явленіе жизни, такъ убѣдительно изображать намъ его практическую сущность, посредствомъ самой увлекательной живописи.

Въ повѣсти *Вечеръ наканунѣ Ивана Купала*, всѣ лица написаны тою эскизною манерою, по которой знатокъ тотчасъ видитъ, что, если бы живописецъ захотѣлъ посидѣть надъ своей картиной и, что называется, докончить ѣе, то онъ прибавилъ бы къ ней только вялость рисунка и мутность колорита. Совсѣмъ иное впечатлѣніе производятъ наброски Пушкина, оставшіеся въ его бумагахъ: каждая черта въ нихъ намекаетъ на богатство знанія или, лучше сказать, разумѣнія художническаго въ томъ, о чемъ онъ хочетъ съ нами бесѣдовать, и, подъ цѣльными красками, подъ играющими неопредѣленно линиями рисунка, вы ужъ видите у него прочную органическую связь, видите талантливое построеніе пьесы, которое само по себѣ настраиваетъ вашу душу поэтически.

У Гоголя, Коржъ, его дочь красавица, ея любовникъ и потомъ мужъ Петро, колдунъ и колдунья, – всѣ эти лица представляются намъ неясно, потому что намалеваны безъ строгого рисунка, хорошо обдуманного и проверѣннаго на натурѣ. Они принадлежатъ къ украинскому народонаселенію только по своимъ нарядамъ и фразамъ, выхваченнымъ то изъ украинской пѣсни, то изъ украинской бесѣды, въ видѣ чего то лучшенького, достойнаго вниманія публики по своей оригинальности. Но, если бы ихъ перерядить въ другую одежду, да исключить изъ ихъ рѣчи такіе слова, какъ *хата*, *оселедецъ*,

рушникъ, кобза, то всѣ мы призадумались бы, что это за народ: Испанцы, Греки, Молдоване, Сербы или Поляки? Нѣтъ, Гоголь, впоследствии, началъ намъ представлять народность, не со стороны одежды и поговорокъ, какъ дѣлывала вся честная братія наша, во времена *Юрія Милославскаго*: онъ отыскалъ въ русскомъ человѣкѣ такое, чего не имѣетъ никто изъ всѣхъ его сосѣдей, и выведенныхъ имъ, въ его повѣстяхъ, русскихъ людей угадалъ бы каждый даже въ аду, гдѣ, какъ извѣстно, будетъ намъ не до условій общежитія.

Не проникнувъ въ характеръ времени, къ которому повѣсть относиться, упустивъ изъ виду этнографію и все, что отъ нѣе зависитъ, не выразивъ индивидуальности дѣйствующихъ лицъ, Гоголь по этому самому не могъ добраться и до сердца человѣческаго. Лица, дѣйствующія у него, при какихъ то неопредѣленныхъ общественныхъ обстоятельствахъ, среди искусственной обстановки, напоминающей дѣтскій театръ, лица, носящіе свои имена только въ видѣ кличекъ, но похожія на тысячи другихъ людей съ тѣми самыми или иными именами. Не говорятъ ничего нашей душѣ, живутъ, такъ сказать, жизнью куколъ, которые движется передъ нашими глазами и исполняютъ свои роли болѣе или менѣе удачно, но когда закроется ящикъ, составляющій ихъ тѣсный и убогій міръ, между ними и нами остается одно воспоминаніе, что мы ихъ видѣли; въ душѣ нашей не прибавили они ничего и даже ничего не тронули. Поэтому повѣсть *Вечеръ наканунѣ Ивана Купала* мы относимъ къ бесполезнымъ произведеніямъ фантазіи, безъ которыхъ общество могло бы обойтись точно такъ же, какъ и безъ мыльныхъ пузырей. Если она не позабыта нами совсѣмъ и не выброшена изъ нашихъ библіотекъ, то единственно потому, что написана перомъ, которымъ написанъ *Невскій Проспектъ*, *Шинель* и другія истинно художественные произведенія Гоголя. Напечатанная въ одномъ съ ними собраніи, она приноситъ намъ пользу отрицательную, – именно ту, что на нѣе мы можемъ указывать, какъ на дѣтское маранье неопытного въ искусствѣ гения, для котораго, въ его великомъ дѣлѣ, точно такъ необходима наука самосовершенствованія, какъ и для людей обыкновенныхъ – въ ихъ малыхъ дѣлахъ.

При жалкомъ состояніи тогдашней исторической науки вообще и исторіи Украины въ особенности, при совершенномъ отсутствіи народоизученія, которое и въ наше время находится въ дѣтскомъ состояніи, наконецъ при ничтожествѣ эстетическаго образованія въ тогдашнихъ учебныхъ заведеніяхъ и въ самомъ обществѣ, доступномъ Гоголю, онъ ни коимъ образомъ не могъ начать литературную свою дѣятельность съ чего-нибудь болѣе цѣннаго, какъ *Сорочинская Ярмарка* и *Вечеръ наканунѣ Ивана Купала*; но посмотрите, какъ онъ идетъ впередъ почти съ каждою новою повѣстью и прокладываетъ себѣ вѣрную дорогу, среди всѣхъ препятствій, каковы: слѣпая критика, тупое пониманіе его таланта, со стороны большинства читателей, и, что всего опаснѣе, неумѣренные похвалы его друзей и почитателей. Вотъ почему, стоитъ не только имѣть у себя на полкѣ, но и читать первые повѣсти Гоголя, и въ особенности молодымъ писателямъ, озареннымъ уже новыми понятіями объ искусстве, наученнымъ искусству самимъ же Гоголемъ, то есть его

последними, зрѣлыми произведеніями. Талантъ въ этихъ повѣстяхъ виденъ повсюду (и именно – во всемъ, что Гоголь *зналъ*, на что онъ смотрѣлъ собственными глазами), но этотъ талантъ бродитъ въ потемкахъ, и потому возбуждаетъ въ знатокѣ участіе, подобное тому, съ какимъ человекъ сформировавшійся слѣдитъ за жизнью молодого человека, возбуждающаго великія ожиданія. Гоголь эти ожиданія оправдалъ, и оправдалъ блистательно.

Кулишъ П. Обзоръ украинской словесности. Гоголь, какъ авторъ повѣстей изъ украинской жизни. Статья третья // Основа. – 1861. – № 9 – С. 56–68.

П. Куліш

Обзоръ украинской словесности.

Гоголь, какъ авторъ повестей изъ украинской жизни

Статья четвертая

Въ повѣсти *Майская Ночь или Утопленница*, Гоголь является попеременно то великимъ живописцемъ того, что онъ видѣлъ, или могъ живо себѣ представить, то фальшивымъ рассказчикомъ о томъ, чего никакъ не возможно вообразить безъ предварительнаго изученія. Блистательны у него описанія природы украинской, хороши небольшія сцены, которыхъ свидѣтелемъ не трудно быть въ Украинѣ; но все, что относится къ чувствамъ, обыкновенно таимымъ въ душѣ каждого, къ чертамъ характера внутреннимъ, а также къ нравамъ и обычаямъ народнымъ, – все это такъ слабо, сбивчиво и даже вовсе невѣрно, какъ всегда бываетъ у писателей, болѣе воображающихъ дѣйствительность жизни, чѣмъ ее знающихъ. Пройдемъ по всей повѣсти, съ начала до конца.

Вторая и третья строки ея обнаруживаютъ, что Гоголю были извѣстны ночные забавы сельской молодежи только по наслышкѣ. Онъ говоритъ, что „утомленные дневными трудами и заботами парубки и дѣвушки собирались въ кружокъ, въ блескѣ чистого вечера.” Если бы онъ умолчалъ хоть о дневныхъ трудахъ, то можно было бы еще подумать, что дѣло происходитъ въ праздничный день. Въ будни же „блескомъ чистого вечера” пользуются наши поселяне, чтобы окончить заботы о домашнемъ скотѣ и приготовить вечеръ для трудившейся цѣлый день семьи. Последній отсвѣтъ дня на небѣ служитъ имъ вмѣсто лампы за вечерою, какъ изображено и въ одномъ изъ стихотвореній Шевченка:

Сімя вечера коло хати,
Вечіря зіронька встає.

Уличные пѣсни начинаются только тогда ужъ, какъ все старое и малое, все степенное и удержанное дома заботами о дѣтяхъ, уляжется спать. Вотъ почему у Шевченка, въ томъ же стихотвореніи, говорится:

Затихло все, – тільки дівчата
Та соловейко не затихъ.

У Гоголя, напротивъ, читаем: „Уже и сумерки, а пѣсни всё не утихали”. Да онѣ едва начинаются въ сумерки! Серенада же въ сумерки, передъ дверью хаты, въ которой живетъ *кохана дівчина*, какъ представлено у Гоголя, не возможна, потому что родители вообще съ неудовольствіемъ смотрятъ на уличные ночные забавы дочерей, а тутъ вызовъ дочери на тайное свиданіе былъ бы слишкомъ для нихъ явнѣнъ. Какъ бы ни были они сами по себѣ поблажливы, да побоялись бы за добрую славу дочери-невѣсты со стороны сосѣдей. Поэтому-то, въ народной пѣснѣ, о влюбленномъ парубкѣ поется такъ:

До віконця припадае,
Стиха промовляє:
„Вийди, вийди, дівчинонько,
Зъ рубленої хати:
Теперь нічка темненькая –
Не знатиме мати.”

Гоголь построилъ свою любовную сцену въ пѣснѣ:

Сонце низенько,
Вечір близенько,
Вийди до мене,
Мое серденько,

которую и вложилъ въ уста парубка-бандуриста; но, не зная, какъ именно это дѣлается у поселянъ, онѣ не понялъ, что здѣсь говорится о близости вечера въ томъ смыслѣ, что, когда вечеръ погаснетъ, можно будетъ любящейся четѣ повидаться безъ свидѣтелей (въ чемъ и состоитъ прелесть свиданія). Странно было бы вообразить въ виду всѣхъ поселянъ такую сцену, о какой мечтаетъ влюбленный парубокъ, нетерпѣливо слѣдящій за сидящимся ниже и ниже солнцемъ:

Ой вийди, вийди,
Не бійсь морозу:
Я твої ніженьки
Въ шапочку вложу, и пр.

Упомянутое о *морозь* должно было бы перенести воображеніе Гоголя въ ту пору года, которая особенно благоприятствуетъ ночнымъ свиданіямъ – и потому, что конечны полевые работы, и потому, что ночи тогда очень длинны; но у него молодежь тѣшится уличными забавами въ майскую ночь, а влюбленные толкуютъ въ эту пору года о близкой свадьбѣ, которая возможна для поселянъ только осенью, зимою и раннею весною, но никакъ не въ *косовицю*. Въ это время и одинъ потерянный день много значитъ въ простомъ

сельскомъ хозяйствѣ, гдѣ каждый членъ семьи долженъ работать изо всѣхъ силъ. Но положимъ, что молодежь, изъ любви къ ночнымъ удовольствіямъ, обходится самымъ кратковременнымъ сномъ, что въ самомъ дѣлѣ случается; только, не зная, какъ именно распоряжается поселянинъ лѣтнимъ временемъ, Гоголь заставляетъ волостного голову бесѣдовать у себя въ хатѣ съ винокуромъ, спустя долгое время послѣ ужина, безъ всякой экстренной надобности: это – осень, а не май, когда ужинаютъ обыкновенно при „блескѣ чистого вечера,” внѣ хаты, и ни въ одномъ окнѣ на селе не увидите ночью огня. Впечатленіе осеннего времени неумышленно усиливаетъ авторъ, упомянувъ, что свояченица головы въ это время сидѣла на лежанкѣ, поджавши подъ себя ноги. Еще большая выходитъ несообразность, когда пьяный Каленикъ, попавъ къ головѣ въ хату, воображаетъ свою жінку лежащею на печи. Поселяне лѣтомъ рѣдко спятъ и въ хатѣ, не только на печи. Но это мелочи, а вотъ черта нравовъ, обнаруживающая въ Гоголѣ рѣшительное непониманіе простонародныхъ украинскихъ нравовъ.

У него голова представленъ отъявленнымъ волокитою. Положимъ, что старикъ, у которого есть взрослые дѣти, былъ „похотливъ”, какъ поютъ о немъ въ своей пѣснѣ парубки; но такъ ли онъ выразитъ этотъ порокъ, какъ какой-нибудь отставной капитанъ или просто помѣщикъ, отецъ взрослыхъ дѣтей? Мы пропустимъ безъ вниманія, что Гоголевъ голова заглядывается на всякое смазливенькое личико, и даже то, что онъ „шатается подъ окнами молодыхъ дѣвушекъ”; но вотъ что по-истинѣ странно. Въ майскій вечеръ, послѣ того, какъ его сынъ вызвалъ серенадою любящую его дѣвушку, наговорился и нацѣловался съ нею досыта, голова вызываетъ на тайное свиданіе ту же самую дѣвушку, и между ними повторяется разговоръ о сватовствѣ, который составлялъ цѣль свиданія молодыхъ людей. Ганна говорила сыну, между прочимъ, вотъ что:

„Я тебя люблю, чернобровый казакъ! За то люблю, что у тебя карія очи, и какъ поглядишь ты ими – у меня какъ-будто на душѣ усмѣхается: и весело и хорошо ей; что привѣтливо моргаешь ты чернымъ усомъ своимъ; что ты идешь по улицѣ, поешь и играешь на бандурѣ, и любо слушать тебя!”

Потомъ она допрашиваетъ его: говорилъ ли онъ съ отцомъ объ условленной между ними женидѣбѣ?

Въ тотъ же вечеръ та же самая дѣвушка говоритъ отцу, въ темнотѣ, подъ деревьями:

„Ты лжешь, ты обманываешь меня; ты меня не любишь; я никогда не повѣрю, чтобы ты меня любилъ”.

Ни единымъ словомъ не предуведомилъ Гоголь своего читателя, что его красавица, исполненная дѣтской мечтательности и простодушной поэзіи, способна играть роль самой лукавой гризетки. Но голова въ роли Ловеласа еще у него интереснѣе. Видите ли, старику захотѣлось жениться на возлюбленной своего сына, какъ Филиппу Второму на невѣстѣ Донъ-Карлоса, и онъ добивается этого счастья самымъ удобнымъ для него способомъ. Недоставало ему еще одного: спѣть подъ бандуру въ сумерки:

Сонце низенько,
Вечір близенько,
Вийди до мене,
Мое серденько!

Московській „*День*” нашель по себѣ критика для *обороны* українських повѣстей Гоголя отъ моихъ указаній на его погрѣшности противъ народописанія. Можетъ быть, глядя глазами Москвичей на нашу сельскую жизнь, г. Максимовичъ оборонить и эту, какъ онъ, безъ сомнѣнія, скажетъ, „поэтическую, высоко художественную сцену”; но намъ, не разорвавшимъ живой связи съ нашимъ народомъ, жаль, что повѣсти Гоголя пустили о немъ въ русское читающѣе общество столько превратныхъ понятій. Почтенному, уважаемому уже за одну его власть поселянину могло придти въ голову – отбить у сына невѣсту, какъ и королю Филиппу Второму; но для этого онъ и обратился бы къ своимъ преимуществамъ передъ сыномъ, а вовсе не къ тому, въ чемъ ему мудрено соперничать съ молодымъ любовникомъ. Въ одной только московской газетѣ подобные соображенія не имѣютъ мѣста и вызываютъ *оборону Гоголя* отъ здравого смысла людей, которые, указывая на погрѣшности молодого таланта, высоко цѣнятъ этотъ талантъ въ его дальнѣйшемъ развитіи.

Но посмотрите, какою игрушкою представлялись Гоголю поселяне, какъ онъ поверхностно на нихъ смотрѣль, какъ мало похожи они на людей! Влюбленный парубокъ, попавъ на сцену тайного свиданія своей нѣжной голубки съ отцомъ, и не помыслель о ревности, которая, сколько мы понимаемъ свойства души человѣческой вообще и характеръ нашихъ сельскихъ любовниковъ въ особенности, должна бы быть у него господствующимъ чувствомъ на ту пору. „Невольное покачиваніе головою и легкой сквозъ зубы свистъ одни только выразили его *изумленіе*,” – вотъ первое впечатлѣніе, произведенное на молодую душу возмутительною сценою женского лукавства.

„Ай да батько!” говорилъ Левко, очнувшись отъ своего изумленія (продолжаетъ Гоголь) и глядя вслѣдъ уходившему съ ругательствомъ головѣ. „Вотъ какія за тобою водятся проказы! Славно! Постой же, старый хрѣнь, ты у меня будешь знать, какъ шататься подъ окнами молодыхъ дѣвушекъ! Будешь знать, какъ отбивать чужихъ невѣсть! Гей, хлопцы! Сюда! Сюда! Кричалъ онъ, махая рукою парубкамъ, которые снова собирались въ кучу: ступайте сюда! Я увѣщевалъ васъ идти спать, но теперъ раздумалъ и готовъ, хоть цѣлую ночь, самъ гулять съ вами. Согласны ли вы побѣсить хорошенько сегодня голову? Что онъ въ самомъ дѣлѣ задумалъ? Онъ управляетъ у насъ, какъ-будто гетьманъ какой. Мало того, что помыкаетъ, какъ своими холопьями, еще подѣзжаетъ къ дівчатамъ нашимъ. Вѣдь, я думаю, на всемъ селѣ нѣтъ смазливой дѣвки, за которою бы не волочился голова”.

Эта выписка поражаетъ насъ двойною нѣестественностью: отсутствіемъ въ любовникѣ хотя бы малѣйшаго чувства неудовольствія къ возлюбленной и полнымъ забвеніемъ съ его стороны, что голова все-таки отецъ его. Левко во

всемъ разговорѣ съ товарищами даже не назвалъ голову отцомъ. Хоть бы онъ сказалъ, что не признаетъ его больше за отца. Нѣтъ, онъ просто относится къ нему, какъ „вольный казакъ” къ головѣ и говоритъ о старческихъ его проказахъ такимъ тономъ, какъ-будто въ нихъ для сына нѣтъ ничего особенно поразительного. Какое! Онъ тутъ же сложилъ про отца водевильную пѣсенку.

„А у меня, какъ нарочно, сложилась въ умѣ славная пѣсня про голову. Пойдемте, я васъ выучу, продолжалъ Левко, ударивъ рукою по струнамъ бандуры.”

У писателя, болѣе близкого къ украинскому народу, невольно явилась бы мысль, что дѣло вѣдь идетъ объ отцѣ, и пусть ужъ Левко – самый безпутный изъ парубковъ (тогда какъ у Гоголя, напротивъ, онъ опоэтизированъ насколько это было для автора возможно); но вѣдь у тѣхъ, къ кому онъ обращался, были тоже отцы. Неужели же ни въ одной душѣ не явился упрекъ товарищу: „Левко, а всё-таки онъ тебѣ отецъ!” Ни тѣни чего-нибудь подобнаго не явилось въ умѣ живописца украинскихъ нравовъ, обороняемого г. Максимовичемъ. Его парубки съ восторгомъ приняли предложеніе Левка и хоромъ распѣвали слѣдующій во всѣхъ отношеніяхъ безобразный пасквиль, сложенный сыномъ на родного отца:

Хлопцы, слышали ли вы?
Наши ль головы не крѣпки!
У кривого головы
Вдругъ рассыпались всѣ клепки.
Набей, бондарь, голову
Ты стальными обручами!
Вспрысни, бондарь, голову
Батогами, батогами!
Голова нашъ сѣдь и кривъ,
Старъ, какъ бѣсъ, а что за дурень!
Прихотливъ и похотливъ:
Жметя къ дѣвкамъ... Дурень, дурень!
И тебѣ лѣзть къ парубкамъ!
Тебя бѣ нужно въ домовину,
По усамъ да по шеямъ!
За чуприну, за чуприну!

Когда перечитываешь теперь первые сочиненія Гоголя, и находишь въ нихъ мѣстами такое поразительное отсутствіе ума, чувства и вкуса, становится отчасти понятною излишняя строгость къ нему такихъ критиковъ, какъ Полевой. Но, точно такъ, какъ порицатели Гоголя, изъ-за его погрѣшностей противъ природы человѣческой, не видѣли достоинствъ молодой, слишкомъ неопытной его фантазіи, почитатели его, ради свѣжихъ, оригинальныхъ красотъ новаго таланта, не хотѣли видѣть поразительныхъ для насъ его недостатковъ. Таковъ почти всегда бываетъ судъ современниковъ надъ первыми произведеніями литературнаго гениа. Горячій споръ за него оканчивается обыкновенно взаимными уступками. Только умы неподвижные,

неспособные развиваться ходомъ науки и самой жизни, остаются до конца вѣрны первоначальнымъ убѣжденіямъ.

Чтобы не возмутиться поступкомъ Гоголевой героини Ганны и находить натуральнымъ спокойствіе ея любовника, заставшего ея на тайномъ свиданіи съ „неожиданнымъ соперникомъ”, надобно быть или очень, очень юнымъ, или очень ветхимъ. Пропѣвъ хоромъ свой пасквиль подъ окномъ родной хаты и пустивъ въ отцовское окно увѣсистымъ камнемъ (не извѣстно, впрочемъ, своеручно ли), Левко долго дразнить еще отца переодѣваньями, наконецъ успокоивается и засыпаетъ въ сладкихъ мечтахъ о возлюбленной, а послѣ развязки повѣсти видитъ ее спящею подъ отвореннымъ окномъ, говоритъ ей сонной чувствительной нѣжности, креститъ и радуется, что будетъ мужемъ той дѣвушки, которая въ одну и ту же ночь выходила изъ хаты на тайное свиданіе съ сыномъ и отцомъ. „Какая незлобная, какая простосердечная натура украинская!” могутъ заключить изъ всего этого изучающіе нашъ народъ по повѣстямъ Гоголя. „Въ этомъ народѣ автору *Отелло* нечего было бы дѣлать.” А между тѣмъ, пѣсни этого народа часто говорятъ объ отравкахъ и убійствахъ изъ ревности, да и уголовные преступленія въ украинскомъ простонародьи едвали не чаще всего совершаются въ безуміи ревности. Но какое дѣло обороняющимъ Гоголя критикамъ до подобныхъ фактовъ? Они рѣшились оборонять Гоголя героически...

Такимъ образомъ, мы находимъ противоестественнымъ отношенія любящего парубка къ его возлюбленной и сына къ отцу, а на этихъ-то отношеніяхъ и основана вся повѣсть. Въ предыдущей статьѣ мы говорили о натянутости у Гоголя разговоровъ между влюбленными. Въ *Майской Ночи* – то же самое, какъ это видно изъ приведенной выше реторической тирады, въ видѣ рѣчи влюбленной сельской дѣвушки. Гоголю, повидимому, такъ же трудно было придумывать рѣчи въ описаніи любовного свиданія, какъ и его Ивану Федоровичу Шпонькѣ. Тотъ заговорилъ съ барышнею о мухахъ; у Гоголя сельская красавица отъ сомнѣній въ возможности счастья, отъ душевной бесѣды съ милымъ парубкомъ, переходитъ по-дѣтски къ счету звѣздъ.

„...Да тебѣ только стоитъ, Левко, слово сказать – и все будетъ по-твоему. Я знаю это по себѣ: иной разъ не послушала бы тебя, а скажешь слово – и невольно дѣлаю, что тебѣ хочется. Посмотри, посмотри! Продолжала она, ... Посмотри: вонъ, вонъ далеко мелькнули звѣздочки: одна, другая, третья, четвертая, пятая...” и начинается дѣйствительно дѣтскій разговоръ, что дескать ни одинъ дубъ не достанетъ до неба, что Богъ спускаетъ съ неба лѣстницу передъ свѣтлымъ воскресеньемъ... До того ли имъ въ ихъ затруднительномъ положеніи? Все это похоже у Гоголя на то, что говорится въ пословицѣ: *Чувъ, що дзвонять, та не знавъ, у якій церкві*. Вся эта сцена не создана, а слѣплена изъ того, что сохранилось въ памяти автора отъ бесѣдъ съ няньками-украинками. Можетъ быть, даже и самый счетъ звѣздъ взять Гоголемъ изъ извѣстной пѣсни:

Ой ти въ хаті, я на-дворі;

Вийди, серце, злічимъ зорі.

Но въ такомъ случаѣ, онъ упустилъ изъ виду слѣдующій за этимъ стихъ, опредѣляющій смыслъ пѣсни:

Не лічила і не буду...

Сліяніе чудесного съ дѣйствительностію въ *Майской Ночи* сдѣлано Гоголемъ по образцу Гофмановыхъ повѣстей, но безъ Гофмановского искусства. Какимъ образомъ очутилась въ рукѣ уснувшего парубка записка комиссара? На этотъ вопросъ можно отвѣчать только: такъ было угодно автору. Но и самая записка, независимо отъ чудесности ея полученія, исполнена невѣроятности, которую можно объяснить только молодостію автора и его незнаніемъ, какъ стоятъ вещи украинской сельской жизни. Гоголь представляетъ комиссара неограниченнымъ деспотомъ, которого прихоть принимается, какъ абсолютный законъ, волостнымъ головою въ такомъ чисто семейномъ, неподлежащемъ полицейскому вѣдѣнію дѣлѣ, какъ женитьба сына. Стоитъ намъ прочесть эту записку, чтобы судить, до какой степени читатели и критики Гоголя вѣрили ему во всемъ, что бы онъ ни сказалъ о своей родине.

„Приказъ головѣ, Евтуху Макогоненку. Дошло до насъ, что ты, старый дуракъ, вмѣсто того, чтобы собрать прежнія недоимки и вести на селѣ порядокъ, одурѣлъ и строишь пакости; а вслѣдствіи того, приказываю тебѣ сей же часъ женить твоего сына, Левка Макогоненка, на козачкѣ изъ вашего же села, Ганнѣ Петрыченковой, а также починить мосты на столбовой дорогѣ и не давать обывательскихъ лошадей безъ моего вѣдома судовымъ панычамъ, хотя бы они ѣхали прямо изъ казенной палаты. Если же, по приездѣ моемъ, найду оное приказаніе мое неприведеннымъ въ исполненіе, то тебя одного потребую къ отвѣту. Комиссаръ, отставной поручикъ Козьма Деркачъ-Дришпановскій”.

Смѣшно, но не сообразно съ дѣйствительностію. Гоголь, вѣроятно, зналъ, что въ какомъ-нибудь тридцатомъ царствѣ приближенные къ деспоту люди не только готовы исполнить всякую прихоть своего владыки, но даже стараются предупредительно угадать ее. Иначе дѣлаются дѣла въ сельскомъ мірѣ относительно нелѣпаго вмѣшательства полицейского чиновника въ дѣла семейныя, о которыхъ онъ пишетъ на-ряду съ починкою мостовъ и выдачею обывательскихъ лошадей. Гдѣ Украина, изображенная Гоголемъ, обороняемымъ отъ насъ московскимъ „Днемъ”, мы не знаемъ. У насъ, по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, такой Украины нѣтъ, развѣ отыщеть ее, собственно для московской газеты, г. Максимовичъ...

Незнаніе нравовъ и обычаевъ украинскихъ, неуваженіе къ человѣческой личности украинского простолюдина такъ и разить на каждомъ шагу въ первыхъ повѣстяхъ Гоголя. Волостной голова, которому влетѣлъ въ окно увѣсистый камень, который былъ осрамленъ пасквилемъ и при этомъ влюбленъ въ молодую дѣвушку, – по запискѣ комиссара тотчасъ женить на этой дѣвушкѣ своего сына, буйна и соперника!

„Ну, да для именитого гостя... завтра васъ поп и обвѣнчаетъ. Чертъ съ вами! Пусть комиссаръ увидить, что значить исправность!”

Если бы животные имѣли даръ слова, можетъ быть, они въ подобныхъ случаяхъ такъ и говорили бы; не люди, да еще украинцы, да еще казаки, въ лицѣ почетнѣйшего между ними, могутъ говорить этакъ только на страницахъ украинскихъ повѣстей, написанныхъ для такихъ читателей и судей, какимъ являются, спустя тридцать лѣтъ, г. Максимовичъ. *Чертъ съ вами!* Это напутственное благословеніе отца, сказанное сыну, въ присутствіи писаря и другихъ членовъ сельской громады! Подавленный, деморализованный рабствомъ индійскій парій, и тотъ иначе выражается въ подобныхъ случаяхъ. Волостной голова въ Украинѣ слишкомъ далекъ отъ Гоголева типа, въ какой бы зависимости ни находился отъ полицейского своего начальника.

И какой легковѣрный этотъ голова! Вечеромъ, въ потемкахъ, столкнулся, въ ролѣ Дон-Жуана, съ сыномъ, а черезъ часъ, много черезъ два (судя по ходу повѣсти), вѣрить словамъ сына, что будто бы онъ „отлучался вчера вечера еще въ городъ и встрѣтилъ комиссара”. Но такихъ несообразностей, обнаруживающихъ авторскую небрежность къ сущности искусства, много у Гоголя въ первыхъ его повѣстяхъ. Ему, наприимѣръ, нужно, чтобы голова и двое спутниковъ его столкнулись въ потемкахъ лбами съ писаремъ и двумя его провожатыми, но тутъ же онъ говоритъ, что писарь былъ въ жилетѣ цвѣта винныхъ дрожжей. Ему нужно женить Левка черезъ нѣсколько часовъ по полученіи комиссарской записки, – свадьба къ услугамъ читателя. Не говоря ужъ о томъ, что дѣло происходило въ маѣ, когда женятся только паны, живущіе готовымъ хлѣбомъ; не говоря о пренебреженіи къ обряду сватовства, дѣвичь-вечера, приготовления Корова, безъ котораго сельская свадьба немыслима, хоть бы о томъ подумалъ авторъ, что и въ самомъ богатомъ домѣ необходимы разные приготовления къ приему свадебныхъ гостей. Все это соображеніе ненужные для живописца украинскихъ поселянъ, по мнѣнію устарѣвшей, ветхой, отупѣлой критики. Невольно вспомнимъ карикатуру Квитки: „Ему кажешь: блакитна, а вінъ товче: *сіня-ста*. Ему кажешь: не годиться, а вінъ чухається та каже: *Пічаво-ста: для Хохловъ и такой Богъ брядль*”.

Но у Гоголя нелѣпости въ изображеніи нравовъ, обычаевъ и характеровъ украинскихъ выкупаются по крайней мѣрѣ прекрасными описаніями природы и комическою стороною явленій жизни, представленныхъ у него болѣе или менѣе въ карикатурномъ видѣ. Чѣмъ же выкупить себя оборона его украинскихъ повѣстей отъ критики, которая ищетъ въ нихъ истинности изображеній, вдохновенія отъ глубоко-почувствованной жизни и наконецъ пользы, какая необходимо должна для насъ проистекать отъ уразумѣнія извѣстной сферы явленій при посредствѣ поэтического ясновидѣнія?

Кулишъ П. Обзоръ украинской словесности. Гоголь, какъ авторъ повѣстей изъ украинской жизни. Статья четвертая // Основа. – 1861. – № 11-12. – С. 1–11.

О повѣсти г. Кузьменка.

Есть таланты, ненуждающіеся въ пособіи критики, для того, чтобъ быть оцѣненными по достоинству. Широкій взмахъ крыльевъ генія самъ за себя говоритъ каждому слишкомъ убѣдительно. Самые нападки тупыхъ, привязчивыхъ судей искусства еще больше возвышаютъ его достоинство въ глазахъ общества, которое чувствуетъ душою живую силу, исходящую изъ души поэта. Но не всѣ начинаютъ одинаково; не всѣ на первый разъ производятъ созданія, отъ которыхъ сіяетъ сверхъ естественнымъ свѣтомъ. Тяжкія обстоятельства жизни, густой мракъ, обрушающій юношескіе годы талантливаго писателя, внѣшній гнетъ, душевное уныніе, недостаточность научной образованности – все это вмѣстѣ можетъ парализовать иногда самыя прекрасныя способности ума и сердца, можетъ сдѣлать то, что человѣкъ, призванный къ высшей общѣственной дѣятельности, навсегда останется въ низменномъ кругу поденщиковъ, едва зарабатывающихъ насущный хлѣбъ, едва заслуживающихъ вниманія со стороны дѣятелей мысли и слова. Къ такимъ талантамъ принадлежитъ, по своимъ тяжкимъ житейскимъ обстоятельствамъ, г. Кузьменко. Мы не имѣемъ права раскрывать ихъ передъ обществомъ въ подробности, но скажемъ, что они едва не подавили окончательно его благородной природы, отличенной искрой таланта истиннаго, самобытнаго. Первыя его стихотворенія, напечатанныя мною въ Хатѣ, были таковы, что я не могъ ихъ представить читающему обществу иначе, какъ съ охранительнымъ предувѣдомленіемъ. Это были цвѣтки, испускающіе едва замѣтное благоуханіе посреди безвонныхъ злаковъ и посреди растений, поражающихъ обоняніе сильно, но неприятно. Надобно было освѣжить вокругъ нихъ воздухъ, чтобы люди, непривыкшіе узнавать подобныя вещи сразу, дали имъ какую-нибудь цѣну. И дѣйствительно, нѣкоторые изъ читателей дали имъ цѣну высокую, – не потому, чтобы эти стихотворенія были сильно проникнуты поэзіею сердца, но потому, что въ нихъ слышался какой-то трогательный напѣвъ, какой-то тихій, очень тихій и робкій, но задушевный голосъ. Казалось, что авторъ ихъ поетъ въ присутствіи какой-то грубой, тупой силы и боится, чтобъ его пѣсня не разбудила этой силы отъ ея сна животнаго, а между-тѣмъ желаетъ подѣлиться своими чувствами съ подобными себѣ несчастливцами, въ услажденіе, какъ своего собственнаго, такъ и ихъ горя. Но, несмотря на выгодное впечатлѣніе, произведенное этими стихотвореніями на нѣкоторыхъ изъ моихъ собесѣдниковъ, ни я, ни они не чаяли въ г. Кузьменкѣ автора замѣчательнаго, не пророчили ему свѣтлой литературной будущности. Мы слишкомъ хорошо знали тяжесть его житейскаго положенія и мертвящее дѣйствіе окружающей его среды. Участіе къ нему, какъ къ человѣку, заостряло нашу чувствительность къ его поэзіи, и мы давали ей, казалось намъ, больше цѣны, чѣмъ бы, можетъ быть, слѣдовало. Но прошло около двухъ лѣтъ, и изъ Кузьменка появилось въ Основѣ между пишущими прозою, Возвратясь въ

Россію послѣ продолжительнаго отсутствія и персчитывая изданныя безъ меня книжки Основы, я съ грустью встрѣтилъ это имя: я не ожидалъ, никакъ не ожидалъ, чтобы г. Кузьменко, при тѣхъ данныхъ, какія мнѣ были извѣсты о немъ, могъ произвести что-нибудь, способное занять меня, какъ простаго читателя. Но я ошибся самымъ пріятнымъ образомъ. Повѣсть его, носящая заглавіе: Не такъ ждалося, да такъ склалось, поразила меня изящною простотою языка и необыкновеннымъ тактомъ изложенія. Я съ радостью увидѣлъ что имѣю дѣло съ талантомъ, который, подобно живому ручью, проклядываетъ себѣ дорогу черезъ засоренныя всякимъ соромъ мѣста и вноситъ свѣжесть и жизнь всюду, гдѣ безъ него были только тлѣнь и заустѣніе. Тихо, тихо журчитъ этотъ ручеекъ, тихо льется по кореньямъ въ густой тѣни, но съ перваго взгляда видно, что онъ течетъ въ, великое море мысли, примыкая къ болѣе могучимъ и свѣтлымъ потокамъ. Говоря просто, я былъ нетолько занятъ, увлечень, но даже тронуть простымъ и скромнымъ, до убожества скромнымъ, рассказомъ г. Кузьменка. Выведенные имъ на сцену характеры развиваются и дѣйствуютъ какъ-будто мимо вѣдома автора. Онъ пишетъ такъ, какъ-будто въ его повѣсти вовсе не участвуетъ художническое соображеніе, какъ-будто она вовсе не вымыслена, – и въ этомъ именно заключается ея главное достоинство. Часто подходитъ онъ къ такимъ мѣстамъ въ своемъ рассказѣ, которыя для писателей, менѣе чуткихъ къ искусству, составляютъ камень претыканія на пути, и всегда минуетъ ихъ съ умѣньемъ, внушаемымъ однимъ художническимъ инстинктомъ. Съ трепетомъ слѣдилъ я за его повѣстью, до конца опасаясь, чтобъ онъ не впалъ въ обычную у насъ болтливость, уничтожающую все удовольствіе, какое чувствуешь отъ прикосновенія къ другому уму, къ другому сердцу, – нѣтъ! онъ до послѣдней черты остался вѣренъ тому целомудрію фантазіи, которая отличаетъ всѣ истинные таланты. Въ повѣсти его кое-чего (впрочемъ весьма немногаго) недостаетъ, но нѣтъ ничего лишняго. Ничего лишняго – эти слова можно сказать о весьма-весьма немногихъ литературныхъ произведеніяхъ вообще, и въ особенности о произведеніяхъ нашей украинской словесности. Этими словами мы выражаемъ г. Кузьменку величайшую похвалу, какую считаемъ себя вправѣ, покамѣсть, высказать ему передъ читающимъ обществомъ. Если г. Кузьменко не напишетъ ничего больше, то повѣсть его останется всегда на примѣте у знатоковъ нашей молодой литературы. Если онъ не напишетъ, ничего плоше, то займетъ очень видное мѣсто въ ряду нашихъ, писателей. Но если онъ напишетъ хоть одну вещь, настолько выше своей повѣсти, насколько она выше всѣхъ его стихотвореній, то мы станемъ указывать на него, какъ на писателя образцоваго.

Куліш П. О повести Кузьменка // Основа. – 1861. – № 9. – С. 139–141.

ЗМІСТ

Пантелеймон Куліш: етнограф, фольклорист, літературний критик.....	3
Объ отношении малороссійской словесности къ обще-русской. Эпилогъ къ „Черной Раде”.....	23
Взглядъ на малороссійскую словесность, по случаю выхода въ светъ книги: „Народні оповідання Марка Вовчка”.....	37
Григорій Квітка и ёго повісті.....	43
Слово от издателя (Народні оповідання Марка Вовчка).....	56
Одъ издателя.....	58
Одъ издателя.....	60
Слово одъ издателя.....	60
Характеръ и задача украинской критики.....	62
Обзоръ украинской словесности. I. Климентій.....	67
Обзоръ украинской словесности. II. Котляревський.....	136
Обзоръ украинской словесности. III. Артемівський-Гулакъ.....	159
Обзоръ украинской словесности. Гоголь, какъ авторъ повестей изъ украинской жизни. <i>Статья первая</i>	190
Обзоръ украинской словесности. Гоголь, какъ авторъ повестей изъ украинской жизни. <i>Статья вторая</i>	208
Обзоръ украинской словесности. Гоголь, какъ авторъ повестей изъ украинской жизни. <i>Статья третья</i>	232
Обзоръ украинской словесности. Гоголь, какъ авторъ повестей изъ украинской жизни. <i>Статья четверта</i>	241
О повѣсти г. Кузьменко.....	249